САГА О БЛАГОРОДНОМ ВАРВАРЕ

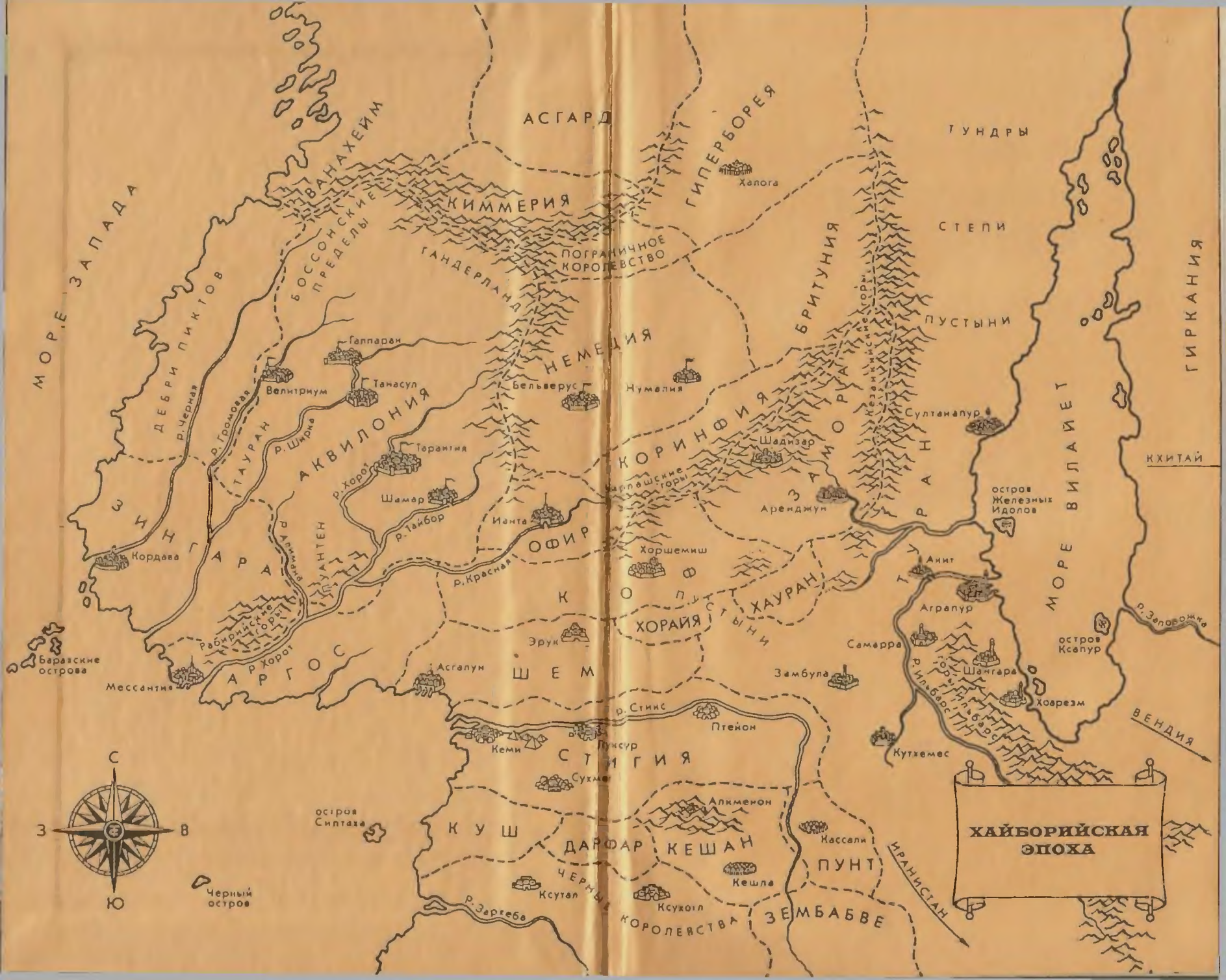
КОНАН

ГЛАЗ ЭРЛИКА

Эндрю Оффут

Блеск клинков подобен удару молний

ХАЙБОРИЙСКАЯ ЭПОХА
МОРЕ ЗАПАДА
ВАНАХЕЙМ
АСГАРД
ГИПЕРБОРЕЯ
ТУНДРЫ
СТЕПИ
ПУСТЫНИ
ГИРКАНИЯ
КИММЕРИЯ
ПОГРАНИЧНОЕ КОРОЛЕВСТВО
ГАНДЕРЛАНД
БОССОНСКИЕ ПРЕДЕЛЫ
ДЕБРИ ПИКТОВ
ЗИНГАРА
ТАУРАН
АКВИЛОНИЯ
НЕМЕДИЯ
БРИТУНИЯ
ЗАМОРА
КОРИНФИЯ
ОФИР
ХОРАЙЯ
ШЕМ
АРГОС
КОФ
ХАУРАН
СТИГИЯ
КУШ
ДАРФАР
КЕШАН
ПУНТ
ЗЕМБАБВЕ
ЧЕРНЫЕ КОРОЛЕВСТВА
ИРАНИСТАН
ВЕНДИЯ
КХИТАЙ
МОРЕ ВИЛАЙЕТ
Халога
Велитриум
Гаппаран
Танасул
Бельверус
Нумелия
Султанапур
Шадизар
Аренджун
остров Железных Идолов
Торантия
Шамар
Ианта
Хоршемиш
Анит
Аграпур
Самарра
Замбула
Шангара
Хорезм
Кутхемес
остров Ксапур
Кордава
Мессантия
Баракские острова
Асгалун
Эрук
Кеми
Пунсур
Птейон
Сухмет
Аликменон
Кассали
Кешла
Ксутал
Ксухотл
остров Сиптаха
Черный остров
р. Черная
р. Громовая
р. Ширка
р. Хорот
р. Таибор
р. Красная
р. Алимана
р. Стикс
р. Заповорка
р. Ильбарс
р. Заркеба
горы Рабирийские
горы Шангарские
горы Харлашские
С
З
В
Ю

Ни один победитель не верит в случайность.

Ф. НИЦШЕ

САГА О БЛАГОРОДНОМ ВАРВАРЕ

КОНАН

ГЛАЗ ЭРЛИКА

Эндрю Дж.
Оффут

Санкт-Петербург
Издательство "АЗБУКА"
Книжный клуб "ТЕРРА"
1997

ББК 84.7 США
О 91

Оффут Эндрю Дж.
О 91 Глаз Эрлика: Сборник /Пер. с англ. — СПб.: Азбука—Терра, 1997. — 448 с.
ISBN 5-7684-0222-5

Душа Конана становится пленницей колдовского зеркала. Отважному киммерийцу придется совершить много подвигов, прежде чем он вернет себе душу и завладеет могущественным талисманом — Глазом Эрлика.

ISBN 5-7684-0222-5

© 1996 «Азбука» — «Терра»

Глаз Эрлика

роман

Глава 1
ЗЛОУМЫШЛЕННИКИ

Воры Востока по ночам пировали в одном местечке, которое называли Болотом... В Аренджуне, после Шадизара крупнейшем городе Заморы, пламя почти везде изысканно мерцало над красивыми светильниками, заправленными душистым маслом.

В городе воров народ везде говорил тихо, а менее грязные переулки были ненамного безопаснее. Пляшущий золотистый свет изящных масляных светильников заставлял вспыхивать огнем самоцветы, мерцающие на пальцах равнодушных вельмож с высокомерно задранными подбородками. Он же мягко поблескивал на жемчугах, нашитых на туниках купцов, стремящихся проникнуть в ряды знати. В огнях светильников искрились зеленым изумруды на толстой шее жены какого-нибудь аристократа и кроваво-красным поблескивали рубины и гранаты на наряде ее усмехающейся дочери. Движения откормленных тел сопровождались шорохом дорогого шелка.

А в подвалах с замасленными балками наводненного ворами Болота собирались плуты.

Здесь были чем-то похожие на хорьков умельцы срезать чужие кошельки, похитители в плащах с капюшонами, надвинутыми на самые глаза, и всегда настороженные воры-карманники. Заносчивые наемные убийцы прогуливались с важным видом по улочкам вместе со шлюхами. У последних самыми лучшими украшениями служили агаты с голубыми прожилками или плохо ограненные кусочки розового кварца со сверкающими осколками слюды и стекла. Одна грудастая немедийка, находившаяся в обществе лысеющего наемника из Кофа — на данный

момент безработного, — носила сверкающий кусок авантюрина, закрывавшего ей палец от костяшки до среднего сочленения. Камни эти происходили, предположительно, из Атлантиды.

Из темной мрачной пасти переулка донесся чей-то стон. На него никто не обратил внимания, или так во всяком случае казалось. Днем было бы видно, кто стонет — умирающий или грабитель, устроивший западню доверчивому рыцарю.

Сегодня ночью один обитатель этого темного скопища грязных переулков и ветшающих, выщербленных стен куда-то пропал, и о нем спрашивали не в одной норе, служившей логовом босякам. Сегодня ночью он шиковал в городе, так как три последних его предприятия увенчались успехом.

Серьги из рубинов и лунного камня, стянутые через открытое окно с табурета спящей хозяйки... Продав их, он приобрел хороший кинжал в полтора фута длиной, с ножнами, украшенными гранатами, и оплатил свои долги, два раза нырнув в выгребную яму, именуемую Болотом. Пока супруга советника лежала не далее чем в десяти шагах в алькове с молодым любовником, ее изящный, обшитый жемчугом воротник вместе с кубком из чистого золота (с легкой примесью олова, как указал барыга) увлекла в окно бронзовая рука, бывшая куда как крупнее рук большинства взломщиков. Эти предметы принесли ловкому, ступающему по-кошачьи бесшумно вору хороший плащ, украшенный золотым шитьем. Хотя довольно скудно украшенный — что верно, то верно. И еще на эти деньги он купил шелковую тунику, голубизна которой отражала довольно мрачный блеск его глаз, и ему заново открыли кредит в кабаке, где подавали пиво и разбавленное мутное вино. Ворот и плотно обтягивающие могучие бицепсы рукава вора обвивали две узкие полосы расшитой золотом ткани.

Странно, но его третье успешное предприятие оказалось поручением, выполнив которое, он совершил доброе дело. За похищение пары неосторожно подаренных изумрудных запонок и одного неосмотрительного письма и возвраще-

ние их дарителю он получил не меньше трех золотых и семнадцати сребреников. Надо признать, странное число. Ему предложили два плюс десять, он потребовал пять плюс двадцать пять и сошелся с нанимателем на средней сумме. Это последнее предприятие принесло достаточно денег, чтобы заставить юнца подумать, а не заняться ли ему честным трудом. Их также хватило, чтобы провести ночь вне Болота. В хорошем плаще и шелковой тунике он неспешно прогуливался по престижному району города...

Теперь этот плащ был старательно свернут и уложен на табурет, на котором восседал вор. Перед ним стоял маленький столик. Чувствуя себя немного не в своей тарелке, он тем не менее решил провести ночь среди богатых и знатных — ведь и они не всегда были такими. Вор приметил одну привлекательную молодую женщину и ухаживал за ней, проявляя больше отваги, чем опыта. Она и впрямь была молода, в девятнадцать-то лет, — и все же постарше вора, несмотря на массивность его фигуры. Меч юноши вызвал у девушки вопросы.

— Телохранитель, — ответил он. — Мой господин скоро прибудет.

И никто не запретил ему носить меч, даже здесь, в «Шадиз-сарае», куда захаживали только способные похвастаться знатным происхождением или знатным состоянием.

— Там, в Симрии, мужчины вырастают, безусловно, здоровые, — оценивающе заметила привлекательная молодая женщина.

— В Киммерии, — поправил он.

Вор наклонился к смазливому личику своей собеседницы. Он сидел, навалившись на низкий круглый столик, окруженный непризнанной знатью. Когда вор кивнул, его голубые глаза сверкнули, словно сапфиры.

— Когда мне было всего пятнадцать... Давным-давно, — поспешно уточнил он, — я был шести футов ростом и весил на двадцать фунтов меньше двухсот. Тогда я участвовал в походе орды обезумевших от крови северян. Наша орда захлестнула надменный аванпост Аквилонии Венариум. Мы поставили на место этих аквилонцев — огнем и мечом!

«Ах, значит, давным-давно, — подумала она. — *А если тебе уже стукнуло восемнадцать, то мне восемьдесят!»*

Эта девушка знала мужчин и равнодушно взирала на вора с высоты этого своего знания, хотя ей было только девятнадцать лет. Женщиной она стала уже в четырнадцать, а когда ей исполнилось шестнадцать, толстый купец восьмидесяти четырех лет забрал ее с улицы. С тех пор ее крашеные медные волосы чуть выцвели, а позолоченный медный лиф чуточку съехал вниз. Но, по крайней мере, ее нынешний любовник был молодым, перспективным и еще не утратил своих мужских достоинств. Очень жаль, что скоро он сам сюда заявится. Юный великан, восседавший перед ней, — горец с прямоугольно подстриженной черной гривой над широким лбом и горящими глазами, похожими на свисающие с ее ушей агаты с голубыми прожилками, — он-то был и того моложе, и выглядел так мужественно.

«Плечи-то величиной с мои бедра, только бугрятся мускулами!»

Но тем не менее он мальчишка, причем неопытный, не знающий города, и лжец. Наверняка вор, подумала знающая улицы женщина. Ибо как же еще в городе воров иностранец с таким акцентом мог приобрести серебро, которым он расплачивался с хозяином трактира?

Ну... пока не пришел ее Кагул, этот юнец с Севера купил ей хорошее вино. К тому же вид у него был очень мужественный... Хотя такие вещи остались в прошлом и были теперь ниже ее достоинства... Килия никак не могла придумать, как бы разлучить этого паренька с его монетами... В душе ее шла тяжелая борьба.

— Пятнадцать! Ах, Конан! Я никогда не уверена, серьезно ты говоришь или просто пытаешься вскружить бедной девушке голову своими страшными сказками!

Вор моргнул, и палачи в застенке у пьяницы царя могли бы утонуть в голубой невинности его глаз.

— Я не вру, Килия.

Юность их проходила одинаково.

— Да? — Девушка пристально посмотрела на юношу округлившимися поблескивающими карими глазами, до-

ставшимися ей в наследство от предков-атлантов, смешавшихся с покоренными ими народами. — Никогда?

— Почти никогда, — ответил он, и они дружно рассмеялись. Конан придвинул табурет поближе к ней. А под столом его рука гуляла по ее бедру во всех направлениях.

Килия сглотнула.

— А чем же ты все-таки занимаешься, Конан, рослый ты горец? О, как, по-твоему, нельзя ли нам еще капельку? Мою чашу кто-то осушил до дна! — И она показала ему пустой кубок.

Не сводя с девушки глаз, вор махнул рукой. Он видел, как такой знак делал один богатый торговец, там, в центре помещения, где он сидел с каким-то скользким на вид типом и тремя женщинами, одна из которых выглядела такой страшной, что должна была быть женой этого купца.

— Еще вина сюда, и не того дешевого газанского виноградного сока! — громко произнес киммериец, не отрывая взгляда от спутницы. И, понизив голос, сказал девушке: — Я... телохранитель у одного богатого господина. Как видишь, он очень щедр.

— О да. Но... ты хочешь сказать, что ты действительно умеешь *пользоваться* этим древним мечом?

— Эфесом. — Он согнул левый локоть, потрепав меч, висевший на том же бедре, клинок длиной в ярд в ножнах из потертой узловатой кожи. — Да, — уведомил он ее. — Я умею им пользоваться, Килия. Умею. Его клинок не раз был окрашен почти в такой же цвет, как и эти гранаты у тебя между грудей.

— Рубины, — поправила она.

Он лишь улыбнулся. Знающей улыбкой, так как камешки-то были гранатами, и она знала, что юноша это знал. Как же, телохранитель! Этот огромный юнец с загорелым лицом наверняка был вором. Ее бедро вспотело под его ладонью, и она ничего не имела против.

— Конан...

— Да.

Килия все еще пыталась принять хоть какое-то решение.

— Сюда каждый вечер заходят воины из городской стражи. Я думаю, нам не следует быть здесь, когда они зайдут, — а?

Лицо юноши превратилось в маску детской невинности, и одновременно он махнул огромной бронзовой рукой.

— Почему бы и не быть? Разве мы не солидные граждане честного Аренджуна?

— Одни из нас не из таких, — отозвалась Килия.

Конан, казалось, удивился ее словам и наклонился вперед.

— Килия! Какая мрачная страшная тайна? Ведь это не ты в ответе за падение той большой старой Слоновьей Башни?

— Я думаю, моя тайна состоит в том, что я пью вино и меня гладит по бедру голубоглазый, широкоплечий, опоясанный мечом симрийский... вор.

— Киммерийский, — спокойно поправил он. А затем добавил: — Я? Вор? Здесь? Хо-хо, дорогая моя... Воры прячутся в Болоте и шныряют там, как шакалы.

— Мне думается, — начала она, — что некоторые из них...

— *Килия!* Что моя девушка делает, сидя с этим *мальчишкой?* Эй, ублюдок, где твоя другая рука?

Не убирая из-под низкого столика руки, Конан оглянулся через плечо. В таверне наступила тишина. Даже в этом районе Аренджуна все в трактире умолкали, когда в зал входили пять воинов городской стражи и их предводитель грубо обращался к кому-нибудь из посетителей. А этот юный меченосец выглядел достаточно рослым, чтобы бороться с гиперборейскими медведями.

Киммериец хранил молчание. Он лишь сверлил взглядом мужчину в кирасе и шлеме с поднимающейся над ножнами меча щегольской рукоятью в виде драконьей головы. Черные усы стражника надменно топорщились под длинным носом. Конан сознавал, где находится. Он был не в Болоте, а в «Шадиз-сарае». И еще... он находился в обществе искушенной дамы, лишь притворявшейся невинной овечкой. Конан не собирался бежать. Он сидел не двигаясь, выжидая, сверля взглядом воина, шедшего к нему через зал. Все разговоры прекратились; все взгляды следили за продвижением заморийского сержанта среди табуретов и столиков или же были прикованы к рослому юноше, к которому он приближался.

Килия отодвинула ногу; рука Конана безошибочно последовала за ней. Богом юного вора был Кром, а всякий, кто знал хотя бы одного киммерийца, знал, что Кром наверняка являлся и богом упрямства.

Высокий, поджарый, гибкий стражник с отметиной от меча на щеке остановился, высясь над вором в голубой тунике с расшитой золотом каймой.

— Я в отличие от тебя не ору через весь зал, — спокойно отозвался Конан. — Так уж меня воспитали... Я не мальчишка, и всем нам отлично известно, где моя рука. Я б пригласил тебя выпить с нами кубок, но мы как раз собирались уходить.

— Ты уйдешь один вместе со своим варварским акцентом, и по-быстрому! И если не хочешь уйти без обеих рук, держи их на виду.

Поскольку киммериец не был воспитан лицемерной цивилизацией, он не потрудился изобразить испуг. Его глаза внезапно потеряли всякое сходство с сапфирами или с красивыми голубыми агатами. Они запылали, словно невозможная смесь льда и вулканического жара.

— Я не нарушаю никаких законов. Тебя нанимали не для того, чтоб ты задирал честных граждан.

— Я уже сменился с дежурства, парень. И сейчас я — рассерженный мужчина, стоящий перед мальчишкой, положившим лапу на ногу *моей* женщины.

Богатые и знатные посетители сидели совершенно неподвижно и не сводили глаз с рассерженных мужчин. Такому столкновению было совсем не место в этом трактире. Коринфийский торговец шелком и бархатом в расшитом цветочным узором халате оглянулся, словно прикидывал расстояние до дверей. Но в дверях стояли четверо стражников, следивших за своим сержантом.

— Конан...

Услышав голос Килии, Конан снова повернулся лицом к ней и предложил:

— Скажи этому грубияну, что...

Он оборвал фразу, почувствовав руку воина у себя на плече. Инстинктивно определив местоположение большого пальца, Конан понял, что рука эта левая.

И понял также, что делает в этот момент правая. Он услышал шорох металла по коже. Этот грубиян обнажил меч!

Конан выпустил ногу Килии, одновременно разворачиваясь на табурете. Его сложенный плащ легко скользил, и юноша крутанулся на заднице, одновременно выбрасывая ноги вперед и вверх. Они врезались в левую ногу стражника как раз над ремнем наголенника. В этом коротком размахе оказалось больше силы, чем посчитал заморием, и больше силы, чем он мог выдержать. Воин со стоном повалился на пол.

Какая-то женщина завизжала.

Столешница одного из столов съехала и загремела на козлах, когда кто-то чересчур поспешно вскочил. Кто-то прошептал имя священного святого Митры. А Конан тем временем продолжал разворачиваться. Его обутая в сандалию нога с силой онустилась на бедро упавшего стражника. Тот снова застонал.

— Кагул! — воскликнула Килия, вскакивая с места. — А ты, глупый варвар, — *мальчишка*! Ты ранил Кагула!

Она бросилась к упавшему сержанту и опустилась около него на колени. Он так и не выхватил меч до конца. Теперь же он вместо меча схватился за бедро. Конан моргнул и уставился на молодую женщину, за которой ухаживал с помощью вина, жарких взглядов и хвастовства. Но ему казалось, что...

Его лицо вытянулось. Тут девушка резко подняла голову, устремляясь взглядом куда-то мимо него, и тогда Конан метнулся вбок. И потому меч, направляемый рукой одного из воинов Кагула, рубанул по столешнице, а не по плечу киммерийца. Чаши с вином и засахаренными фруктами полетели во все стороны. Вокруг заголосили. Если бы не почти невероятная быстрота, с которой горец метнулся в сторону, этот меч отхватил бы ему большую часть плеча.

Удивленный стражник ухватился за рукоять обеими руками, собираясь высвободить клинок из дубовой доски. У него были все основания считать, что его намеченная жертва удивлена больше его. Он ошибся.

Бронзовый кулак обрушился, словно кувалда. Этот удар сломал заморийцу предплечье, причинив такую боль, что он проглотил вопль вместе с языком и потерял сознание прежде, чем рухнул на пол.

— Взять его! — закричал другой из воинов Кагула.

Посетители повскакивали с мест, прилагая серьезные и старательные усилия оказаться где угодно, только подальше отсюда. Один житель Востока, в халате, во все глаза следил за происходящим. А коринфийский купец покинул трактир с такой быстротой, что его слуге пришлось бежать, чтобы догнать его.

— Проклятый варвар, — крякнул какой-то отставной генерал. — Взять его!

— Взять его! — прорычал Кагул, поднимаясь с помощью Килии.

Однако Килия завопила иное:

— Убить его!

Этот последний вопль решил дело. Грубых стражников и вероломных горожанок, проявлявших больше кровожадности, чем женщины ванов, оказалось более чем достаточно. Иллюзии юного горца развеялись. Его короткий флирт со знатными и богатыми дамами Аренджуна закончился. Лучше б он ухаживал вон за той увешанной рубинами дочерью вельможи, которая теперь забыла про свою презрительную улыбку и горящими глазами следила за происходящим.

Конан метнулся вправо, прочь от двух сваленных им стражников, и развернулся на ходу. Когда он завершил оборот, его длинные ножны из шагреневой кожи опустели. Кулак его заполнила рукоять, а перед ним сверкал трехфутовый клинок.

Вперед выступил третий стражник и попытался заколоть Конана. Ну, допустим, паренек этот был рослым, но он ничего не смыслил в фехтовании. Стражникам нужно было лишь держаться повысокомернее; карманники и воришки имели обыкновение удирать, а не давать бой людям в мундирах с хорошими мечами на боку.

Конан тоже не стремился дать бой. Он увернулся с той же гибкостью и быстротой, какую проявил раньше. И, по-прежнему пригнувшись, вор сделал шаг к нападавшему.

Нагнувшись вперед, он описал над головой полукруг собственным мечом. Его кулак задел макушку черногривой головы, и клинок ударил плашмя.

Хлынула кровь, и раздался крик ужаса и боли. Воин показал свою неопытность, выронив собственный меч и повернувшись к киммерийцу спиной. Он зашатался, прижав ладони к изуродованному лицу. Конан толкнул этого малого в спину. Существенный боевой опыт киммерийца научил его не тратить сил на человека, уже вышедшего из боя. Этот высокомерный стражник больше в драку не полезет.

Конан поразился, услышав среди заполнивших «Шадиз-сарай» воплей ярости и ужаса поощряющий крик. Похоже, кто-то здесь научился не любить блюстителей порядка — не тот ли темноволосый носатый в халате? Отставной генерал, прижав руку к брюху, ревел, выражая желание получить меч и отлично зная, что ему его не дадут. Мужчина помоложе, солдат, хотя и без формы и оружия, глядел, сузив глаза. Он попятился. Рослый горец только что отлично продемонстрировал свою ловкость и существенный опыт...

Кагул уже поднялся и выглядел угрожающе. В одной руке у него был меч, в другой — кинжал.

Конан оказался лицом к лицу с тремя вооруженными воинами, надвигавшимися на него на порядочном расстоянии друг от друга.

Теперь, когда его прижали к стене, он обрел полнейшее спокойствие.

— Назад, — рыкнул он по-звериному. — Если ты ценишь жизнь этих щенков, Кагул, лучше отзови их. Весь свой опыт вы приобрели, угрожая лавочникам, запугивая мелких воришек да пытая блудниц, чтоб заставить их заговорить. А я не один месяц провел в цепях, когда мне было всего шестнадцать. Я не раз обагрил этот меч кровью в бою — понятно? В бою. И я не потерплю, чтобы эти псы тронули меня хоть пальцем.

Троица остановилась. «Щенки» Кагула нервно поглядывали на своего вождя. Тот твердо сжал губы и повернулся к Конану правым боком.

— Взять его, — снова повторил он ровным непреклонным тоном. — И не обязательно живым.

Конан пригнулся, словно изготовившаяся к прыжку пантера.

— Лучше бросайтесь все сразу, — тихо посоветовал он. — Первый приблизившийся ко мне умрет. — А затем повысил голос. — К Белу! — проревел киммериец, вспоминая голос, приветствовавший его расправу со стражником. — К Белу!

А затем, твердо сжав губы, прыгнул, рубанув стражника по лицу. Замориец попятился и споткнулся о столик. Какая-то женщина завизжала, а юная аристократка, вся в рубинах, уставилась на происходящее глазами, сделавшимися не менее яркими, чем у птиц. Ее грудь бурно поднималась и опускалась, а кончик языка высунулся увлажнить подкрашенные розовым губы.

Слева на увертливого противника насел Кагул, нанося колющий удар снизу. На отмахе клинок Конана встретился с его мечом с громким лязгом. Кагул еле-еле сумел парировать быстрый рубящий удар киммерийца. Горец орудовал своим клинком так, словно тот был из бумаги, а не из тяжелого старого железа. Он отступил на шаг, стрельнув глазами влево, готовый встретить третьего стражника. Вот тут-то и раздался новый голос, наверняка вызванный громким призывом Конана к Белу, богу-покровителю воров.

— Лучше пробирайся к окну, горец! Я слышу снаружи топот других блюстителей порядка.

Находящийся справа от Кагула стражник круто обернулся разобраться с сочувствующим нарушителю закона. Но он успел заметить лишь тень иранистанца в полосатой рубашке и кожаном жилете; а затем синебородый приезжий с далекого Востока вонзил в живот заморийцу трехфутовый ильбарсийский нож.

Только такую помощь он и оказал Конану, но наверняка вполне достаточную. В конце концов, этот незнакомец устранил одного врага и предупредил о подкреплении. Через несколько секунд он перемахнул через табурет, проскочил мимо пятящегося знатного заморийца и выскочил в открытые двери трактира.

Конан остался один лицом к лицу с двумя противниками.

Он не стал дожидаться их нападения.

Внимательный киммериец уже заметил окно, выходящее в переулок. Он рванул с места, ткнув мечом вперед, нанося скользящий удар, от которого Кагул предпочел увернуться. Варвар пронесся мимо него к противоположной стене не останавливаясь, швырнул меч в окно и последовал за ним, нырнув головой вперед.

Снаружи клинок с лязгом отскочил от стены, находившейся менее чем в шести футах от окна, и заскользил по земле, в то время как Конан, согнувшись, ударился об утрамбованную землю переулка и покатился. Он остановился у противоположной стены и распрямился без единого стона.

Его движения были обдуманными, методичными. Край его туники порвался. Поднявшись, Конан подобрал левой рукой меч. Одновременно он переместил длинный клинок вправо. Тот скользнул в ножны, прежде чем северянин полностью распрямился. Конан не оглядывался. Он задрал голову и осмотрел стену трактира: скат крыши, карниз, образованный продолжением карнизов верхних окон. За эти несколько секунд Кагул и стражник еще не успели добраться до окна. А пятеро подошедших стражников еще не добрались до главного входа в трактир.

Отшвырнув стражника в сторону благодаря инерции и неплохо откормленной туше, отставной генерал добрался до окна. И лишь мельком увидел трепыхание порванного края туники, когда беглец завернул за угол трактира.

— На выход и в обход! Он убежал в глухой переулок. На запад!

— Я бы выскочил в окно и догонял его, господин Стахир, — сказал Кагул. — Но вы загораживаете окно.

Старший по званию и по возрасту Стахир повернулся к сержанту стражи. Глаза впились в сержанта и внезапно стали кусочками льда на грязном лице с фиолетовыми прожилками.

— Наслаждайся звуками своего голоса, мелюзга, — процедил сквозь зубы Стахир. — Второй раз за сегодняшний вечер ты вздумал тявкнуть на того, кто выше тебя. Как только я доложу, к чему привела сегодня твоя горячность, тебе повезет, если ты не будешь беседовать с палачом, не говоря уж о том, чтобы и дальше командовать стражника-

ми. — И с этими словами Стахир круто повернулся к вваливавшимся в трактир новым стражникам. Те получили приказ не от какого-то сержанта, а от отставного генерала.

Когда эти стражники обогнули «Шадиз-сарай» с обеих сторон и сошлись позади него, то никого не обнаружили...

Едва завернув за угол трактира, киммериец использовал набранную инерцию и мощные мускулы своих ног. Он прыгнул, ухватился за карниз здания. Его бицепсы, мускулы плеч и спины вздулись, когда он подтянулся. Словно изготовившаяся к прыжку крупная кошка, он очутился на четвереньках на узеньком карнизе. Он двинулся по нему, повернул. Потом Конан остановился, вглядываясь в темноту и обдумывая свое положение. Все это заняло несколько секунд.

Пока Кагул выслушивал неприятные новости относительно своего будущего, Конан перепрыгивал на крышу одноэтажного здания позади «Шадиза». К тому времени, когда пятеро стражников добрались до переулка позади трактира, Конан был уже в четырех зданиях от «Шадиза», двигаясь так, как мог только киммериец. Он слышал, как семеро стражников перекликались друг с другом, рассыпаясь цепью и спеша по темным переулкам. Никто и не подумал посмотреть вверх. Они ловили человека, а не медведя и не снежного барса.

Конан снова порвал тунику и еле-еле удержался от ругательства. Его прекрасный новый плащ остался на табурете в «Шадиз-сарае», и он вряд ли вернет его! А теперь погибла и его новая прекрасная шелковая туника. Неужели этот вечер не принесет ему решительно ничего хорошего? Опустившись на корточки, юноша двинулся по наклонному краю крыши к карнизу, шедшему вокруг выступающего эркера второго этажа. Там имелось крошечное окошко, которое могло пропустить внутрь дома только воздух, но не вора или убийцу.

Конан замер, заслышав голоса. Они доносились из крошечного окошка на эркере другого трактира. Киммериец нахмурился и остановился, уставясь на окошко, словно мог таким образом расслышать получше.

— Уж не знаю, почему он так дорог для этого Хизарра Зула, — произнес мужской голос с не заморийским

акцентом. — Но он определенно дорог для нашего повелителя!

— И поэтому мы стали ворами, — отозвался женский голос, тоже с акцентом.

«Иностранцы», — подумал Конан, и до его сознания дошли два слова: *дорог... воры.* У воров в Аренджуне и без того жизнь тяжелая, подумал он, не хватало еще и иностранцев! И они обсуждали свои планы, не так ли?

По-волчьи оскалившись, Конан подкрался по карнизу поближе, словно зверь джунглей двигался в темноте. Он внимательно прислушался к разговору в комнате на втором этаже трактира.

— Ради нашего повелителя, Эрлик побери! — резко воскликнул мужчина.

— Да, — вздохнула женщина. — И впрямь Эрлик побери... Глаз Эрлика... и он в руках того, кто бежал из Замбулы десять лет назад. Его называли магом, этого Хизарра Зула; ты знаешь, Карамек, зачем такому понадобился бы амулет нашего повелителя?

— Платят нам хорошо, и треть платы уже у нас в кошельках. Кончай пытать нашу удачу, Испарана. Мы сможем год прожить на то, что получим, вернув амулет в Замбулу, — и хорошо пожить! Довольно и того, что Глаз Эрлика принадлежит нашему хану. Он был похищен старым врагом и должен быть возвращен. Ты ведь видела, как хан нервничал!

— Карамек! Неужели ты даже не знаешь? — поразилась эта Испарана, в голосе ее назревало недоверие. — Неужели ты вообще не задавал никаких вопросов?

— Наша задача — снова похитить его, — разъяснил с преувеличенным терпением Карамек. — Ничего иного нам знать не нужно.

— Ну так послушай же, мой глупенький порывистый Карамек! Ханский Глаз Эрлика священен для него и настроен лично на него с помощью колдовства: посредством его хана можно заставить подчиниться или убить.

— Борода Эрлика! Неудивительно, что он хочет вернуть его!

«Неудивительно, — подумал Конан. — *И, надо думать, хан Замбулы... по-моему, после сегодняшней ночи*

в Аренджуне для меня станет чуточку жарковато... Можно попробовать поискать милости у правителя Замбулы!»

— И подумай еще, Карамек, — говорила по-прежнему с нажимом в голосе Испарана, как умная взрослая дама, поучающая порывистого мальчика. — Если хана заставят подчиняться или убьют, то трон Замбулы достанется отнюдь не его сыну Джангиру, а кому-нибудь другому. И этим другим будет Балад! А...

— Балад! Клянусь Йогом Повелителем Пустых Обиталищ! Это было бы катастрофой!

«Катастрофой будет, — размышлял киммериец, пытаясь устроиться поудобнее, — только если помогать в этом деле правителю Замбулы примется пара замбулийцев, а не великолепный вор из Киммерии!» И потому он внимательно слушал, пока заговорщики составляли план. Нервничая, говорили они о жутких охранниках Хизарра Зула, настоящих зомби, не думавших ни о чем, кроме защиты владений своего хозяина и убийства всех сунувшихся туда. Карамек и Испарана полагали, что имелись и другие средства защиты; ведь этого Зула выгнали из Замбулы десять лет назад за темное колдовство.

— Значит, через две ночи, клянусь бородой Эрлика, — решила Испарана. — Когда зайдет луна и небо будет темным, как сердце Хизарра Зула!

Конан, по-волчьи скалясь, уже составляя собственные планы, поднялся и крадучись отправился через крышу. Он перепрыгнул на другую крышу, а оттуда на землю и, миновав темные переулки, вскоре исчез в Болоте.

«Через две ночи, да, — размышлял он. — *Но завтра... этот ценный амулет украду я! И правитель Замбулы должен будет заплатить, и хорошо заплатить за свой Глаз Эрлика, если захочет передать трон своему любимому сыночку!»*

Пробираясь в ночи, улыбаясь и строя планы, он так и не дослушал разговор замбулийцев.

— Через две ночи, да? — переспросил Карамек. — Нет, нет, Испарана, тебе лучше заниматься тем, что ты умеешь лучше всего! Ты забываешь, что через две ночи наступит Ночь Иштар, которой поклоняется царица... и

время Деркето! На улицах будет полно людей с факелами, и Хизарр Зул наверняка будет держаться поближе к этому своему дому-дворцу. Нет, мы заберем амулет из его сундуков *завтра* ночью!

Глава 2
В ДОМЕ ХИЗАРРА ЗУЛА

На улицах Аренджуна толпилось много людей из разных стран. Они растекались многоцветной рекой среди храмов и более темных владений мириад странных богов Заморы. Некоторые занимались или пытались заниматься торговлей, честной и не очень законной. Некоторые шпионили для того или иного жреца или обеспокоенной аристократки, иностранного правителя, жреца или честолюбивого мелкого барона. Некоторые назначали тайные встречи для себя или своих хозяев и хозяек. Многие сплетничали, и потому рыночная площадь Аренджуна гудела, как огромный пчелиный улей. Среди тем фигурировал и царь Заморы, пристрастившийся к пьянству во время правления Яры — жреца, погибшего под обломками неожиданно рухнувшей Слоновьей Башни. Пил он много... Теперь никто не был уверен, кто же на самом деле правит Заморой и кого в Аренджуне не следовало раздражать; по крайней мере, когда все знали, что Яра — это сила и власть, они знали, кого остерегаться.

Многие в Аренджуне разгуливали без дела, наблюдая, задавая небрежные вопросы, обдумывая, разведывая. Они замышляли кражи, и среди них был и Конан.

Сегодня он не носил никакого красивого плаща, исчезла и его трижды порванная туника из голубого шелка. Поскольку расшитую золотом кайму можно было нашить на другую одежду, она принесла киммерийцу немного денег. А небрежные вопросы и наблюдения сообщили ему о Хизарре Зуле немногим больше того, что он подслушал прошлой ночью.

Этот человек, вероятно, был магом, во всяком случае кудесником. По большей части он держался особняком в

своем маленьком имении на краю Аренджуна, противоположном от того места, где лежали развалины некогда блистающей башни Яры. Шептались по улицам об охранниках Хизарра Зула, но ничего определенного узнать не удалось. Дом Хизарра Зула ни разу не ограбили. Никто не знал, откуда лет этак десять назад появился этот странный человек. Из Замбулы? Наверное, кто его знает? Кого это волнует? Хммм... Вообще-то сегодня о нем задавал вопросы еще один человек, говорящий с акцентом... Ты ведь не из столицы приехал, не шпионишь для царя, переодевшись в оборванные одежды нищего? Вот — выпей-ка чашу вина, рослый «нищий». Излишняя осторожность никому никогда не вредила...

Пробираясь через город, нищий оборванец с горящими голубыми глазами и прямоугольно подстриженной черной гривой отыскал просторное имение Хизарра Зула.

За стенами, насколько Конан видел, ничего не происходило. Он не видел никого входящего или выходящего из ворот. Не услышал он и производимого зверьми шума и не почувствовал никаких таких запахов, хотя старательно прислушивался и принюхивался, так как помнил про львов, охранявших зеленый сад дворца Яры.

От того приключения в Слоновьей Башне у Конана осталось две вещи: превосходная веревка покойного Тауруса из Немедии и повышенная осторожность. Он потратил не один час на разведку обнесенного стеной дворца Хизарра, хотя казалось, будто он просто бродяжничал, выклянчивая милостыню. Находящийся за стеной особняк выглядел впечатляющим и странным. Построенный из камня и бледного как труп мрамора, он расплылся бледным пятном и казался мрачным и населенным демонами, с окнами, похожими на ровно ограненные аметисты.

— Слушай, ты, здоровенный верзила! — зарычал на него одноногий калека. — Чего ты лезешь в дела тех, кто и правда нуждается в подаянии? Займись чем-нибудь! Иди и воруй, будь ты проклят!

Тем вечером у одного спящего за пределами Болота исчез плащ, поношенный, но вполне пригодный для защиты от ночного холода. Время, изношенность и погода превратили этот плащ из красного в светло-ржавый. Чуть

позже рослый человек сбросил тот плащ и засунул его между тощим искривленным деревом и основанием каменной стены.

Он стоял в темноте, облаченный только в свободную короткую тунику без рукавов, зашнурованную спереди. На поясе его висел в ножнах на ремешке длинный кинжал, а старые кожаные ножны с мечом висели у него за спиной, так что рукоять меча торчала у него из-за левого плеча. В неправедно добытом плаще остался кошель с монетами, которые могли еще, чего доброго, зазвенеть во время операции по изъятию ценностей. Им будет гораздо безопаснее здесь, у стены владений Хизарра, от которых все старались держаться подальше, чем в том логове воров, которое называлось Болотом!

Саидалии он тоже оставил между стеной и деревом. А на поясе у него еще висела сумка с инструментами и превосходная веревка, принадлежавшая прежде немедийцу Тавру. Тот вор рассказывал Конану, что веревка сплетена из локонов умерших женщин, извлеченных Тавром в полночь из гробниц, и смочена для придания ей прочности в смертельном вине дерева упас. Будучи еще более рослым, чем Конан, Тавр клялся, что веревка выдержит тройной его вес.

В данный момент Конан не собирался проверять, так ли это. Стена-то возвышалась всего на десять футов.

Вначале он осторожно огляделся кругом, всматриваясь в темноту. Дворец Хизарра стоял в стороне от досаждающих соседей. Конан ничего не увидел и никого не услышал. Он отошел от стены, по-прежнему настороженно пригнувшись, словно тигр перед прыжком. Сделанные им ранее наблюдения показали ему, что никаких отблесков солнца на верху стены нет и, значит, она не усажена обрезками стали или осколками стекла.

Может ли быть правдой, что за последние несколько лет то ли восемь, то ли девять хороших воров негласно объявили о своих планах ограбить этот дом и ни одного из них больше не видели?

Ну, они ведь не были киммерийцами.

Отойдя на десять футов, Конан развернулся, побежал, прыгнул и ухватился обеими руками за верх каменного

барьера. Босые ноги помогли ему вскарабкаться по скрепленным известняковым раствором старым камням, и через несколько секунд он уже лежал на стене, бывшей свыше фута шириной. Какое-то время он оставался там, настороженно прислушиваясь, стараясь хоть что-нибудь разглядеть в темноте. Хотя слух у него, как и все другие чувства, отличался необычной остротой, рожденный на поле боя, киммериец не увидел, не услышал и не почуял ничего угрожающего.

Луна, как раз взошедшая на другой стороне Аренджуна, казалась всего лишь полумесяцем. Он поздравил себя — словно у него был какой-то выбор — с тем, что удачно выбрал время. Завтра на улицах будет полно правоверных пьяниц с факелами и жутковатым молитвенным гудением, пронзаемым воплями религиозных фанатиков.

Конан ничего не услышал, ничего не увидел. Безмолвие накрыло мрачный дворец Хизарра Зула, словно черное одеяло. Два крыла двухэтажного особняка высились в сорока футах от стены. Сам особняк вполне мог быть логовом покойников и сохнущих мумий. Конан не увидел никакого света. Ранее он заметил лишь один огонек на противоположной стороне в другом крыле, вот почему он и находился здесь, среди мертвых теней перед темными окнами.

Сорок футов дерна с густой травой и густыми елями, высящимися в ночи, словно темные часовые, отделяли его от дома. У подножия елей лежат опавшие иголки, и Конан обойдет их стороной. Так как достаточно темно, незачем укрываться в тени деревьев. Во дворе могли быть собаки, ловчие ямы, львы — неизвестные охранники. Если Конан будет ползти или красться, такие охранники, вероятно, обнаружат его с той же легкостью, что и в том случае, если он побежит. В такой темноте он угодит в капканы с ничуть не меньшей вероятностью. Если же он станет двигаться украдкой, у него будет меньше шансов ускользнуть от ловушек и часовых.

Конан бесшумно ступил на территорию дворца Хизарра.

Пригнувшись, он видел не так далеко, как со стены. Но это не имело значения. Конан отлично видел каждое дерево, и дом, и свой путь. Он глубоко вдохнул — и побежал, словно за ним гналась дюжина демонов.

Несколько секунд спустя он оказался около дома и почти не запыхался. Ничего не случилось. Либо Хизарр Зул не установил никакой защиты, как это сделал Яра, либо бежавший столь быстро и бесшумно киммериец остался незамеченным. Хорошо! Стоя около дома, Конан посмотрел вверх.

Не открыто ли вон то удобно расположенное окно?

Нет. Ну конечно нет. Уж *настолько* ему повезти не может. Он двинулся дальше. Это? Нет. Он обдумал, не разбить ли его. Нет. Хотя свет он видел только в другом крыле, рискованно устроить шум, разбив стекло, бывшее почти непрозрачным и аметистовой окраски. Киммериец двинулся дальше вдоль мертвенно-бледной стены. Один куст, казалось, наклонился к северянину, и волосы на загривке встали дыбом от суеверного страха. Конан обошел таинственный куст, описав широкий полукруг. Уж не маг ли этот Хизарр?

Еще одно окно, тоже пурпурное, тоже непроницаемое для его взглядов и тоже запертое изнутри.

Прямо у Конана над головой высился маленький округлый балкон. Возможно, Хизарр стоял там, любуясь закатом. Возможно, его дверь...

Сумка Конана была битком набита воровскими инструментами, переложенными кусками губки. Сняв ее с пояса, северянин привязал ее ремешки к концу веревки Тавра. Конан сделал несколько шагов назад, держась рядом с домом. Когда он наткнулся спиной на елочку, его чуть не охватила паника, так как он заподозрил в ней какого-то часового. Он ошибся. Это оказалась всего лишь высокая елка.

Балкон возвышался над землей более чем в десяти футах. Судя по высоте окон и балкона, у этого второго этажа толстые полы! Балкон окружали железные перила. Конан прищурился. Вертикальные железные прутья были в большой палец толщиной, и их отделяло друг от друга примерно восемь дюймов. Конан прицелился, раскрутил, нацелил и подбросил свою сумку с инструментами. Вслед за ней устремилась веревка.

Когда сумка ударилась о прут и отскочила, Конан тихонько выругался, но поймал ее.

«Вот когда я *стараюсь* попасть во что-то, то промахиваюсь в девяти случаях из десяти!»

Второй раз он бросил с большей силой и почти не целясь. Волоча за собой злополучную веревку, сумка проскользнула между двумя железными прутьями, перелетела через балкон и рухнула между двух прутьев на другой стороне. Схватившийся за веревку Конан остановил сумку всего в футе от земли. Он дал ей опуститься и бросил свой конец веревки. Веревка сильно провисла.

Он привязал конец веревки с сумкой к низкому тощему кусту. Конан знал, что куст этот слишком слаб. Сделав глубокий вдох, он вытер ладони о тунику на бедрах, поплевал на них и снова потер руки. И отошел на противоположную от привязанной веревки сторону балкона.

Разбежавшись и подпрыгнув, он левой рукой ухватился за веревку в девяти футах над землей. Мощный рывок дал ему возможность ухватиться правой рукой за пол балкона. Двигался киммериец достаточно быстро и не вырвал кустик из земли, хотя и почувствовал, как тот подался.

«Хитрец ты, киммериец», — размышлял он.

Но именно потому, что он был киммерийцем, и к тому же необыкновенно сильным, он ухватился за один железный прут у его основания. Затем за другой. Ухватился за первый повыше. Не без усилий, не раз крякнув от натуги, Конан подтянулся благодаря силе похожих на канаты мускулов.

Очутившись на балконе, он втянул наверх сделанную из волос веревку и обмотал ее вокруг двух вертикальных прутьев. Ухватившись за нее обеими руками, он подобрался и потянул на себя.

...Когда он почувствовал, что корни кустика начинают подаваться, он снова расставил ноги пошире, прежде чем потянуть изо всех сил. Эта часть плана сработала: корни молодого растения вырвало из земли.

Конан отвязал сумку с инструментами, а куст раскрутил и бросил с такой силой, что тот упал наземь далеко за стеной, через которую северянин только что перелез.

«А теперь, — подумал он, методично вновь пристегивая сумку к поясу и свертывая веревку, — *эти извращенные*

заморийские боги наверняка устроят так, что балконная дверь окажется надежно запертой!»

Это был тот случай, когда ошибка варвара не огорчила. Узкая дверь, ведшая из дома на балкон, оказалась незапертой. Конан вошел в дом Хизарра Зула.

Несмотря на многочисленные заботы, он все еще был порывистым юношей, который погиб бы от когтей львов Яры, если б не немедийский вор. Конан понятия не имел, где в этом доме с двумя двухэтажными крыльями мог быть сокрыт Глаз Эрлика, и он понятия не имел, как выглядела эта штука.

Определенные предположения у него имелись. Раз амулет — значит, предмет этот маленький, вероятно, висит на ремешке или на цепочке. Так как его истинным владельцем был царь или скорее сатрап, то это наверняка будет цепочка, а не ремешок, да притом, скорее всего, золотая цепочка. Ну... по всей вероятности, амулет будет выполнен в виде фигурки. Эрлик, Желтый Бог Смерти, изображался страшным существом с желтыми или зеленовато-желтыми глазами. Значит, фигурка на золотой цепочке, с топазовыми или светло-изумрудными глазами. И наверняка фигурка тоже будет сработана из золота.

Проделав в уме такие вот логические выкладки, Конан решил, что его выводы верны. Следующий вопрос: где же амулет может находиться?

Наверняка не прямо на виду — но и не в сундуке с казной тоже. Эта комната по всем признакам и запахам казалась нежилой. Сочтя, что Хизарр будет держать такое сокровище где-нибудь под рукой, чтобы любоваться им, Конан нашел дверь и покинул помещение.

Спустя несколько минут он уже шел по коридору, тускло освещенному свисавшим с потолка на бронзовой цепи масляным светильником, сделанным в виде дракона. Досадуя на себя и отсутствие знания, он решил обнаружить и отметить местонахождение Хизарра Зула, а уж потом искать где-то поблизости амулет.

Почти сверхъестественно острый слух предупредил его о приближении кого-то. Незнакомец двигался крадущи-

мися шагами. Два быстрых шага — и Конан оказался у двери. Он осторожно толкнул ее и обнаружил за нею еще одну темную комнату. Она казалась пустой, за исключением огромной статуи, похоже, из нефрита и большого черного сундука, содержавшего, вероятно, культовые предметы этого бога. Неплотно прикрыв дверь, киммериец следил изнутри за продвижением неизвестного и вдруг сообразил, что этот человек ему знаком. Это же тот приезжий с Востока, что помог ему прошлой ночью в таверне! Наверняка он вор, так как этот малый откликнулся на призыв Конана к богу воров.

Уставясь на него во все глаза, Конан вспомнил, как ему говорили, что сегодня о Хизарре Зуле расспрашивал еще один иностранец. Тогда он, естественно, предположил, что этот иностранец не кто иной, как Карамек из Замбулы, несмотря на замечание уличного торговца губками, что человек тот наверняка прибыл из куда более отдаленного Иранистана. Об этой стране Конан ничего не знал. Замбула же находилась далеко к югу от Аренджуна, и между ними лежала пустыня. Иранистан, стало быть, еще дальше на юге, не так ли?

Гадая о том, является ли присутствие здесь этого малого в полосатой рубахе и халате случайным совпадением, или иранистанец тоже проник сюда за амулетом, Конан следил за тем, как другой вор проходил мимо него. Коридор с полом из розовой кафельной мозаики двадцать футов тянулся прямо, прежде чем достигал центра особняка и разветвлялся. Киммериец подождал. Когда у него возникло убеждение, что другой вор свернул в один из боковых коридоров, он осторожно выглянул из комнаты. Коридор был пуст.

Конан уже собирался выскользнуть из своего убежища, когда снова услышал шаги с той же стороны, откуда пришел иранистанец и куда собирался направиться Конан.

Кром! В этом коридоре народу, как на рыночной площади в полдень! Конан подался назад и прикрыл дверь, оставив лишь дюймовую щелку.

На этот раз он увидел троих в воинских доспехах. Эти люди двигались безмолвно и мрачно-целеустремленно. Все в островерхих шлемах, безрукавных чешуйчатых кольчугах

поверх белых туник с зеленой каймой и в поножах на коринфийский манер. Каждый держал в руке обнаженный меч, а в ножнах на поясе висел еще и кинжал. Все трое были без щитов. Варвар с удивлением уставился на них.

При виде странных охранников Хизарра Зула по коже бежали мурашки. Воины шли тяжелой поступью без единого слова, словно безмозглые, и в их тусклых, неподвижных взглядах сквозила... глупость? Нет, безнадежность! Они выглядели словно побитые псы или беглецы из какого-то легиона потерянных душ. Однако... в их движениях проглядывала и целеустремленность, их тихие шаги направляла только одна мысль. Эге, а подошвы-то их из губки, привозимой с моря и продающейся по очень высокой цене!

Они прошли, следуя то ли случайно, то ли умышленно за иранистанцем. Конан снова заставил себя подождать. Эти воины не выглядели настороженными. На самом-то деле они смахивали на одурманенных. Он чувствовал, что с его умением бесшумно красться он мог выйти и устремиться в противоположном направлении, так и не заставив ни одного из них обернуться и заметить его. Но ему не требовалось так спешить. Незачем ему рисковать. Он подождал.

Но вот третий из этого странного трио исчез в коридоре, ведущем налево. Конан вздохнул, вытер ладони и покинул комнату.

Он сделал восемь бесшумных шагов, когда позади него раздался шум и грохот.

Он круто обернулся и ничего не увидел. Шум стал громче, доносясь из левого ответвления коридора: лязг железа, звон металла о металл. Чей-то клинок зазвенел о стену. «Возможно, иранистанец, — подумал Конан. — Видно, он нашел то, что искал, а возможно, и нет». Для Конана куда важнее было то, что зомбиподобные охранники нашли его.

Звуки боя стали громче. Киммериец словно видел его собственными глазами: иноземца в штанах и халате загнали в узкий коридор, и если он хорошо владел тем своим длинным, словно меч, ножом, то он еще долго сможет сдерживать стражу, поскольку коридоры эти недостаточно широки, чтобы позволить им атаковать иначе, чем плотно сбившись в кучу.

«Это не мое дело, — подумал Конан. — *Этот иранистанец всего лишь вор-соперник. К тому же, если он займет троих стражей, у меня будет куда больше свободы действий. Мне лучше пойти посмотреть, откуда выйдет глянуть, что тут за шум, Хизарр, и поискать в комнате, где он был!»*

Мысль эта была толковой, разумной и достойной любого вора, привыкшего заниматься собственными делами и не лезть в чужие.

Однако киммериец даже не повернул назад, чтобы возобновить свои поиски. Прошлой ночью этот иностранец в штанах и кожаном жилете помог ему. Возможно, его предупреждение и удар ножом были и не нужны. Тем не менее этот человек пришел ему на помощь. Есть там у воров свой кодекс чести или нет, а у киммерийцев он имелся.

Конан припустил по коридору на звуки боя и на бегу выхватил висящий за спиной меч.

Он завернул за угол и увидел именно то, что и представлял себе: спины трех охранников. А дальше по коридору невысокий смуглый иранистанец сдерживал их натиск, хотя насели на него здорово.

Конан нанес удар так же неожиданно, как тигр, ринувшийся из темноты, хотя, атаковав, не мог удержаться от крика:

— К Белу!

— Хо-хо! И впрямь к Белу, верзила! А! Кто бы ты ни был, Аджиндару из Ир-а!-нистана никогда так быстро не отвечали добром... Ха!.. На добро!

Бой вышел очень коротким. На самом-то деле он вообще не походил на бой.

Двое из охранников в мундирах обернулись на голос Конана, безмолвные и целеустремленные. Третий же и дальше рубился с Аджиндаром-иранистанцем. Так как он находился слева от киммерийца, то последний сдерживал двоих повернувшихся теперь к нему резкими взмахами меча на уровне их лиц. Так что один отшатнулся, а другой присел под ударом, который закончился тем, что лезвие Конана врезало третьему сбоку по шее. Клинок вонзился, перерубая кость, полуобезглавив охранника.

— Отлично сработано! — крикпул Аджиндар и почти так же разделался с еще одним противником. И остался только один враг. Но путь ему преградил воин, почти обезглавленный Аджиндаром. Отлично сработано или нет, а у киммерийца возникли трудности — ему было не вытащить клинок из шеи своей жертвы.

Аджиндар пинком убрал с дороги свою жертву. Полуобернувшись, Конан вырвал окровавленный клинок из тела убитого и нанес ответный удар так злобно, что острие меча просвистело в нескольких дюймах от подбородка собрата-вора. Охранник пригнулся, уклоняясь от этого стремительного взмаха.

— Хо! Поосторожней там, верзила, ты ведь по-настоящему не сознаешь собственной силы, верно! Хо-о!

Он поймал рукоять меча, когда третий охранник попытался нанести удар в тесном коридоре, а Аджиндар подошел слишком близко, чтобы ударить мечом. Дальнейшее произошло одновременно: левая рука охранника взметнулась с кинжалом, нацеленным в бок Аджиндару, а нога Аджиндара вскинулась, ударив воина между бедер. Конан рубанул по руке с кинжалом так, что та закачалась на нескольких полосках алой плоти. Перерубленная артерия продолжала качать кровь, и та залила пол и стену.

— И проворный к тому же, — проворчал Аджиндар, отклоняясь назад, когда получивший от него коленом в пах охранник беспомощно согнулся от боли. Он даже не смог закричать из-за перерубленной руки. Иранистанец пнул его в лицо, а потом рубанул воина мечом по шее.

Ему пришлось повернуться, чтобы высвободить свой длинный клинок с гор Ильбарса.

— Ну! За исключением того твоего удара по запястью — за что тебе большое спасибо, великан, — очень ловко! Похоже, мы оставили всем троим по полшеи на каждого и лишили их горла и яремной вены! Рад, что помог тебе прошлой ночью, друг. Я тебе свое имя назвал — а как зовут тебя?

— Я — Конан, киммериец.

— Черные волосы и голубые глаза... да... Киммерия, а? В тех горах люди огромные, не так ли? Благодарю тебя, Конан из Киммерии.

— Всего лишь услуга за услугу, Аджиндар из Иранистана.

Двое воров мрачно усмехнулись друг другу. У их ног дергались и сучили ногами стражи, а розовая кафельная плитка делалась намного темнее. Левой рукой словоохотливый Аджиндар проверил разрез на штанине. Когда он извлек оттуда руку, пальцы у него были покрасневшими.

— А! Этот ублюдок царапнул-таки меня. Кусок белой туники одного из стражей остановит кровь... Конан, зачем ты сюда сегодня забрался? — Аджиндар по-прежнему улыбался.

— За одним *амулетом*, — поведал Конан своему новому другу, обрадованный тем, что нашел приятеля, да к тому же отличающегося силой и хорошим настроением. А ты?

— Ах, боги, я боялся, что именно так ты и скажешь, — тихо произнес Аджиндар и нанес удар.

Конана спасло только то, что иранистанец поскользнулся в крови охранника. Окровавленный ильбарсийский нож метнулся чуть дальше, чем рассчитывал его владелец; и Конану удалось избежать его. Нацеленный в шею, удар не задел его — почти не задел. Вместо того чтобы врезаться в основание бычьей шеи, клинок унес с собой рваный кусок красновато-коричневого рукава туники и крошечный кусок кожи, оставив рану не глубже толщины ногтя.

Конан полностью развернулся, и поэтому, когда он снова оказался лицом к иранистанцу, их отделяло друг от друга три фута. Из левого плеча Конана сочилась кровь. Меч он держал низко, под углом вверх.

— Проклятие! — выругался Аджиндар, почти улыбаясь.

— Дружба столь же быстро рвется, как и возникает, *друг*, — прошипел низким гортанным голосом Конан. — Почему так?

— Ты должен знать. Я здесь по тому же делу. Меня нанял мой собственный царь. А тебя?

— Я сам.

— Так ты просто вор?

Конан кивнул. Добродушно-веселая манера и вероломство этого человека ранили его куда сильнее, чем царапина меча; Конан испытал горькое разочарование.

— Тогда присоединяйся ко мне, друг Конан. Мой царь будет благодарен моему другу, который поможет мне доставить ему... амулет.

Конан обдумывал предложение всего несколько секунд.

— После только что проявленного тобой вероломства? Я же буду бояться уснуть или повернуться к тебе спиной, *друг*.

Аджиндар вздохнул:

— И, судя по тому, что я видел только что и прошлой ночью, подозреваю, что ты не готов сказать: «Извини, Аджи... забирай Глаз Эрлика, а я пойду домой с пустыми руками». Я прав?

— Ты прав, *друг*.

— А ты злишься. Это, конечно, от молодости. Но послушай, тут же полно драгоценностей. Все твои. Мне нужен только амулет.

— Так же, как и мне.

— Проклятие! И, судя по твоей силе, я подозреваю, что свою наилучшую возможность справиться с тобой я уже использовал...

— Снова верно, бывший друг, — согласился с ним киммериец. — А теперь — мы наделали много шума, и его наверняка кто-то да услышал. Я посторонюсь и дам тебе добраться до ближайшего окна, так как у меня нет никакого желания убивать тебя.

Иранистанец, выглядевший по-прежнему опечаленным, замотал головой:

— До ближайшего окна... и убираться домой с пустыми руками, да?

— Верно, друг. С пустыми руками... но живым.

Аджиндар тяжело вздохнул. Не отрывая глаз от киммерийца, он опустился на корточки и вооружился, отыскав на ощупь левой рукой кинжал, которым его владелец больше не пользовался.

— Боюсь, что этого я сделать не могу, друг Конан. Видишь ли, я выполняю поручение своего царя. И за

мной следят. Преданность, страх перед наказанием и так далее... Это правда, что вы, киммерийцы, варвары?

— Так нас называют.

— Проклятие! И к тому же здоровенный. Ну... — Аджиндар отвернулся, опуская плечи, и... крутанулся, атакуя, выставив длинный нож и вскинув его, чтобы поймать бойца, бывшего, как он знал, достаточно проворным, чтобы пригнуться.

Конана никто не смог бы дважды захватить врасплох, как какого-нибудь глупого аренджунского стражника, получившего весь свой опыт исключительно на учебном плацу. Его и так смущало, что он чуть не погиб из-за первой хитрости Аджиндара. И на этот раз он отбил длинный нож другого вора собственным мечом. Увернулся от кинжала и ввинтился вперед так, что запястье Аджиндара ударилось о его же портупею. После чего киммериец с силой пнул иранистанца по левой ноге.

Какой-то миг Аджиндар пытался сохранить равновесие. Но поскольку его размахивавшим рукам было не за что ухватиться, кроме воздуха, он рухнул — тяжело — и ударился левым локтем о стену коридора. Кинжал выпал из его руки в нервном спазме, словно выброшенный пружиной. Сидя на полу, привалившись спиной к стене возле самой двери с нелепо низким замком, он поднял голову и остекленелым взглядом уставился на киммерийца.

Конан не ответил. Он все еще не хотел убивать этого человека. Чтобы стать тем человеком — акулой, — которым он в конце концов сделается, ему еще предстояло пройти долгий путь.

— Проклятие, — сказал Аджиндар, без злости глядя на него. — Ты проворен и хорош, великан. Тот кинжал принес мне не больше пользы, чем своему первоначальному владельцу. Предлагаю тебе не брать его как добычу. Эта штука проклята. — Он тяжело вздохнул. — Ладно.

— *Варвар* предлагает тебе возможность встать и уйти, Аджиндар. Нет, не жди, что я подойду к тебе слишком близко. Я однажды проиграл бой потому, что думал, будто победил, а меня пнули по голени. Но больше этого не повторится.

Аджиндар скорбно улыбнулся киммерийцу и покачал головой. Он и не пытался скрыть откровенное восхищение.

— Сколько тебе лет, великан... десять?

— Одиннадцать.

Аджиндар хохотнул:

— Я тебе верю!

Еще раз вздохнув, иранистанец начал подниматься. Его пятка поскользнулась по кафельной плитке, так что он накренился и упал, боком навалившись на дверь. И в двери мгновенно со щелчком и негромким стуком отвалилась панель, словно выдвижной ящик. Она находилась на уровне голеней, если б Аджиндар стоял. А так как он не стоял, то две харамийские гадюки, появившиеся из ниши за панелью, ужалили иранистанца в лицо и шею, каждая дважды за четыре секунды.

Дергаясь, стеная и выглядя скорее страшно удивленным, чем охваченным болью, Аджиндар не выказывал никакого ужаса. Он выпустил меч и схватил в каждую руку по твари с желтыми полосами. И швырнул обеих змей в Конана, который шагнул в сторону и очень ловко рассек пополам обеих летящих рептилий, не задев клинком ни стену, ни пол. Четыре части змеи ударились о стену коридора напротив иранистанца и, извиваясь, упали на пол. Босой киммериец держался от них подальше.

— Ты мой худший друг, каким я когда-либо обзаводился, Аджиндар из Иранистана.

— Да, полагаю. И к тому же мертвый. Проклятие! И все из-за того, что поскользнулся... Ну, ничего не попишешь. Друг Конан, ты знаешь, что у меня в запасе всего несколько минут. Послушай же, не задавая вопросов. Меня нанял Кобад-шах, царь Иранист... о!

Аджиндар содрогнулся и привалился спиной к двери. Конан знал, что яд этих гадюк, настолько сильный, что его разводили в молоке для смазывания им кинжалов убийц и наконечников стрел, уже подействовал. Из опухоли с большой палец, вздувшейся на шее Аджиндара, стекала тонкая струйка крови.

«Несколько минут? Нет, — подумал Конан. — У этого человека осталось всего несколько секунд».

— Кобад-шах дорого заплатит за то, что ты ищешь, паренек. Дорого. Не будь настолько глуп, чтобы иметь дело с обычным аренджунским барыгой. Ты знаешь, что тебе надо, — а! — Ужаленный снова содрогнулся. Его лицо потемнело, опухло, а руки подергивались. — Надо бежать, — произнес он тише, и ему становилось все труднее складывать и произносить слова. — Арен-дж-жунн... доставить Глаз... К-Кобаду... прямо по этому коридору... изящный маленький клинок, что ты ис-счешь, он... в футляре... зеелеоной... кооммнате.

Аджиндар из Иранистана съехал по двери на пол, с пурпурно-черным лицом, вывалившимся языком, вытаращенными и уставившимися в пространство темными глазами. Рука, которую он пытался поднять к груди, так и не дошла до нее.

Конан шумно вздохнул.

— Не много ж тебе дал Кобад-шах, друг. Всего лишь смерть вдали от родного дома, клянусь Морриганом! Посмотрим, с кем я буду иметь дело. — Он огляделся кругом. — А пока, — негромко пробормотал он, — мы действовали почти так же беззвучно, как табун лошадей!

И босой киммериец обошел лужи крови и четыре трупа, отправляясь на поиски амулета под названием Глаз Эрлика. В мозгу у него застряла как вопрос фраза Аджиндара «...изящный маленький клинок, что ты ищешь...». Бессмыслица. Что бы это ни значило и какую бы форму ни принял этот Глаз, он достанется ему и будет дорогим призом; ведь сегодня ночью он стоил жизни одному хорошему человеку и трем... другим.

Глава 3
В ЗЕЛЕНОЙ КОМНАТЕ

Следуя тем же путем, каким шел покойный Аджиндар, Конан из Киммерии добрался до конца коридора и очутился перед дверью. На ней не было никакого замка вроде того, что привел к смерти иранистанца, но тем не менее киммериец держался настороженно. Прежде чем потянуть

ручку кверху и открыть дверь, пнув в нее пяткой, он потыкал мечом дверную ручку и филенку вокруг нее. Меч он по-прежнему держал в руке, так и не вытерев.

Открывшаяся перед ним комната выглядела необыкновенно просторной. Ее пол был вымощен зеленой кафельной мозаикой, похожей на листья, опавшие с деревьев до срока. К бледно-зеленым стенам пристали темные гобелены. С потолка, поддерживаемого колоннами из пронизанного зелеными жилками порфира, оживляемого мерцанием кристаллов полевого шпата, свисали до самого пола бархатные занавеси. Цветом они походили на кедры, за исключением одного в углу, красного, как вино.

В центре помещения вытянулся длинный низкий стол, которому служила столешницей каменная плита. На той плите стояло на первый взгляд беспорядочное скопище внушительных плавильных тиглей и инкрустированных рунами возгонных сосудов, алуделей, слепленных из охровой глины; выглядевшее золотым кадило и перегонные кубы, которым придавали отвратный цвет содержащиеся в них явно ядовитые жидкости. Небольшая квадратная шкатулка из укрепленного бронзой кристалла была разбита на тысячу осколков, которые блистали и сверкали при свете свисавшего с потолка тройного светильника, сработанного в форме гениталий.

У стены стоял атенор, черный и тусклый, словно угрожающий железный карлик. Конан увидел, что в комнате есть окно, занавешенное тяжелой шторой цвета сосновых игл.

А кругом смутно вырисовывались странные и пугающие статуи из черного, как ночь, оникса, порфира и поблескивающего слюдой базальта. Даже антропоморфные истуканы изображали не совсем людей. Они составляли компанию мумии отталкивающего темно-коричневого от древности цвета. Благодаря подпоркам они стояли прямо, сурово и угрожающе. На длинном столе горели две гноящиеся на вид свечи, и испускали они такую же вонь, как сало, из которого их сделали обитатели гробниц.

Здесь была отнюдь не святая святых храма богов. Здесь были владения и сокровищница колдуна-чародея и его темных богов.

И здесь находились два человека.

Они были здесь чужими. Оба меднокожие, черноволосые и черноглазые. Мужчина в темно-красной тунике поверх черной рубашки с длинными рукавами и исчезавших в мягких черных сапогах черных штанах — неярком одеянии ночного вора, более осторожного, чем уставившийся на него варвар.

Рубашка женщины тоже была черной, а туника — темно-зеленой, с алой каймой. Она, как и Конан, пришла босиком. С пронзивших ей мочки ушей крошечных колечек свисали огромные кольца из серебряной проволоки, а глаза с затемненными веками поблескивали над прямым носом и красными, как киноварь, губами. А на парчовом поясе у нее красовалась агатовая пряжка.

В правой руке она держала молоток с завернутой в тряпку головкой, а на левой у нее покачивался на темляке — золотой цепочке — крошечный золотистый меч. Кулон или же амулет.

Изящный маленький клинок, что ты ищешь...

— Борода Эрлика! — ахнула она. — Так это и есть один из его охранников? Он достаточно рослый, чтобы охотиться на медведя вооруженным одним лишь шипом!

Конан взял меч поудобнее. Их взгляды устремились к окровавленному клинку.

— Это трехфутовый шип, Испарана. Мне неохота снова пускать его в ход сегодня ночью. Кром, что же это за дом такой, где полно ворья! Ты просто брось сюда эту побрякушку по полу, и я не сдвинусь с места, пока вы не уйдете. Лучше сматывайтесь в Замору сегодня же ночью. — Он не мог удержаться от стремления поцеголять своим знанием. — Скажите своему хану, что у меня есть для его амулета другой покупатель... и пока я решаю, принять ли мне его предложение или, несомненно, более щедрое ханское, ему лучше убить Балада. Просто на всякий случай.

— Ты очень много знаешь, голубоглазый, — сказал мужчина. Он обнажил меч и чуть согнул колени. — Достаточно, чтобы понимать, что мы не можем отдать тебе эту... побрякушку.

Киммериец вздохнул:

— Я с тобой не ссорился, Карамек. Неужели здесь нынче конца не будет убийствам?

Мужчине было на вид лет тридцать, женщине лет на пять меньше. Она была хорошо сложена и выглядела смазливо.

— Во имя Эрлика, — прошептала она. — Ты убил *Хизарра Зула?*

— Нет. Всего лишь трех его охранников... и еще одного вора.

— Явившегося за Глазом?

— А это уж не ваша забота, — ответил Конан.

Согнув локоть, подняв и приготовив к бою меч, он вошел в помещение. Он протянул левую руку вперед, хотя и недалеко, прижимая локоть к боку. В конце концов, Карамек ведь обнажил-таки меч.

— Ты просто кинь сюда амулет.

Девушка стиснула его еще крепче.

— Карамек...

— Тихо, Испа. Отступай к двери. Убегай. Если через час меня не будет у ворот — уезжай из города!

— Карамек... — Она держалась неуверенно, хотя и начала отступать. Приз покачивался на цепочке в ее крепко сжатом кулачке.

Конан бросился в атаку.

Карамек прыгнул, преграждая ему путь, полусогнув колени, с искаженным лицом. Конан мчался вперед, не обращая внимания. Карамек рубанул. От этого сильного, с оттягом удара киммерийца спасло только то, что он резко метнулся в сторону. Испарана повернулась и побежала. Она проскочила через открытую дверь в противоположном углу помещения. Не целясь махнув мечом в сторону Карамека, Конан побежал следом за ней. Он добрался до двери, как раз когда та захлопнулась с двойным стуком. Выбор у него остался только один: круто развернуться или быть убитым в спину.

Он развернулся как раз вовремя, чтобы парировать удар Карамека.

Инерция разгона и сила удара позволили замбулийцу прорваться мимо Конана. Упершись для равновесия ладонью в стену, Конан выбросил ногу вперед. Замбу-

лиец споткнулся и врезался в стену. Гобелен из бархата кровавого цвета сорвался со стены и упал, накрыв его. Конан ткнул мечом в этот движущийся ком трижды, и его клинок снова окрасился алым, с него опять закапала кровь.

Падающий Карамек окончательно стянул гобелен со стены. Из-под темного бархата стала сочиться ярко-красная жидкость.

Киммериец уже пытался открыть массивную дверь, через которую убежала Испарана. Та оказалась запертой. Прорычав ругательство, он врезался в нее плечом. И по тому, как дверь подалась назад, лишь чуть уступив его натиску, он понял, что ее заперли на крепкий засов.

С уст киммерийца сорвалось ругательство, и он повернулся, пробежал через зеленую комнату к единственному узкому окну. Она думала, что, закрыв дверь, скрылась от него, да? Будь он проклят, если не сможет...

Участок пола выскользнул у него из-под ног, и, прямой как палка, Конан свалился на поверхность тремя футами ниже. Тот факт, что этим объяснилась видимая толщина пола второго этажа, не представлял для крякнувшего от досады киммерийца ни малейшего интереса. Дверца западни сомкнулась на его бедрах — и держала крепко.

Даже вырываясь, Конан знал, что Испарана уже сбежала вместе с Глазом. И казалось маловероятным, что он вовремя окажется там, чтобы найти ее дожидающейся у городских ворот. Он не мог освободиться. Все его попытки вырваться на волю путем рывков, ворчания и, наконец, отковыривания захлопнувшейся панели привели только к кровавым ссадинам у него на бедрах. Они вызвали новый поток ругательств.

Конан попался в превосходно придуманную западню, расставленную для поимки любого вора, залезшего в окно, через которое киммериец собирался вылезти. Взывая к именам всех богов, каких он мог вспомнить, Конан прорычал литанию сплошь из проклятий и ругательств.

Конан оставался в западне, как ему казалось, много часов. И все это время он с равным рвением проклинал и себя, и Хизарра Зула, и двух замбулийцев.

А затем в комнату вошел человек. Он осмотрел столы и, подойдя к киммерийцу, остановился, пристально глядя на него.

— Клянусь Хануманом, гляди-ка, что я поймал, — в моем капканчике волк величиной с медведя!

Конан молча прожег взглядом незнакомца. *«Так он клянется Хануманом Проклятым из Замбулы, да? Ну, ты только подойди поближе, старый пес, и даже мой меч без острия...»*

Но нет, этого не дождешься. Если Конан убьет этого человека, то может так никогда и не вырваться отсюда. Перспектива остаться здесь, в оковах, зажавших ему бедра, сходя с ума от голода и жажды, и в конце концов умереть с почерневшим языком... нет. Конан с радостью протянул бы меч рукоятью вперед и рискнул бы выйти на бой безоружным, но со свободными ногами.

Глаза вошедшего буравили его, глаза бездонные и темные, как провалы между тусклыми огоньками далеких звезд.

Длинная туника из аксамита цвета охры прикрывала Хизарра Зула до голеней. Грудь его украшал вышитый золотой нитью орнамент в виде завитков с вделанными то тут, то там опалами и какими-то блестящими камнями тепло-шафранового цвета. На ногах он носил сандалии без ремешков, на руке золотой браслет с множеством дырочек, а на пальцах у него сверкало пять колец, из них четыре — с разноцветными камнями.

Сам Хизарр Зул был человеком узкоплечим и узкобедрым, и лишь зарождающееся брюшко слегка округляло завесу, образованную его облегающей неподпоясанной туникой. Его большие, темные, чуть навыкате глаза смотрели пристально и требовательно. Над широким высоким лбом разбегались от центральной точки, словно вывернутый наконечник копья, похожие на сверкающий уголь волны черных с проседью волос.

Сложив руки за спиной, Хизарр Зул прохаживался перед попавшим в западню гостем.

Кожа у колдуна была на вид гладкой, с янтарным отливом, словно глянцевая. Возраст его невозможно было определить, но за сорок ему перевалило. Маленькие акку-

ратные усики, казалось, вырастали прямо из ноздрей. Их подровняли с боков так, чтобы они образовали от верхней губы до носа плоский треугольник. Борода у него тоже имела геометрическую форму, хотя и округлую, и напоминала нацеленное вниз черное копье с толстым древком.

Эти слегка выпученные глаза уставились на Конана. Сзади же у Хизарра Зула выбивался один-другой непослушный завиток волос. А говорил колдун усыпляющим баритоном:

— Так. Значит, ты убил моих охранников и моих красавиц змей, после того как они прикончили твоего напарника.

— Я пришел сам по себе. Так же, как и тот иранистанец.

— Ах, значит, сегодня ночью к Хизарру Зулу явилось много гостей, да? А где же амулет?

— На пути в Замбулу, в руках женщины.

— Третьего вора! — Брови Хизарра Зула поднялись так, что его темные глаза выпучились еще больше. — И именно она всех вас обманула?

— Четвертого, — поправил Конан. — Вот лежит еще один — ее напарник.

— Хануманова... голова, — выдохнул кудесник на нисходящей ноте. Он проследовал взглядом в сторону, куда кивнул Конан, и подошел к накрытому бархатом трупу. На лице у него появилось выражение немалого отвращения, но он присел на корточки и стал распутывать ткань, пока не обнажил застывшее в предсмертной муке лицо Карамека.

— Он из Замбулы?

— Да.

— Хмм. — Хизарр поднялся и перевел взгляд на Конана, подняв руку и поигрывая с бородой. — Вы с иранистанцем убили охранников. А потом подрались между собой?

— Да.

— И ты его завалил. А я-то гадал, как же этот дурак ухитрился быть ужаленным в лицо и шею. Значит, его смерть тоже на твоем счету. Равно как и этого. И, не попади ты в мою ловушку в саду, несомненно, лежал бы и третий труп, женский.

Конан ничего не сказал.

— Хмм. Молодой человек, юноша, но рослый и безжалостный. Человек большой силы, юноша он или нет!

Они молча глядели друг на друга. Оценивающе. Изучающе. Один, казалось, обладал безграничным терпением, другому же приходилось его проявлять.

— Северянин... Ты обошелся мне недешево, но эта замбулийка обходится еще дороже. Теперь ты должен быть моим слугой. И как таковой, и за определенное вознаграждение... начиная с приведения мной в действие освобождающего тебя механизма... Ты отправишься следом за ней и вернешь мне Глаз Эрлика.

Конан готов был пообещать все что угодно, лишь бы его выпустили из этого особняка и не выдали городской страже.

— Да, Хизарр Зул, — согласился он. — Я послужу тебе. С радостью догоню эту замбулийку, если мне щедро заплатят.

— Мгм, — хмыкнул Хизарр Зул, задумчиво изучая его. А затем обошел Конана, подойдя к более длинному столу. — Конечно, каждая секунда нашей задержки дает ей большую фору, не так ли? У нее наверняка должен быть быстрый конь или верблюд.

— Наверняка, господин Зул. Мы должны поторопиться — и мне понадобится скакун побыстрее. *«Вполне возможно, мне понадобится проскакать сто или двести лиг, чтобы только нагнать ее,* — подумал киммериец. — *А после этого с амулетом и твоим быстрым конем я смогу отправиться дальше — в Замбулу, в гости к щедрому хану!»*

Улыбаясь и снова пустившись расхаживать, сложив руки за спиной, Хизарр Зул вернулся и остановился перед Конаном. А затем, улыбаясь, нагнулся вперед, показав, что держит в одной руке тонкую медную трубку. Медленно поднес он ее ко рту... И выдул в лицо киммерийцу мелкую желтую пыль. А затем поспешно отступил.

Через несколько секунд Конан рухнул, неспособный дышать.

На сей раз Конан из Киммерии очнулся таким же, как цивилизованные люди, сонным и отупелым. И он к тому

же чувствовал себя встревоженным, болезненным, *пустым*. Тот факт, что физически он был цел и невредим, нисколько не умерял его беспокойства и ощущения болезненности, пустоты. Он не заметил, что у него больше нет меча. Им овладело необъяснимое и несомненное чувство потери и печали.

— Скажи мне, как тебя зовут.

Конан глянул в темные пристальные глаза Хизарра Зула.

— Я Конан, — тихо произнес он. — Киммериец.

— Итак, Конан из холодной Киммерии. Ты только что познакомился с силой порошка черного лотоса, великолепного и полезного цветка из джунглей далекого желтого Кхитая.

— Я знаю о нем. Это смерть. Почему же я жив?

— Паралич наступает почти мгновенно, Конан из Киммерии. Смерть наступает через две минуты. Я снабдил тебя противоядием, изготовленным лично мной. Насколько мне известно, только я знаю, как противостоять порошку Желтой Смерти. Ты пролежал некоторое время без сознания, пока твой — очень сильный — организм не отринул яд. Тем не менее ты чувствуешь себя... не совсем нормальным, не так ли?

Конан не ответил.

Улыбаясь, Хизарр поставил ногу на край крепко державшей Конана панели. И нажал пальцем обутой в сандалию ноги. Панель тотчас же открылась, так вот просто. Конан застонал от щекочущей боли, вспыхнувшей у него в ногах. Кровь засохла у него на бедрах двумя горизонтальными линиями.

— Выбирайся, — приказал Хизарр.

Со сжавшимся от боли лицом Конан сел, уперся ладонями в пол и отодвинулся на ягодицах от ловчей ямы. Кудесник поднял ногу. Облицованная кафелем западня захлопнулась, скрыв яму. Даже глаза киммерийца не могли заметить никакой разницы в покрытии пола.

— Возможно, тебе понадобится растереть ноги, — сказал Хизарр, подходя к более высокому и длинному столу. — И, возможно, также понадобится заглянуть вот в это.

Он вернулся, держа перед сидящим на полу киммерийцем зеркало не длиннее ладони Конана, утолщенное тонким покрытием из стекла или кварца. Конан уставился на него.

— На кой ляд мне какое-то... зер... кало...

Вначале он увидел собственное лицо, как и ожидал. И почти сразу же его начали заслонять меняющиеся узоры. Стекло, казалось, заволновалось, становясь жидким, так что Конан моргнул, а потом не мог оторвать от него взгляда. Он уставился на крошечного человечка, пойманного и испуганного, стремящегося убежать из зеркала, казалось, умоляюще глядящего на него из стеклянной темницы.

Конан вытаращил глаза. Под мышками у него заколо-ло. Он знал это лицо: он видел прежде лицо того крошечного человечка... оно принадлежало ему самому!

— Это, киммериец, твоя душа. Она теперь принадлежит мне. Сделай все, как я сказал, и я верну тебе ее, когда ты отдашь мне амулет под названием Глаз Эрлика. Попробуй предать меня, и я разобью зеркало. И...

Хизарр Зул всего-навсего слегка постучал по зеркалу. Конан почувствовал, как внутри у него все затрепетало. Он не знал и знать не хотел, воображаемое ли оно или вызвано постукиванием длинных пальцев по контейнеру с его... душой.

— Не двигайся. Если оно разобьется, — предупредил Хизарр, — то твоя душа пропала навеки. И никто, кроме меня, не сможет удалить ее из этого зеркала. Ты хочешь вечно таскать с собой свою душу, как багаж, Конан из Киммерии, всегда опасаясь, как бы кто-нибудь не разбил зеркала и...

Конан задрожал. А затем пришло откровение.

— Те охранники! Чтоб тебе!..

Явно признанный теперь колдуном, ехидно улыбающийся Хизарр Зул выпрямился. Взгляд Конана остался прикованным к хрупкому кусочку стекла в длинных тонких руках с янтарным отливом.

— Да, Конан. Теперь ты знаешь мою тайну. Убитые тобой стражи были лишены душ. Они тоже явились сюда ночью. Я забрал их души и разбил их зеркала! То, что осталось, служило мне лучше. — Хизарр вернулся к столу,

где он занимался некромантией. Голубые глаза киммерийца обеспокоенно следили за чародеем, и, когда он положил зеркало, Конану сделалось чуть полегче. Но только чуть.

— Или так я, во всяком случае, думал, — сказал Хизарр, снова поворачиваясь к варвару. — До тех пор, пока не явился человек твоей силы и не одолел их. Кто ж мог предвидеть, что в одну ночь сюда явятся четыре вора? Харуман вас побери — всех *четырех*!.. Я предпочел бы не разбивать зеркало с твоей душой, киммериец. Зная, что оно здесь, ты будешь служить мне лучше, чем человеческий гомункулус, который лишь подчиняется без малейшего проблеска надежды, без постоянного стремления к свободе и воле.

Внутри у Конана нарастало ощущение пустоты. Он знал, что это означает.

Он стал бездушным, проклятым и обреченным и знал, что открыл наконец то, чего стоило бояться. И в самом деле, он не мог не испугаться перспективы навеки потерять свою душу, как и жизненную силу, которая составляла его основу, которая двигала им, делала его неповторимой личностью и которая будет вечно жить после его смерти.

Он знал, что в точности выполнит все, что прикажет это улыбающееся чудовище. Знал, что отыщет похищенный амулет, который мог на многие годы облегчить ему жизнь, если б он смог оставить его себе. Но он не оставит его себе. Словно лакей, наймит, слуга могущественного коварного мага, он привезет амулет сюда, чтобы обменять у Хизарра Зула из Аренджуна на то, что стоило куда дороже.

«Кром, Имир и все боги, — подумал он, почти подавленный. — *Моя душа!»*

— Ты, конечно, согласен. А теперь опиши мне, что ты будешь искать.

— Такой... такой маленький меч, на золотой цепочке.

Хизарр смерил его взглядом, удобно прислонившись к длинному столу, опираясь на него руками.

— Бедный дурачок, ты действительно ничего не знаешь, не так ли? Хорошо. Вот его точное подобие. Еще день — и та замбулийская сучка сбежала бы с *этой* побрякушкой! Смотри внимательно, Конан. Знай, что Глаз Эрлика может завоевать царство... два царства! И, как

тебе теперь известно, он достаточно важен, чтобы заинтересовать кое-кого в Иранистане, так же как этого скромного замбулийца из Туранской империи.

С улыбкой, ставшей теперь чисто издевательской, Хизарр Зул прижал руку к животу и поклонился. Выпрямившись, он снял амулет, висевший у него на шее на ремешке, под туникой, и вручил его киммерийцу.

— Точная копия, мой дорогой преданный слуга Конан. Глаз Эрлика.

Конан посмотрел на него, изучил его. Глаз Эрлика был мечеобразным кулоном длиной примерно с его мизинец. Рукоять заканчивалась рубиновым набалдашником. На обоих концах гарды-крестовины поблескивали крупные желтые камни, оба перечеркнутые единственной черной полосой.

— Надень его, — приказал Хизарр, уронив его на ладонь Конана. — Возможно, ты найдешь ему применение. Конечно, его следовало бы назвать Мечом Эрлика или, на худой конец, *Глазами* во множественном числе, но миром, мой милый варвар, правит отнюдь не логика. Итак, коль скоро ты окажешься в пустыне, первый оазис будет в двух днях пути на юг. Если ты последуешь торной тропой, то скачи примерно час на восток от Аренджуна, а потом поворачивай строго на юг и продолжай в том же духе. Та замбулийка последует этим путем.

— Ты знаешь это?

— Знаю, мой милый слуга Конан. Но тебе не нужно знать, *откуда* у меня такая уверенность. Я Хизарр Зул, и у меня есть свои способы узнавать новости. С тех пор как я нашел тебя здесь, прошло четыре часа. Ты просто следуй этим путем. Ты отдохнул, и ты рослый и сильный. Ты должен каждый час нагонять ее на несколько минут. Ступай.

— Мой меч... у меня нет коня...

— Ты вор, и где-то у тебя припрятаны монеты. Мертвый иранистанец мне ни к чему — возьми его имущество. Приобрети коня. Я бы также предложил взять халат и куфию. Меч твой стоит у задней двери. Он потерял остриё, но годится для боя. С такими-то ручищами ты разрубишь надвое кого угодно!

Только сейчас Конан увидел, что пояс его пропал вместе с кинжалом в ножнах и ножнами меча. То, что он не заметил этого сразу, говорило, какой эффект произвели на него желтый порошок и его противоядие и какой ужас он испытал, потеряв душу.

Киммериец надеялся, что его сумка окажется там, где он ее оставил. Он не знал, сколько времени пробыл в особняке Хизарра. Наверняка часов пять, и значит, на четыре часа дольше, чем собирался. Хизарр же все пялился на него и говорил, втолковывая Конану, как добраться до задней двери особняка. Через эту дверь он и выйдет... не как гость и даже не как вор, а как слуга.

Конан с тоской взглянул на зеркало и подумал о внезапном нападении.

— Только я могу извлечь из этого зеркала твою душу, варвар, — предостерег, отступая на шаг, Хизарр. — Оно будет в безопасности у меня в течение... ну, скажем, месяца.

— Замбула дальше чем в одном месяце пути!

— Значит, постарайся догнать воровку раньше! Хочешь, чтобы тебя вывели отсюда? Эй, слуги!

Взгляд Конана проследовал в указанном Хизарром направлении. В помещение вошли и встали у двери еще двое охранников в мундирах. Оба с мечами наголо. Они оба уставились перед собой равнодушным взглядом. По спине Конана, казалось, пробежала тысяча мурашек. Когда он посмотрел на этих двоих бывших воров...

«Лишенные душ», — подумал он, ненавидя Хизарра Зула за то, что тот видел, как он содрогнулся.

Конан двинулся к двери, пытаясь вновь, по своему обыкновению, расправить широкие плечи и зашагать привычной уверенной пружинистой походкой вразвалочку.

— Я задержусь возле иранистанца, — предупредил он.

Труп выглядел страшно. Существо некогда было человеком, а теперь сделалось пурпурным и раздулось, словно стручок гороха, готовый вот-вот лопнуть.

— Я не стану раздевать тебя, друг, — прошептал Конан. — Но ты можешь чуточку подсобить мне.

Он спокойно присвоил принадлежавший иранистанцу пояс с оружием. На нем висели ножны для кинжала,

идьбарсийский нож длиной с меч и сумка. Конан застегнул пояс, надеясь, что сумка набита монетами. Подобрав длинный клинок с гор Ильбарса, он убрал его в ножны у себя на боку.

— Покажите мне выход отсюда.

Двое безмолвных охранников сделали, как он сказал. Его собственное оружие и пояс оказались у дверей вместе со смотанной веревкой. Конан застегнул свой широкий пояс поверх пояса Аджиндара. Один из лишенных души распахнул перед ним дверь в ночь, еще не освещенную преддверием зари.

— У вас нет души, — обратился к охранникам киммериец, останавливаясь в дверях. — Вы и дальше будете служить похитившему ее? Или хотите принять дар в виде смерти?

И тут Конан в первый раз услышал речь одного из охранников Хизарра Зула.

— Жить без души — это все равно что быть мертвым, пребывая в живых. А умереть без души — и того хуже. — И бывший человек закрыл дверь, чуть не стукнув ею Конана по пяткам.

Киммериец ушел. Голос, провозгласивший эти страшные безнадежные слова, был голосом Хизарра Зула.

Глава 4
В ОАЗИСЕ СМЕРТИ

В оазисе, который и в самом деле находился в двух днях пути от Аренджуна, Конан улегся на спину и уставился невидящим взором на небо, усеянное звездами, словно миллионом мерцающих самоцветов или миллионом пристально глядящих глаз. Неподалеку отдыхал его конь. А в нескольких ярдах от него пофыркивал конь какого-то путника, наведавшегося в этот оазис.

«Лишиться души!» — подумал Конан. Всем сердцем ненавидел он коварного Хизарра Зула.

Но имела ли душа значение? Конан желал бы быть уверенным. Мрачный Повелитель Горы, почитаемый в

Киммерии главным богом, был божеством диким и угрюмым. Он не обещал никакой жизни после этой. При рождении он вдыхал души в тела людей. «Чего ж еще, — говаривал отец Конана, — можно просить у богов?» Ну, другие люди в других странах много чего еще просили и во много чего еще верили. Если б только Конан мог быть уверен. Если эта жизнь была всем, что у него есть, то душа ничего бы не значила.

И, однако... Какое-то чувство *пустоты* появилось у киммерийца, и он знал, что оно останется, пока Конан не получит обратно от Хизарра Зула содержимое того зеркальца. Пусть кто-нибудь другой говорит, что это всего лишь внушение и глаза Хизарра. Конан-то знал, что это ощущение отравляло его, как только он очнулся, до того, как маг показал ему зеркало и объяснил, что в нем заключено.

Два дня спустя Конан все еще проклинал кудесника, ставшего в самом буквальном смысле хозяином его души.

Время от времени он также клял и себя. Ему следовало вести себя благоразумней во многих отношениях, и последний его неблагоразумный поступок заключался в том, что ему следовало-таки раздеть труп Аджиндара из Иранистана. Так полагалось делать победителю в бою. Рубашка с рукавами и шаровары позволили бы Конану сэкономить немало монет. Он мог потратить их на провизию.

И все же он ехал на самом лучшем коне, какого мог себе позволить, носил самую дешевую, но приличную одежду и оставил себе только собственный меч с обломанным острием.

Его деньги, так же как содержимое сумки Аджиидара и превосходный ильбарсийский клинок вора, позволили Конану приодеться и купить скудный провиант; пояс Аджиндара и превосходный кинжал должны были снабдить искателя приключений пищей для путешествия, которое могло продлиться не один день. (О том, чтоб оно продлилось дольше двух недель, не приходилось и думать. Конан *должен* был вернуться в Аренджун в течение месяца.)

Таким образом, он покинул Аренджун на хорошем коне, с неважным вооружением и почти без продовольствия,

для того чтобы день за днем ехать в жару по пустыне под солнцем, превратившимся в смертельного врага.

В полдень второго дня пути конь — которого Конан называл Конь — стал слабеть из-за отсутствия воды. Уверенный, что доберется до оазиса, его новый хозяин не взял с собой больших запасов. Когда надо, человек может вынести многое, киммериец знал об этом, и Конь тоже. А затем в поле зрения показался оазис, и Конь почуял сладостное дыхание надушенного водой воздуха. Конану требовалось лишь сидеть откинувшись в седле. Конь сам знал, куда ехать.

Конь прискакал в оазис, и теперь Конану требовалось лишь сдерживать животное, не давая ему слишком быстро выпить слишком много воды, иначе у Коня раздулся бы живот.

За эти два дня у Конана нашлось много времени для размышлений. «Воровство — ремесло рискованное», — размышлял он. То же относилось и ко многим другим занятиям, но воровство таило даже больше риска. Теперь, повстречав Испарану, Карамека и Аджиндара, он знал, что у других воров, хороших воров, так же как и у него, имелись *покровители.* По той или иной причине они крали различные вещи для других. Им за это платили, и, надо полагать, снаряжали, и давали некоторую защиту или поддержку в случае, если они попадали в руки закона. Теперь-то киммериец знал, что даже цари нанимали воров.

Такой способ очень удобен для человека, желающего добиться успехов в избранной им карьере!

Молодой горец мог мечтать о короне и податливой женщине, но он вряд ли когда-нибудь наденет первую и проведет ночь со второй.

Как только эта отвратная бесприбыльная работа будет завершена, он вернет себе душу, похищенную этим подлым Хизарром, и попытается улучшить свое положение: постарается привлечь к себе внимание достойных нанимателей.

А пока они с Конем по крайней мере напились, а утром он уедет отсюда с новым запасом воды. Путешествовать вообще-то лучше ночью в прохладе, но Конь сильно нуждался в отдыхе.

Различные мысли продолжали тесниться в голове Конана, пока он лежал, ворочаясь и дожидаясь, когда его сморит сон в этом безымянном оазисе, который некоторые называли Дыханием Аренджуна, а другие — Зрением Хердпура. Название зависело от того, куда ехал путешественник. Лежал он, укрывшись старым плащом, украденным три ночи назад. Ночи в пустыне были прохладными. Поблизости спал стоя стреноженный Конь.

На противоположной стороне окруженного кольцом жесткой травы и тенистыми пальмами водоема с хорошей водой расположились люди, которых Конан застал здесь по прибытии. Трое путников почти не разговаривали друг с другом.

Двое отсыпались, готовясь ночью отправиться в путь верхом на своих верблюдах и красивом коне с яшмовой шкурой. Стремившийся к разговорам ничуть не больше их, Конан заставил своего коня отъехать к южному берегу водоема, прежде чем позволил ему напиться.

Киммериец же утолил жажду, распростершись на берегу рядом с шумно втягивающим воду Конем. С другой стороны водоема за ним наблюдал один из путников. «От нечего делать наблюдает», — предположил Конан. Он поднялся, убрал под тунику выпавший поддельный Глаз Эрлика и принялся убеждать Коня прекратить попытки досуха высосать водоем. Другой путник, темноволосый и с гирканским ястребиным носом под белой куфией, отвернулся. Он даже не взглянул, когда Конан счел необходимым силой оттащить Коня от воды. То, что юнец в драном плаще сумел это сделать, несомненно, удивило бы путешественника, наблюдай он за Конаном. Уж Коня-то определенно удивила сила его хозяина.

— На рассвете мы снова наполним желудки, Водохлеб, — пообещал Конан животному, которое теперь получило имя.

Потом конь уснул, в то время как его скаредный хозяин пытался утихомирить бурную деятельность своего беспокойного ума. Он праздно гадал, почему двое других еще не отбыли своей дорогой.

Усни киммериец сразу же, он мог так никогда и не проснуться. Безымянному оазису, называемому то Зрением

Хердпура, то Дыханием Аренджуна, предстояло стать Оазисом Смерти.

Хотя Конан и не знал этого. Да если б и знал, его бы это все равно не заинтересовало. Но те двое, вместе с кем он воспользовался удобствами оазиса, ехали из Самарры, что в туманных горах на юго-востоке. Они направлялись в столицу Заморы Шадизар продавать самые разнообразные товары, приобретенные не путем торговли. Наверно, в следующий раз они смогут позволить себе взять четыре или даже пять верблюдов...

Один из них, Ускуда, уже не раз бывал в Замбуде с караванами из страны колхов. Он видел амулет сатрапа, правившего от имени Турана Замбулой. Он считал его ценной вещью, ведь его носил все-таки царек. И как раз сегодня вечером он снова увидел этот амулет — или так, во всяком случае, он подумал. Царский амулет наверняка удвоит его с напарником прибыли там, в Шадизаре Порочном.

А юноша явно устал. Ускуда прождал целый час.

Теперь, пробравшись мимо спящего коня Конана, Ускуда-самаррянин обошел водоем. Припав к земле, он выхватил кинжал, только когда его отделяло от лежащего навзничь, накрытого плащом северянина не больше трех саженей.

С кинжалом в руке Ускуда выпрямился, зашуршав одеждой, и стремительно метнулся вперед, чтобы рухнуть на спящего, выставив перед собой кинжал.

Первым предупредил Конана о подкрадывающемся к нему человеке совсем не этот шорох. Он не мог представить, что кто-то захочет его ограбить, но всегда был столь же недоверчивым и привыкшим к низменным поступкам, сколь и бдительным. Лежа неподвижно, он уже несколько минут медленно вытягивал руку к рукояти меча. А в то же время его левая рука скользнула по груди к противоположному правому верхнему краю выгоревшей красно-коричневой мантии, прикрывавшей ножны.

Хотя скрежет вынимаемого из ножен кинжала Ускуды услышать и впрямь могли немногие человеческие уши, Конан его услышал. А потом зашуршала ткань...

Левая рука Конана рывком откинула плащ, в то время как правая подняла меч. В то же время мускулы его

живота напряглись, обретя каменную твердость, а верхняя половина тела приподнялась с земли.

Его вытянутый меч встретил напавшего между пупком и пахом.

Сила удара опрокинула Конана обратно на землю. Она также с шипением выдавила весь воздух из легких Ускуды. Однако меч без острия не пронзил грабителя. Возможно, он разодрал объемистую одежду, а возможно, и нет. Это не имело значения.

Железные мускулы правой руки Конана напряглись и вздулись. Он не только не дал противнику упасть на него, но и отшвырнул его в сторону, вправо от себя. Только тогда Конан вспомнил, что попытался проткнуть человека мечом, больше не годившимся для такой работы.

Через три секунды Конан уже стоял на ногах. Нападавший откатился, хватая ртом воздух. Хотя Ускуда шумно пытался вдохнуть и испытывал сильную боль внизу живота, он тоже поднялся на ноги. И когда он поднялся, поднятым оказался и его меч. Кинжал он выронил.

Киммериец бросился на него и с силой нанес удар, полный праведного гнева. Ускуда увернулся, рубанув в то же время Конана по бедрам. Оба клинка рассекли только воздух, и Конан понял, что перед ним опытный воин. Противники, слегка пригнувшиеся, словно готовые к прыжку тигры, повернулись лицом друг к другу, оскалив зубы и слегка поводя мечами.

Ускуда сделал ложный короткий выпад. Конан вывернулся в сторону и, совершив полный поворот кругом, со свистом рубанул противника по шее. Ускуда присел, нырнув под этот удар наемного убийцы, и рубанул по ногам Конана. Высоко подпрыгнув, Конан накренился и метнулся мимо Ускуды, который повернулся, пригнувшись. Теперь-то вор знал, что столкнулся со смертельным врагом.

— Я извиняюсь, — заявил выходец из Самарры. — Я принял тебя за кого-то другого!

И пока киммериец остановился, обдумывая это заявление, Ускуда рискнул, сделав длинный выпад, который должен был залить гениталии варвара кровью из его рассеченных внутренностей.

Но не вышло. С лязгом, который в тишине пустынной ночи прозвучал как удар огромного гонга, он отбил колющий клинок. Удар этот получился таким сильным, что правую руку Ускуды вынесло далеко вправо, почти горизонтально от плеча.

Лязгающее столкновение с клинком противника не замедлило удар меча Конана. Киммериец был к тому же и быстрее, и сильнее. И потому оправился первым. Его меч глубоко рассек правое бедро Ускуды, как раз у колена. Из уст несостоявшегося убийцы вырвался страшный звук: то ли стон, то ли крик.

Даже с раненой ногой Ускуда попытался нанести удар мечом. Но ноги его подкосились прежде, чем рука успела совершить движение.

Рука же Конана почти не замедлилась. Его меч мелькнул, сверкнув серебром при лунном свете. Когда он вырвал меч из ноги противника, тот прочертил в воздухе кровавые линии алыми штрихами и каплями. Киммериец добавил инерции и, снова совершив полный круг, на этот раз почти начисто перерубил левую руку Ускуды у самого плеча.

Ускуда упал. Он получил две глубокие раны и мог зажимать их только одной рукой. Но он их не зажимал. Теперь, когда он почувствовал, что смерть ближе, чем рассвет, он думал только о мести, если вообще думал. Извиваясь на песке, он ударил Конана по голеням. Удар вышел слабым; Конан подпрыгнул; лезвие меча ободрало подошву его правой сандалии. А затем нога Конана опустилась ему на запястье. Хрустнули кости, и меч выпал из парализованных пальцев, а клинок Конана рубанул Ускуду по подбородку и шее.

Киммериец крутанул свой меч без острия, высвобождая его из тела того, кому жить в этом мире оставалось меньше минуты. Руки туранского Эрлика потянулись за еще одним гостем в его владениях смерти.

Несколько мгновений киммериец стоял, глядя на погибшего убийцу, размышляя о различиях между честными ворами, такими, как он, и идиотами вроде этого придурка, пытавшегося вначале убить, а уж потом посмотреть, какая может найтись добыча. А затем Конан резко обернулся.

— Ты, ты убил Ускуду!

— Верно, через несколько минут он умрет, — спокойно отозвался Конан. — Твой напарник попытался заколоть меня спящего. А я не спал.

Второй путешественник не понял, что не стоит мстить за напарника, который получил именно то, чего заслуживал. И атаковал. Конан ударил по его кривому мечу и с такой силой пнул напавшего, что тот отлетел на несколько шагов и упал в водоем. Он вынужден был бросить меч, чтобы не утонуть.

Опустив собственный клинок, Конан вошел в воду. Чтобы не загрязнять воду, Конан сначала вытащил молотящего руками и отплевывающегося путника на берег, а потом перерезал ему горло.

В ночи снова воцарилась тишина, нарушаемая только нервным всхрапыванием лошадей. Более мудрые верблюды остались на коленях посреди своих пастбищ и лишь со слабым интересом посмотрели в сторону Конана. И при этом ни на миг не переставали жевать.

Конан вышел из боя победителем, и добыча досталась ему.

Глава 5
ДРАКОНЬИ ХОЛМЫ

Перед рассветом Конан отправился на юг верхом на хорошо отдохнувшем коне одного из тех, кто пытался убить его. Позади него тащился Водохлеб, привязанный за недоуздок, сделанный из волос мертвых женщин. А нового скакуна Конан теперь называл Конем.

Киммериец принарядился в красивый жилет из выделанной кожи, намного лучший плащ и куфию с хризоберилом в двойной ленте из сплетенных черных конских волос и сапоги, куда, к счастью, не натекла кровь их бывшего владельца. На левом боку у Конана висели кривой восточный меч и два кинжала; его собственный меч висел в шагреневых ножнах на луке седла.

Юноша поел и пребывал в хорошем настроении. Водохлеб временно стал вьючным животным, хотя через

несколько часов его в свою очередь сменит Конь. Водохлеб также вез три бурдюка с водой и вьюк, содержавший кое-что из сокровищ Ускуды и его покойного помощника.

Верблюды оказались непокорными, а Конан — совершенно никчемным погонщиком. Крепко поругав и попинав их, он оставил высокомерных животных, по-прежнему не переставших жевать, и поклялся завладеть ими на обратном пути в Аренджун. Выглядело это наивно, но Конан, как и все разумные люди, надеялся и мечтал.

Весь день он упорно гнал коней на юг. В сумерках он отдохнул часок и сменил лошадей, поменяв местами седло с вьюками.

Он продолжал ехать ночью, предоставив Водохлебу двигаться тем аллюром, каким тот желал. Северянин почти не заметил, как пересек Дорогу Царей, по которой он в один прекрасный день проедет как завоеватель. Встреченный им караван указал ему путь к колодцу, где он и его лошади задержались, чтобы напиться. Наполнив вначале накрытый кожей глиняный кувшин, которым черпали воду, Конан заставил коней скакать еще час. И только тогда он остановил своих усталых животных.

И, сам шатаясь от усталости, Конан тем не менее не забыл привязать своих коней. Все трое уснули, не обращая внимания на восходящее солнце и негостеприимную постель из камней и песка.

И через несколько минут после того, как он час спустя проснулся, киммериец снова отправился в путь.

Два коня, набитые вьюки и живот взбодрили его, так же как и слова караванщика, с которым он поговорил: да, они встречали еще одного одинокого путешественника, едущего на юг.

— Женщину? Ну, тот путник и правда *был* каким-то тщедушным, хотя и грудастым... Клянусь всеми богами! Так вот в чем дело! Да... Женщина!

И караванщик выругался. Умная женщина, неумно путешествующая в одиночку, скрыв свой пол под свободной одеждой и плащом с капюшоном!

Теперь Конан был разумно уверен, что следует за Испараной из Замбулы.

Местность стала более пересеченной и сделалась сплошь каменистой и холмистой. Конан три часа приближался к холму, походившему на разлегшегося у него на пути огромного серого дракона. Не мог он больше гнать лошадей с такой скоростью. Выгадали они от этого мало — путь был нелегким.

Наконец он добрался до «дракона» — длинного гребня холмов, которые те, кто не из Киммерии, назвали бы горами.

Конан сел и мрачно уставился на дремлющего дракона из камня, начисто лишенного растительности, за исключением чахлого кедра, поднимающегося то тут, то там из камня к ненадежному насесту. Теперь он увидел, что должен пересечь ряд холмов, тянущихся с востока на запад, идущих один за другим параллельными линиями. И гребень каждого холма выглядел словно спина роющего землю кабана. Пересекать этот барьер он будет не один час.

Но это было еще не все. На самой вершине самого дальнего холма, на расстоянии, наверное, полутора миль, но во многих часах трудной езды Конан увидел еще одного путешественника. Тот всадник как раз добрался до каменистой вершины холма. Ехавший на верблюде путник вел в поводу другого, который, как увидел Конан, был хорошо нагружен вьюками с провизией. Высокие толстые горбы верблюдов говорили, что в воде они не нуждаются.

Даже в развевающейся одежде и серовато-коричневой джаллабии всадник казался маленьким и узкоплечим.

Конан понял, что это женщина, и решил, что это Испарана.

Она была в поле зрения — и, наверное, в дне пути! Поскольку кони киммерийца устали и скоро их нужно будет поить, то ясно было, что юноша от воровки по меньшей мере в дне пути. Он сидел и ругался, поминая Крома и Лира, Бадба и Немайна Ядовитого, Маху и Мананнана. Пребывавшие далеко в горах Киммерии, они не обратили на него ни малейшего внимания.

И тут из-за огромного валуна, немногим меньше особняка Хизарра Зула, появился еще один всадник.

Этот, должно быть, повстречал Испарану где-то среди массы каменистых склонов холмов. Теперь он находился

не более чем в пятидесяти футах от ее преследователя. Когда он погнал коня вперед, то поднял руку в мирном приветствии. Конан достаточно охотно ответил тем же. Он и его лошади слишком устали, чтобы драться или бежать.

Кроме того, вслед за первым всадником появился еще один и еще один. И еще... И еще... Всего их оказалось пятеро.

Все вооруженные, все в плащах одного цвета и островерхих шлемах. Шлемы и плащи были одинаковыми. Черты их лиц походили на гирканские, и Конан понял, что его взяли в клещи пятеро высоких смуглолицых туранских солдат. Из Замбулы?

— Достаточно жарко? — спросил, выступая вперед, первый.

Конан ненавидел эту фразу, которая, должно быть, звучала избито еще до того, как утонула Атлантида. Однако сами слова, равно как и голос и лицо смуглокожего, ободряли. Они были дружелюбными.

— Да, становится жарковато, — признался Конан. — Вы странные путешественники, как и я.

— Да, — усмехнулся гирканец, — во имя Тарима! Откуда ты взялся? Я никогда не видел людей с такими *голубыми* глазами.

— Я из Киммерии, — непринужденно ответил Конан. Этот малый был провинциалом, никогда не видевшим глаз иного цвета, чем карий! Приободренный Конан принялся бойко врать. — А недавно я покинул Шадизар. Вы ведь наверняка приехали не из самой Замбулы.

— Из Киммерии! — покачал головой воин. — Никогда не слыхивал о людях с такими глазами! Нет, мы из Самарры, и работка у нас самая худшая, какую только может взвалить на верных слуг черствый командир. Мы преследуем двух человек — как мы надеемся. Ты случайно не видел...

— Воров?

— Откуда ты знаешь?

Конан показал назад.

— Несколько дней назад в одном оазисе... — Тут он оборвал фразу, поняв, что никогда больше не увидит тех

верблюдов. Проклятие! Эти южные и восточные боги просто сговорились против него!

Предводитель туранцев насторожился.

— Да?

Конан дернул головой и бросил на него горестный взгляд.

— О, я надеялся вернуться и забрать тех верблюдов, но, наверное, они все равно пропали — впереди вас шел длинный караван. Да, я видел их, если вы преследуете воров. Они были в оазисе, где я останавливался. Мои лошади и я нуждались и в воде, и в сне. А у тех двоих, прибывших туда раньше меня, были верблюды. Я решил, что они пережидают дневную жару и отправятся в путь ночью. Стало темно. Я лег спать по другую сторону водоема...

— Хм. И?

— И один из них попытался убить меня во сне. К счастью, этот дурак споткнулся. Я пнул его так, что он полетел в водоем, выволок его на берег, и тут подбежал его спутник. Первому я перерезал горло...

— Очень мило с твоей стороны, что ты не испоганил воду.

— Я тоже об этом подумал. Его напарник бросился на меня с мечом. Мы схватились. Я оказался сильнее его.

— Они захватили тебя врасплох и ты убил их обоих?

— Врасплох меня захватил только один. — Конан выпрямился в седле, чтобы напомнить хмурившемуся гирканцу о своих размерах. — Я бы забрал и их верблюдов, но не смог заставить тварей следовать за собой. А так как я спешил, то оставил большую часть их вьюков. — Он усмехнулся. — Я даже одного из них не смог заставить подняться на ноги!

Все пятеро солдат рассмеялись, но не презрительно: они знали характер верблюдов.

— Ты не умеешь обращаться с верблюдами, — заметил их вожак.

— Не умею. Думаю, мне и не хочется учиться.

— Верблюдам нравится думать, что они сопровождают тебя, что их не гонят и не ведут в поводу, — сказал один солдат.

— У тебя, кажется, есть лишний меч, — заметил другой.

— Только половина, — уточнил Конан и осторожно левой рукой обнажил собственный клинок из висящих на седле ножен. — Этот я сломал в бою. Тоже был хороший меч.

— Похоже на то. И вдобавок древний. Наверное, он стал хрупким. А тот, что у тебя на боку, принадлежит... принадлежал одному из тех, кого мы преследовали.

Конан кивнул.

— Надеюсь, вы служите не такому господину, который даст честному человеку уйти обезоруженным.

«Только попробуйте», — подумал он, в то же время надеясь, что воины не станут нападать на него.

Предводитель пожал плечами:

— Нет, нет, оставь его себе. Однако боюсь, что мы служим господину столь скаредному, что нам придется обыскать вьюки на твоей лошади.

Конан притворно вздохнул:

— Ах, а я стремлюсь догнать всадницу, которую вы только что встретили.

— Ту женщину? Не представляю себе почему. Недружелюбная сука!

— Это точно! — усмехнувшись, кивнул Конан. Мужчина среди мужчин, говорящий о женщине. — Она такая! Ее бывший господин там, в Шадизаре, не очень-то расстроился из-за ее исчезновения. Но он хочет вернуть несколько мелочей, которые она прихватила с собой. Вы заметили хорошо нагруженного вьючного верблюда?

— Значит, она нам соврала, и как ты, так и мы гонимся за ворами! Ну, я сожалею, но нам все же придется обыскать твои вьюки. Э... откуда, говоришь, ты приехал?

— Из Шадизара... Или из Киммерии.

— Киммерии. Где-то на севере?

Конан кивнул.

— Погодка там немного холодновата, хотя, признаться, сейчас-то я был бы ей очень рад. Я отправился в более теплые края поискать счастья и нанялся телохранителем

к одному богачу в Шадизаре. Если я сейчас не догоню Испарану, то вполне могу сделать это и после, а могу и вовсе не делать.

— Проверьте вьюки, — приказал предводитель туранцев, и двое его людей занялись этим. Он окинул Конана оценивающим взглядом. — В Самарре будут всегда рады человеку, который работал телохранителем и убивает двух человек, застигших его во сне врасплох. Конечно, если он захочет носить один из таких шлемов. — И коснулся своего шлема.

— Неужели северянина с моим выговором и голубыми глазами примут на службу в Туране?

Предводитель сделал утвердительный жест.

— Конечно. Люди, умеющие обращаться с оружием, везде найдут работу. Камбур вот, например, из Иранистана.

— Запомню, — пообещал Конан и дважды переспросил имя командира и попытался запомнить его получше — Арсил из Самарры.

Пятнадцать минут спустя киммерийцу намекнули, что ожерелье, кубок и часть жемчуга должны перейти к солдатам. И кинжал с инкрустированной самоцветами рукоятью тоже.

— Они были заявлены как пропавшие, да притом человеком, обладающим богатством и властью, — сообщили ему. — Другие вещи в нашем списке не числятся, и на вора ты не похож. Должно быть, они твои. — И Арсил из Самарры подмигнул.

— Воистину, — поддержал его Конан. — Я считаю, что пять этих золотых монет принадлежат вашим воинам. Должно быть, вы обронили их.

— Хмм. Поскольку они самаррийские, должно быть, ты прав. По одной на каждого, ребята. Было очень приятно иметь с тобой дело, киммериец.

— Я лишь признаю, что это добро не мое. Мой вьюк стал полегче. А мне еще долго гнаться за Испараной. Неужели нет никакого пути в обход этих холмов или более быстрого пути через них, чем тот, каким следует она, — пути, которым приехали вы?

Туранец мрачно нахмурился и покачал головой.

— Конан, такой путь есть. Он петляет, идя на подъем, сразу за тем прародителем всех валунов. Но тебе лучше не знать о нем и не следовать им.

Конан вопросительно посмотрел на воина, и тогда Арсил с неохотой продолжил объяснения.

— С вершины вот того первого горба видна лощина — ущелье, рассекающее насквозь остальные холмы. Оно сотни лет служило проходом через эти Драконьи горы. И оно выглядит очень соблазнительно. Многие поддавались искушению. Но это ущелье полно призраков или населено... чем-то. За последние десять лет, когда в нем началось твориться неладное, из тех, кто вошел в ущелье, стремясь срезать путь через горы, вышло ровно двое. Оба выбрались оттуда израненными и обезумевшими. Их свели с ума демоны этого ущелья! Один что-то бормотал о нежити, прячущейся в песке, и теперь эту лощину называют Ущельем Песчаной Нежити. А кости всех других, заехавших в нее, лежат там... хотя их скакуны всегда спасаются. Не искушай судьбу, Конан из Киммерии. Двигайся через холмы и держись подальше от ущелья с демонами, потому что оно кратчайший путь в ад.

— И никто не вторгался туда крупными силами? Ты ничего больше о нем не знаешь?

— Борода Тарима! Разве этого мало?

— Да... спасибо тебе, Арсил из Самарры. Мне пора ехать. Придется целый день скакать по этим проклятым холмам!

— Почти целые сутки, — заверил его туранец, кивая. — Но меньше чем в двух днях пути за ними лежит прекрасный большой оазис. Отдохни там и прикинь, как тебе повезло, что ты повстречал нас и избежал того манящего пути в ад! Желаю тебе успешной поимки твоей женщины!

— Она не моя...

— Тогда сделай ее своей, приятель, — пусть лишь на время! — И, развернув коня, Арсил присоединился к своим воинам. Они отправились на север.

Туранцы поехали дальше, решив попробовать вернуть остальное добро, украденное в Самарре. Конан не видел никаких оснований говорить им, что он отошел от Оазиса

Смерти на сто шагов и закопал там самое лучшее из содержимого вьюков непокорных верблюдов.

Поднимаясь на первый каменистый холм, его лошади постоянно оскальзывались, спотыкались. Конан счел более удобным спешиться и вести коней в поводу. Спуск на другой стороне оказался не легче, и к тому времени, когда он добрался до узкой долины, разделявшей первый и второй холмы, он уже знал, что непременно свернет в ущелье.

Забравшись в седло, он проехал немного на запад и вступил в длинную, довольно широкую лощину, увиденную им ранее со склона холма. Он, конечно, верил в демонов и духов, но также безоговорочно верил в себя. И он спешил.

Глава 6
ПЕСЧАНОЕ ЧУДОВИЩЕ

Глубокая расселина, по которой ехал Конан, могла быть прорубленной единым ударом меча великана при условии, что клинок будет изогнутым и немного волнистым. Должно быть, это ущелье давным-давно пробили ревущие вспененные воды. Никакая это не долина, а трещина в земле, по которой могло проехать не больше трех всадников в ряд. Гигантские камни серого и коричневого цветов, пронизанные вкраплениями или прожилками красного и охрового цвета, были в три раза выше всадника. Неприступные стены, казалось, угрюмо взирали на одинокого всадника и его двух лошадей. Конан держался левой стороны, пользуясь хоть мизерной, но тенью.

Лошади вели себя беспокойно, нервничали. Самый песок под их осторожно спешащими копытами, казалось, мерцал и перемещался, искря, словно самоцветы. Конан говорил себе, что прерывистые тихие стоны вызывались ветром, свистящим в этой зияющей трещине между нависающими скалами.

Но никакого ветра не чувствовалось. Не было даже ветерка.

Солнце пекло немилосердно. Пока Конан не видел никаких трупов, никаких костей. Его конь заходил в плавно изгибающееся ущелье все дальше. Сам воздух сделался угрожающим, гнетущим.

Крепко держа поводья, чтобы конь не понес, Конан не переставая вертел головой. Твердые, как голубые агаты, глаза горели, глядя то туда, то сюда, стремясь спроецировать взгляд, способный пронзить самый камень, что окружал его.

Он увидел место, где мог бы выйти из ущелья, забравшись на один из холмов. Этот вариант был все еще для него открыт: он уже сократил разрыв между собой и Испараной на много часов.

Солнце, казалось, негодовало за это на киммерийца и стремилось испечь его, как черный хлеб, на пространстве, стиснутом хмурыми скалами.

Стенания стали громче и чаще. Тон их теперь стал выше, и они казались человеческими или, того хуже, сверхчеловеческими. Обреченное создание, стонущее о своем несчастье. Или... угрозы? И каким-то образом набирающие силу, словно подпитываемые его присутствием здесь, в их обнесенных скалами владениях, словно накачиваемые каждым шагом его вторжения.

Нежить? Песчаный нежить? Такие звуки наверняка издавал не труп!

Конан оглянулся. Его вьючный конь гарцевал и подавал вбок, мотал головой и выкатывал полные страха глаза. Заехали они уже далеко. Плавный изгиб и мелкие извивы ущелья закрывали от взоров вход в ущелье.

«Полпути позади, — подумал Конан. — *Теперь уж бесполезно поворачивать назад».*

Стенания раздались позади него. Стенания звучали впереди него, из-за поворота. Они исходили из высящихся каменных стен с обеих сторон и из-под копыт его нервничающего коня. Песок мерцал и сверкал, словно миллионы крошечных самоцветов на солнце. Казалось, стенал сам песок.

Бадб и Немайн, да это просто сводило с ума!

Его конь протащился мимо белых костей, и Конан поджал губы. Это были человеческие кости. Так же, как

и вон те... Да, вот еще один бледный скелет, отполированный песком и выгоревший на солнце. Там лежал и меч, неподалеку от сегментированных белых косточек — некогда человеческих пальцев. А вон там лежал кинжал, и его сияющий клинок не омрачало ни одного пятна. Конан увидел только один лошадиный скелет, тогда как человеческих насчитал одиннадцать. А тем временем стенания усилились, пока не превратились в постоянные завывания.

Двенадцать скелетов, тринадцать. Два туранских шлема. Еще оружие.

Его конь попытался шарахнуться от четырнадцатого растянувшегося скопища костей, и Конан стиснул ноги и натянул поводья. Стенания больше не были прерывистыми, а звучали постоянно. Они становились сильнее, чем дальше он углублялся в ущелье, где обитала тварь, порождавшая их.

— Прекрати! — прорычал киммериец, хищно прожигая взглядом окружающие скалы. — Прекрати стенать! Покажись или умолкни!

Его голос вернулся к нему эхом, отразившись от шершавых каменных стен вместе со стенанием, постепенно превратившимся в вой.

Тут Конан моргнул и дернул головой, словно желая прочистить уши. И снова моргнул, не веря своим глазам. Впереди и по обе стороны от него песчаное дно ущелья, казалось, ожило. Оно, казалось, смещалось, текло, песок пошел рябью, засверкал. Никакого ветра не было. Конан почувствовал, как дрожит его конь.

А песок двигался.

Затем песок вздыбился, кружась миллионами песчинок, мигающими и сверкающими крошечными точками. Не было никакого ветра, воздух не волновал даже слабенький ветерок. Скорбный вой нес совсем не ветер, и совсем не ветер поднимал пляшущий песок.

Конь Конана заржал, дергая головой, попытался повернуть и убежать. Конан удержал его, очень туго натянув поводья. Скакун встал на дыбы. Окруженный поднимающимся крутящимся песком, сверкающим, как блестки, конь гарцевал на задних ногах. Он снова опустился на

все четыре, осел и снова встал на дыбы. Конан крепко вцепился, стиснув зубы и сощурив глаза.

Когда конь поднялся на дыбы в четвертый раз, он еще и повернулся.

Конан на секунду потерял равновесие, увидел, как небо заплясало и накренилось. А затем песок очутился наверху, а небо — внизу. Песок ужалил его пальцы. Поводья вырвало из его руки, порезав ему пальцы. Конан с силой ударился оземь.

Ослепленный песком и оглушенный ударом о землю, он услышал громкое ржание и дробь копыт. Этот звук удалялся. Его лошади убегали туда, откуда пришли. Он потерял обоих коней вместе с их вьюками.

Конан поднялся, ругаясь и щурясь попытался защититься от песчаного смерча. Ругательства быстро прекратились, он выплюнул набившийся в рот песок и стиснул губы и зубы. Он стал пленником воющей, кружащейся тучи, поднимавшейся все выше и выше.

Песчаными демонами называли такое явление люди пустыни. Это было лишь оборотом речи. «*Но*, — подумал Конан, — *не в этот раз!*»

А затем прямо перед киммерийцем песчинки начали скопляться, складываться в столп. Тот крутился, вращался, стонал, и этот скорбный вой терзал теперь уши северянина. Тогда как волосы у него встали дыбом и вспотел он даже больше, чем в самое жаркое время дня. Песок свернулся, сгустился. Каждая песчинка, казалось, пыталась присоединиться к другим, занять свое место.

Колонна начала принимать странные очертания. Песок сформировался в человека, нежить с мертвым лицом и зловещим темным провалом рта, болтающимися длинными руками и без всяких глаз. Хотя Конан сощурился так, что его глаза превратились в узкие щелки, он выхватил кривой восточный меч, доставшийся ему от погибшего вора из Самарры.

Песчаная нежить не нападала. Она кружилась, но пасть ее оставалась всегда повернутой к киммерийцу, открытой и черной. Конан рубанул по чудовищу без какого-либо результата. Удар меча, рассекший песок, казалось, ничуть не потревожил колдовское создание. Рубить

здесь было нечего, нечего ранить или убивать, ведь это была всего лишь высокая куча песка!

И тут она надвинулась на воина, поглотила его.

Конан не мог с ней бороться, не мог освободиться, так как она двигалась вместе с ним, словно он был частью ее. Песчинки впились ему в лицо, забили уши и глаза, заполнили рот. Конан знал, что не смеет вдохнуть — или же наполнит нос, горло и легкие смертоносными гранулами. Конан начал задыхаться.

Он знал, что не может вечно задерживать дыхание. Он должен выскользнуть из песка — или попытаться. Иначе настанет время, когда он должен будет уступить автоматическим требованиям тела.

Конан не мог вырваться, не мог выкрутиться или выбраться на волю. Песок сделался саднящим, плотным саваном, который окутывал его. Он станет его смертным саваном. Уши северянина заложило от стенающего воя.

А затем раздались слова, и киммериец понял, что они не произнесены — он слышал их у себя в голове, в мозгу.

— *У тебя нет души!*

— Я умираю... воздуха...

— У тебя нет души! Нет души! Ты трижды проклятый Хизарр Зул?

— Нет! Умираю... воздуха... Хиз-з-зарр... Нет! Нет, нет!

— Где твоя душа?

— Умираю... нечем дышать... она у Хизарра Зула...

Отчаянно сознавая, что проиграл битву, Конан выпустил чуть-чуть воздуха между приоткрытых губ.

— *Так ты не Хизарр?*

— Нет!

— *Он забрал у тебя душу! Хизарр Зул причинил тебе зло?*

— Да! Да! Умираю... нужен воздух... Хизарр похитил мою душу, а ты похищаешь у меня жизнь!

Кружащаяся фигура-столп, почти человеческая фигура из песка, закрутилась, удаляясь, отступая, освобождая его. Отодвинулась она фута на два. Ослабевший Конан упал на колени и с шумом хватал воздух открытым ртом. Глаза у него вылезли из орбит, а язык вывалился, но

теперь он мог дышать. Говорить же он не мог еще много секунд. Он лишь дышал, и воздух казался ему слаще молодого вина.

— *Ты живой! Объясни!* — Песчаная нежить бушевала у него в мозгу. Ее слова прозвучали и приказом, и настойчивой мольбой одновременно.

— Я из... не из этих мест. Я из Киммерии — страны далекой-предалекой.

— *Так ты не то проклятое чудовище Хизарр Зул?*

— Нет! — проревел Конан. — Именно он-то и забрал мою душу!

И хотя говорить с грудой песка было, вероятно, безумием, невзирая на то что сейчас она походила на высокий серый труп, весь шевелящийся как от беспокойно кормящихся личинок, варвар заговорил-таки с ним, решив схитрить. Его гордость и кодекс чести требовали искренности и не потерпели бы несдержанной клятвы... но... Это... существо искало Хизарра Зула... и ненавидело его...

— Высокородный наниматель послал меня *в погоню* за Хизарром Зулом, ибо он как раз сейчас скачет как одержимый в Замбулу, похитив наши души и мощный магический амулет. И только я могу остановить его...

Призрак застенал и, казалось, поуменьшился в размерах. Он держался на том же расстоянии и глухим голосом, исходящим со скрежетом из разинутого черного рта в сформированном из песка теле... объяснил:

— Проклятый Хизарр! Скачет словно одержимый, да? Он и впрямь должен быть таким, он и его черное сердце и еще более черная вероломная душа! Слушай же, пришелец из Киммерии. Выслушай меня, того, в ком ты видишь чудовище! Я тень брата Хизарра. Я тот, кто был Тозией Зулом! Хизарр убил меня и обрек на это существование, приковав к месту моей смерти! Внемли же, пришелец из Киммерии, повести о вероломстве и рассказу о том, как меня убили.

Конан решил, что создание из песка безумно, и не без причины. Киммериец знал, что ему придется выслушать его историю, так как он находился в его власти. Возможно, чудовище расскажет, как его можно одолеть или как можно быстро убить Хизарра Зула. Конан успокоился, при-

готовившись выслушать повесть, которую, как он понял, песчаному созданию просто требовалось рассказать.

— Никто другой не слышал эту повесть, киммериец. Внимай же. Мы с братом вместе изучали древние знания и тайные учения давно умерших магов, — начал рассказ скрежещущий глухой голос. — Мы узнали тайны, неведомые людям, демоническую премудрость о тех бесформенных ужасах, что таятся в самых далеких землях, во тьме между мирами, в вечно движущихся песках раскаленных пустынь и в темных пещерах, куда не забредают люди. Мы овладели воплощенными и экзотическими сведениями и в своей суетной гордыне возмечтали о власти. Что там еще желать? Ведь богатыми мы уже были. И поэтому мы решили захватить власть, но наш замысел раскрыли, как я позже выяснил, из-за брата, не умевшего держать язык за зубами! Хан Замбулы узнал о нашем заговоре против него с целью захватить власть, и за нами явились стражники. О, они были правы! Намерения наши были беззаконными, и в своем плотно затворенном доме в Замбуле мы и впрямь творили мерзости. Воины явились забрать нас. Нас с братом колесовали бы, вырвали бы нам клещами ногти, а потом глаза и языки. Но меня не было дома, они явились на нашу улицу вместе с маленьким кудесником, защищавшим их, — мелким колдунишкой, только и умевшим что плести чары защиты и соблазна. Я мог бы тогда сбежать! А вместо этого, заметив врагов, рискнул жизнью и как можно быстрей понесся по улице, влетел в наши тайные покои, чтобы предупредить моего брата Хизарра. Ах, если бы я тогда бежал без него! Мы бешено трудились, набивая дорожные тюки самыми ценными из наших самоцветов и жемчугов, ибо деньги свои мы вкладывали в них, а не в землю или груды монет. Мы пытались упаковать свои колдовские принадлежности и книги с магическими знаниями, накопления пятнадцати лет кропотливого труда, когда в дверь замолотили стражники хана. Мы могли бежать в чем были и со своим богатством. И все же мы, само собой, ругались и осыпали злобными проклятиями хана и его стражников, ибо оставленные нами сокровища не имели цены — знания, предметы и приготовления, каких не купишь ни за какие

деньги, а все, что мы захватили с собой, и было обыкновенным богатством. Побрякушки, какие можно купить. ...К тому времени мы уже проводили эксперименты удаляя из тел людей души... Теперь-то он научился делать это, не так ли?

— Да, — подтвердил сквозь зубы Конан.

— Значит, он близок к невероятной власти. С такими знаниями, с такими способностями все прочее становится мелким и несущественным, за исключением власти... Да, теперь, после десяти лет смерти, я говорю это слово: власти, накопленной вымогательством. Вообрази, чего только не заплатит человек, чтобы вновь обрести самую свою душу! Вообрази, что он сделает, если она окажется в руках другого!

«Мне незачем воображать, — зло подумал киммериец. — *Я и так знаю. Переходи же к сути, ты, живое чудовище еще хуже, чем Хизарр Зул!»*

— Вначале власть над воинами из городской стражи, а затем над их начальниками, над советниками и женами правителей — и в конечном итоге над самими правителями! Ибо наверняка есть способ, сказал мой брат, мой блестящий брат Хизарр с выпученными глазами, сверкающими, словно черные звезды, есть способ извлечь души людей из какой-то их очень личной собственности. Так мы и собирались поступить. Мы могли получить власть над всей Замбулой, а потом над всем Тураном, над... Но мы бежали в ночь, как собаки... Беглецы... Нам повезло — мы наткнулись на караван под конец следующего дня. Караванщики нас не знали, и мы присоединились к ним, дав караван-баши не более шести из десяти имевшихся у нас иранистанских лазуритов, — он думал, это все наше богатство! Да мы могли бы купить весь караван этого толстого дурака! Мы с Хизарром отправились с ними на север, скорбя о своей потере, клянясь начать все заново, клянясь отомстить хану Замбулы... за то, что он оборонялся и защищался от нас! Я показал брату те немногие свитки, какие захватил с собой, — страницу из самой Книги Скелоса! И он скорбел, говоря, что в спешке не увез ничего полезного. И мы ехали на север, находясь с братом в хвосте каравана, как обычные приставшие в

пути... В ночь, когда мы подъехали к горам, называемым Драконьими, я обнаружил, что на самом-то деле Хизарр увез кое-какие записки... Он солгал мне! Он намеренно скрыл их от меня — от меня, своего брата, который столько лет был его наставником, а потом напарником, от меня, который *разрешил* этой гадине стать моим напарником. Ибо Хизарр — мой *младший* брат, и это я был гением и основателем в наших... предприятиях. Без меня он был бы ничем, ничем! И не думал я в своем жадном интересе к этим исследованиям и нашей будущей деятельности, какими были на самом деле наши отношения... Он ненавидел меня! Он негодовал из-за моих лет, моего старшинства и превосходства в знаниях! Трижды проклятый *гад*! И в ту ночь я обнаружил это и высказал ему свои обвинения. Мы заспорили, и все вышло наружу. Его негодование и его ненависть ко мне! На этой потрясающей ноте мы расстались, оба в гневе, и, уходя, я принял определенные меры предосторожности: съел определенные травы и произнес определенные слова, так как нервничал, подозревал самое худшее и стремился не дать себя убить... Как видишь, я потерпел неудачу. Той же ночью — или скорее утром, ибо уже занималась заря, — мой хитроумный братец умертвил-таки меня, а потом выжег мне глаза добела раскаленными монетами. Меня оставили здесь! А караван ушел дальше. Я умер... но все то время даже не потерял сознания! Ах, мои травы и мои чары успешно защитили меня, ибо я был и мертвым, и живым. Ах, что за мука! Миллион раз за все эти истекшие годы... Сколько же прошло лет, пришелец, человек из Киммерии?

— Десять.

— Десять. И за эти *десять* лет я миллион раз жалел, что принял все эти меры предосторожности, чтобы не умереть, как все другие люди: телом, разумом и душой. Но нет. Умерло мое тело. Оно мертво. Оно начало разлагаться, и я знал, что это мое тело гниет! Я все сознавал, когда с этих гор пришли шакалы и откопали мою разлагавшуюся плоть, а потом сожрали меня заживо! Они ели меня, варвар, *меня!* Некоторые из моих костей они утащили с собой — погрызть их в своих темных норах. Но я остался в живых. Моя душа прикована к этому

месту. Я осужден стенать здесь о моей злосчастной судьбе и думать о мире и мести. А когда появлялись люди, я нападал, ибо один из них мог быть моим трижды проклятым братом Хизарром! Воля моя была сильна, варвар. С течением лет она набрала силу. Я приобрел власть над этим песком. Я сделал его частью себя, так что с его помощью я смог образовать подобие тела, которое ты видишь. Тело из песка! И так я существовал, мертвый, но живой, и все же бестелесный. Не могу я и покинуть пределов этого проклятого ущелья, где меня убили и зарыли, ибо здесь моя кровь и здесь лежат *почти* все мои кости. Снова и снова я убивал, ища Хизарра, — ты ведь понимаешь, северянин, что я наверняка уже безумен...

— Понимаю...

Конан подумал о повести, которую услышал от существа из иного мира. Этот колдун-заговорщик едва ли был столь же достойным пленником, его судьба едва ли столь трогала слушателя, и он едва ли заслуживал помощи. Однако все ж таки...

— Лишь со смертью моего брата, северянин, варвар, киммериец, я обрету покой!

Конан кивнул, но у песчаной нежити не было глаз.

— С его смертью, — возвышенно произнес безумный призрак. — Мое существование внушает ужас даже мне самому! Я отбыл свой срок в аду, киммериец, — это то время, что я пробыл здесь в мире смертных! А теперь... теперь, обнаружив, что у тебя нет души — ибо уж я-то, бестелесная душа, знаю это, — я нашел средство своего освобождения. Выслушай меня! Выслушай меня, киммериец, ибо у тебя тоже есть причина ненавидеть моего брата и желать ему смерти.

Лицо Конана походило на лик каменной статуи мрачно-строгого бога, а голос звучал угрожающе. Он произнес, не шевельнув ни единым мускулом лица:

— Да.

— Тогда выслушай же меня! Ты должен захватить его в плен, сделать его беспомощным! Моего брата можно убить, хотя и не так, как других людей. Убить его могут воды реки Зархеба, ибо река та в далеком юго-западном

Куше ядовита. Или же против него можно обратить один из его же... методов, вот потому-то он и не носит никакого оружия, — верно?

— Верно.

«Но как я попаду на берег какой-то невозможно далекой реки и откуда мне знать, как обратить против него его же колдовское оружие?»

— Значит, он научился похищать души?

— Да. Его дворец в Аренджуне охраняют люди, души которых он забрал и заточил в зеркалах... которые затем разбил. Но...

— А ты сможешь даровать им покой, набив землей рот Хизарра, и его уши, и ноздри, а затем, отрезав ему голову, позаботиться о ее сожжении — чтобы пламя полностью поглотило ее.

— Его голову. Но он ведь жив...

И Конан подумал: *«Ты и впрямь безумен, умертвий Тозия Зула!»*

— Его можно также убить железом, выкованным в Стигии над огнем из горящих костей, ибо большинство наших чар родом из той дурной и демонической страны. Еще его можно убить, задушив волосами девственницы, убитой бронзой.

Конан ничего не сказал. Он почувствовал, что желудок его бунтует. Что за мерзости столь спокойно провозглашало это лишенное жалости существо! Киммериец знал, что даже ради своей души он не может убить молоденькую девушку и выполнить все условия, о которых сказало это безумное чудовище. Нет, если понадобится, он проведет годы, разъезжая по всей Стигии, пока не приобретет железный меч. Если не найдет какого-то способа обратить против мага его же зло. Только это сулило хоть какую-то надежду, только это казалось возможным; однако это даст Конану мало шансов.

— А моя собственная душа?

— Какая ерунда! Я должен обрести покой! Хизарр должен умереть!

— Я клянусь памятью моей матери и богами моего народа, что я сделаю все, что в моих силах, чтобы убить его, Тозия Зул, и даровать тебе покой. Но я хочу

обрести покой при жизни. Я хочу воссоединить свои тело и душу!

Песчаный умертвий заревел, задрожал, вырос размером.

— Я ведь могу *убить* тебя, жалкий человечишко!

— В этом я ничуть не сомневаюсь, великий кудесник. Но я — твое лучшее средство обрести покой. Помоги мне одолеть своего брата, и я сдержу свою клятву. Когда ты расскажешь мне, как вновь обрести свою душу.

— Ты можешь отобрать ее у него! Он может мигом вернуть ее тебе! Или, завернув зеркало, в котором она заточена, в те же локоны, которые, как я говорил, убьют его, и зарыть зеркало в землю, на которую упадет твоя кровь. А можешь заставить разбить зеркало коронованную особу. Ибо те, кто правит, наделены некой силой — силой, о которой мало кто из них ведает.

— Тогда я должен получить ее назад от самого Хизарра, ибо никогда не смогу завести разговор с правителями каких-либо стран и попросить их о такой услуге!

— Это уж не моя забота, человек из... Кто ты?

— Я Конан, киммериец.

— Что ж ты не сказал мне?.. Неважно... А теперь ступай и убей Хизарра Зула, проклятого всеми богами!

— Ты спугнул обеих моих лошадей, а с ними пропали вся моя вода и еда. Хизарр уже за этими холмами... Никто теперь не пользуется этим ущельем... И едет через пустыню на юг. Пешком мне его никогда не догнать.

— Всего в одном-двух днях пути к югу отсюда есть оазис, не так ли? Я смутно помню... ах, боги, что за муки я испытываю!

— Да! — поспешно подтвердил Конан.

— Тогда не ты, а он тебя догонит, Конан из Киммерии! Ибо долгих десять лет я чахнул здесь мертвый, но не умерший, набрасываясь на всех заехавших в надежде, что каждый окажется, наконец, Хизарром! А теперь — теперь ты сможешь отомстить за себя и *даровать мне покой!* Сожми покрепче свой меч. Сделай несколько вдохов и хороший глубокий вдох *и задержи дыхание!* И закрой глаза!

Этот песчаный умертвий из зловещего ущелья был буйнопомешанным безумцем, жалкой *тварью* — и все же Ко-

нан знал, что он был и смертоносным чудовищем, и магом. Он убрал меч в ножны и крепко стиснул рукоять. А потом усиленно задышал, наполняя легкие, и сделал большой вдох. Задержав дыхание, северянин закрыл глаза.

И тогда вокруг него поднялась сплошная песчаная буря, и она, обернувшись ужасным вихрем, вознесла варвара ввысь, словно он ничего не весил. Конан вцепился в свой меч. Он знал, что его несут по воздуху с безумной скоростью. Он несся верхом на песчаной буре, созданной властелином песка, который к тому же был мертвым.

Желудок выворачивало, и Конан боролся с желчью, которая могла заставить его хватануть ртом воздух, когда повсюду вокруг него был только песок, обволакивающий и несущий его, словно какой-то колдовской плащ.

Затем ветер стих или иссякла сила, которую использовал колдовской умертвий для передвижения песка. Твердые песчинки перестали наждачить ободранные руки и лицо киммерийца, и он рухнул наземь...

И, словно из самых смутных краев холодной тьмы, отделявшей мир жизни от мира смерти, до Конана донеслись прощальные слова чудовища:

— *Вот так ты добрался до оазиса вперед него. Устрой засаду! А я вот совсем истощил силы, и...*

Голос Тозии Зула растаял, песчаный смерч исчез. Конан лежал на траве и слышал, как где-то рядом плещется вода.

Глава 7
ИСПАРАНА ИЗ ЗАМБУЛЫ

Долгое время Конан лежал, хватая ртом воздух и дивясь происходящему. Наконец он поднял голову и увидел траву. Стройные пальмы стояли как часовые, карауля приличных размеров оазис, который, похоже, вырос из большой скалы, вылезшей из земли на совершенно ровном месте. Конан лежал неподалеку от окруженного камышом водоема, представлявшего собой довольно большое озерцо.

«Мне все приснилось?»

Нет, Конан въехал в ужасное ущелье — его лошади-то ведь пропали; сам он оказался далеко на юге и в большом оазисе. В том, что, по словам самаррянина, лежал менее чем в двух днях пути от Драконьих холмов? Он не знал. И не мог быть уверен. Он надеялся на это и потому — верил. Тозия Зул, надо полагать, говорил о том же оазисе, что и Арсил из Самарры.

Киммериец усмехнулся. Значит, подумал он, после всех выпавших на его долю бед он наверняка и впрямь опередил убегавшую Испарану.

Он напился, поглядел на прокаленную солнцем пустыню и подумал о Хизарре Зуле и его брате. Ну до чего приятно быть соучастником последнего! Отомстить за себя и за Тозию и в то же время героически изгнать умертвия из демонического ущелья, который так замедлял путешествия! Но... как? Конан мысленно перебрал подробно расписанные Тозией способы пресечь жизнь Хизарра и вновь обрести свою душу. Все они ему не нравились. Ни один не казался возможным. Как же тогда?! Хизарр ведь был опасным магом. Ему требовалось всего лишь разбить зеркало. И ему нужно всего раз дунуть в ту свою проклятую трубочку, чтобы погубить Конана.

Конан уселся под пальмой, прислонившись к ее стройному крепкому стволу. Он ждал и думал.

В тот полдень к оазису подъехал какой-то старик с дочерью, сыном и тремя верблюдами. Сын не сводил с киммерийца темных подозрительных глаз. Он готов был драться, хотя и выглядел слишком молодо, чтобы знать, что он не смеет выступать против такого воина, как Конан. Дочь же смотрела на северянина со страхом и чем-то еще, что не позволяло ей встречаться с ним взглядом, но, когда взгляд Конана бывал направлен в какую-то иную сторону, она не сводила с него глаз. Отец поговорил с киммерийцем, который потом еще долго следил за тем, как путники обращались с верблюдами.

Да, Драконьи горы оказались чуть меньше чем в двух днях пути к северу отсюда. Нет, они никого не видели.

Да, они ехали в Замбулу; не хочет ли Конан присоединиться к ним?

Нет, но Конан принял предложенную пищу. Он оценил этот бесценный подарок, так как сделали его люди, которым предстоял дальний путь. И пока старик присматривал за верблюдами, Конан чуть не силой отдал настороженному пареньку кинжал в ножнах, забранный им у вора из Самарры.

— Я не оскорблю тебя, предлагая что-либо за еду, которой ты поделился по дружбе, — сказал Конан старику. — Но по дружбе же я дал твоему сыну небольшой подарок из хорошего металла.

— Кинжал хорош, — оценил старик, — и да ускорит Митра шаги того, кого ты ждешь, друг. О, берегись. Несколько караванов всегда отправляются одновременно, и прошлой ночью луна показала мне, что караван из Хоарезма должен был быть здесь еще вчера. Мы его не видели. Наверно, он прибудет сегодня ночью или завтра утром.

Когда Конан продолжал молча глазеть на него, старик пояснил:

— Хаоризм — самый южный город Турана на море Вилайет. В Хоарезме торгуют рабами и везут их на северо-восток в такие места, как Хауран и Замора.

— А мне-то что до этого?

— Иногда работорговцев не слишком волнует, где они приобретают свой товар и как, мой юный друг из Киммерии. Разве ты сможешь защититься от них?

Конан коснулся эфеса меча.

— Тем не менее, — повторил старик, — поберегись.

Путники сели на верблюдов и поехали на юг. Оба путника помоложе оглянулись. Конан не махнул им на прощание.

Он сел и некоторое время думал о том, какими же добрыми и хорошими могут быть люди и как мало людей ведут себя достойным образом. А затем расслабился и с терпением охотящейся пантеры — или варвара — стал смотреть на север. Конан поджидал Испарану и вынашивал замыслы расправы с Хизарром Зулом.

Пока заходящее солнце купалось в темном золоте своего заката, Конан наблюдал, как к оазису медленно приближались одинокий всадник и два животных. Солнце стало оранжевым, а потом красным. Оно разбрызгивало по темнеющему небу желтое золото. И тут Конан увидел, что всадник покачивается, кренится, чуть не спит в снабженной высокой задней лукой седле бредущего верблюда. За ними следовал еще один верблюд. Этот стройный и узкоплечий всадник носил поверх белых одежд плащ мышастого цвета.

Улыбаясь, Конан пополз на животе по высокой траве, бормоча проклятие, только когда его рука попадала в верблюжий навоз. Он добрался до своей цели — скопления больших серых валунов с красноватыми прожилками как раз на самом краю оазиса. Из-под них-то и бил ключ, породивший оазис. Перезвон верблюжьих колокольчиков становился все громче.

Оттуда он некоторое время, как раз в сумерках, наблюдал, как Испарана добралась до оазиса... и свалилась со своего дромадера*.

«Слишком уж много она требовала от себя», — подумал Конан. Хорошо! Значит, она уверена, что ее преследователь остался далеко позади. Ее верблюд потащился дальше, заботливо избегая наступить на нее большими подушечками своих ног. Он выпил глоточек-другой воды, казалось, поразмыслил и принялся щипать траву. Второй верблюд последовал его примеру. Конан ждал.

Долгое время Испарана лежала не двигаясь — узел белого и выгоревшего серого белья.

Затем она приподнялась на локтях и поползла к водоему. У нее не было сил даже подняться на ноги. Сдвинув на затылок свой капюшон для защиты от песка так, что блестящие черные волосы упали ей на лицо, она опустила голову в воду.

Конан следил. Он заметил, что на боку у воровки длинный меч.

Наконец она устало поднялась на ноги и сбросила плащ так, словно каждое движение требовало огромных

* Дромадер — одногорбый верблюд. — *Прим. переводчика.*

усилий. Двигаясь вяло, она проковыляла к верблюдам. Конан следил. Намокшие пряди волос, черных, как самая темная ночь, пристали к щекам и лбу воровки, придавая ей довольно привлекательный вид.

Закутанная в свободный белый бурнус и все же отчетливо женственная, она едва волочила ноги, бредя к южному краю оазиса. Конан увидел, как она зевнула. Один раз она споткнулась и упала ничком. Конан услышал, как она выругалась, помянув Эрлика и Йога. У края растительности она остановилась и уставилась на юг. Для Конана было очевидно, что она пытается пронизать взглядом сгущающуюся тьму. Восходящая луна осветила ее лицо нежно-белым светом, и Конан увидел, что у нее нежноточеное, миловидное личико.

Никогда Конан не видел никого столь уставшим, столь нуждавшимся в сне. Он подождет. Удача ведь наверняка снова повернулась к нему лицом.

Верблюды, опустившись на колени, срыгивали и жевали. Время от времени один из этих уродливых зверей вытягивал шею, чтобы сорвать несколько травинок и подсластить свою жвачку.

Испарана не смогла разглядеть ничего, кроме темноты, и ночь не донесла никаких звуков ни до ее ушей, ни до более чутких ушей киммерийца. Похожая в своих развевающихся белых одеждах на привидение, она вернулась к водоему. Конан вглядывался во тьму, еле-еле различая женщину в лунном свете. А затем он увидел, что она делает, и у него комок подкатил к горлу.

Не в состоянии отвести глаз, Конан следил, как Испарана раздевается. Женщина считала, что находится совсем одна в ночном оазисе. Вызванная усталостью вялость сделала ее движения более чувственными, и при виде ее освещенной луной фигуры у Конана появилось желание овладеть не только Глазом Эрлика. Мягкие сапожки из красного фетра, желтые штаны и белые накидки скрывали привлекательное женское тело, и Конан стиснул зубы.

Искушение поднялось в молодом киммерийце, как паводок в горах, и он подумал о том, как получить у этой женщины не только амулет...

Да — амулет. Когда она повернулась и скользнула в воду, он увидел, что она носит его на шее, на грубом кожаном ремешке, висевшем под ее просторной одеждой. Побрякушка, болтавшаяся между двух движущихся холмов ее голой груди... На кулоне поблескивали два желтых камня...

Верблюды уснули. Один из них вскоре захрапел.

Испарана же плескалась в водоеме, двигаясь так же вяло. Конан снова сглотнул. И снова. И еще и еще. Для мужчины его лет скрываться в такой близи от прекрасной обнаженной женщины было немалой мукой. Но он ждал и жадно ловил взглядом мелькавшие в темноте контуры изгибов ее тела. Это только усиливало его мучения.

Тем не менее он утешался мыслью, что, наверно, она настолько устала, что утонет и избавит его от многих хлопот.

Наконец женщина вышла из воды — прекрасное бледное создание в серебристом свете луны. Конан увидел, что, даже искупавшись и освежившись, она едва волочила ноги. Испарана отряхнула длинные волосы, черные, как само небо. Потом она перенесла весь свой вес на одну ногу и бессознательно задвигала задом так, что заставила Конана закрыть глаза, спасаясь от такого зрелища. Она собрала волосы и выкрутила их, выжимая воду. Вода шумно падала ей на ноги и блестела на траве, словно лунные камни.

Конан скрипнул зубами и беспокойно заворочался. Ему приходилось постоянно сдерживать себя, чтобы не шуметь. То, что воровка была на восемь — десять лет старше него, не имело никакого значения. Он был мужчиной, да к тому же молодым, а она — очаровательной женщиной.

Делая много ненужных движений, она вытерла сверкавшую при луне полночь своих локонов подолом бурнуса. Одежду она раскинула на земле. Затем, надев плащ, она оставила его распахнутым и устало улеглась.

Теперь-то смотреть было не на что. Воровка мгновенно уснула, так как купание ее не взбодрило, но расслабило.

Оба верблюда храпели.

Конан продолжал следить. Он испытывал возбуждение, искушение. Он чувствовал, как гулко стучит у него

в ушах кровь. Он ждал. Луна поднялась выше — серебристые три четверти месяца, похожие на подвешенную на небе колыбель. Где-то далеко ей поклонялись пикты, как это издавна делали женщины, знавшие о своем родстве с висящей в небе Повелительницей Ночи и ежемесячно получавшие напоминание об этом.

Конан ждал, закрывая иногда глаза, давая им отдохнуть от пронизывания взглядом темноты. Верблюды спали шумно. Конан был уверен, что женщина тоже спит. Но он ждал.

Вор из Аренджуна бесшумно поднялся и пополз к верблюдам. Животные даже не пошевелились, когда он перерезал кинжалом их подпруги. Присев на корточки, он вскрыл большой тюк с провизией и выудил кое-что из его содержимого. А затем вор из Аренджуна пополз к Испаране из Замбулы; вор, стащивший дорогостоящие серьги со столика у постели, где спала их владелица, вор, обокравший еще одну женщину, пока та лежала с любовником меньше чем в десяти шагах, стянувший плащ у спящего, даже не нарушив его храпа.

Только пугливое животное услышало бы шорох травы, сквозь которую пробирался вор из Аренджуна, не сводя глаз со спящей воровки.

Испарана лежала на спине, с распахнутым на груди плащом, открывавшим ее женские прелести. Конан провел языком по губам, бесшумно извлек кинжал из кожаных ножен. Очень медленно, остерегаясь издать малейший звук и не сводя глаз с ее прекрасного безмятежного лица, он опустился на колени около спящей женщины.

Длинный кинжал сверкнул при лунном свете металлическим блеском, когда державшая его большая рука приблизилась к горлу Испараны. Там пульсировала ее яремная вена, медленно, так как ее сердце билось спокойно.

И там покоилась тонкая полоска коричневой кожи. Завязанный на шее ремешок исчезал за пазухой надевающейся через голову накидки с низким вырезом на груди, капюшон которой служил подушкой ее волосам.

Конан действовал обеими руками.

Испарана слегка пошевелилась, когда он потянул скользящий ремешок, и варвар тут же застыл, как скала. Она вздохнула и не проснулась. Храп верблюдов не мешал

ей спать, равно как и легкое, как перышко, прикосновение опытного вора. Через некоторое время Конан выудил ремешок и потом — с частыми остановками — висевший на нем кулон.

Не отодвигаясь от воровки, Конан надел на ее ремешок свой кулон, который он заранее снял с шеи. Тот был таким же... за исключением того, что не обладал никакой ценностью для повелителя Испараны, сатрапа Туранской империи в Замбуле.

Женщина шевельнулась, когда он просунул ремешок ей под шею и завязал его узлом. Кулон он оставил поверх ее одежды, не рискнув попытаться засунуть его поглубже, в теплую норку у нее между грудей.

Лицо у Конана напряглось, а глаза горели, словно подземная лава, когда он глядел на нее. На мгновение у киммерийца возникло искушение затянуть кожаный ремешок как можно туже и держать его, пока женщина не перестанет трепыхаться и не погрузится в новый сон, от которого уже никогда не пробудится.

Он не стал этого делать. Не поддался он также и желанию насладиться ею. Может, он и был варваром, каковым его называли, зачастую с презрением, но тем не менее он не был ни насильником, ни убийцей. При данных обстоятельствах убить ее было бы разумным, но киммериец на этот раз поступил по-иному.

Разогнув колени, он плавно поднялся на ноги. Испарана спала, погрузившись в глубокий сон полного истощения сил. Конан повернулся и ушел столь же бесшумно, как и подкрался к ней, и теперь на шее у него висела не копия Хизарра, а настоящий Глаз Эрлика.

Казалось, он ничем не отличался от поддельной драгоценности.

По какой-то причине, известной только верблюжьему роду, животные Испараны проснулись, не поднимая дикого рева. Оба даже соизволили подняться в ответ на понукания Конана, в которых он копировал старика, отдыхавшего в этом оазисе чуть раньше. Колокольчики их сбруи лежали в траве, все в одной стороне. Конан разделил содержимое главного вьюка с провизией: всю ее еду он забирать не станет.

Конан попытался повести в поводу горбатых животных, странных кораблей пустыни. Но верблюды не послушались. Тогда северянин обошел их кругом и попытался гнать их перед собой, даже шлепнул одного плашмя по боку своим новым изогнутым мечом. Нога взбрыкнувшего животного только чудом не попала в него.

Конан пнул верблюда посильнее. Дромадер крякнул и осел на одну ногу. Верблюд повернулся, глянув на варвара из-под длинных ресниц, данных ему богами для защиты глаз от палящего солнца пустыни. Конан ответил таким же взглядом, не мрачным или ледяным, а исполненным огромной злобы, которую он стремился донести до зверя, столь не похожего на коня.

— Я намерен вывести тебя отсюда, — прошептал он верблюду, которого Испарана использовала как вьючное животное. — Или выволочь твой задушенный труп. Выбирай, надменная морда.

Другой дромадер, на котором ехала Испарана, тоже повернулся. Киммериец бросил на него злой взгляд и показал зверю зубы. Верблюд задумчиво посмотрел на человека. Конан снова протянул руку к недоуздку. Зверь попытался укусить киммерийца, и большие пожелтелые зубы царапнули его по запястью. Конан с силой шлепнул верблюда по носу. Зверь издал гортанный звук.

— Пошли.

Киммериец предпочел взяться за недоуздок, а не за повод. Верблюд потащился рядом с ним! А другой последовал за ними!

«Не знаю верблюдов, да? — в высшей степени торжествовал пр себя Конан. — *Они и все прочие понимают, кто хозяин. Просто доказывать им это надо по-иному, да и гордости у них побольше, чем у лошадей, или здравого ума поменьше. Ладно же, верблюды, у меня гордости еще больше, и вы это чувствуете, не так ли?»*

Зеленая трава оазиса закончилась, когда он и животные пошли дальше. Конан повернулся лицом на север. *«Прощай, Испарана,* — подумал он. — *Надеюсь, что скоро придет караван работорговцев, но посчитаем, что человеческого товара у них и так предостаточно!»*

У Конана имелись доказательства, что он обладал какого-то рода шестым чувством, которое не раз спасало ему жизнь. Обладал он им на самом деле или нет, не имело значения; обладала ли им Испарана, тоже несущественно, так как, что бы там ни являлось причиной, но женщина в тот миг проснулась. Она резко выпрямилась, сев на песке, словно проспала много часов.

— Вор! Стой, вор!

Потом она побежала вокруг водоема с обнаженным мечом в руке.

Конан попытался вскочить на ее верхового верблюда, но не сумел и попробовал поставить его на колени. Не сумев, он понял, что времени у него больше нет. Он повернулся лицом к Испаране и тяжело вздохнул.

Та неслась, огибая водоем, размахивая мечом так, что тот сверкал при лунном свете; в другой руке она держала высоко задранный подол плаща. Она непрерывно бранилась.

— Погоди! — обратился к ней Конан. — Постой!

— «Постой»! — закричала она, и голос ее сорвался на визг. — Пока ты крадешь моих верблюдов и оставляешь меня здесь умирать?

Ему волей-неволей пришлось отпустить недоуздок верблюда и выхватить меч. Воровка продолжала бежать к нему, словно обезумевшая. И на бегу же она нанесла с размаху секущий удар. Конан с легкостью отразил его мечом и в то же время быстро шагнул в сторону. Инерция атакующей женщины понесла ее дальше, и она врезалась в верблюда. Когда женщина отлетела, упав навзничь, верблюд решил, что хватит с него криков. ...А теперь еще и этот неуместный толчок. Он крякнул, взревел и взбрыкнул, лягаясь совершенно не по-верблюжьи. Одна расширенная мягкая стопа попала по передней ноге другого верблюда. Оба зверя выразили свое недовольство. Затем второй дромадер отреагировал на пронзительные вопли Испараны и этот внезапный взрыв со стороны своего товарища, совершив поступок крайне подлый.

Вьючный верблюд побежал.

— Нет! — заорал Конан. — Стой!

Тут верховой верблюд доказал, что он не был особо привержен к роли лидера, и последовал за своим товарищем. Неважно, что верблюды были самыми глупыми и невозмутимо-мирными животными: они возмутились. И рванулись в ночь.

Громко крича, Конан бросился за ними. Верблюд, бежавший сзади, испугался и прибавил прыти. Конан прыгнул, вытянув руки, и промахнулся; он упал, растянувшись на плотно утоптанном песке на краю оазиса. Дромадеры, покачиваясь, уносились в темноту. Неуклюжие они звери или нет, но они мало-помалу набирали скорость.

Поднимаясь на ноги, Конан услышал разъяренный крик Испараны, приближающейся к нему. Он метнулся в сторону. Ее меч, уже опускающийся в рубящем ударе, погрузился в песок там, где только что лежал киммериец. Перекатившийся на спину, Конан приподнялся на локтях.

— Будь ты проклята, женщина! — прорычал он, и его метнувшаяся вбок стопа, ударив по ногам воровки, сбила ее с ног.

А затем киммериец с трудом поднялся на ноги и побежал на север, следом за верблюдами.

Вернулся он из темноты пешком, шагая отнюдь не широким шагом и выглядя порядком раздосадованным. Он не вел в поводу никаких верблюдов. Испарана стояла, сердито глядя на своего противника. Меч она держала поднятым для колющего удара.

— Теперь ты этого добилась, — сказал он. — Спугнула-таки верблюдов.

— Я спугнула...

— Да. Думаю, они все еще бегут.

— Я... ах ты грязный пес, вор, ты заточил в эту тюрьму без стен нас обоих! Я убью тебя! — И она сделала отчаянный выпад.

Конан нырнул в сторону. Когда он поднялся, то уже держал меч наготове.

— Прекрати, женщина! Мы здесь в тюрьме без стен, как ты сказала. Лучше уж сидеть в ней вдвоем, чем поодиночке.

— Но ты, ты... мои *верблюды! Еда!* Вода!

— В нескольких шагах от тебя воды навалом, — спокойно напомнил он ей. — И я оставил тебе немного еды — за кого ты меня принимаешь!

— За кого? За пса! Шелудивого *пса!*

— Оазис тут большой, и путешественники бывают здесь часто в это время года. Мы не умрем с голоду, прежде чем кто-нибудь заявится.

— Ты — вор, мерзкий грязный пес! Гад! Как ты только *можешь* стоять тут и говорить так! — И она снова бросилась на него.

Конан подобрался, готовясь встретить ее неопытную атаку. В последний миг он увильнул в сторону, одновременно выхватывая меч и скрещивая свой клинок с мечом воровки. Клинки встретились со звонким лязгом, и металл с визгом заскрежетал по металлу. Испарана не смогла остановиться, меч выпал из ее руки.

Киммериец подбирал его, когда женщина развернулась лицом к нему.

— А теперь стой, — велел он ей. — У меня нет ни малейшего желания убивать тебя. Но если ты не будешь держаться подальше от меня и не прекратишь эти безумные наскоки, я тебя раню.

Она стояла, смотрела на киммерийца и рыдала, но не размягчилась и не отчаялась. Она рыдала от ярости и подавленности. Конан понимал это чувство.

— Ты очень устала. И не выспалась. Предлагаю тебе вернуться к прерванному отдыху. А я останусь по другую сторону водоема, под той самой большой пальмой.

Испарана застыла, прожигая Конана взглядом, дрожа от бессильного гнева. Энергию этого гнева требовалось куда-то выплеснуть: она топнула и стукнула себя кулаком по ладони. Затем внезапно она вспомнила, что случилось до того, как она уснула.

— Ты был здесь. Ты видел, как я купалась!

— Видел? — Конан бросил свой меч в ножны и переложил ее оружие в правую руку. — Что видел?

— Видел... видел меня... ты видел, как я... купалась.

— Ах, это...

Конан пожал плечами, зевнул и повернулся уйти обратно в заросли травы и деревьев. Больше он ничего не сказал и не взглянул на Испарану, хотя знал, что она все еще стоит, уставясь на него. Он вошел в оазис и сел у подножия, которое оговорил для себя. Ее меч он по-прежнему держал в руке. Воздух становился прохладным.

Она пришла, выбрав кривую дорожку, чтобы оставаться подальше от человека, который и обокрал, и оскорбил ее. Вернувшись туда, где ее бурнус лежал на траве белой кляксой, Испарана долгое время стояла, раздумывая. Наконец она повернулась лицом к Конану, глядя на него через спокойную воду.

— Кто ты?

— Конан, киммериец. А ты?

— Кто тебя подослал?

— Подослал? Меня никто не подсылал. Я направлялся в Замбулу из Хаурана. И не знал о твари в ущелье между этими холмами. Обе мои лошади сбежали, и я сам едва цел остался.

— Очень жаль! Не повезло же мне! Великий умелец терять ценных животных в пустыне, не так ли? Ты ждешь, что я поверю, будто ты уцелел после встречи с чудовищем из песка и не сошел с ума?

— Да, я уцелел после столкновения с тварью в ущелье. Но наверняка никакой человек в здравом уме не удовольствовался бы верблюдами, после того как увидел тебя.

— Прибереги свои комплименты для шлюх, с которыми ты, несомненно, лучше всего знаком! Как же ты тогда очутился здесь раньше меня?

— Повезло. Когда я выбрался из ущелья, трое человек как раз выезжали из Драконьих гор. Они привезли меня сюда. Очень добрые люди.

— Я видела их впереди, когда поднялась на первую из этих гор... Но они *оставили* тебя здесь?

Конан сделал жест.

— Нам оказалось не по пути.

— Но добровольно позволить бросить себя в пустыне...

— Место тут приятное. Я знал, что скоро кто-то появится.

Это заставило Испарану умолкнуть на несколько секунд.

— Чудовище! Пес! Вонючий сукин сын! Хрюкающая свинья! Ты «знал, что кто-то появится»!

— Да. Песчаный умертвий рассказал мне... Так же, как о человеке по имени Хиссер Зуул, в... Ареные?

— В Аренджуне, — автоматически поправила она, задумавшись.

— Да, в Аренджуне. Ты знаешь этого Хиссера Зуула?

— Нет.

— А слышала о нем?

— Нет. Конечно нет. Я никогда не бывала в Аренджуне. О нем *все* слышали. Тебе там самое место, уж поверь мне!

«Так, значит, мы оба лгуны, Испарана, — размышлял Конан. — *Не скажу я тебе про караван, идущий из Хоарезма... Спи, Испарана. Конан устал... и не сметет уснуть, пока не заснешь ты!»*

Женщина села, сложившись пополам. И хотя Конан не видел ее лица, он знал, что она смотрит на него. Усталость и желание уснуть пересилили все ее мысли о нем, о еде и о завтрашнем дне. Наконец, она улеглась на спину.

Через некоторое время она уснула, а потом уснул, прислонившись к дереву, Конан.

Испарана тоже была воровкой и умела двигаться тихо. Она разбудила киммерийца, поднеся острие своего меча к его глазам.

Глава 8
РАБОТОРГОВЦЫ!

— Я не стану молить о пощаде, женщина, — сказал Конан, разглядывая сверкающий клинок Испараны. — Но тебе есть над чем поразмыслить.

— Я слушаю, — обронила Испарана.

— Позади тебя я вижу караван, идущий с юга. Еще несколько минут — и мы услышим их колокольчики. А

меньше чем через час они будут здесь. Ты уверена, что сможешь убедить их, что убила меня не просто так?

У воровки хватило ума отступить на несколько шагов, прежде чем посмотреть на юг. Одного взгляда хватило для подтверждения, что приближающийся караван Конан не выдумал.

На лице у Испараны, когда она снова повернулась к Конану, появилась нехорошая улыбка.

— Если это замбулийцы, собака, то они меня поймут и поверят мне, когда услышат мой рассказ. А ты умрешь *медленно*, как и заслуживаешь.

— Кровожадная девка! А если это шайка работорговцев из Хоарезма? Что тогда?

Воровка моргнула.

— Ну не станут же они причинять вреда свободной женщине из Замбулы — города, входящего в Туранскую империю!

— Хм... Женщину без товаров, без коней или верблюдов, без защитника... хм... Мы можем быть парой беглых рабов. Да, они не причинят тебе вреда — они просто добавят тебя к своей веренице скованных.

Теперь периферийное зрение Конана показало ему, что от каравана отделился отряд всадников и галопом скачет к ним. «Воины, посланные разведать оазис», — предположил он.

— Эрлик! Это немыслимо. Но даже и так — какое тогда имеет значение, убью я тебя или нет?

— А что тебе это даст, если есть возможность мне умереть медленно в Замбуле?

— Месть! Если б не ты, я бы встретила их как человек имущий, с двумя верблюдами и одним рабом. — Лицо Испараны скривилось, а глаза снова посуровели.

Конан сидел, глядя на нее. Он не думал, что она убьет его так вот с ходу. В то же время ее голени находились как раз за пределами досягаемости его ног, его меч и кинжал лежали в ножнах, а пятеро всадников быстро приближались. Он сообщил ей о них, предлагая ей спрятать, что у нее есть ценного. Воровка быстро обернулась, когда охранники каравана, постепенно переходя на легкий галоп, добрались до оазиса.

— Эй!

— Сам эй, — отозвался Конан и поднялся, в то время как Испарана неуверенно смотрела то на него, то на новоприбывших. Меч в ее руке дрогнул.

— Вы одни в этом оазисе? — Всадник огляделся. — А где ваши животные?

Конан шагнул вперед и обнял Испарану одной рукой. Ему пришлось стиснуть ей плечо, когда она попыталась отшатнуться.

— Украдены, Эрлик побери! — выругался Конан. — Мы с моей... подругой приехали сюда из Шадизара, что в Заморе. Должны были встретиться с ее двоюродным братом, Арсилом из Самарры. Он солдат империи. Ну, мы прождали не один день, и, когда здесь остановилось девять шелудивых крыс из пустыни, мы оказались слишком добрыми. Они угнали наших животных. Двух лошадей и двух верблюдов. Эрлик побери!

— Вороватые свиньи! А ее двоюродный брат... еще не прибыл, да?

Конан постарался убедить работорговцев не думать о пополнении товара:

— Они прибыли несколько часов спустя. И, почти не задерживаясь, погнались за ворами.

— А... — Всадник повернулся что-то сказать тем, кто приехал с ним, а затем шагом направил своего коня к зеленой растительности. — А мы никого не видели.

— Да, — согласился Конан, — они все ускакали на север. Скоро вы, несомненно, повстречаете возвращающегося Арсила и его ребят. Надеюсь, везущих головы без тел.

— Они оставили вам это? — Всадник показал на небольшой вьюк, который Конан собирался оставить для Испараны.

— Да. Вы из Замбулы, капитан?

— Нет, из Хоарезма. — Всадник спешился. Его борода не скрывала нескольких шрамов. Значит, давно в наемных солдатах. — Вас ведь не оскорбляет вид... живого товара, не так ли?

— У вас свое ремесло, — ответил Конан, — а у нас свое.

— Конечно. Мы остановимся на несколько часов, а потом вы можете присоединиться к нашему каравану.

— Лучше нам просто подождать здесь, — легкомысленно отозвался Конан. — Арсила и его имперских солдат. Как, по-твоему, Килия?

— Определенно, — поддержала его игру быстро соображавшая Испарана. — Арсул скоро вернется. Наверно, мы с капитаном можем обсудить возможность покупки коня. — Она с улыбкой повернулась к Конану: — Я могу подождать тебя в Замбуле, любимый.

— Не думаю, что тебе следует ехать совсем одной весь этот путь на юг, — возразил Конан, улыбаясь ничуть не менее нежно.

Также улыбаясь, наемник шагнул вперед так, чтоб быть рядом с Испараной напротив Конана.

— Наверно, все дело в твоем выговоре, северянин, — сказал он. — Но я замечаю, что вы с э... Килией не согласовали имя ее родственника. И я также не такой дурак, чтобы поверить, что пятеро солдат из далекой Самарры поедут так далеко на север всего лишь ради встречи с родственницей одного из них.

— Если она не родственница правителя Самарры, — отозвался ровным тоном Конан и тоже сумел сохранить свою улыбку. — Вы можете понять, почему мы не желали говорить вам об этом, капитан. Хотя ваше ремесло — охрана верблюдов и рабов, вы должны знать о таких вещах, как государственные тайны.

Какой-то миг капитан наемников выглядел неуверенным. А затем протянул:

— Да... и теперь я хотел бы услышать, как зовут правителя Самарры.

Конан, понятия не имевший, как зовут сатрапа Самарры, сохранил открытое выражение лица.

— Назовите ему, госпожа.

Испарана высокомерно посмотрела на охранника:

— Я не привыкла, чтобы меня допрашивали.

— Самаррой правит Хизарр-хан, — заявил Конан, надеясь, что охранник тоже не знает имени сатрапа.

— Неверно, — обрубил работорговец из Хоарезма.

— Проклятие, — выругался Конан и отвернулся от Испараны, кладя руку на эфес.

— Ха! Я не знаю имени правителя Самарры, но и ты тоже! — заявил капитан. И сделал знак своим конным воинам. — Эти двое, на мой взгляд, похожи на беглых рабов! Вот где мы заслужили обещанную нашим нанимателем награду. Взять их!

Конан одной рукой выхватил меч, а другой рванул Испарану прочь от работорговца.

— Вам лучше воспользоваться мечом, госпожа! И молиться, чтобы вернулся Арсил!

Испарана так и не убрала меч в ножны. Капитан наемников потянулся за своим оружием. Один всадник подъехал к Конану. Когда он наклонился стукнуть его большой дубинкой, Конан нырнул под брюхо его коня. И выпрямился по другую сторону от всадника. Поворачиваться в седле он стал слишком поздно. Рука Конана уперлась ему в стопу и скинула его с коня. В то же время Испарана, заметив, что все внимание капитана сосредоточено на Конане, нанесла ему колющий удар в левую подмышку.

С криками потрясения и ярости остальные работорговцы пришпорили коней, поскакав вперед. Их руки схватились за мечи вместо усмиряющих рабов дубинок.

— Прикончи скинутого наземь! — заорал Конан, и, хотя конь из Хоарезма на три четверти развернулся кругом, киммериец вцепился в луку и подтянулся в седло.

При этих его словах двое из трех нападающих повернули коней к Испаране. Конан с силой пнул своего скакуна, так что тот рванул в пространство между нею и атакующими хоарезмийцами. Один из них уже высоко поднял меч, готовясь развалить женщину одним ударом; не останавливаясь, Конан чиркнул его мечом по животу, вспоров живот от бедра до бедра. Воин вскрикнул от боли, в то время как Испарана ударила мечом того, которого Конан скинул с коня.

— Хватай того коня! — заорал Конан, резко разворачивая захрапевшего коня мордой к двум другим охранникам каравана.

К несчастью, они разъехались в разные стороны так, что он проскочил между ними. Он получил порез высоко

на левой руке, тогда как сам рубанул другого всадника по лицу. Пока тот падал, прижав ладонь к поалевшим чертам, Конан снова рывком развернул коня. Рубанувший его воин сделал то же самое. А Испарана каким-то образом уже сидела в седле с распахнутым до пупка изодранным плащом.

— Дайте ему сзади, «госпожа»! — крикнул Конан, глядя на то, что творилось за спиной последнего врага.

Глаза наемника вылезли из орбит. Не оглядываясь, он дернул голову коня вправо, вонзив одновременно каблуки ему в бока. Конь рванул. Видя, что четверо его товарищей тяжело ранены, а то и чего похуже, перепуганный хоарезмиец помчался назад к каравану.

— Пятеро едва ли стоили своего жалованья, — прорычал Конан. — Дай только мне захватить эту малость еды, «любимая», и нам лучше мчаться на север галопом!

Тут он посмотрел в ее сторону, увидел, как ее меч стремительно несется к его лицу и маячившие за ним ее искаженные черты, и отчаянно пригнулся. Меч не задел его, а Испарана уже поскакала галопом в юго-западном направлении, чтобы избежать других охранников каравана. У Конана тогда не было никакой возможности узнать, что у нее ничего не выйдет. Он не только упал, но и ударился головой о ту большую старую пальму. Для Конана солнце погасло.

Пятеро воинов в одинаковых плащах и островерхих шлемах сидели на лошадях и с неодобрительными выражениями на лицах наблюдали за тем, как караван тянулся на север. Эти пять воинов вели в поводу двух лошадей. В караване же было и примерно полсотни волочивших ноги рабов, скованных одной цепью, шедшей от одной голени к другой.

— Похоже, они потеряли нескольких охранников, — заметил один воин. — Я вижу только шестерых, да еще двух раненых и четырех лошадей без седоков.

— Ты наблюдателен, Камбур. Наверно, нам лучше спросить у них, не видали ли они...

— Арсил! Арсил из Самарры!

— Глаза Тарима! Кто это звал? Один из рабов?

— Арсил! Конану из Киммерии нужна помощь!

Когда глаза Арсила выделили кричавшего на самом конце вереницы скованных рабов, один наемный охранник подъехал к нему, подняв плеть. Арсил вскинул руку, направив палец на охранника.

— Ударь его — и *умрешь*, наемник! Караван-баши, вели остановиться! Камбур, Сарид — к концу цепи и приведите его лошадей. Будьте готовы драться, если эти свиньи вздумают отрицать право нашего голубоглазого друга на свободу! За мной! — И Арсил, пришпорив коня, понесся к голове каравана. Двое его воинов последовали за ним. Ведя в поводу двух лошадей, которых они без труда заарканили непосредственно к северу от Драконьих гор, двое других поскакали к Конану. Он двигался в самом хвосте каравана, если не считать двух конных охранников.

Несколько минут спустя некий Искул, караван-баши, оправдывался:

— Он убил двух моих охранников и тяжело ранил двух других! Ему повезло, что мы не прикончили его!

— Повезло? — Рука Арсила высвободила меч из ножен. Глаза Искула неотрывно следили за его движением. — А ты кем предпочел бы оказаться, убитым или порабощенным? Отвечай побыстрей, гражданин Империи, которой я служу. Я ведь могу предоставить *тебе* одно из избранных состояний.

Работорговец из Хоарезма сглотнул, а потом сделал еще одну попытку.

— Капитан, капитан! Ведь мы же здесь купцы, действуем от имени и по поручению других купцов для обогащения Империи, которой вы служите тоже. У вас нет никакого права останавливать нас и требовать одного из наших рабов! Так же, как и требовать другие товары.

— Их вы тоже украли?

— Капитан...

— У вас десять охранников. Один человек, по вашим словам, убил двоих и ранил двух других. Нас пятеро, и мы служим Империи, — уведомил караван-баши Арсил, немного подправляя факты. — У меня есть документ от моего хана, наделяющий меня властью преследовать воров и возвращать украденное, а вам известно, что *мой* хан —

родственник жены царя — императора. Клянусь Таримом, мне думается, что мое предписание можно рассматривать как приложимое к вам. Я заберу киммерийца, сударь. Вы сами отдадите приказ или мы должны смущать Империю Турана обнаженной сталью?

Искул снова умолк, раздумывая. И снова попытался спорить:

— Послушайте, капитан, ни к чему нам так говорить. Парень этот рослый и здоровенный, и цену за него дадут превосходную! Наверно, мы с вами могли бы заключить сделку. Я человек не бедный...

— Да, только готовый вот-вот стать мертвым, — добавил Арсил. — Я взяток не беру, приятель.

— А! Демоны побери вас обоих! Все равно он наверняка склонен к побегам и бунтам. *Фарс!* Освободи того, последнего. У этого пса есть друг.

— И женщину, которую эти ублюдки захватили вместе со мной! — заорал Конан, прежде чем подумал о том, какая прекрасная рабыня вышла бы из Испараны.

После короткого столкновения Искул прокричал второй приказ. Фарс, сопровождаемый с обоих боков двумя воинами Арсила, не посмел сделать ничего, лишь разомкнул оковы Конана, а потом Испараны. Усмехающийся киммериец с благодарностью посмотрел на солдат.

— Камбур из Иранистана! От души благодарю. И вы даже лошадей моих привели. Это, — представил он, кладя руку на плечо Испараны, — и есть та женщина, которую я искал по поручению моего хозяина. А те два верблюда — вон, видите — ее. Она как и вы, едет на юг... Вот, Испарана, прекрасная свита для тебя — храбрые ребята и мои хорошие друзья.

Воровка вперила мрачный взгляд в молодого киммерийца. На груди у нее поблескивал фальшивый Глаз Эрлика. Конан круто повернулся к Фарсу и рыкнул на него настолько по-звериному, что наемник попятился, вытаращив глаза. И ничуть не возразил, когда Конан забрал с его седла два пояса с оружием. Вначале Конан застегнул на талии пояс Испараны, а потом и свой. И весело улыбнулся, взглянув на подъехавшего Арсила.

— Друг мой, я навеки у тебя в долгу!

— Ты просто больше не предъявляй прав ни на кого, Конан, — попросил Арсил, — а то у нас в Империи вспыхнет мятеж! Все равно из тебя вышел бы скверный раб, голубоглазый варвар.

— Да уж что верно, то верно! А вот что до Испараны, по-моему, она была бы превосходной рабыней. Однако я слаб и чересчур мягок и не могу позволить ей остаться скованной цепью. К тому же один из тех двух верблюдов действительно ее!

Арсил чуть отвернул голову в сторону:

— А другой?

Конан развел руками:

— Я же тебе рассказывал, что преследую ее по поручению одного человека из Шадизара. Испарана прихватила несколько мелких предметов, которые дороги ему. Но теперь они все во вьюке на спине вьючного верблюда *моего нанимателя.*

Это впервые за полтора дня, проведенные ими в качестве рабов, пробудило Испарану к жизни; она была словно оглушенной и внезапное появление друзей киммерийца сбило ее с толку. А теперь она развернулась к усмехающемуся Конану:

— Скотина! Сын скота! Пес-ворюга, это мой верблюд! Оба они мои, и ты отлично это знаешь. Капитан, посмотрите на меня. Я выполняю поручение самого хана Замбулы. Как может туранский солдат позволять этому... этому...

— Лучше прекрати лгать, любимая моя, — посоветовал Конан, — чтобы я не предъявил права и на ту побрякушку, что висит у тебя на шее.

Голос у Испараны оборвался, глаза расширились, рука сжала амулет, сделанный Хизарром Зулом. Губы у Испараны тоже сжались.

Конан улыбнулся конному Арсилу:

— Вы что-нибудь нашли в том оазисе?

— Ничего. Должно быть, тот караван, о котором ты говорил, что-то сделал с оставленными тобой телами. Естественно, верблюдов они тоже прихватили с собой. Отличный *подарок*...

Конан мотнул головой.

— Я чувствую себя ответственным за это, Арсил, и я у тебя в долгу. Вот. — Он отстегнул меч, забранный им у Ускуды, самаррянского вора. — Возьми его — это доказательство для твоего хана, что ты повстречал и убил Ускуду и его напарника. — Он повернулся к собственной вьючной лошади и быстро отвязал самый маленький из вьюков. — Ты знаешь, что в нем, Арсил, и знаешь, откуда все взялось, хоть ты и позволил мне оставить деньги себе. Возьми и этот тюк. Так что ты вернешься с доказательством смерти Ускуды и с приличной долей его добычи.

— Конан, тебе следовало родиться более высокородным! Поехали с нами. Человек с такими способностями и таким благородным характером скоро станет начальником в гвардии Самарры!

— *«Благородным»*, — пробормотала себе под нос Испарана. Конан и Арсил уставились на нее, пока она не отвела глаз.

— Я никогда не забуду ни тебя, ни твоего предложения о найме, — пообещал Конан и умолк, чтобы продемонстрировать свою тигриную силу и гибкость, вскочив на коня. — Но сейчас я *должен* отправиться на север. У моего нанимателя есть определенная... власть надо мной. «Госпожа», ты быстро соображаешь и отлично владеешь мечом, — очень жаль, что мы расстаемся!

— Кстати, о мечах... э, Конан...

Тут киммериец хлопнул ладонью по своему клинку, не так давно принадлежавшему Испаране.

— А тебе он не понадобится, дорогуша. Эти могучие туранские солдаты позаботятся о тебе! Всего тебе хорошего в Замбуле. О Арсил, дружище, уговори эту женщину показать тебе, как хорошо она плавает!

И Конан пустил своего коня рысью вместе с другим, груз которого он чуть облегчил. А за ним быстро перебирал ногами дромадер Испараны. Конан, усмехаясь, проскакал вдоль всего вытянувшегося каравана и лишь на долгий-предолгий миг задержался вперить взгляд в Искула из Хоарезма.

— Когда-нибудь, толстяк... когда-нибудь я заявлюсь в Хоарезм и вспорю тебе брюхо, а потом спалю весь ваш поганый работорговый город!

А затем Конан галопом понесся на север и лишь немного отклонился от прямого пути к Аренджуну. В одном оазисе он отсчитал сто шагов на восток, в пустыню, и откопал зарытый им симнатичный вьючок.

Глава 9
ЧЕРНЫЙ ЛОТОС И ЖЕЛТАЯ СМЕРТЬ

— Так, Конан из Киммерии! Ты вернулся намного раньше чем через месяц, — молвил Хизарр Зул, выгнув дугой брови над выпученными глазами. — Значит, ты успешно выполнил поручение? — Маг стоял, покачиваясь на носках и сцепив руки за спиной, как и в тот раз, когда Конан впервые увидел его.

— Да. — Киммериец окинул взглядом зеленую комнату, куда его препроводили жутковатые охранники. Он снова остался без оружия. Его сложили у задней двери особняка. Да, зеркальце было тут. Оно покоилось в сведенных чашею руках статуи черного демона.

Конан показал на него:

— Я хочу, чтобы это зеркало опустело, колдун.

— Да неужто! Нет ничего проще — для меня. Но сперва докажи, что тебе удалось вернуть амулет.

— Очень мне не хочется расставаться с ним, — признался Конан. — Я вот уж неделю ношу его на шее.

— Хмм. А копия, которую я тебе дал?

— Она в руках той, которая украла у тебя настоящий Глаз. Эта женщина, несомненно, все еще на пути к Замбуле — в сопровождении свиты из пяти воинов, которую я ей организовал.

— Ну и изобретательный же ты, Конан из Киммерии!

— Не слишком. У меня нет ни капли воды из одной реки, что течет в Куше, ни стигийского железа, и я не из тех, кто убьет девушку ради ее волос!

Кровь отхлынула от лица Хизарра.

— Откуда ты?.. И что за чушь ты несешь?

— Ты уже проговорился, колдун. Значит, это правда. Этими средствами тебя можно умертвить. И все похищен-

ные тобой души можно освободить, набив твой выскобленный череп землей и спалив его дотла, а?

Хизарр Зул был буквально потрясен словами варвара. Он отступил на шаг. Ноги у него сделались ватными, когда он заглянул в голубые глаза юноши-северянина.

— Ты... но только один человек знает об этих вещах!

— И этот человек я. Другой вот уж десять лет как мертв. Не спрашивай больше, Хизарр Зул. Верни мне душу, — потребовал Конан, стараясь, чтобы его голос не дрогнул на последнем слове. — И я скажу тебе, где найти амулет.

Вновь овладев собой, хотя по-прежнему бледный, Хизарр покачал головой:

— Так не пойдет, Конан. Прежде чем освободить тебя, я должен увидеть Глаз.

— А как ты узнаешь, что это настоящий Глаз?

— Узнаю. Как узнал бы и хан Замбулы, но он никогда не получит такой возможности.

Киммериец подумал об Испаране, одолевающей тысячемильный путь до Замбулы.

— Никогда? — Он переместился так, чтобы оказаться между своей душой и ее... хранителем.

— Никогда.

Улыбаясь, Хизарр двинулся к своему длинному высокому столу. Там, побормотав какое-то время что-то невнятное, он взял резную шкатулку из красновато-коричневого дерева. Из нее он достал, показывая каждый предмет Конану, рубин, два желтых камня, перечеркнутых черными полосками, и немного золотой пыли — компоненты Глаза Эрлика. Все эти предметы он бросил в чашу, выглядевшую сработанной из цельного куска янтаря величиной побольше кулака киммерийца. А затем налил туда масла из большого заткнутого пробкой кувшина и высек искру. Загоревшееся масло вспыхнуло голубоватым огнем с желтыми языками пламени.

— Когда масло сгорит и пламя погаснет, сделанная мной безделушка превратится просто в большую каплю желтого металла, инкрустированную тремя самоцветами. Настоящими самоцветами, прошу заметить. Я сделал копию, чтобы поместить ее здесь и сбить с толку воров. Уж

кому, как не тебе, знать, мой паренек с севера, что опытные воры умеют отличить драгоценные камни от стекляшек!

Конан кивнул и сунул руку за пазуху туники.

— Этот шлаком не станет.

Темные глаза колдуна ярко вспыхнули и, казалось, выпучились чуть больше.

— Да, да, он не станет. Ты и в самом деле выполнил задание, мой верный слуга! Принеси мне вон то зеркало, и скоро ты снова станешь цельным. Человек без души — грустное зрелище.

Конан ничего не сказал. Ему не требовалось выражать свое согласие. Он подошел к статуе и взял зеркало из когтистых рук черного нефрита. С большой осторожностью он отнес его к колдуну, стоявшему по другую сторону стола. Там Хизарр колдовал над перегонными кубами и ретортами, порошками и жидкостями, распоряжался статуэтками, странными инструментами и очень горючим маслом с видом человека, способного захватить власть над миром. Он не сводил глаз с амулета, висевшего на простом ремешке на шее у Конана. Он будет для Хизарра Зула средством подчинить себе первого из правителей и стать повелителем Замбулы. И это лишь начало...

Конан с большой осторожностью положил зеркало на стол перед кудесником. И посмотрел через стол на мага угрюмо и угрожающе. Хизарр Зул, улыбаясь, взял свиток. На обоих концах тот был перевязан шнурком, так чтоб образовать обычную трубку.

— У тебя, как мне теперь известно, возникли некоторые осложнения с аренджунскими властями. У меня есть знакомства в тех кругах, например в магистрате. В этом пергаменте заключается твое избавление от всех твоих неприятностей, Конан из Киммерии.

Он высоко поднял его, придерживая в равновесии на ладони, прижимая сверху большим пальцем так, чтобы когда Конан наклонился через стол взять его, то заглянул бы в конец трубки. Конан сделал глубокий вдох.

И маг тоже. Хизарр Зул быстро нагнул голову и приложился вытянутыми губами к концу трубки. И дунул.

Конан мгновенно понял, что таилось в трубке: смерть из далекого Кхитая. И он не потрудился крикнуть «пес!»

при виде такого приема Хизарра. Убедившись, что его невольный слуга вернул Глаз Эрлика, вероломный волшебник решил побыстрее убить того, кто с самого начала выглядел слишком опасным и чересчур много знал. Он с силой дунул в трубку...

А Конан дунул что есть мочи с другого конца, как раз когда смертельный порошок начал вылетать с его стороны. Потом он повернулся и побежал изо всех сил, не задерживаясь и не оглядываясь посмотреть, как облако Желтой Смерти черного лотоса окутало лицо Хизарра Зула. Конан выскочил из комнаты через ту же дверь, через которую сбежала Испарана, и точно так же, как она, задвинул за собой засов...

Конан со свистом втянул в себя воздух в огромном вдохе — и усмехнулся. Он выдул все смертельное облако порошка обратно на колдуна, применив против Хизарра, как и говорил его брат, оружие колдуна... И киммериец не ощущал никаких болезненных последствий. Вовремя он столь отчаянно дунул.

Он увидел, что вошел в помещение, где творились какие-то темные чудеса и занимались страшными делами: на разных столах лежали трупы тех охранников, которых они с Аджиндаром убили в этом замке колдовства и смерти, — и ни один из них не разложился! В этом помещении находились их одежда и оружие и стоял противный химический запах.

«*Новая затея этого чудовища*», — подумал Конан, но в остальном проигнорировал эти мрачные трупы. Он схватил чей-то меч, со свистом рассек им воздух, попробовал другой. И зло усмехнулся единственному охраннику у дверей зеленой комнаты. Бездумное существо механически обнажило меч, и в особняке Хизарра Зула снова зазвенела сталь. Меньше чем через минуту охранник истекал кровью от двух ран, вторая из которых была смертельной.

— Если все пойдет хорошо, то твоя душа скоро будет освобождена и сможет отправиться — куда там ни отправляются души умерших, — утешил его Конан и плотно прижал ко рту и носу сложенную вдвое полоску бархата. А затем пинком распахнул дверь в зеленую комнату.

Хизарр Зул лежал посреди залы. Прошло намного больше двух минут с тех пор, как Конан оставил его окутанным облаком Зеленовато-Желтой Смерти. Теперь порошок лежал на лице и одежде кудесника, словно золотая пыльца.

Колдун не двигался, и, хотя глаза его были закрыты, как у потерявшего сознание, он был мертв.

«Вот и весь толк от коварных хитростей колдуна, — подумал киммериец, — *и вот тебе и планы завоевания мира. И какой же замечательный я герой. Ведь теперь выходит, что я успокоил и демона из зловещего ущелья!»*

Час спустя, спалив дотла череп колдуна, набитый землей, Конан покинул дом Хизарра Зула. С собой он унес огромный вьюк, два меча и несколько кинжалов. И вдобавок надел превосходный плащ. Во вьюке лежало много ценной добычи. А также завернутое во много слоев отличного бархата маленькое зеркало.

Забрал Конан и Глаз Эрлика. С его помощью он привлечет внимание какого-нибудь правителя. Позади него плясало, поднимаясь все выше, пламя, охватившее особняк Хизарра Зула.

Меч Скелоса

роман

...Он глухо зарычал, словно тигр, в котором сила зверя сочетается с разумом демона.

Бальзак

Пролог
МЕЧ

Двое, обнаженные, с отметинами на телах, оставленными голодом и искусством палача, стояли на дне каменного колодца и смотрели вверх. На площадке перед дверью у верхней ступени лестницы, ведущей в подземную темницу, четверо глядели на них в ответ. Трое из них носили бороды, двое были в кольчугах и шлемах. На двоих были длинные широкие одежды, а на одном — странный головной убор. У троих на бедрах висели спрятанные в ножны мечи, а четвертый держал в гладкой, без морщин руке меч.

Молодой человек в странной феригийской шляпе и длинной розовато-лиловой мантии оторвал взгляд от стоящих внизу пленников и обратился к тому, на ком были разноцветные одежды:

— Ты получил от этих двух пленников все, что тебе требовалось, господин Хан? Теперь ты хочешь, чтобы их убили?

Человек с жирными черными волосами, закрученными в локоны, с выступающим животом и в то же время с недурной наружностью, — этот человек в подпоясанной серебряным поясом, окаймленной золотом мантии, переливающейся разными красками, приподнял брови.

— Да, — сказал он, — однако ты, конечно же, не собираешься сам спуститься туда и исполнить роль палача?

Один из двух солдат ухмыльнулся под своим заостренным кверху бронзовым шлемом на чехле из кожи поверх губки. Он издал слабый звук, и человек в мантии и с мечом в руке бросил на него хмурый взгляд. Однако

тут же на его квадратном лице появилась слабая улыбка, и он снова обратил взгляд к хану.

— Нет, мой господин. Я прошу только, чтобы ты подождал некоторое время и посмотрел. Совсем недолго, мой господин.

Неподалеку от них низкая железная жаровня на кривых ножках прижималась к земле, словно черный демон, чья голова была пламенем, отбрасывавшим жутковатые отблески на стены темницы. По обе стороны от человека в мантии стояло по ведру: в одном был песок, в другом — вода. Присев на корточки, этот человек с квадратным, чисто выбритым лицом положил меч наземь, острием от себя. Лезвие было прекрасной работы, длинный, смертоносный лист сияющей стали, а черенок исчезал в серебряной рукояти, изображающей шею и поднятую голову дракона. Поперечная перекладина, или гарда, образовывала его крылья, а топазовая головка эфеса венчала голову дракона, словно сверкающим желтым золотом.

Что-то бормоча, сидящий на корточках человек посыпал меч грязью из ведра с землей. Он испачкал таким образом клинок, рукоять, гарду и головку и позаботился о том, чтобы оружие было покрыто грязью все целиком. Тот солдат, что был постарше, явно не одобряя его действий, смотрел в землю, и лицо его было угрюмым. Так обращаться с оружием, сделанным с подобным искусством и трудом, конечным продуктом гения какого-то мастера-ремесленника!

Перевернув меч, маг — ибо он совершенно очевидно был магом — повторил свои действия. Все это время он продолжал непрерывно бормотать свои чародейские заклинания.

Не обращая внимания на то, что темная, как вино, мантия, туго натянулась на его обращенных кверху ягодицах, маг встал на четвереньки, словно поклоняясь клинку. Но на самом деле он продолжал бормотать, одновременно выдувая мощную струю воздуха поверх оружия. И снова он постарался покрыть меч целиком, на этот раз невидимым образом, своим дыханием.

Земля зашевелилась, потом слетела, когда маг поднял меч и трижды рассек им воздух этой молчаливой, душной

комнаты. Сам воздух застонал, разрезаемый этим острым клинком.

Обнаженные, покрытые шрамами пленники пристально глядели снизу вверх на эти обряды. Они обменялись взглядами, полными недоумения и опаски, и вновь обратили глаза вверх. Оба могли узнать волшебство, когда видели его, ибо их родной Иранистан, расположенный еще дальше к востоку, вряд ли можно было назвать свободным от присутствия магов и гостей из пространства, расположенного между измерениями.

Так же пристально смотрели хан и оба солдата, и они тоже чувствовали, как волосы шевелятся у них на затылках и слегка перехватывает дыхание. Они знали, что наблюдают за колдовством. Они могли только спрашивать себя, какую цель оно преследует и какого результата добьется здесь, в этой холодной и мрачной темнице.

Маг окунул руку в ведро с водой. Снова и снова он окроплял меч и окунал руку, и опять окроплял меч — и все время бормотал. Все это, совершенно очевидно, шокировало того же старшего из охранников: этот человек повидал на своем веку сражения и относился с большим уважением к хорошему оружию. Любой мог купить топор, но меч был произведением искусства и большого мастерства. Ветеран долго собирал деньги, чтобы купить тот меч, который сейчас висел у него на боку. Он обращался с ним с большим уважением и заботой, чем со своей женой, которая, в конце концов, обошлась ему не так дорого. Плотно сжав губы, он наблюдал, как согнувшийся маг покрывает клинок худшим врагом хорошего лезвия, сделанного из стали: водой.

Теперь солдат, возможно, несколько смягчился: подняв меч вверх, с которого капала вода, маг продолжал говорить певучим, гортанным голосом. Едва шевеля губами, он пронес лезвие сквозь пламя, танцующее над жаровней.

Металл зашипел, словно охваченный сверхъестественным гневом. Перевернув его, маг повторил свои действия и, надо полагать, слова своего проклятия или колдовского призыва.

Наконец все еще бормоча невразумительные заклятия, маг поднялся на ноги. Без всякого предупреждения и

почти не целясь, он метнул меч, как копье, в стоящих внизу обнаженных пленников. И теперь заклинатель заговорил громко, и все поняли слова:

— Убей его.

Меч все еще был в воздухе — полоска серебра, когда маг произнес эти слова ужасающим тусклым голосом, полным угрозы и злобы, которые были словно смертоносные споры, заполняющие чашечку Черного Лотоса из накрытых тенью рока джунглей Кхитая. Солдат и хан не отрывали глаз от меча — так же как и двое пранистанских пленников внизу. Один из них, покрытый шрамами, с ввалившимися щеками и животом, попытался увернуться от клинка, летящего к нему острием вперед. Тогда послышались голоса, бормотание губ, не принадлежащих магу; свернул ли летящий клинок за долю секунды до того, как погрузился в грудь уклоняющегося человека... чуть-чуть влево от центра?

Пораженный таким фантастическим образом, которым с охотой пользуются более беспечные рассказчики и сочинители историй, прямо в сердце, иранистанец резко содрогнулся, потом испустил предсмертный вздох и упал. Он не замер сразу же, но задергался в предсмертных судорогах. Меч погрузился глубоко. Он вздрагивал над поверженным телом.

— Просто замечательный бросок, Зафра, — удивленно сказал хан после того, как смог вырваться из уз цепенящего шока. — Мне и в голову не приходило, что ты...

Внизу второй пленник схватил дракона-рукоять меча, торчащего, как тонкий могильный знак из серебра и стали, над трупом его товарища. Он вытащил меч, выпустив ручеек крови, и посмотрел наверх, на наблюдавших за ним четверых плениших его врагов. Все мысли и чувства читались в его ввалившихся, блестящих от голода глазах: хан! Сам хан, всего в нескольких локтях, а у иранистанца в руках меч...

Неторопливыми, размеренными шагами обнаженный чужеземец подошел к основанию лестницы. Его взгляд был прикован к хану. Кровь капала с меча в его руке.

За спиной мага мечи со скрежетом вылетели из отделанных сверху деревом ножен, — два наемника пригото-

вились защищать своего правителя. Разделаться с иранистанцем, ослабевшим от пыток и недостатка пищи, будет делом нескольких секунд. Без сомнения, охранники недолго прожили бы, если бы их хан был убит, ибо он был сатрапом Турана, а Империя Турана была могущественной и ревнивой, как жеребец, для которого только что миновала пора юности.

Молодой маг поднял руку, останавливая охранников, и спокойно сказал:

— Убей его.

Иранистанец поставил ногу на вторую ступеньку, когда меч ожил в его руке.

Дракон изогнулся, потом изогнулся еще раз, он вырвался из руки узника, пальцы которого разжались от удивления.

Меч быстро повернулся и стремительно бросился на иранистанца, словно клинком управляла могучая невидимая рука. Пленник машинальным, защищающимся жестом выбросил вверх руку — и клинок почти прошел через запястье. Кисть руки повисла на лоскутке кожи, кусочке мышцы и осколке расщепленной кости. Меч немедленно изменил направление удара и погрузился в грудь человека — чуть слева от середины.

Иранистанец, отброшенный назад силой вонзающегося клинка, зашатался и упал навзничь. Так он и остался лежать — одна босая пятка на нижней ступеньке лестницы. Его ноги судорожно дергались. Меч торчал из его тела и вздрагивал, словно увенчивающий рукоять серебряный дракон был живым и яростным.

Маг повернулся и взглянул на своего хана коричнево-гранатовыми глазами, холодными, как само целомудрие. Его квадратное безбородое лицо под высоким головным убором не выражало ровным счетом ничего: ни торжество, ни ожидание не освещали его черт. Теперь он совершенно не обращал внимания на двоих охранников, чьи сердца были словно заполнены страшной стужей, холодной, как сталь, — заколдованная сталь.

— Впечатляюще, волшебник!

Маг поклонился в ответ на слова своего хана. И когда его лицо таким образом на мгновение исчезло из поля

зрения остальных, он улыбнулся, ибо был молодым магом, только что вышедшим из подмастерьев, и не часто получал похвалы, и его будущность и богатство были еще под сомнением. Теперь он знал, что и то, и другое ему обеспечено более прочно, чем самому хану. Он был теперь не подмастерьем, а волшебником, которому Актерхан знал цену.

— Заколдуй так тысячу мечей, — продолжал правитель, когда маг выпрямился, — и у меня будет армия, не требующая никакого содержания и почти не занимающая места, — и непобедимая!

— Ах, мой господин, — осмелился возразить юный маг, — я показал тебе нечто ужасное и впечатляющее, и ты немедленно думаешь только о том, чтобы получить больше!

Один из солдат судорожно сглотнул воздух. Однако, когда его правитель заговорил, он понял, что отныне с этим вызывающим содрогание демоном в человеческом облике придется обращаться с осторожностью и уважением, — вместе с его феригийской шляпой, змеиными глазами и всем остальным.

— Не посчитай меня неблагодарным, волшебник... хотя я не потерплю наставлений от тебя.

Глаза хана сместились в орбитах по направлению к двум стражникам. Это было молчаливое напоминание, что пленники стали теперь трупами.

— Я сожалею, но только два клинка могут быть заколдованы одновременно таким образом, мой господин, — сказал маг. Возможно, хан отметил, что он не извинился, но никаких комментариев не последовало.

— Почему?

Взгляд мага переместился на солдат, затем снова пристально уставился на хана.

— Сейчас здесь не от чего нас охранять, — сказал хан. — Подождите за дверью.

После минутного замешательства, когда солдаты раскрыли было рты, но закрыли, оставив слова непроизнесенными, они удалились. Их повелитель не взглянул им вслед, он продолжал смотреть в лицо мага, который доказал, что если ему чего-то и не хватает, то только лет.

— Почему? — повторил хан.

— Это закон Скелоса, откуда происходят те чары, которые я наложил на клинок, господин Хан. Необходимо употребить верные древние слова именно нужным образом и в нужном тоне и использовать четыре стихии именно в нужном порядке и пока произносятся некие особые слова заклятия, стихии, охватывающие все предметы: землю и воздух, воду и огонь.

— Очень жаль. Однако... великое деяние, и я поражен и очень доволен, волшебник. Ты будешь носить это.

Кольцо с огромным солнечным камнем перешло с пальца на ладонь, с ладони — к ожидающей руке и оттуда — на палец мага. Его поклон был не очень низким, и он ничего не сказал.

— Я возьму этот меч.

— Я так и думал, что мой хан пожелает этого. И мне пришла в голову другая мысль, и потому я хотел, чтобы стражники здесь не присутствовали. Может быть, мне лучше наложить чары на клинок, уже принадлежащий моему мудрому господину?

Хан положил руку на украшенную драгоценностями рукоять кривого меча, поднимающуюся над его левым бедром.

— Да! Клянусь потрохами Эрлика — да!

— Меч должен быть омочен в крови сразу же после того, как будет наложено заклинание, мой господин.

— Да, я думаю, мы сможем найти кого-нибудь, кто отдаст свою никчемную жизнь, чтобы его хана защищал подобный клинок, волшебник! Действуй!

И сатрап Замбулы вытащил меч с драгоценной рукоятью и подал его своему магу Зафре.

Глава 1
КОНАН ИЗ КИММЕРИИ

Высокий юноша сжал коричневый локоть девушки и сильно шлепнул ее по заду. Она танцующим шагом выскользнула из-под удара, встряхивая длинными волосами

цвета гривы чалой лошади, и одарила юношу взглядом, сочетающим в себе упрек и ласку. Сегодня ночью он ее бросил. Позвякивая сделанным из монет поясом, девушка пошла своей дорогой, а парень пошел своей.

Она поторопилась дойти до хорошо освещенного квартала, потому что здесь был самый худший район Города Грешников. Глотки быстро перерезали в этих темных узких улочках местности, известной под названием Пустыни, и еще быстрее — в темноте переулков, скользких от отбросов и блевотины.

Высокий юноша сделал не более четырех размеренных шагов, прежде чем повернуть и войти как раз в такой узкий переулок. Даже на дне колодца видимость не могла быть намного хуже. Больше всего света было на углу улицы за спиной — его давала пара ламп, выполненных в форме львов, у входа в шумную таверну. Этот свет некоторое время следовал за юношей, но вскоре померк.

Запах бросился в ноздри и попытался поразить обоняние миазмами разлагающегося мусора, застарелого вина, прокисшего в бурдюках, сырой земли, вывернутой рядом с домами; а темнота попыталась в то же самое время погасить пылающие голубые глаза юноши. Отсутствие морщин на лице этого человека позволяло заключить, что он молод. Но нечто сродни твердости оружейной стали в его глазах опровергало такое заключение. Более внимательный наблюдатель заметил бы, что этот черноволосый гигант, которому явно не исполнилось еще и двадцати лет, многое повидал, многое пережил и вынес... и восторжествовал над всем. Никто не мог быть настолько глуп, чтобы поверить, что этот кинжал и меч в потертых, старых ножнах из шагреневой кожи не были смочены кровью.

Все это, и его размеры впридачу, придавали юноше уверенность, он повернул в переулок, почти не замедляя шага.

Его самоуверенность была непринужденной самоуверенностью молодости, самонадеянностью волка среди собак. Он избавил мир от двух кошмарных оживших мертвецов, этот силач, рожденный на поле боя, он воровал, пока спящая жертва лежала всего на расстоянии пары

футов от него; он убил двоих волшебников, добивавшихся его смерти, и еще высокорожденного владыку Кофа; и он разбивал чары и отправлял в мир иной так много людей, владеющих оружием, что потерял им счет, — и все это несмотря на свои невеликие годы. Это были всего лишь собаки, лающие на волка, и волк был более крупным, и более быстрым, и более жестоким и злобным, чем они, он излучал уверенность, придаваемую умением, как свеча создает сияющий нимб вокруг своего пламени.

Волк свернул в переулок, и собаки ждали.

Один шаг сделал поджарый, гибкий, как кошка, человек, вышедший из черной тени у стены, острие его меча смяло тунику на мускулистом животе юноши.

— Стой спокойно и убери руку с рукояти меча, Конан, иначе я налягу на меч, и у тебя появится второй пупок.

Холодные голубые глаза свирепо взглянули на человека, стоящего по другую сторону обнаженного клинка. Тот был среднего роста — это означало, что добыча была выше его на целый фут. На нем был длинный темный плащ с поднятым капюшоном; во мраке переулка даже зоркие глаза молодого киммерийца не смогли разглядеть заговорившего с ним. Конан стоял неподвижно, и его мозг посылал всему его большому телу сигнал расслабиться. Очень медленно и осторожно он перенес одну ногу назад. А потом вторую; и когда давление на переднюю часть его туники прекратилось, он выпятил вперед покрытые мускулами ребра, чтобы удержать острие меча и заставить противника поверить, будто он находится на пару дюймов ближе, чем на самом деле.

— Клянусь Белом, богом всех воров, — сказал Конан, — что это за идиотские выходки? А как насчет Кодекса Бела, приятель: воры не грабят воров?!

— Просто... стой спокойно, Конан, если тебе дорого твое брюхо.

— Я никогда не двигаюсь, если меч пытается пропороть мою тунику, — сказал Конан, и в тот момент, когда он договорил эту ложь, за его спиной послышался шорох ткани.

Пора было прекращать дальнейшую игру. Конан был не из тех, кто позволяет проткнуть или оглушить себя

из-за спины только потому, что существует угроза спереди. По крайней мере, он мог видеть клинок человека в плаще; клинок же за спиной мог оборвать его жизнь, и он бы так его и не увидел. «Если мне повезет сегодня ночью, — думал Конан, — противник вперед сделает выпад машинально и проткнет того коварного подлеца, что стоит за моей спиной!» Темнота, как говорили восточные мудрецы, мешает не только честным людям, но и бандитам. Конан не стал задумываться над тем, что здесь все были бандитами.

Он уже опускался на корточки и не переставал двигаться, чтобы подождать возможного удара поверх головы; за долю секунды до того, как его ягодицы соприкоснулись с узловатыми икрами, он нырнул в сторону. В тот же миг его рука метнулась поперек тела к рукояти меча.

Он услышал в воздухе завывание и по этому звуку понял, что стоящий сзади человек замахнулся отнюдь не мечом: сопротивление воздуха было слишком сильным. Вырывая свой собственный меч из ножен, Конан увидел, что в руках у нападавшего дубинка. Это была палка пяти футов длиной и толщиной с женское запястье. Конан заметил также, что человек в капюшоне не нанес удара мечом.

«Странно, — думал Конан, не прекращая двигаться. — Если один держал меня на острие меча, то почему второй пытался оглушить меня сзади — и почему тот, что с мечом, не проткнул меня или по крайней мере не ранил, когда я шевельнулся?»

Поднимаясь в боевую стойку с чуть согнутыми коленями, он выбросил вперед свой собственный клинок. Человек в капюшоне предпочел отскочить назад, а не отражать подобный удар своим мечом. Двигаясь, все время двигаясь, Конан продолжил выпад — и острие меча поднялось под безошибочным углом и вспороло глотку человека с дубинкой. Тот отшатнулся назад, и только теперь Конан заметил моток веревки в его левой руке.

Раненый наткнулся спиной на стену и стоял, пока жизнь вытекала из его горла вместе с алым потоком крови. Конан, сохраняя боевую стойку и обнажая зубы в кровожадной ухмылке, повернулся лицом к другому противнику... который упал на колени. Меч звякнул среди отбросов, покрывающих землю.

— Не убивай меня, Конан. Пожалуйста. Я не пытался убить тебя. Я не стал бы этого делать. Веришь мне? Я не вооружен. Видишь? Ты ведь не станешь убивать безоружного человека?

— Я мог бы, — сказал Конан, скрывая удивление. — Встань.

Человек в длинном темном плаще повиновался.

— Повернись. Сними этот капюшон и иди передо мной, туда, где есть хоть какой-нибудь свет.

Человек в плаще стоял и никак не мог решиться повернуться спиной.

Волк рявкнул:

— Шевелись!

— Я... я... пожалуйста...

— Шевелись, черт бы тебя побрал. Я не наношу ударов в спину. Если бы я собирался убить тебя, я сделал бы это лицом к лицу. Мне было бы приятно посмотреть на выражение твоих глаз и на то, как кровь, булькая, вытекает из твоего рта, словно выблеванное вино.

Человек в плаще, казалось, зашатался от намеренно устрашающих слов киммерийца. Он откинул назад капюшон, и Конан мог видеть блеск его глаз, застывших от ужаса. Он увидел также, что по лицу бандита проходит шрам, разделяющий пополам его бороду. Пленник издал звук, похожий на всхлипывание, и повернулся, весь дрожа. Конан на мгновение присел на корточки, чтобы вытереть клинок о тело другого бандита, который теперь упал и лежал неподвижно, не дыша. И еще Конан подобрал упавший меч нападавшего.

Он встал и сделал шаг. Человек в плаще услышал и заспешил торопливым шагом, но не бегом, впереди киммерийца к выходу из переулка.

В Пустыне Шадизара, куда не заходил никто из стражников, люди улетучились с улицы в тот же самый миг, когда появился перепуганный человек, за которым следовал другой, огромного роста, несущий в руках не один, а два обнаженных меча. Человек в плаще шагнул в круг света от масляного факела, пылающего в скобе над дверью, выкрашенной в красный цвет.

— Стань прямо здесь, — сказал Конан. — Дверь публичного дома — как раз подходящее для тебя место. Как твое имя?

— Явуз, — сказал бандит, наблюдая за тем, как гигант осматривает меч, острие которого так недавно потревожило складки его открытой спереди туники, но не его душевное равновесие.

— Мы вовсе не собирались тебя убивать, — добавил Явуз умоляющим тоном.

— Нет, — сказал Конан. — И вы знали меня. Вы ждали именно меня, а не просто любого прохожего. Вас послали за мной. Тот человек, что нанял вас, одолжил тебе этот меч, не правда ли? Я нужен был ему живым, да? Меня должны были ударить сзади, пока ты сделал так, чтобы я стоял тихо и смирно, словно вол, тупо встречающий молот мясника. Та веревка, которую держал твой приятель, предназначалась для того, чтобы меня связать.

Конан поднял взгляд. Глаза Явуза расширились еще больше.

— Клянусь Белом... откуда ты все это знаешь? Я был обманут?

— Ты обманулся только мыслью, что такая жалкая тварь, как ты, продажная душа, может меня схватить. Некий человек из Иранистана нанял тебя, чтобы ты доставил меня к нему, живого, но связанного, словно необъезженного жеребца... так, чтобы он мог мне задать несколько вопросов.

В глазах Явуза Конан прочел подтверждение своим словам.

— Во имя Митры — этот иранистанский пес послал нас за колдуном, да?

— Конечно, — улыбаясь, сказал Конан и взвесил на руке меч Явуза. — Этот клинок происходит с гор Ильбарса. Я видел один такой раньше в руке человека из Иранистана. А теперь — куда вы должны были доставить меня? Говори, или...

— Ты ведь не собираешься убить меня?

— Я не вижу для этого причин. А ты?

— Нет! Ни одной!

— Сними свой левый башмак.

— Мой... левый башмак?

— Да. Поторопись! У нас не вся ночь впереди. Я нетерпелив, а твой наниматель потеряет терпение прежде, чем мы с ним встретимся.

— А! Ты хочешь, чтобы я отвел тебя к нему, да?

Видя, что его жизнь продлится на время, необходимое для того, чтобы отвести предполагаемую добычу к чужестранцу, который его нанял, — и что может представиться возможность нырнуть в какой-нибудь переулок и дать деру, — Явуз присел на корточки. Он торопливо развязал шнурки на одном из своих коротких мягких башмаков. Это меня не задержит, думал он; я покажу этому могучему, свирепому гиганту, как надо бегать, с босой ногой или обутому!

— Стань в дверях, — приказал Конан, пряча меч в ножны и перенося ильбарский клинок в правый кулак. Кулак этот выглядел достаточно большим, чтобы свалить быка.

Явуз повиновался. Конан присел и, не отрывая от него угрожающего взгляда, принялся ощупывать плотно утоптанную землю, пока его пальцы не наткнулись на кость.

— А!

Кость, которую Конан нащупал на мостовой этого грубого и не признающего законов квартала Шадизара, была костью от ножки цыпленка, и он поднял ее. Ухмыляясь по-волчьи и абсолютно без всякого юмора уставившемуся на него Явузу, он бросил кость в башмак, потом поднялся и ногой подтолкнул короткий башмак его владельцу.

— Надень его. Завяжи шнурки.

Явуз закусил губу, отчего его разделенная шрамом борода дернулась. Было видно, что он дрожит.

— Это... колдовство?

— Да. Попытайся только убежать, когда мы с тобой пойдем на встречу с твоим клиентом, и эта кость убьет тебя.

Явуз трясясь натянул башмак и завязал шнурки из сыромятной кожи. Потом он выпрямился, перенес тяжесть тела на эту ногу и вздрогнул от боли. И понял — ему не убежать.

— Ты видишь? Как я и сказал. Попытайся только скрыться, и кость замедлит твой бег, заставив тебя хромать, — а я убью тебя. Колдовство. А теперь отдай мне свой плащ, чтобы, когда я буду идти рядом с тобой, держа этот клинок в руке, никто не увидел его под плащом. Ты пойдешь рядом со мной, Явуз, а не впереди, как пленник. И не отставай.

— Но... моя туника порвана на спине.

Конан продемонстрировал ему в ухмылке свои зубы и зловеще глянул холодными голубыми глазами из-под черных бровей.

— Прекрасно. Ночь не холодная, а ты, похоже, весь вспотел в таком плаще. Давай снимай его!

Несколько минут спустя Конан надел длинный темно-коричневый плащ — предварительно сильно встряхнув его в надежде избавиться от всяких маленьких шестиногих обитателей, — и одеяние сразу стало казаться коротким. Край его заколыхался где-то выше его икр, когда он зашагал рядом с более низкорослым Явузом, который, однако, был совершенно обычного среднего роста. Ни один случайный наблюдатель не заметил бы, что плащ ни разу не отлетел в сторону от правого бока высокого юноши; он придерживал его там двумя пальцами, чтобы прикрыть длинный меч, который нес в руке.

— Мы направляемся к базару, — заметил Конан.

— Да, — прихрамывая, сказал Явуз. — Иранистанская собака устроилась в хорошей таверне, за границами Пустыни.

— Не называй его собакой, собака, ты на него работал! Покажи-ка свой кошелек.

Рука Явуза машинальным защитным жестом схватилась за квадратный кошель, который он носил на поясе, на двойной бечеве; Явуз опасался воров.

На его руке сомкнулась ладонь Конана. Его глаза расширились, когда пальцы сжались сильнее. Очень быстро он почувствовал боль. Наемник чужестранца с далекого Востока знал, что в этой большой руке осталось еще много силы. Явуз одной рукой отвязал кошелек и передал его идущему по другую сторону Конану. Мощная, как тиски, хватка отпустила его руку. Явуз опустил глаза и увидел

на коже четыре отчетливые белые отметины; у него на глазах они покраснели, когда кровь хлынула обратно в кисть руки. Кулак, достаточно большой, чтобы свалить быка, подумал Явуз. Как же, этот парень-переросток мог бы того быка задушить!

— О Митра, — пробормотал Явуз.

— Нет, Кром, — сказал Конан.

— Что?

— Я употребляю для ругательств имя Крома.

Богов в Шадизаре было множество, и некоторые из них были непонятными, а другие — непристойными, а их обряды и того хуже.

— Ну, тогда Кром, — сказал Явуз и подумал про себя: «Кто такой Кром?»

— Хлам, — добавил Конан, роясь в кошельке своего пленника. — Хлам... неплохое колечко. Украдено так недавно, что у тебя не было времени продать его скупщикам, да? И несколько медных монет... а это что такое? Два золотых! Хо-хо, держу пари, они все еще теплы от руки иранистанца! Скоро я их верну. Ты ведь их не заработал. Держи, весь остальной этот хлам мне не нужен.

— Хлам!

— Да. Изумруд в этом латунном кольце настолько мал, что на вырученные с него деньги ты не сможешь прокормиться и двух дней.

— Латунном!

— Вытащи его снова и поиграй им, пока мы идем. Вот увидишь, когда мы дойдем до места назначения, твои пальцы позеленеют. Далеко еще?

Явуз снова привязал кошелек к поясу двойной бечевкой и не стал открывать его, чтобы «поиграть» кольцом.

— Нет... не очень далеко, — сказал он. — Ты, отдающий назад медные монеты и кольцо, о котором ты знаешь, что оно украдено... хорошо идти с человеком такого размера. Никто тебя не останавливает. Все отходят в сторону.

Конан ухмыльнулся.

— Тебе случайно не нужен наемный убийца, а? С ловкими руками, спокойный, умеющий держать язык за зубами?

— Вряд ли. Кроме того, ты калека.

— Я хожу так, потому что ты положил кость в мой башмак! Я в прекрасном состоянии, как золотая монета Турана!

— Что ж, сейчас ты в Заморе. Иди, Явуз. Я хочу поговорить с иранистанцем, а не с отмеченным шрамом хромым из выгребных ям Шадизара!

— Ты не собираешься убить меня, ведь правда, Конан?

— Возможно, и нет. Но я начинаю терять терпение.

Несмотря на хромоту, Явуз прибавил ходу. Они свернули на одну из улиц в квартале от базара, который отмечал начало более приличной части Шадизара. Двое одетых в форму солдат из городской стражи, неторопливо идущих им навстречу, взглянули на эту парочку, не прерывая своего негромкого разговора. Сказать, что Конан не любил подобных людей, было бы преуменьшением. Однако в эту ночь он совершенно определенно не собирался искать неприятностей с людьми, следящими за соблюдением законов Шадизара. Он сделал большую уступку, заскрипев при этом зубами, — ступил на середину улицы, чтобы позволить стражникам пройти ближе к домам. Они сделали это и пошли дальше.

На скрипучих старых цепях покачивалась вывеска; на ней была изображена голова рычащего льва. Голова и грива были выкрашены в алый цвет.

— Здесь, — сказал Явуз.

— Загляни внутрь. Посмотри: видно ли того, кто нам нужен.

Явуз на секунду взглянул за дверь и торопливо шагнул назад. При этом он наступил на кость в своем башмаке и сморщился от боли.

— Да. Он здесь. Сзади слева, рядом с бочонком, одет в зеленую каффию.

Пальцы Конана вновь стиснули руку Явуза, пока киммериец заглядывал в таверну.

— Угу, — он обернулся. — Твой плащ будет висеть завтра утром на крючке сразу за дверью, Явуз. Тебе нужно будет только назвать свое имя хозяину.

— Но...

— Сейчас не холодно, а мне он понадобится, когда я пойду к столу этого шакала, — чтобы скрыть его клинок у меня в руке.

— Митра! — сказал Явуз и поправился: — Кром! Ты не собираешься просто войти и прирезать его?

— Сделаю я это или нет, тебя не касается, маленький Явуз, очень маленький Явуз. Ты свободен и жив. Я приказываю тебе исчезнуть отсюда и зарыться поглубже.

Явуз, получивший свободу и подобный приказ, не стал тратить время на удивленные взгляды или выражение благодарности за сохраненную жизнь. Он, хромая, поспешно скрылся.

Конан вошел в таверну под знаком Красного Льва.

Глава 2
ХАССЕК ИЗ ИРАНИСТАНА

Человек, сидящий в одиночестве в дальнем углу «Красного Льва», был довольно красив. Его усы и короткая остроконечная бородка были черными, и почти такими же были его глаза. Он носил головной платок на восточный манер; зеленая ткань закрывала его макушку и спускалась с трех сторон на плечи. Шнур, сплетенный из перевитых по спирали полосок желтой и черной ткани, удерживал этот головной убор на месте. Рубашка с длинными рукавами была желтой, а широкие свободные шаровары — красными; таким же был и пояс на талии. Широко расставленные глаза смотрели на Конана с узкого лица, на котором выделялись большой длинный нос и выступающая вперед челюсть.

Киммериец подошел прямо к его столу. Руки киммерийца вынырнули из-под темно-коричневого плаща Явуза и выложили перед сидящим две золотые монеты и трехфутовый «ножик», сделанный высоко в горах Ильберса.

— Эти золотые монеты я забрал у человека с бородой, разделенной шрамом. Их недостаточно, чтобы заплатить такому человеку, который мог бы меня схватить.

Левая рука его собеседника продолжала охватывать глиняную кружку цвета хны; пальцы правой лежали на виду на ближайшем к нему углу стола. Он глядел снизу вверх на очень молодого человека, возвышающегося над ним. Молодой или нет, но этот парень был опасен; это мог видеть каждый — каждый, кто знал, на что смотреть.

Он был необычайно высок и массивно сложен. Копна черных волос была ровно подстрижена на лбу над голубыми глазами. На нем была короткая туника из хорошей зеленой ткани, надетая на голое тело, и ее необычно глубокий треугольный вырез выставлял напоказ рельефные пласты мускулов на могучей груди. Меч и кинжал свисали со старого, изношенного кожаного пояса, низко опущенного на узкие бедра. На груди юноши на кожаном шнурке был подвешен племенной амулет — жалкое подобие «ювелирного изделия»: довольно длинная капля красно-коричневой глины, усыпанная кусочками желтоватого стекла, которые совершенно определенно не были самоцветами. Возможно, это было что-то имеющее отношение к его религии, какой бы она ни была, или талисман против болезни или дурного глаза. Помимо амулета, единственным украшением было красивое золотое колечко на мизинце левой руки. В него был вделан небольшой изумруд, и оно не было похоже на мужской перстень.

От этого юноши исходило ощущение, почти аура, едва сдерживаемой свирепости, постоянной готовности к насилию. Он заговорил снова:

— Некогда я знал другого человека из Иранистана. Мы встретились с ним в доме некоего человека, наделенного некоей силой. По чистой случайности мы оказались там в одно и то же время, как-то вечером. Вместе мы сражались со стражниками, которые не были... обычными людьми. Потом из панели в одной двери выползли две змеи: гадюки. Обе укусили человека из Иранистана. Он умер у меня на глазах, и я ничего не мог сделать, чтобы помочь ему.

Стоя рядом со столом, Конан снял плащ Явуза, наблюдая при этом за тем, как иранистанец прикидывает

в уме, знает ли Конан о том, кто он такой, и выбирает, притворяться ему или нет. Когда иранистанец решился заговорить, его слова были сравнительно искренними, принимая во внимание, что каждый знал, кем был другой и почему оба находились здесь. И в то же самое время он сохранял некоторую осторожность:

— Его звали Юсуфар?

— Тебя интересуют разговоры? Даже несмотря на то, что я не связан?

— Может быть.

— Тогда подожди, пока я отдам содержателю таверны этот плащ. Он принадлежит Явузу, которого я не убил.

Сидящий иранистанец слегка нахмурился.

— А другой...

— Он хотел ударить меня сзади. Я увернулся и ударил сам. Он не смог увернуться. Если бы я знал, что он хотел только захватить меня живым, я, может быть, не стал бы распарывать ему горло своим мечом.

Его собеседник кивнул:

— Глубоко?

— Он мертв, — сказал Конан и прошел среди столов к хозяину таверны.

— Этот плащ мне одолжили сегодня вечером, — сказал он этому большеглазому человеку, — одолжил один хороший друг. Его зовут Явуз, и у него на лице шрам, который разделяет бороду вот в этом месте, — Конан коснулся своего чисто выбритого лица. — Я сказал ему, что оставлю плащ вот на том крючке у самой двери.

— Он может исчезнуть, если ты сделаешь это сейчас. Я знаю Явуза. Лучше отдай плащ мне; я повешу его там, когда открою таверну утром.

— Хорошо. Мне бы очень не хотелось, чтобы он пропал. Как-то один человек попытался надуть моего друга Явуза, и теперь его зовут трехпалым. Я пойду сяду с иранистанцем. Принеси ему еще одну порцию, а мне — кружку твоего лучшего вина. Там на столе — золото.

Хозяин взглянул.

— Хм. А вот еще меч. Его придется убрать с глаз. И ты бы лучше мне отдал свой меч тоже, до тех пор пока не соберешься уходить.

— Я уберу свой меч, чтобы его никто не видел. Я телохранитель этого богатого иранистанца, и не могу расставаться со своим оружием.

Не давая хозяину времени для ответа, Конан повернулся и снова подошел к столу. Не садясь, он сказал:

— Прислони свой нож-переросток к стене вон там, слева от тебя.

Улыбка почти совсем исчезла с лица иранистанца, когда он выполнил это; юноша заметил, что иранистанец левша и не сможет быстро выхватить меч, прислоненный к стене с этой стороны. Конан сел лицом к нему.

— Звали ли его Юсуфаром, того, другого человека из Иранистана, которого ты случайно встретил в доме некоего человека, обладающего некоей силой?

— Мы оба знаем, что нет, — сказал Конан. — Его звали Аджиндар. Он сказал мне, что поблизости находится еще один человек из его страны, шпионящий за ним. У Аджиндара был такой же клинок, как тот, что я отобрал у двоих наемников — похитителей, не убийц. Один из них мертв, а другой, наверно, все еще бежит. Ты сохранил свое оружие и свое золото, и я здесь. Почему ты хотел, чтобы меня привели к тебе?

Левая рука иранистанца отпустила кубок и нырнула под стол.

— Оставь кинжал в покое, — посоветовал Конан. — Я проткну тебя своим раньше, чем ты успеешь как следует схватиться за рукоять.

Покачивающая бедрами молодая женщина, одежда которой состояла из двух украшенных бусинками кусков алой ткани, сшитых зеленой ниткой, появилась рядом с Конаном и поставила на стал вино для обоих. Ни один из мужчин не взглянул на нее. Она отошла с поджатыми губами, отмечая, насколько эта пара казалась поглощенной друг другом. Она повидала всяких.

— Ты — Конан, киммериец.

— Да. Ты из Иранистана, очень, очень далеко отсюда. Ты проследил мой путь сюда от Аренджуна. Как твое имя?

— Вас, киммерийцев, называют варварами. Как же получилось, что ты приходишь и спрашиваешь мое имя,

а не ждешь за дверью, чтобы убить меня, когда я буду выходить?

— Мы, киммерийцы, еще и любопытны, и умеем уступать своим капризам. И, кстати, если бы мы в Киммерии слышали об Иранистане, мы бы называли варварами вас, потому что вы не киммерийцы.

Иранистанец усмехнулся и откинулся назад.

— Меня зовут Хассек. Аджиндар действительно умер так, как ты сказал?

Пристально глядя прямо в глаза Хассеку, Конан сказал:

— Да.

— Ты знаешь... Чтоб меня Кром побрал, если я тебе не верю!

— Кром! Ты клянешься мрачным Владыкой Могильного Кургана?

Хассек улыбнулся:

— Я узнал о Киммерии все, что смог.

— И обо мне. Разыскивая меня. Готовясь допросить меня.

— Да, Конан. Я даже заключил бы с тобой сделку. Вы с Аджиндаром оба искали некий... трофей. Я считаю, что он у тебя.

— Естественно, я не знаю, о чем ты говоришь, — Конан сделал глоток вина. — Кстати, платишь ты. Эта штуковина, которую ты ищешь, имеет какую-то ценность там, в Иранистане?

— Ты знаешь, что это так, Конан.

— Почему?

Группа людей, сидящих в углу зала, наискосок от них, разразилась громким смехом. Хассек долго смотрел на Конана, потом наклонился вперед и со стуком опустил оба локтя на стол.

— Я думаю, — произнес он, — что я скажу тебе.

— Назови тот трофей, о котором ты упоминал, — мягко сказал Конан. — Драгоценный камень?

— Несколько, — ответил Хассек. — Они образуют амулет гораздо, гораздо большей ценности, чем твое кольцо и этот кусок глины со стекляшками у тебя на шее, Конан. Если бы амулет, называемый Глазом Эрлика,

оказался в руках моего хана, ты бы мог носить на шее украшение из золота, усыпанное рубинами... если только ты не предпочитаешь изумруды.

— Глаз бога?!

— Это только название амулета.

— Возможно, один или два желтых камня?

Зная, что Конан высказывает не просто случайную догадку, Хассек только кивнул.

Конан вертел в руках кружку с вином.

— Действительно, ценный амулет. И он даст мне другой, столь же ценный, твой хан.

— Более ценный для тебя. Послушай, Конан-киммериец. Этот амулет очень важен для хана Замбулы. Ты, возможно, знаешь об этом. Замбула лежит между Шадизаром и Иранистаном. Ты бывал там?

Конан потряс головой.

— Я всего лишь юноша из горной страны, — непринужденно сказал он.

— Который носит тунику, сделанную, как мне кажется, в Хауране.

— Ты действительно многое узнал, Хассек. Нет, я не был в Замбуле, и еще около месяца назад я даже не слышал об Иранистане. Ты говоришь, что он лежит за Замбулой? Это очень далеко.

— По-моему, ты знаешь, где он лежит. Иранистан не собирается воевать с Замбулой или причинять вред ее правителю, сатрапу могущественного Турана. Однако если мой хан завладеет Глазом Эрлика, он сможет заключить гораздо более выгодное торговое соглашение с Замбулой. Это наша цель.

— Возможно, — сказал Конан. — Поскольку ты думал, что амулет находится в руках одного мага, и поскольку Аджиндар искал его там... Возможно, это чародейская вещь; вещь, которая поможет твоему правителю мучить или убить достойного хана Замбулы на расстоянии.

— Конан, это не чародейская вещь, — так же как хан Замбулы вовсе не достойный человек. Однако если бы даже это было и так... тебя это волнует? Говорю тебе, тебя ждет богатая награда, если ты поможешь мне передать Глаз Эрлика в руки моего хана.

— Через два месяца!

— У тебя есть срочное дело в Шадизаре, Конан?

— Ты прав, — сказал киммериец и пожал плечами. — Здоровье сатрапа Замбулы волнует меня не больше, чем торговые соглашения Иранистана. Или то, кому принадлежит некий амулет. Глаз! — Он покачал головой: — А что, у Эрлика не хватает одного глаза?

Хассек кивнул.

— А теперь давай предположим, что он у тебя или что ты знаешь, где его можно найти. Если мы оба вернемся с ним в Иранистан, нас обоих ждет награда. У тебя есть какие-нибудь другие идеи?

— Иранистан так далеко, — сказал Конан, продолжая поддразнивать Хассека.

— Это правда. Я прошел такой долгий путь не для того, чтобы вернуться без амулета, и я не вернусь без него. Что держит тебя здесь? Я знаю, что в Аренджуне тебя... все еще ищут.

— Ехать так далеко с человеком, который заплатил двум другим, чтобы они оглушили меня дубиной и схватили только для того, чтобы он мог поговорить со мной? Без сомнения, ты собирался, если понадобится, пытать меня, чтобы узнать об этом Глазе. Глаз!

— Не стану этого отрицать. Откуда мне было знать, что ты окажешься разумным человеком? Я думал, что ты убил Аджиндара.

— А теперь ты так не думаешь?

— У меня такое чувство, что ты сказал мне правду — об этом, — со значением добавил иранистанец.

Конан весело хмыкнул:

— Я сказал ее. Итак, после того как ты уверился бы, что я ничего не знаю об этой штуке, которую ты ищешь, ты бы убил меня.

— Это я отрицаю. Как только я узнал бы, где ты спрятал Глаз Эрлика, я забрал бы его и со всей возможной скоростью отправился бы в Иранистан. Я не видел необходимости убивать тебя — если, конечно, я не был бы вынужден. Это не в наших обычаях, Конан, и не в моих привычках. Поедем со мной теперь, и я буду чувствовать

то же самое. Единственная моя забота — отдать этот амулет в руки моего нанимателя.

Хотя у Конана действительно был Глаз Эрлика, ради которого ему пришлось пойти на очень, очень большие жертвы, он подумал теперь, что, без сомнения, было нечто такое, чего он еще не знал обо всем этом деле. Например, станет ли человек называть своего правителя «мой наниматель»?

— Этот амулет более важен для моего правителя, чем моя жизнь, Конан, — сказал Хассек, глядя прямо в глаза киммерийцу. — Если бы я знал, что ты везешь его хану, я был бы счастлив. Если я буду знать, что ты этого не сделаешь, мне придется сразиться с тобой.

— Тогда мне лучше убить тебя здесь и сейчас.

— Убить меня теперь было бы очень глупо. Четыре человека из городской стражи только что вошли в таверну. А вот уйти отсюда могло бы быть мудрым решением.

Только у стражников Аренджуна могли быть причины схватить его — живым или мертвым, размышлял Конан. А здесь, в Шадизаре... что ж, лучше бы ему было не покидать относительной безопасности Пустыни, которая была шадизарским эквивалентом аренджунской Свалки.

— Почему? — спросил он с абсолютно невинным лицом. — Иностранец здесь ты. Мне нечего бояться местных стражников.

— С ними королевский драгун, и они кого-то ищут.

— Я, вне всякого сомнения, не ссорился с королем Заморы!

— Хм-м. Если только он не получил жалобу из Аренджуна. Я слышал, что там ты ранил двоих и опозорил еще одного — в Верхнем городе! — некоего бывшего сержанта стражи. Я рад, что ты не боишься тех друзей, которых он может иметь в Шадизаре, или жалоб, которые повелитель Аренджуна может прислать королю, потому что эти пятеро сейчас направляются сюда.

— В Аренджуне был еще и убит один человек, — сказал Конан. — Я нанес раны — а ответственность за убийство лежит на Аджиндаре...

— У одного из них арбалет. Хм... Конан... может быть, и правда, что я иностранец, а ты, конечно же,

девяти футов ростом и с твоими голубыми глазами можешь сойти за уроженца Заморы... но стрела арбалета нацелена на тебя.

— Черт!

Хассек изумленно уставился на него.

— Ты... Аджиндар говорил это точно так же!

— Я знаю. Что еще можно сказать? Я пришел сюда, такой важный и самодовольный, чтобы припереть тебя к стенке. Я забыл одну важную заморанскую поговорку: «Когда хочешь войти, подумай сначала, как ты сможешь снова выйти». Надо всегда придерживаться правила: «Никогда не сиди спиной к двери!» Что это за шарканье?

— Большинство завсегдатаев торопится к выходу. Вот они идут, люди короля впереди. Кстати, в Иранистане мудрецы говорят: «Когда ты хочешь куда-то войти, проверь, есть ли там вторая дверь».

— Разумно, — Конан начал подниматься.

— Не двигайся, киммериец! Ты не сможешь увернуться от стрелы арбалета, нацеленной тебе в спину, и три меча уже покинули ножны.

Говорящий обошел Конана кругом и встал, усмехаясь, лицом к нему, с той стороны, где сидел Хассек. Он был невысок и худощав, хотя его лицо выказывало некоторые признаки роскошной жизни. Его глянцевые каштаново-черные волосы были аккуратно подстрижены челкой и слегка завивались вниз на лбу. Большой золотой медальон на груди поверх расшитой золотом голубой туники — шелковой, как заметил Конан, — был украшен гербом короля Заморы, пьяницы, во всем подчинявшегося одному колдуну из Аренджуна. «Этот ублюдок должен быть мне благодарен за то, что я избавил его от Яры», — угрюмо подумал Конан. Представитель короля улыбнулся, и его идеально подстриженные темные усики слегка дернулись. Конан заметил у него во рту блеск золота. Искусственные зубы. Кром его побери, — а ведь парню едва исполнилось тридцать!

— Конан из Киммерии, с недавних пор проживающий в Аренджуне: именем короля, ты — мой пленник. Пойдешь ли ты спокойно?

Конан смотрел на него во все глаза. Красивые, хорошего качества синие штаны; начищенные, туго обтягивающие ногу черные сапоги. Изящный, искусно выделанный пояс, поддерживающий ножны, из которых торчали украшенная драгоценными камнями рукоять кинжала и эфес меча с навершьем, изображающим львиную голову и сделанным, вне всякого сомнения, из серебра.

Конан взглянул на Хассека. Тот сидел рядом с возвышающимся над ним представителем короля и с потрясенным видом смотрел на Конана. Киммериец оглянулся вокруг. Он увидел почти опустевшую таверну и форменные мундиры. Мечи обнажены. Да, и еще арбалетчик, который медленно придвигался, наставив острие своей грозной маленькой стрелы на Конана.

— Ты хочешь сказать... ты хочешь сказать, что этот человек — преступник?! — воскликнул Хассек. — О!

Королевский драгун взглянул на него сверху вниз, предварительно приподняв брови.

— Ты разве не его друг?

— Едва ли! Я здесь по делам королевы Кофа.

— Коф! Ты похож на одного из этих... у тебя такая внешность, словно ты родился далеко на Востоке, а не на Западе!

Хассек тяжело вздохнул.

— Это правда. Моя мать была рабыней из Аграпура.

— Аграпур! — снова изумился разнаряженный королевский агент.

— Да, — Хассек печально вздохнул. — В юности она была похищена странствующим торговцем оружием из Кофа. Ну, он и забрал ее с собой туда. И боги так пожелали, что к тому времени, как они добрались до Кофа, он обнаружил, что любит ее. Родился я. Он дал мне образование. Теперь — что ж, теперь я здесь и представляю саму королеву! А что касается этого вот парня — он показался мне чистоплотным, и когда он так смело вошел в эту хорошую таверну, — ведь это хорошая таверна, не так ли, мой господин?

Польщенный заморанец улыбнулся:

— Да. В Шадизаре есть и получше — но есть и намного хуже. Представитель королевы, ты сказал?

— Э-э... господин Ферхад... — начал один из стражников.

Драгун дернул головой и уставился на провинившегося испепеляющим взглядом.

— Потом! Не смей мешать человеку, исполняющему повеление короля!

— В общем, он предложил мне то кольцо, которое ты видишь у него на руке, сказав, что оно принадлежало его матери, — сказал Хассек.

Конан в это время гадал, к чему была вся эта хитроумная байка и куда она должна была их всех завести.

— И бросил на стол эти золотые монеты, чтобы показать, что он не нищий, — продолжал Хассек. — Он дал мне этот странный меч в знак своих честных намерений и сказал, что ему нужны еще два золотых, чтобы добраться до Немедии...

Как и следовало ожидать, господин Ферхад воскликнул:

— Немедия!

— Так он сказал. И теперь... теперь, о господин... возможно ли, чтобы этот человек пытался продать краденый товар мне, мне — личному поставщику украшений и косметических принадлежностей для королевы?

— Вполне возможно, — сказал Ферхад. — Этот тип — отчаянный и не признающий законов человек. На нем лежит вина за немалую долю злодейств там, в Аренджуне, — и он осмеливается бежать сюда, в саму столицу, и искать здесь убежища!

Ферхад снова устремил львиный взгляд на Конана; он стоял, выпрямившись во весь рост, с высоко задранным подбородком, смотрел поверх своего внушительного носа и чувствовал себя гораздо более внушительным теперь, когда у него была такая изысканная аудитория, состоящая, правда, из одного человека: личного поставщика украшений и косметических принадлежностей для королевы Кофа!

— Вмешиваться в дела людей из городской стражи в любом месте нашего королевства — значит нанести оскорбление королю, варвар! А теперь поднимайся медленно, и пошли отсюда — в некие апартаменты, которые,

боюсь, тебе понравится не так сильно, как эта прекрасная таверна, где ты пытался ввести в заблуждение высокопоставленного чужеземного гостя!

— Да, — ворчливо сказал Хассек, — и забери с собой этот ужасный меч!

Он полуобернулся и поднял огромный кильбарский нож. Мгновение спустя он стоял за спиной Ферхада, держа его правой рукой поперек груди, а левой смуглой кистью прижимая кинжал к его горлу.

— Никому не двигаться! Господин Ферхад, отдай приказ, чтобы все мечи и этот арбалет были сложены вон на том столе справа от тебя!

— Ч... чт... ты не можешь... отпусти ме... а! Осторожно с этим кинжалом, приятель!

— Да, он наточен, как бритва, потому что у меня нежная кожа, и я им бреюсь каждый день. Приказывай, Ферхад!

Ферхад отдал приказ. Арбалетчик указал на то, что его оружие взведено и представляет опасность. Хассек посоветовал ему выпустить стрелу в стену, под самый потолок, и Ферхад подтвердил приказ. Вскоре стрела, тренькнув, вонзилась в цель и осталась там, высоко над полом, лишь слегка подрагивая, — как сувенир для хозяина «Красного Льва».

— Конан, — сказал Хассек, — убеди нашего хозяина показать свой по́двал.

— Подвал! — эхом проскулил Ферхад, и его адамово яблоко дернулось рядом с холодным клинком Хассекова ножа. Пытаясь не сглатывать слюну, Ферхад выпрямился и застыл, как солдат-новобранец, не произнося больше ни слова.

Глава 3
ПРОЩАЙ, ШАДИЗАР

Имраз, большеглазый хозяин «Красного Льва», поднял квадратную крышку люка в полу своей кладовой. Четверо солдат из городской стражи Шадизара один за

другим, ворча, спустились в темноту. Каждый из них бросил последний мрачный взгляд на громадного варвара, который стоял над ними и ухмылялся лишь самую малость; он опирался на меч — меч их сержанта.

— Мой дорогой господин Ферхад, — сказал Хассек. — Я чрезвычайно огорчен, но не вижу другого выхода из этого положения, кроме как просить тебя присоединиться к солдатам внизу.

— Внизу!

— Постарайся увидеть в этом хорошую сторону, — сказал Конан. — Может быть, наш хозяин Имраз держит там свои лучшие вина.

— Скорее, гнилую репу, паутину и плесень, — сдавленно сказал Ферхад, поскольку говорить как-то иначе с откинутой назад головой он не мог. — Почему бы вам не связать меня и не оставить тут, наверху? Сидеть взаперти в темноте с этими простыми солдатами...

— ...которые, без сомнения, знают множество занимательных историй, способных тебя развлечь, мой дорогой господин, — Хассек освободил своего пленника, осторожно вытащив при этом его красивый меч. — Спускайся, и я желаю тебе доброго-доброго вечера.

— Я тоже, — сказал Конан и, когда причудливо разодетый щеголь неуверенно поставил ногу на верхнюю из семи старых деревянных ступенек, ведущих вниз, в пахнущую землей темноту, ловко выдернул сверкающий самоцветами кинжал Ферхада из его ножен.

— Вы оба очень, очень об этом пожалеете, — пообещал Ферхад, спускаясь.

— Ну что ж, приезжай в Бритунию, и мы поговорим об этом, — любезно отозвался Хассек.

— Бритуния!

Хассек пинком закрыл люк.

— На замок не закрывается, ведь так? — пробормотал он и, подняв взгляд, увидел, что владелец «Красного Льва» медленно пятится назад.

Конан сделал четыре быстрых шага.

— Нет-нет, Имраз, не надо убегать сейчас. Иди, будь другом, помоги нам передвинуть этот большой, заполненный доверху бочонок на крышку люка!

Слегка покряхтев, трое мужчин перетащили и установили бочку на место. Конан глянул в открытую дверь кладовой и увидел несколько лиц, заинтересованно глазеющих на них от входа в таверну.

— Эй! — крикнул он. — Подай-ка мне этот арбалет!

Лица исчезли, и Хассек легко пробежал через всю таверну, захлопнул дверь и запер ее на засов. Когда он вернулся обратно, его брови были нахмурены.

— До меня только сейчас дошло... Имраз! Где эта твоя служанка?

Хозяин заморгал.

— А что... я не знаю...

— Черт! Выскользнула через заднюю дверь, чтобы привести еще более бравых солдат — на этот раз из личной гвардии короля, я в этом почти не сомневаюсь. Конан...

— Мы заберем все эти мечи и кинжалы, а также арбалет, — сказал Конан. — Его мы возьмем с собой, — он кивнул на хозяина таверны. — Мы выйдем через заднюю дверь, а потом побежим!

— Сомневаюсь, что Имраз сможет в одиночку откатать эту огромную бочку с люка, — сказал Хассек, подхватывая арбалет.

— Нет, но он может открыть переднюю дверь и впустить остальных, чтобы они помогли ему!

— Да, это верно. По-моему, я перестал мыслить четко. Если бы только ты принес обратно веревку, что я дал тем двум типам вместе с золотом и моей маленькой колючкой! Идем, Имраз, — тебе придется проводить нас немного.

Пока на лице хозяина таверны отражалась глубокая неохота, а его большие скорбные глаза становились еще больше, Хассек развязал кошель и вытащил еще пять золотых монет.

— Две монеты все еще лежат на столе, а вина мы выпили не больше, чем на несколько медяшек. Вот, возьми это. Подумай, насколько это забавно — увидеть, как расправляются с таким напыщенным фатом, как Ферхад; и еще подумай обо всех тех клиентах, которых привлечет эта замечательная история о возмездии, постигшем королевского драгуна! О, посетители будут слетаться, как мухи. Идем же.

Имраз молча пошел за ними. Конан побросал пять мечей и четыре кинжала в небольшой пустой бочонок, пока владелец этой бочки-малютки с еще большей расторопностью прятал свои пять золотых. Имраз вывел их через дверь в переулок, который сильно отличался от переулков Пустыни, и они заторопились прочь, шагая бок о бок, как три друга.

— Направо, сюда, — пропыхтел Конан, обеими руками обнимая свой бочонок; и они повернули направо; на следующем перекрестке он пробормотал: «Налево».

— Ты слегка похож на деревенщину с этим своим арсеналом в бочонке, — заметил Хассек. — Ты думаешь, нам это действительно понадобится?

— Оружия не бывает слишком много, — заверил его Конан и продолжал идти, выгнув спину и выпятив вперед живот под тяжестью бочонка, прижимая его к себе, словно медведь. Содержимое бочонка дребезжало и позвякивало.

После очередного поворота они распрощались со своим бывшим хозяином и заторопились дальше, а Имраз повернул обратно.

— Что это ты сказал насчет Британии? — спросил Конан.

— Я назвал ему несколько мест...

— Я заметил!

— ...ни одно из которых не является нашей целью, — терпеливо закончил Хассек. — Пусть он гадает. Кто сможет узнать иранистанца по внешности? Мы идем в одно и то же место, Конан, ведь так?

— Мы неподходящая пара, — заметил Конан.

— Трио: не забудь свой бочонок с клинками. Но это не так, не так. Мы оба — очень умные парни, которые попытались бы убить всех этих пятерых типов, если бы я не оказался еще умнее, и если бы с Ферхадом не удалось так легко справиться; и мы оба знаем это. Конан... тебе не пришло в голову также, что за то время, что ты таскаешься с этим бочонком, я вполне мог бы воткнуть в тебя парочку кинжалов?

— Мы все больше углубляемся в Пустыню, Хассек. Допусти, что за нами наблюдают, хоть ты и не видишь

никого. У меня здесь есть друзья. Меня они не считают чужестранцем.

— Хм-м. А у тебя случайно нет нескольких верблюдов, а?

— Ненавижу этих животных. У меня есть целых четыре лошади. Верблюдов нет. Почему бы тебе не понести некоторое время этот бочонок?

— Нет, спасибо.

Конан неохотно поставил свою ношу наземь, а потом перевернул ее. Он отделил украшенный драгоценностями кинжал Ферхада и засунул его себе за пояс. Три хороших удара мечом одного из стражников по рукояти меча Ферхада испортили хороший клинок и оставили на ладони у киммерийца изящную серебряную львиную голову. Он, улыбаясь, подбросил ее в воздух и снова поймал.

— Ну, как ты думаешь, это похоже на верблюда?

— Возможно, она всего лишь посеребренная, — сказал Хассек.

Конан нахмурился.

— Этот подонок! Вечно мне везет — не хватало только, чтобы самоцветы на этом кинжале оказались фальшивыми! А кстати, как насчет тебя — разве у тебя нет лошади или верблюдов? Ты приехал издалека.

— У меня есть кое-какая хорошая одежда, — сказал Хассек со скорбным вздохом, — несколько смен; и красивое кольцо, и две лошади — большую часть пути сюда я шел с караваном. И еще у меня в комнате, в таверне — в «Красном Льве», не забудь, — осталось двадцать золотых монет Замбулы.

— Двадцать! — киммериец изумленно уставился на него, и его рот и глаза начали соревноваться друг с другом в том, что откроется шире. — Митра, Кром и Бел, приятель, — почему же ты не слетал наверх и не забрал их прежде, чем мы покинули таверну?

Лицо Хассека стало еще более печальным.

— Я вроде как забыл о них. Боюсь, что теперь они достались казне Заморы.

— Зрачки Иштар! — горевал Конан. — Двадцать золотых монет!

— Посмотри на это с другой стороны, Конан: я спас тебя от заточения и, без сомнения, от чего-нибудь гораздо худшего.

— Нам все еще грозит и то, и другое, — глухо прорычал Конан, — если мы не уберемся из этого города — и этого королевства.

Они стояли в одиночестве на погруженной во тьму улице; у ног их лежал перевернутый бочонок и беспорядочно разбросанное оружие. Темные глаза Хассека вглядывались в угрюмые голубые глаза варвара.

— Мы? — спросил Хассек.

Конан повернулся и зашагал прочь; Хассек пристроился к нему сбоку.

— Черт, — спокойно, задумчиво сказал Конан. — Аджиндар был хорошим человеком, он сразу мне понравился. Он был предан своему хану и своей миссии до такой степени, что готов был ради них рисковать жизнью: он пытался убить меня даже после того, как увидел мое искусство и мою силу! И после того, как я только что спас его шкуру. Немного вероломен, но все ради своего правителя. Теперь ты тоже рисковал своей жизнью, чтобы помочь мне, Хассек из Иранистана... потому, конечно, что ты не знаешь, где находится этот амулет. Все для твоего хана! Мне бы хотелось встретиться с ханом, внушившим такую преданность двум таким хорошим людям.

— Он тоже будет заинтересован в том, чтобы встретиться с тобой, мой друг с кулаками размером с окорок! Что ж, хорошо. Двое таких людей, как мы, без сомнения, смогут выбраться из Шадизара, даже если все трое ворот будут охраняться. Давай займемся этим.

Они углублялись все дальше в Пустыню Шадизара.

— Э-э... Конан. Амулет у тебя?

Конан усмехнулся.

— Я знаю, где он. Я закопал его между Шадизаром и Замбулой, в пустыне.

— Черт, — сказал Хассек и убрал руку с рукояти кинжала.

Несколько часов спустя трое стражников, охраняющих шадизарские Врата Черного Трона, наблюдали за приближением верховой пары. Женщина и ее юный сын сидели на двух красивых лошадях и вели в поводу двух других, тяжело нагруженных. Она придержала лошадь и уставилась сверху вниз на человека в мундире, стоящего у колеса, — оно поворачивало канат и тяжелую цепь, которые поднимали огромный засов, перекрывающий обе створки ворот.

— Ну, открывай. Нет смысла сторожить с этой стороны. Я хочу выйти, а не войти.

— Дорогая моя, — произнес чей-то голос, и она посмотрела вверх, на еще один мундир. Его владелец выглядывал сверху из узкого стрельчатого дверного проема дозорной башни. — Я человек чувствительный и впечатлительный, и стал бы плохо спать, если бы не предостерег тебя от того, чтобы покидать город в такой час.

— Спасибо. Ты добрый человек. Мы едем. Это святая миссия.

— Паломничество?

— Да. Мы с сыном служим храму Святого Хосатры Хела, Восстановленного в Правах и Дважды Признанного. Владыки Всего Сущего, Отца Митры, Иштар и Бела.

— Занятой и, без сомнения, достойный уважения бог, дорогая моя, но... конечно же, благоразумный человек подождал бы по крайней мере до рассвета. Может быть, тогда вы сможете присоединиться к другим таким же благочестивым паломникам, а возможно, даже к каравану, который обеспечил бы вам наилучшую защиту. Здесь вы находитесь в лоне столицы могущественной Заморы. Там, за стенами...

Он умолк, показав жестом, что вне Врат Черного Трона, в Шадизаре, нет ничего, кроме опасностей и трудов.

Облаченная в плащ женщина, которую вряд ли можно было бы назвать плохо сложенной, решительно сказала:

— Я боюсь внешнего мира, и даже пустыни, гораздо меньше, чем этого города воров, и мучителей женщин, и порочных, порочных культов, посвященных богам, о

которых никто никогда не слышал и не хочет слышать! Пропусти нас, прошу тебя. Мы покидаем этот город.

— Хотел бы я иметь власть удержать тебя от столь чреватого опасностями шага, — сказал начальник стражи ворот.

— Что ж, я ценю это. Но у тебя ее нет, и я уезжаю, и мой сын со мной, и у меня уже затекает шея от того, что я гляжу на тебя снизу вверх. Если ты не собираешься открыть ворота, то будь так добр, скажи мне, куда я могу обратиться с жалобой.

— До рассвета осталось лишь немногим более двух склянок...

Женщина вспыхнула:

— Что я должна сделать или сказать, чтобы выйти отсюда?

Человек в башне вздохнул:

— Открой ворота.

Стражник закряхтел, цепь лязгнула и засов поднялся. Ворота заскрипели. Решительная женщина, ее молчаливый сын и четыре лошади выехали из Шадизара. Она не стала подгонять лошадь и даже не встряхнула поводом. Все лошади тяжелым, размеренным шагом ушли прочь, в темноту. Начальник стражи облокотился на узкий подоконник дозорного окна своей башни и следил взглядом за женщиной, пока она не слилась в единое целое с темной ночью на восходе луны. Наконец он выпрямился, тряхнул головой, обернулся и крикнул вниз:

— Они не собираются возвращаться. Закрывай ворота.

Ни он, ни его люди и не подозревали, что в это самое время два человека взобрались на восточную стену на значительном расстоянии от их ворот, спрыгнули с нее наружу и торопливо углубились в ночь.

Несколько часов спустя, сразу после рассвета, та же самая женщина и ее сын вернулись в Шадизар. Хотя на них не было ни царапины, их лошади и груз исчезли без следа; даже плаща на женщине, и того не было. Имя, которое она назвала, оказалось вымышленным, и позже никому не захотелось прочесывать Пустыню, чтобы разыскать ее. Не знал покачивающий головой страж ворот, пропустивший ее внутрь, и того, что она была верной подругой

некоего огромного горца-северянина, которого в эту минуту усердно разыскивали по всему городу, и что этим утром она была значительно богаче, чем накануне днем.

Прочь от Шадизара, имея под собой и ведя в поводу тех же самых четырех лошадей, двигались киммериец Конан и Хассек из Иранистана.

— Прекрасно удавшаяся хитрость и встреча, Конан, — сказал Хассек.

— О, Хафиза хорошая женщина и хорошая подруга, Хассек. А после того как ты добавил этот симпатичный мешочек с жемчугом к серебряному эфесу Ферхада, она вдвойне была рада помочь.

— Втройне, — сказал Хассек. — После этого она оказалась в гораздо более выгодном положении.

— Да, и подверглась риску, чтобы заработать свою награду. Твой наниматель, Хассек, снабдил тебя всем необходимым в дорогу. Все эти деньги, которые ты потратил, и двадцать золотых, которые ты оставил в «Красном Льве», и этот жемчуг... мы все еще богаты?

— Мы — нет, мой друг. Я провел здесь больше месяца, разыскивая тебя в Аренджуне и Шадизаре, и мы будем бедны или еще того хуже к тому времени, как достигнем Иранистана. Но как только мы окажемся там...

— Хм-м. Как только мы окажемся там, — проворчал Конан. — Да.

«И что я делаю, — раздумывал он, — направляясь таким манером в путь, который продлится месяцы? А, ладно... почему бы и нет? Это большой мир, и, как я говорил Хаштрису в Хауране... мне еще многое нужно в нем повидать, прежде чем я осяду на одном месте!»

Глава 4
ЧУДОВИЩА

— Твой меч готов, мой господин.

Хан усмехнулся своему волшебнику, но только после того, как скосил взгляд на меч в манере, присущей скорее торговцу, в чью лавку только что забрел какой-то дере-

венский олух с толстым кошельком, или крестьянскому ребенку, разглядывающему накрытый для пиршества стол короля.

— Готов, — пробормотал он, этот сатрап Империи Турана, правивший Замбулой от имени могучего Илдиза, восседающего на резном троне. Он боялся за свою жизнь, этот хан Замбулы, и за трон, который мог и не перейти к его сыну Джангиру; и он был прав. Он был уверен в том, что люди организуют заговоры. Он не сомневался в том, что где-то существует Глаз Эрлика.

— Да, — сказал Зафра. — Если не считать того, что, как я уже сказал, его необходимо смочить в крови, чтобы завершить заклятие.

Он глянул вниз, потому что и правитель, и маг не подумали о том, что они были одни в мрачной полукруглой галерее, нависающей над еще более мрачной подземной темницей.

— Можно пожалеть, что мы не... сберегли одного из иранистанских шпионов.

Слегка склонив голову на сторону, хан взглянул на более стройного, более молодого человека поверх внушительного костистого гребня своего орлиного носа. Уголки его рта подергивались; это был чувственный рот. Внезапно хан резко и решительно кивнул головой.

— Да, — пробормотал он сам себе, и его отделанный красным, расшитый золотом плащ из тонкого, как паутина, шелка взметнулся и затрепетал, чуть шурша, когда он быстро повернулся к двери.

С этой стороны, стороны узников, дверь представляла собой массивный лист железа толщиной в палец девушки и достаточно тяжелый, чтобы заставить пошатнуться даже слона из укрытых ночью южных земель. И ее темная поверхность не оживлялась никаким признаком ручки или замка. Сжав левую руку в кулак, правитель Замбулы ударил по железной плите и отступил в сторону. Дверь издала глухой звук и не подалась ни на дюйм, а Актер-хан несколько раз сжал и разжал левую кисть.

Дверь отворилась внутрь. Старший из двух охранников вопросительно взглянул на хана.

— Девушка, которую эти шанки подарили мне две недели назад, Фаруз, приведи ее сюда.

— Мой господин, — Фаруз все же колебался.

— Ты знаешь ту девицу, о которой я говорю, Фаруз?

— Да, мой господин. Я... я должен привести ее как пленницу, мой господин?

— Нет, нет, Фаруз. Скажи ей, что ее господин и хозяин хочет сделать ей подарок. Но приведи ее сюда сейчас же!

— Мой господин!

Солдат отрывисто, по-военному кивнул головой в знак готовности выполнить приказ, отступил на минимально требуемые два шага и, резко повернувшись, заторопился прочь по вымощенному яркими плитками, хорошо освещенному коридору, маскировавшему вход во второе по омерзительности место проклятых владений хана, самым омерзительным из которых был Переулок Захватчиков — позор даже для проклятой Замбулы, — построенный стигийцами и населенный мулатами с разным цветом кожи, которыми управляли гиркане.

Актер-хан снова повернулся к Зафре и почти улыбнулся; по крайней мере казалось, что он доволен собой.

— Маленькая дрянь! Этот суматошный пес Ахименхан, вождь тех жирноголовых кочевников пустыни, привел ее мне как дар и подношение, очаровательное двенадцатилетнее дитя, совершенно нетронутое и сложенное, как сама чувственная стигийская Деркето!

Зафра кивнул. Он видел ту девушку, чье имя хан немедленно отбросил и называл ее вместо этого Деркетари, в честь любящей наслаждения богини Стигии. Ее формы и большие темные глаза могли бы пробудить вожделение даже у статуи, видит Хануман... видит Деркето!

— И она вела себя так, словно боялась и ненавидела всех мужчин, эта обманчиво сложенная, проклятая маленькая змея! Она и сжималась в комок, и вскрикивала, когда ее привели в мою потайную комнату — в ту же самую ночь! Какая честь для глупой, недоразвитой дочери бархан, у матери которой, без сомнения, выросли усы к тому времени, как ей исполнилось восемнадцать. Она...

Хан не стал продолжать.

Он не рассказал бы молодому магу Зафре или кому бы то ни было другому, как, столкнувшись с ее испугом, ее хныканьем, и мольбами, и выкриками, он, привыкший к готовым угождать, даже активно идущим навстречу женщинам, которые гордились и почитали за честь, что их призвал к себе сам хан, — он опозорил себя и не смог проявить свою мужественность. Актер-хану хотелось ее избить, схватить двумя руками ее прелестную шею и задушить ее!

Вместо этого он отослал от себя рыдающую девушку, а она была слишком глупа, чтобы чувствовать себя опозоренной. Он призвал к себе свою аргоссианку Чиа. Ее он назвал Тигрицей, и с ней он проявил себя мужчиной и ханом. Наутро он приказал своей Тигрице подготовить и обучить девушку-шанки — глупого ребенка! И в течение целой недели она казалась счастливой и была прекрасной — прекрасной. Гибкая, как бескостная змейка, она отличалась в танцах, которым эти дважды проклятые кочевники начинали учить своих девочек, едва тем исполнялось три года. Она была воплощением соблазна и носила выданные ей одежды, радующие глаз мужчины, так, словно она в них родилась, будто она была влюблена в них, она покачивала бедрами; казалось, что доставить удовольствие мужчине было ее единственным желанием. И все же Актер-хан заставил себя ждать целую неделю, а потом еще один день, чтобы обострить свой аппетит. Потом он оказал ей честь разделить с ним как нельзя более интимный ужин и был с ней добр и мягок. Даже заботлив, как с неловкостью вспоминал он теперь. А затем... как только он возбудился, и его глаза сказали ей о его чувствах и совершенно нормальном намерении, она снова стала испуганно закрывающимся, хныкающим, умоляющим и даже вскрикивающим ребенком.

Но даже тогда он не отправил ее назад к отцу с позором. Но, видит Тарим и сам Владыка Черного Трона... сколько же человек может вынести?

«Человек? Хан, клянусь камнями Ханумана!»

Хан и маг ждали в молчании; каждый был занят своими мыслями, и только одного интересовали мысли другого. Между ними лежал меч; меч Актер-хана, с рукоятью,

украшенной драгоценными камнями, и, хоть этого и не было видно, с выгравированными на черенке рунами. Внизу, в темнице, распластавшись, лежали два иранистанца, коченеющие в смерти. Меч Зафры торчал из груди одного из них и не дрожал, но стоял над ним подобно часовому смерти.

Актер-хан обеими руками стащил через голову серебряную цепь, поддерживающую на его груди большое, окаймленное жемчугом кольцо; в него был вставлен многогранный рубин значительных размеров, окруженный в виде шестиконечной звезды двенадцатью ярко-желтыми топазами.

— Отиеси вниз это и мой меч, — приказал он магу, который так недавно был подмастерьем и которому не исполнилось еще и тридцати лет. — Воткни меч в землю. Это не повредит заклятию?

— Нет, мой господин.

— Тогда повесь это, — сказал Актер, коротко кивнув, — на его гарду и принеси наверх второй меч.

Зафра, не задавая вопросов, взял меч и медальон. Он подхватил левую полу своей мантии, спустился, переступив через труп убитого вторым иранистанца, и остановился, не дойдя одного шага до другого трупа. С первой попытки ему не удалось закрепить клинок сатрапа в полу, образованном плотно утрамбованной черной землей, так долго цементировавшейся человеческой кровью. При второй попытке он использовал обе руки, и меч остался стоять. Маг повесил цепь и медальон своего повелителя на поперечную перекладину, и они красиво обвили ее и засверкали, покачиваясь в воздухе и с легким звоном ударяясь о клинок, — желтое золото на серебристой стали.

Обе руки и некоторые усилия потребовались, чтобы выдернуть другой меч из тела его жертвы, настолько глубоко засело это беспощадное оружие. Зафра помедлил, чтобы нагнуться и заботливо вытереть клинок о длинные черные волосы мертвого человека. Они были грязными, но удалили кровь и заодно смазали клинок жиром. Позже кто-нибудь из слуг займется им как следует.

Молодой маг поднялся по ступенькам. Приближаясь к площадке, которая справа расширялась и переходила в

полукруглую галерею, он заметил, что в дверях появилась девушка. За ее спиной даже из невыгодного положения, в котором находился Зафра, можно было целиком видеть некрасивое, увенчанное шлемом лицо Фаруза, — настолько маленькой была эта прекрасная дева двенадцати лет.

Актер-хан повернулся, услышав, как у нее перехватило дыхание.

— А, — сказал он. — Мой прелестный цветок пустыни! Входи же, очаровательная Деркетари, и посмотри, что я приготовил для тебя.

Он протянул руку к ее руке.

Красавицы в двенадцать и ошеломляющие красавицы в тринадцать — так говорили о дочерях песков; и матери в пятнадцать, и ошеломляюще уродливые старухи в двадцать и пять. А этой девушке было двенадцать.

Зафра не мог не глядеть на нее во все глаза. Он впитывал в себя и массу сверкающих черных волос, перевитых жемчугом, так что они казались ночным небом, окропленным звездами; и нежное овальное личико и подобный луку стрелка-всадника рот, накрашенный блестящей темно-красной помадой; и прекрасные, огромные круглые глаза — словно глядящие в колодец ночью, через мгновение после восхода луны. И, по крайней мере, с нее сняли эти просторные темно-красные одежды, которые носят шанкийские женщины!

Ее нагрудные чашечки были из золота, и с каждой свисали тоненькие золотые цепочки, так что подвешенные на них самоцветы танцевали перед ней в воздухе и мягко ударялись о ее плоский живот при малейшем движении. Ее пояс, спущенный гораздо ниже пупка, состоял всего лишь из трех полосок парчи, сплетенных в шнурок, который был не толще ее мизинца. С него, мерцая, спадал вниз на длину руки кусок белоснежной кисеи, нашитой бледно-голубыми нитками на белый шелк; это подобие юбки в ширину не превышало длины ее ладони. Ткань была подрублена на высоте ее лодыжек, а полоска сзади была лишь чуть короче. Парчовые ленты, перекрещиваясь, поднимались по ее прелестным ножкам от мягких маленьких башмачков, доходящих ей до щиколотки и сшитых из красного фетра, украшенного жемчугом, и

завязывались под самыми коленями этого очаровательного ребенка.

Она могла бы, размышлял Зафра, быть одной из тех нежных юных девственниц, чьей кровью были написаны заклинания на определенном сорте пергамента, сделанном из змеиной кожи; заклинания, которые Зафра прочитал и запечатлел в памяти без ведома своего учителя.

На двенадцатилетием подарке шанки было только два украшения: племенное ритуальное кольцо, украшенное гранатами и сделанное из верблюжьего волоса, переплетенного с одним локоном из ее собственных кос, и маленькая серебряная подвеска, украшенная опалами, с которой ее доставили к сатрапу. Достаточно изящная серебряная цепочка удерживала подвеску в центре легкой выпуклости грудей девушки.

Она смотрела широко раскрытыми глазами мимо Зафры — на два распростертых внизу тела. Казалось, она не замечала, что ее господин взял ее руку в свою волосатую длань.

Поднявшись на площадку, Зафра вложил свой собственный меч в руку Фаруза, чтобы убрать его за пределы темницы. Потом он отступил и словно слился со стеной у верхней ступени лестницы.

— М... мой господин! В такое место?.. Эти л ю д и! — голос девушки шанки дрожал, как и она сама.

— Возрадуйся! — приказал ей хан. — Они иранистанцы, шпионы, засланные к нам королем, все помыслы которого направлены на завоевание! Однако один из них был провидцем и сделал благоприятное предсказание: что от тебя вскоре родится прекрасный мальчик, который, став взрослым, будет править не только Замбулой, но и всей величественной Империей Турана!

Она взглянула на него черными глазами, обведенными черной краской. Ее рука продолжала лежать в его руке, и она раздумывала, словно зачарованная его словами, покорная их власти. За ее спиной Фаруз тихо прикрыл огромную дверь, обшитую снаружи деревом.

— Внизу стоял мой же собственный меч, символ моего могущества. Я был так переполнен радостью, что снял с себя свой медальон из золота, и жемчуга, и топазов, с

рубином величиной с голубиное яйцо, который носила на груди моя мать; этот медальон я повесил там. И в эту минуту шпионы бросились на меня, и моим верным стражам пришлось убить их. Это были люди, которые привели тебя сюда, — ибо я положил руку на эфес и дал обет: та, что принесет мне Замбулийский Драгоценный Камень, будет первой среди всех женщин Замбулы и окружающих ее земель, чтобы был подготовлен путь к восшествию на престол плода ее чресел.

Пока хан так разглагольствовал, взгляд этих огромных темных девичьих глаз покинул его лицо и был теперь устремлен на мерцающий медальон, который свисал, словно трофей, ожидающий победителя, с украшенной драгоценными камнями рукояти стоящего внизу меча.

— П-пощ-ща... мой господин... я... я не могу спуститься т у д а!

— Но Деркетари... лотос пустыни, обожженной поцелуями солнца, ты должна! Неужели пророчество мертвеца должно будет оказаться напрасным? Неужели гордые шанки — обитатели шатров — не будут возвышены над всеми остальными и осыпаны милостями великого будущего правителя, в чьих жилах будет течь кровь шанки?

Девочка посмотрела вниз, на свисающий с меча медальон. Потом снова взглянула на стоящего рядом с ней человека с орлиным носом. Теперь он придержал свой медоточивый язык. Она еще раз поглядела на оба трупа и опять на медальон. Он висел, молчаливо подзывая ее к себе переливами драгоценных камней, вспыхивающих и сверкающих в мерцании дымного огня факелов. Она обвела языком полную нижнюю губку.

Она слышала. Она слышала каждое слово. Хан и маг знали, что она думала о своих бедных, живущих в пустыне соплеменниках, которым не успевало исполниться четыре десятка лет, как их лица и руки уже покрывались морщинами от солнца; о гордости и надеждах своего отца — и, вне всякого сомнения, о ярости, вызванной позором, если бы он узнал, что она лишила его и его народ, а заодно и себя, великой славы и высокой чести из-за детских страхов; всего-навсего темница. Всего-навсего два мертвых человека, к тому же недавно умерших. Среди

людей пустыни не было таких, кто не видел бы хоть одного покойника задолго до того, как им исполнялось двенадцать лет. Большинство по меньшей мере раз в жизни видело трупы в самом ужасном состоянии: раздувшиеся под солнцем, усиженные мухами и расклеванные падальщиками.

— Уф, — пробормотала себе под нос девочка, которую звали не Деркетари, — я видела мертвецов и раньше. Уф!

И Актер, усмехаясь, взглянул на нее поверх своего выгнутого, как у падальщика, носа. Он отпустил ее руку в тот момент, когда почувствовал, что она начинает вытягивать ее, и вытер ладонь о свою многоцветную мантию, потому что ее ладошка была мокрой от пота.

Почти королевским движением она чуть согнула колени и подхватила одной рукой обе полы своей «юбки», протянув полоску белой ткани назад между ногами. Она медленно начала спускаться. На каждом шагу ее пути вниз было заметно, как она заставляет себя держаться твердо.

Глаза хана встретились со взглядом мага поверх площадки лестницы. Хан заговорил спокойным, тихим голосом:

— Твое заклятье нужно завершить, не так ли?

Девочка продолжала спускаться, не оглядываясь назад. Лестница насчитывала двадцать и пять каменных плит-ступеней; девочка поставила обутую в фетровый башмачок ножку на девятнадцатую.

— Да, мой господин.

Актер взглянул вниз на дар шанки. Она поставила левую ногу на двадцать первую ступеньку.

— Тогда заверши его, волшебник, и моя жизнь будет вдвойне счастливой, а для тебя... хочешь ли ты принять у себя этой ночью настоящую тигрицу, Зафра? Тигрицу из Аргоса, чьи когти спрятаны в шелковые ножны?

Внизу обе ступни девушки стояли на двадцать четвертой ступеньке, потому что она остановилась здесь в нерешительности, пытаясь как-то обойти, а не перешагнуть обнаженный труп человека, который, хотя она того и не знала, был почти невероятно мужественным и отчаянным.

— Да, мой добрый господин, — сказал Зафра, и его глаза, казалось, блеснули, когда он посмотрел вниз, на спину девушки, а потом на украшенный медальоном меч, стоящий над полом темницы, словно памятник двум жестоко убитым людям.

«Трем», — подумал Зафра и сказал очень тихо, едва шевеля губами:

— Убей его.

Земля и вода, огонь и воздух умастили меч в то время, как над ним произносились древние слова. Золото соскользнуло со стали, когда меч Актер-хана высвободился из земляного пола. Не колеблясь, он повернулся в воздухе и, словно стрела, выпущенная мускулистой рукой искусного лучника, устремился к маленькой дочери пустыни.

Она, как и следовало ожидать, взглянула на него, когда услышала звон металла о металл, — так же как Актер-хан взглянул на Зафру, когда услышал местоимение, которое употребил молодой маг. Ее горло сжалось от трепетного ужаса; горло хана — нет.

— Его? — спросил он.

— Даже волшебный меч не различает рода, мой повелитель. К тому же те, против кого мой господин вскоре применит его, почти наверняка будут мужчинами.

Внизу зарождающийся крик девочки прервался страшным всхлипом, когда заколдованный меч доказал, что не разбирается ни в родах, ни в местоимениях. Он погрузился между ее золотыми нагрудными чашечками — и чуть слева от центра.

Хан сделал глубокий долгий вдох через ноздри, а потом шумно выпустил воздух через рот.

— Да, подумать только, что она умерла девственницей, — сказал он, словно произнося надгробную речь, — и ради такого великого дела! Но ее народ об этом не узнает, потому что только через месяц мы с печалью пошлем им известие, что она умерла от лихорадки, которая также чуть не унесла жизнь ее возлюбленного господина... — хан кашлянул, — ...и была похоронена с почестями и скорбью на Кладбище Королей; без сомнения, нося во чреве сына королевского происхождения, которого забрала с собой... в ад!

Даже Зафра нервно сглотнул.

Еще так недавно подмастерье волшебника, посвятивший себя изучению омерзительных чар, происходящих из старинной Книги Скелоса и дурно пахнущих томов Сабатеи, украшенных золотым павлином и написанных отравленными чернилами; взывающий к Сету, и мрачному Эрлику, и даже к Детям Йила, которым поклонялись пикты и о которых эти дикари знали меньше, чем он... и недавно убивший своего хозяина; всем этим был Зафра, и еще чем-то большим, ибо грезил о власти и об обширном будущем царстве, где ему будут подчиняться ханы, а он не будет называть «господином» никого из людей... и все же он нервно сглотнул — при звуках неприкрытой злобы в ядовитых словах его хозяина, а может, и при виде убийства красоты и невинности.

«Злодей, — думал Зафра. — Так люди будут называть меня в грядущем — и никто не будет знать, что некогда я служил величайшему злодею, живущему на земле с тех пор, как три тысячи лет назад в Хоршемише умер Тугра Хотан!»

Актер-хан, отомстивший за свое мужское достоинство, монотонно продолжал тем же неумолимым голосом:

— Этот меч будет висеть на новых золотых крюках на стене за моим троном, Зафра, и мне придется сдерживаться, чтобы время от времени не подвергать его испытанию. А ты, о гений, впредь будешь именоваться Волшебником Замбулы, советником хана, будешь жить во вторых по значению покоях дворца, и служить тебе будут любой из моих собственных слуг по твоему выбору и девушка, которую я выберу лично. И... сегодня ночью... тебя посетит Тигрица!

— Мой господин, — с внезапной маслянистостью в голосе сказал Зафра, — чрезвычайно щедр.

Хан взглянул на него, и его глаза над носом, похожим на орлиный клюв, были блестящими, как у орла.

— Недостаточно щедр, Зафра, Волшебник Замбулы. Недостаточно — пока ты служишь мне.

Зафра поклонился одним из своих едва обозначенных поклонов:

— Я твой преданный слуга, Хан Замбулы!

— Хорошо. Теперь принеси мне мой замечательный новый меч! Потом пойди в город и найми двух головорезов

за золотую монету, пообещав им еще три — каждому — за час работы. Пусть эту девку разденут, изуродуют и вынесут отсюда в кожаных мешках — нескольких. Мешки пусть оставят в Переулке Захватчиков. После того как дело будет сделано, эти двое должны будут вернуться к тебе сюда за дополнительно обещанными монетами.

Хан какое-то мгновение пристально смотрел на мага, потом добавил:

— Твои новые покои будут примыкать к тронному залу, Зафра.

Раздетая, изуродованная до неузнаваемости, — а потом разрубленная на куски, словно туша! Зафра едва смог удержаться, чтобы снова не сглотнуть подступившую к горлу тошноту, — ибо в эту минуту хан смотрел на него.

— Мой господин — я понял. И их наградой будет не золото, а сталь?

— Возможно, они отметят дело кружкой вина, щедро сдобренного пряностями.

— Я понял, мой господин. У меня есть такие пряности.

— Никто, кроме нас с тобой, не будет знать, что произошло здесь, Волшебник Замбулы, потому что сейчас, когда я буду уходить, я заберу охранников с собой. Ты последуешь за нами через некоторое время; им дадут понять, что ты сам проводишь в ее комнаты ту дрянь, которую я оскорбил именем трижды чувственной Деркето! Потом, маг, отправляйся в свои старые покои, пока для тебя готовят новые, и смотри, принеси мне известия о Глазе Эрлика прежде, чем я сяду за ужин!

Зафра кивнул и спустился, чтобы вырвать обремененный заклятием клинок из сердца девушки.

Глава 5
ПОВЕСТЬ О ДВУХ ВОЛШЕБНИКАХ

Сначала Конан и Хассек скакали прямо на восток, чтобы как можно скорее пересечь границу Заморы. Они обсудили возможность продолжить путь в этом направлении и пересечь таким образом степи и узкую полоску

земли, которая и была собственно Тураном; так они могли бы достичь берега и сесть на корабль, идущий на юг по морю Вилайет. Мудро или нет, но они решили отказаться от этого плана. Путешествие на юг посуху обещало быть долгим и нелегким. И все же оно было несколько более надежным, чем путь по морю.

Итак, едва покинув Замору, они сориентировались по солнцу и повернули к югу. Они не стали приближаться к восточной границе Хаурана, маленького южного соседа Заморы, а направили своих лошадей на юг, через степи. Взгляды путников постоянно блуждали по сторонам, ибо в этой земле жили кочевники, а среди них были такие, которые постоянно совершали набеги и очень по-собственнически относились к своим территориям в этих холмистых степях.

— Конан... — начал Хассек, слегка покачиваясь в седле крупной чалой лошади, которую он называл Железноголовый. — Однажды ночью Аджиндар отправился грабить дом Хисарр Зула, и надо же тебе было, к несчастью, выбрать ту же самую ночь. Аджиндар так и не появился больше, живым, я имею в виду; его тело было найдено несколько дней спустя в сухом русле реки за пределами Аренджуна. Он и в самом деле умер от укусов змей. Только мне пришло в голову, что он был укушен не тогда, когда бродил по этому сухому руслу. Примерно в то же самое время некто Конан, киммериец, исчез из Аренджуна. Теперь, почти два месяца спустя, я нашел тебя в Шадизаре. А что касается Хисарр Зула... несколько недель назад его дом сгорел. Это была твоя работа?

— Я расскажу тебе эту историю, — сказал Конан. — Я был вором в Аренджуне. Я ничего не знал о Хисарр Зуле. Я совершил пару удачных краж и жил в таверне в верхнем городе — где мне было не место. Теперь мне кажется, что все это было так давно! Столько всего случилось с той ночи, когда это началось; каким юным кажется т о т Конан! Девушка, которую я обхаживал в той таверне в Аренджуне, как оказалось, была любовницей префекта стражи, — ну, вообще-то говоря, помощника префекта, — и он был очень ревнив. Он ворвался в таверну со своими людьми и, уверяю тебя, очень старался меня спровоциро-

вать. Некто Кагуль. Наконец я услышал скрежет его меча — на него самого я не обращал внимания — и начал действовать. Их было четверо. Кагулю слегка досталось, и паре других тоже. И вот тогда какой-то человек, которого я не знал, убил одного из них и помог мне бежать, потому что услышал, что приближаются еще несколько стражников. Это был Аджиндар. Я вылез через окно и оттуда на крыши; мы, киммерийцы, неплохо умеем лазать поверху.

— Ты был ранен?

— Ни царапины.

— Вы, киммерийцы, умеете не только лазать поверху.

— Угу. И вот так, случайно, я услышал, как двое агентов разговаривали в одной из верхних комнат таверны, агентов хана Замбулы. Карамек и Испарана — женщина, и какая женщина! — планировали ограбить некоего волшебника. Хисарр Зула. Когда я услышал их разговор о том, какую ценность для Актер-хана имеет нечто, называемое Глазом Эрлика, и о том, что оно находится у Хисарр Зула, я остановился послушать. Узнав, что они собираются ворваться в дом мага через две ночи, я покинул эту крышу — обещая себе, что проберусь туда следующей ночью и перехвачу у них добычу.

На следующий день я все разведал и составил план. В ту ночь я без особых трудностей проник в замок Зула. Там я нашел Аджиндара, который сражался с кошмарными созданиями Хисарр Зула — колдун украл у них самые их души и заключил в зеркала, которые затем разбил. Это были тупые пустоглазые твари, созданные волей волшебника; глупые сторожевые псы с мечами. Я узнал Аджиндара; он помог мне предыдущей ночью. Было бы умнее оставить его отвлекать этих «людей», пока я искал амулет, но... я спас его. Мы очень мило разрезали несколько этих существ на куски и, я думаю, оказали им этим большую услугу! Когда мы с Аджиндаром назвали друг другу свои имена и он обнаружил, что я тоже охочусь за Глазом, он, к моему потрясению, напал на меня без всякого предупреждения. Если бы он не поскользнулся в крови одного из этих мертвых бездушных чудищ, он поразил бы меня первым же своим внезапным ударом! Мы только что

разговаривали, мы спасли друг другу жизнь, и мы были друзьями, кровными братьями!

Конан потряс головой и некоторое время ехал с угрюмым лицом, в задумчивом молчании.

— Он поскользнулся, как я уже сказал, и налетел на дверь. От толчка в ней открылось потайное отделение, и оттуда в тот же миг выскользнули две гадюки. За какие-то секунды они укусили его несколько раз — в лицо.

Хассек спросил:

— Это все?

— Нет, это не все. Он уже раз пытался убить меня. Теперь, хотя он узнал, что должен умереть через несколько минут, он сделал еще одну попытку: он швырнул в меня этих проклятых гадюк! К тому времени я уже выхватил меч, и удар моего клинка разрубил их обеих в воздухе. Потом мне оставалось только наблюдать за тем, как Аджиндар распухает на глазах, и чернеет, и умирает. Он немного рассказал мне о Глазе, пытаясь завербовать меня для завершения своей миссии: отвезти амулет в Иранистан. И умер. Хассек, я был опечален вдвойне. Этот человек мне нравился, я уважал его способности и его понятие о чести. А он пытался убить меня без предупреждения, внезапным ударом. И теперь умер не достойной, а глупой и отвратительной смертью.

— Аджиндар заслуживал лучшего, — сказал Хассек.

— Я пошел искать Глаз. Двое замбулийцев проникли в эту комнату раньше, чем я. Он был у нее — Испараны. Какая женщина эта Испарана! Карамек, ее напарник, вступил со мной в бой, а она бросилась бежать, и к тому времени, как я разделался с ним, она успела выскочить в дверь и запереть ее перед моим носом.

— К этому времени, — задумчиво сказал Хассек, — были мертвы и несколько бездушных приспешников Хисарра, и Аджиндар, и Карамек. Все так или иначе от твоей руки или из-за тебя.

— Да, — равнодушно отозвался Конан. — Я отскочил от этой двери и бросился к окну — и попал в ловушку, которую Хисарр устроил для тех, кто мог влезть через это окно! Я оказался там зажат в железных челюстях. Я сломал меч и несколько ногтей, пытаясь освободиться,

но не смог этого сделать. Мне оставалось только ждать, когда придет Хисарр. И он пришел, торжествующий, злорадный, и сказал мне, что я должен буду отобрать Глаз у Испараны и отдать ему. Уф! Я согласился бы плясать целую неделю или слетать в Кхитай и принести ему дракона и бороду императора впридачу — лишь бы выбраться из его крепости и не попасть в тюрьму. Но он был слишком хитер для этого. С помощью какого-то порошка он лишил меня сознания. Когда я очнулся, оказалось, что он... забрал мою душу! Он показал ее мне — маленького меня в зеркале. Если зеркало разобьется, сказал он, я навсегда останусь без души — как те, бывшие некогда людьми, что служили ему. После этого я согласился и отправился за Испараной — ради Хисарр Зула.

Хассек услышал скрежет и, взглянув на Конана, увидел, что тот так сжал зубы, что его челюсть побелела.

— Ты... ты забрал свою душу обратно, Конан?

— Да. Она была возвращена мне меньше двух недель назад королевой Хаурана.

— Хаурана! Значит, ты был там, пока я обыскивал Шадизар? Но почему ты вернулся, если у тебя есть такой друг в Хауране?

— Она умерла, — сказал Конан и снова некоторое время ехал в молчании.

— Я спас ее и Хауран от чародейского заговора, целью которого было отдать их во власть Кофа, — пробормотал он наконец, — и, делая это, я... обрек ее на смерть.

Хассек ничего не сказал и продолжал ехать вперед. Ну и приключения были у этого юноши-северянина! В центр каких заговоров он попадал или влезал сам — и выпутывался из них, проливая кровь! Аджиндар был мертв, Карамек был мертв. И королева Хаурана... и, без сомнения, некоторые другие участники этого «чародейского заговора», о котором так коротко упомянул киммериец. Хассек знал, что и Хисарр Зул был мертв. Ему хотелось бы знать насчет этой Испараны...

— Продолжай, Конан. Итак, ты отправился за Испараной.

— Да. Один, в пустыню, с одной-единственной лошадью. Я был глупцом, и мне везло. У первого же оазиса, где я остановился, на меня напали двое людей.

— И это было везением?

— Да... таким образом я заполучил их лошадей и их припасы. Иначе пустыня, несомненно, убила бы глупого мальчишку из Киммерии.

— О, — спокойно сказал Хассек, — а эти двое...

— Мертвы.

— Конечно.

И пусть кто-нибудь другой попытается назвать тебя «мальчишкой»! Хассек оглянулся и увидел, что его спутник внимательно вглядывается в него.

— Не смотри на меня так пристально, Конан. Ты же знаешь, у тебя действительно есть склонность оставлять за собой кровавый след.

— Кром, бог Киммерии, — сказал Конан, глядя прямо перед собой, — в момент рождения киммерийца вдыхает в его душу способность сражаться и убивать. После этого он нас не замечает. Мы — мужчины.

— Ты... сражаешься — и убиваешь.

— Да.

Конан помолчал немного, пока лошади мерно шагали вперед, потом сказал:

— Я редко ищу неприятностей, Хассек. Они выслеживают меня, преследуют меня, разыскивают меня.

Он выпрямился в седле, и Хассек, оглянувшись через плечо, смог с расстояния в несколько футов, разделявшего их лошадей, насладиться видом того, как раздувается эта могучая грудь.

— Я не бегу от них, — сказал Конан, обращаясь ко всему миру.

— Мудрецы в моей стране говорят, что «нужно идти по той дороге, которая ждет», — сказал Хассек. — Это хороший совет. Храбрый и в то же время разумный человек вряд ли станет делать что-либо иное. Ты догнал Испарану?

— Да, в конце концов, — безрадостно отозвался Конан и больше ничего не говорил на протяжении многих миль.

Хассек позволил своему более молодому товарищу погрузиться в размышления. Степная трава попадалась все реже и реже. Они приближались к великой пустыне. Если ехать по ней прямо на юг, то там, у самой границы песков, вздымались к небу стены, и башни, и купола дворцов Замбулы. К югу и востоку от Замбулы, у подножия цепи могучих гор, распластался Иранистан. Он был очень, очень далеко. Хассек спрашивал себя: куда заведет их дорога, которая ждала, теперь, когда они пошли по ней? Он подумал, что, возможно, Конан размышлял о том же самом.

— Глубоко в сердце пустыни, — внезапно начал Конан, и Хассек физически вздрогнул при звуках этого голоса, раздавшегося слева от него, — я встретил нескольких солдат из Самары. Это были неплохие ребята, которые без особого интереса выслеживали парочку воров, направлявшихся на север. Ворами оказались те двое, которые пытались ограбить и меня. У меня с собой была большая часть их добычи и их лошади — с верблюдами я справиться не смог.

— А кто может? — с улыбкой спросил Хассек.

— О, теперь я могу! Во всяком случае эти добрые парни тоже оставили мне несколько вещей из добычи тех, кого они преследовали. И отправились своей дорогой, предупредив меня, чтобы я держался подальше от некоего перевала.

— Ущелье Песчаного Чудовища!

— Вот именно. К несчастью, я заметил Испарану в нескольких милях впереди и знал, что этот перевал позволит мне подобраться к ней гораздо ближе, чем если бы я поднялся верхом на один из тех проклятых Драконовых Холмов, и спустился с него, и повторил бы то же самое снова и снова. Я выбрал Ущелье Песчаного Чудовища.

— И остался в живых!

— И остался в живых, Хассек. Оно напало на меня. С ним было невозможно сражаться, и мои лошади унеслись обратно, туда, откуда мы пришли. Сами пески поднялись мне навстречу. Они образовали что-то вроде смутно похожей на человеческую фигуру, которая постоянно

перемещалась вместе с кружащимся в вихре песком, — и она схватила меня. Я был беспомощен, как ребенок; я задыхался. Я услышал голос, ее голос — она требовала сказать ей, не был я Хисарр Зулом! Этот голос каким-то образом разговаривал внутри моего мозга, и я каким-то образом ответил ему. «Нет, — сказал я чудовищу, — я хочу убить Хисарр Зула, потому что это могу сделать только я один».

Конан взглянул на своего спутника:

— Это небольшое преувеличение, поставщик благовоний для королевы Кофа.

Хассек без улыбки кивнул.

— Значит, мы оба умеем лгать, — задумчиво пробормотал он, спрашивая себя, сумел бы он сохранить присутствие духа, чтобы солгать какому-то песчаному демону, если бы тот в эту минуту усердно пытался задушить его!

После этого песчаное чудовище отпустило его, продолжал Конан, и рассказало ему свою историю: оно было безглазым духом умершего здесь десять лет назад брата Хисарр Зула, и за все эти годы оно сумело подчинить своей воле сами пески. И так оно убивало всех, кто пытался пройти через перевал. Слепо разыскивая своего убийцу, Хисарра, оно нападало на всех путешественников и расправлялось с ними. Похожий на лощину перевал был усеян костями, клочками одежды и оружием. В течение многих лет по этому долгому кратчайшему пути через сводящие с ума Драконовы Холмы шли только глупцы или те, кто ничего не ведал о стонущем песчаном кошмаре, который обитал здесь.

Хисарр и его брат — это был Тосия Зул, Песчаное Чудовище, — много лет изучали древние науки, тайные знания давно умерших волшебников. Они познали секреты, неизвестные больше никому из тех, кто живет среди людей: демоническое учение о бесформенных кошмарах, таящихся вокруг холмов этого мира и в самой черноте между мирами, в темных пещерах, куда не ступает нога человека, и даже в вечно перемещающихся пустынях, превращенных палящим солнцем в вечность. Хисарр и его брат искали власти. В своем доме в Замбуле они затевали всякие мерзости, и хан узнал об этом и послал

людей схватить их. Они бежали, прихватив с собой мешки всякого добра, но оставив свои познания, — так думал Тосия Зул. Он даже рискнул своей жизнью, чтобы вернуться и спасти Хисарра. Они бежали, оставив позади бесценные сокровища древних знаний. Они бежали в ночь, как псы — богатые псы!

Хисарр солгал своему брату. В Драконовых Холмах Тосия обнаружил, что Хисарр прихватил с собой некоторые из старинных рукописей. Они поссорились. Ночью Хисарр убил своего брата и выжег ему глаза раскаленными добела монетами, чтобы он не смог увидеть дорогу в следующий мир. А сам продолжил путь в Аренджун.

— Там он усовершенствовал способы похищения людских душ, как я узнал к своему смятению, — хуже чем смятению! Понимаешь, он хотел использовать это, чтобы подчинить своей власти некоторых чиновников, и таким образом вскоре овладеть всем городом. А потом и страной — и все это путем угрозы душам, находящимся в его власти. После этого... — Конан пожал плечами. — Еще одна страна, я думаю, и потом, возможно, другая. В течение десяти лет Песчаное Чудовище, которое было Тосией Зулом, испытывало мучения и убивало всех, кто пытался пройти мимо него. Шакалы сожрали его плоть, и, хоть он и был мертвым, он знал это — и чувствовал! Чудовище оплакивало десятилетие, которое оно провело в муках — мертвое и в то же время не мертвое, — и даже само заявило, что я должен понять: оно не может больше быть в своем разуме! О, я-то очень хорошо это понимал!

— Ты стоял и разговаривал вот так... с песком? Ты видел этого мертвого волшебника?

— Я видел все время меняющий свою форму столб песка. Голос говорил внутри моей головы. Он рассказал мне, как я могу заполучить обратно свою собственную душу: я должен был помешать разбить зеркало, ибо это обрекло бы меня навеки. И, однако, я должен был сделать так, чтобы оно было разбито — человеком, носящим корону. Чудовище сказало, что у всех, кто правит, есть сила, сила, которую они сами не сознают. Однако сначала я должен был захватить обратно зеркало. Потому что, видишь ли, у меня почти не было сомнений в том, что

стоит мне привезти Хисарр Зулу амулет, и он сразу же проявит все свое вероломство. Я не верил, что он вернет мою душу и отпустит меня на свободу. Песчаное Чудовище рассказало мне, как я смогу освободить тех бездушных тварей, созданных его братом.

Киммериец начал описывать жуткие средства, которые должны были дать покой этим нелюдям, и Хассек, взглянув на него, увидел, что его профиль превращается в суровый лик каменной статуи какого-то мрачного бога, и тут же понял, что Конан совершил это: необходимо было отрубить голову волшебнику, набить череп, и уши, и ноздри землей, а потом сжечь эту голову всю без остатка.

— А-а. И замок Хиссар Зула сгорел вместе со всем содержимым. Это была твоя работа, Конан?

— Да, — сказала статуя с прищуренными глазами. — Пламя распространилось от его головы, после того как сама кость превратилась в известь и пепел.

— Но как тебе удалось одолеть его?

— Дух Тосии рассказал мне о нескольких способах сделать это, и все, кроме одного, были слишком ужасными, чтобы их можно было принимать в расчет. Я...

— Расскажи мне, — попросил иранистанец, руки которого покрылись мурашками, — о тех нескольких средствах, которые даже для тебя были слишком ужасными, чтобы их можно было использовать против такого ужасного человека, как Хисарр Зул!

— Я помню их, — безжизненным голосом сказал Конан. — Я никогда их не забуду. Как сказало мне чудовище, после смерти своего брата оно наконец смогло бы получить свободу от этой жизни-после-смерти, смогло бы покинуть ущелье и отправиться... туда, куда отправляются подобные злые души после смерти. Оно сказало мне, что я должен сделать, и я спросил, есть ли еще способ, а потом еще. И хотя оно каждый раз впадало в ярость, я напоминал ему, что я для него — средство добыть свободу, уничтожить Хисарр Зула.

И Конан спокойно, монотонным голосом перечислил эти способы.

Хисарр Зула можно было убить, удавив его волосом девственницы, погибшей от бронзового оружия и ставшей

женщиной после смерти и после того, как волос был удален. Конан сказал, что, когда он услышал это, его чуть не вырвало, — так же, как сейчас Хассека. Какая мерзость! Или же Хисарра можно было убить водами реки Зархебы, ибо они истекали ядом; проблема заключалась в том, что Зархеба была очень, очень далеко, в юго-западном Куше. Или его можно было убить железом, выкованным в Стигии над костром из костей, потому что из этой темной, исполненной колдовских чар земли, обители злобно скалящихся демонов и магов, пришла большая часть заклятий, выученных двумя волшебниками.

— Боги и кровь богов! — сказал Хассек, не пытаясь скрыть содрогания.

— Да. В конце концов он сказал мне также, что Хисарр Зула можно одолеть, обратив его собственное колдовство против него. Мне это показалось невозможным — но в результате я именно это и сделал.

— Как?

— Я не скажу тебе, — невозмутимо ответил Конан, и Хассек не стал спрашивать снова.

У Конана не было ни средств передвижения, ни припасов. Тосия Зул разрешил эту проблему — ради себя самого; киммериец интересовал его постольку, поскольку был оружием, которое дух мог обратить против своего брата. Началась песчаная буря. Она подняла Конана в воздух, ветер подхватил его и унес на много миль к югу — к одному оазису, куда, как думал дух, направлялся Хисарр Зул; Конан знал, что на самом деле туда приближалась Испарана, потому что теперь он обгонял ее на том пути, по которому она шла со своими верблюдами.

— Волшебник дал мне безобидную копию амулета. Я смог подменить его так, чтобы Испарана об этом не узнала. Потом... ну по разным причинам — это действительно такая женщина, Хассек, что только держись, и к тому же прекрасно владеет мечом и вероломна, как... как Хисарр! Как я говорил, по разным причинам нас нагнал караван. Он был из Хорезма, и эти люди были работорговцами. Вскоре мы с Испараной вновь оказались попутчиками и вновь пошли на север — прикованные к цепи вместе с другими невольниками.

— Тебя, помимо всего прочего, еще и обратили в рабство?

— Да, — спокойно сказал Конан. — Но уверяю тебя, не без того, чтобы я убил несколько человек из тех, кто охранял караван.

«И оставил за собой еще несколько трупов», — подумал Хассек и ничего не сказал.

— Все из-за этой проклятой Испараны! Она тогда как раз пыталась убежать от меня. Они схватили ее. Они приковали нас обоих к веренице рабов. И мы оба зашагали на север — в цепях. У каждого из нас был амулет — она не видела моего и не знала, что ее амулет был не настоящим, не имеющим никакой ценности для Хана Замбулы.

— Но как, во имя Эрлика и Друда, ты смог бежать из хорезмийского работорговческого каравана — посреди пустыни... в цепях?

— Друд — это бог, который мне неизвестен, — сказал Конан, кажущееся спокойствие которого просто бесило его попутчика.

— Самый древний из богов, которому все еще поклоняются в Иранистане, — коротко объяснил Хассек.

— Признаюсь, — сказал Конан, — что я вовсе не бежал. Я упоминал уже о пятерых солдатах из Самарры, которых встретил раньше. Мы встретили их снова; они возвращались назад. Я кричал без передышки, и капитан Арсиль из Самарры сделал так, чтобы нас освободили. Поскольку я слишком добр для своего же собственного блага, я потребовал, чтобы Испарану освободили тоже, — он усмехнулся. — В последний раз, когда я ее видел, она направлялась на юг, и ее «сопровождали» в Замбулу Арсиль и его люди — которые ничего не знали о нашей настоящей цели, Испараны и моей, — в то время как я ехал на север с ее верблюдами и лошадьми.

Хассек рассмеялся вслух.

— И, значит, она отвезла фальшивый Глаз Эрлика обратно к Актер-хану, который, без сомнения, носит его в настоящую минуту, веря, что это его собственный, колдовским образом изготовленный защитный талисман! Потому что это амулет, особо и исключительно настроенный только на него, Конан, при помощи колдовских чар.

Конан покачал головой.

— Нет, — сказал он, и Хассек в изумлении уставился на него. Неужели было что-то еще?

— Чтобы удостовериться, что амулет, который я принес ему, действительно настоящий, Хисарр Зул сотворил заклинание, которое растопило копию и превратило ее в бесформенный кусок шлака. Я сожалею об этом. Даже для Испараны я не желал бы таких страданий или, если она после них останется в живых, такого шрама от ожога между грудями. Они были очень красивыми.

Хассек, как до него и его соотечественник-иранистанец, от которого Конан перенял свою привычку, ответил на эту досадную новость одним-единственным словом:

— Черт!

Конан взглянул на него, и в кои-то веки раз эти пламенные голубые глаза были почти безмятежными.

— Да, — сказал он.

Они ехали дальше, и здесь уже начиналась пустыня. Даже солнце казалось теперь более горячим. То там, то сям из желто-белой почвы вырисовывались чахлые растения, упорно цепляющиеся за землю и за жизнь. Солнце и небо стали ярче, словно отражая все более участки местности под копытами лошадей.

— Конан,, — сказал Хассек, — ты... случайно не знаешь также о разрушении некоей могущественной башни, принадлежавшей человеку по имени Яра, жрецу из Аренджуна?

Конан усмехнулся, несмотря на легкую дрожь, пробежавшую по его телу при воспоминании об этом поединке с колдовскими чарами, случившемся всего четверть года назад.

— Возможно, Яра прогневал бога, которому служил, и тот поразил его сияющую, как драгоценный камень, башню ударом молнии, Хассек.

— Возможно. А может быть, я еду в компании поистине великого вора — и погибели для волшебников.

Конан только усмехнулся, но по мере того как они ехали дальше, задумался. Погибель для волшебников? Это правда, что у него было несколько интересных приключений с несколькими волшебниками и продуктами

волшебства... и что он остался в живых, а волшебники — нет. Он размышлял над этим, пока они ехали на юг, в глубь сверкающих песков.

Глава 6
ВОЛШЕБНИК ЗАМБУЛЫ

Далеко-далеко к югу от Конана и иранистанца, в той же самой пустыне и, в общем-то, всего в нескольких днях пути к северу от Замбулы четверо солдат из Самарры, проснувшись, обнаружили, что один из их числа исчез. Исчезла и «гостья», которую они сопровождали. Самаррский капитан ударил себя кулаком по ладони.

— Гром и молния! Я бы поручился за Сарида своей правой рукой! Клянусь бородой Тарима — эта проклятая ведьма...

— Да, капитан, — сказал один из его людей. — Сарид таращил на нее глаза с самого начала, когда мы освободили ее и киммерийца из хорезмийской вереницы невольников. Правду сказать, Сарид сам себя назначил ее охранником. Никому из нас и в голову не приходило обращать на них внимание или прислушиваться к словам, которыми они обменивались, пока мы ехали, и стояли лагерем, и ехали снова.

— А теперь эта потаскуха уговорила его ускакать вместе с ней! Саид! Он предал нас... предал долг и короля... из-за этой вероломной замбулийки! Тарим бы побрал тот день, когда мы позволили этому киммерийцу навязать ее на наши головы!

— Может статься, она умрет от этого ожога...

— Который мы ей смазывали бальзамами и перевязывали с такой нежной заботой! Хм! Нам этого не дождаться, Салик. Такие, как она, живут вечно.

— Капитан Арсиль... она все время клялась, что служит Хану Замбулы. И что животные и припасы, которые забрал киммериец, принадлежали ей. И еще она не переставала утверждать, что он увез амулет, принадлежащий ее хану. А тот, что был у нее... — самаррский солдат с

дрожью в голосе оборвал свою речь, сделал оберегающий знак и пробормотал имя какого-то бога.

Голова капитана дернулась.

— А ким... Конан сказал, что все наоборот. Теперь я не знаю... они с Саридом поскакали на север, Камбур?

— Похоже, да, — сказал третий солдат.

— Так. Она поворачивается спиной к Замбуле, а ведь мы уже почти там. Несомненно, чтобы попытаться выследить киммерийца Конана! Может быть, этот мошенник со странными глазами все-таки солгал нам. Признаюсь, он мне понравился... Все ради амулета, а? Камбур, я готов побиться об заклад, что бедный глупый Сарид не доживет до новой луны. Этот киммериец достаточно велик, чтобы сожрать его целиком. Ах, бедняга! Клянусь Таримом, я надеюсь, что Конан разрубит эту проклятую ведьму и бросит ее в пищу собакам!

— Арсиль... капитан... мы... последуем за ними?

— Нет! Клянусь Таримом, нет! Я не собираюсь провести остаток жизни в этой пустыне или задерживать вас здесь. Украденный товар, за которым нас посылали, — у нас... большая его часть... и я без особого удовольствия представляю себе, как буду рассказывать той Саридовой девушке о том, что с ними случилось, — капитан Арсиль застонал. — И его матери... и командиру!

— Э... может, им всем было бы лучше — и нам тоже, — если бы мы объявили, что Сарида убили. Как героя. А потом...

— Чтобы он каким-нибудь образом объявился в Самарре на следующий день, или в следующем месяце, или в следующем году? О нет, Камбур, и ты никогда не станешь сержантом, если у тебя в мыслях будет такая неразбериха. Нет! И... Камбур!

Красивое загорелое лицо Арсиля приняло задумчивое выражение.

— Лучше будет, если мы ни словом не обмолвимся ни о Конане из Киммерии, ни об этой проклятой Испаране, пока будем проезжать по замбулийской территории.

Камбур, иранистанец на службе Самарры, кивнул. Арсиль был прав, и его мысли были мудрыми, — хотя

Камбур побился бы об заклад на свои сапоги, что этот громадный парень с прямым носом и глазами цвета неба обдурил их всех. Камбур не собирался так уж сильно скучать по Сариду... хотя ему было жаль, что Испараны больше с ними не было. Он со спокойной душой оставлял ее на попечение Сарида, зная, что у того дома есть девушка и что их помолвка была оглашена и зарегистрирована. Камбур сам лелеял кое-какие идеи и надежды по поводу замбулийской чаровницы, которую они нашли рядом с Конаном в хорезмийском невольничьем караване.

«Так, значит, Арсиль боится за Сарида?» Камбур встряхнул покрытой шлемом головой. К черту Сарида! Пусть этот верзила-варвар остерегается! Испарана в достаточной степени женщина, в достаточной степени искусительница, чтобы даже его поставить на колени! А уж как она ненавидит этого киммерийца!

Предметы, загромождающие просторную комнату, были самыми разнообразными: от обычных, повседневных до странных, от экзотических до зловеще-таинственных и поистине ужасающих. Молодой маг, находившийся в этой комнате, был странен только тем, что был молод. Он разглядывал что-то в глубине хрустального шара и улыбался при этом. Его коричневый головной убор был странно высоким; кроме этого, на нем была простая длинная белая туника, надетая поверх коричневых штанов. На его груди висел медальон, покачивающийся в такт его движениям. Этот медальон представлял собой большое кольцо, усыпанное по краю жемчужинами; в центре сверкал многогранный рубин, окруженный двенадцатью солнечными топазами, образующими шестиконечную звезду. Медальон был подарком хана, так же как и одно из двух колец, которые носил маг.

С улыбкой, которая не открывала зубов и не смягчала выражения лица, он отвернулся от своего волшебного шара; потом, мягко ступая ногами, обутыми в красный фетр, пересек комнату и подошел к высокой, обшитой панелями двери. Он дважды постучал в нее костяшкой одного пальца и, насвистывая, вернулся к шару.

Через несколько минут дверь отворилась и появился еще один человек. Он был отчасти лыс, и хотя волосы сбегали с двух сторон вниз по его щекам, к линии челюсти, в середине они были сбриты и открывали подбородок с ямочкой. Рисунок из переплетенных лоз, вышитых алыми стежками, украшал его темно-коричневую мантию на подоле, манжетах и у шеи. На груди у него шуршала серебряная цепь, и он тоже был обут в красный фетр. Запястье вошедшего охватывал медный браслет.

Ни он, ни маг не произнесли ни слова. Он придержал дверь, и маг прошел мимо, даже не бросив на него взгляда своих холодных и жестких, словно камень, карих глаз.

Молодой волшебник вошел в широко раскинувшийся, высокий зал под потолком, на котором было изображено небо и который поддерживали резные колонны, имитирующие деревья акации. В зале прежде всего бросалось в глаза возвышение у задней стены, а на этом возвышении — большое сиденье из фруктового дерева с гравировкой из серебра. Человек, сидящий на нем, не был ни красив, ни уродлив, ни толст, ни тонок, хотя у него и было брюшко. Поверх его длинной желтой мантии была надета еще одна, из травчатого синего шелка, совершенно очевидно, привезенная с большими издержками из далекого Кхитая. Она была интересно скроена и прорезана так, чтобы выставить напоказ нижнюю одежду цвета шафрана.

Приблизившись к трону, молодой маг сделал скупое, едва заметное движение.

Человек на троне мгновенно отреагировал на знак:

— Оставь нас, Хафар.

Тот из вошедших, что был постарше, оставил открытой дверь в комнату мага и, шурша коричневыми одеждами, пересек просторный тронный зал. Он вышел через небольшую дверь в противоположной стене и закрыл ее за собой.

Человек на троне не отрывал от мага взгляда темных-темных глаз.

— Господин Хан, Глаз Эрлика снова движется из Аренджуна на юг.

— Что? Хорошо!

— Я увидел в хрустальном шаре, что он находится в руках одного иранистанца и того самого человека, который отобрал его у Хисарр Зула... и у Испараны.

Лицо Актер-хана частично утратило румянец.

— Иранистанец! Да сохранит нас Эрлик! Зафра — у кого из них Глаз?

Волшебник стоял теперь перед троном, у подножия платформы, на которую вели ступеньки, покрытые ковром того же синего цвета, что и верхний халат, или платье хана. Взгляд мага переместился на стену сзади и слева от трона. Там висел меч в ножнах, кроме него на стене ничего не было. На его рукояти сверкали самоцветы. Ножны опирались на две скобы, которые были золотыми — или позолоченными. Холодные змеиные глаза мага встретились со взглядом его хана.

— Увы, мой господин, мои возможности не беспредельны. Эти двое путешествуют вместе, и я могу быть уверен только в том, что амулет путешествует с ними. Только если они разделятся, я узнаю, у кого из них Глаз.

— Тебя здесь хорошо содержат, Зафра, — сказал Актер-хан. — Твоя комната примыкает к самому тронному залу. По твоему сигналу я выслал отсюда всех и по твоему знаку отпустил своего визиря! Ты здесь ни в чем не испытываешь недостатка. Мне нужно больше сведений.

Зафра почувствовал, что ему следует поклониться, — пусть коротко и не очень низко.

— Ни один человек в мире не мог бы сказать тебе столько, сколько я уже сказал, господин Хан Замбулы. В этом я клянусь своей бородой и своей властью! Глаз Эрлика распространяет вокруг себя некую ауру, потому что это предмет, созданный с помощью колдовских чар. Однако если бы он находился среди трех человек или десяти, то даже наиболее сведущий из этих прославленных волшебников, покрытых сенью демонов Стигии не смог бы сказать, в чьих руках он находится, до тех пор пока этот человек не отделился бы от других. Я определил местоположение амулета, господин Хан. Я могу следить за ним по мере его приближения. Я это сделаю. Сейчас он далеко от нас. Кто бы из этих двоих ни владел им, мы сможем легко отобрать его, как только они подъедут

на достаточно близкое расстояние. А пока что, Актер-хан, — они приближаются к нам, и нам не нужно ничего предпринимать. Я буду наблюдать.

— Если только они не свернут к востоку, чтобы обойти Замбулу стороной по пути в Иранистан!

— Я буду поддерживать наблюдение, мой господин. Я считаю, что сейчас они находятся к югу от Дороги Королей. Однако если они повернут на восток, к морю, наши люди все равно никаким образом не доберутся туда раньше них.

Пальцы Актер-хана забарабанили по покрытому серебряной резьбой подлокотнику трона; его ногти стучали по дереву.

— Наблюдай за этими двоими, Зафра, и докладывай мне три раза в день, не реже. Даже чаще, если они изменят направление или если ты установишь, кто из них везет Глаз.

— Да, Хан Замбулы. Конечно. По крайней мере, теперь мы знаем, что амулет снова держит путь в нашу сторону.

— Или в сторону Иранистана. Этого не должно случиться!

— Они в неделях пути от нас, господин Актер. Мы узнаем. Моему господину не нужно волноваться. Я буду держать тебя в курсе.

— М-м-м. И до сих пор не знаем ничего о Карамеке и Испаране. Чума забери... Хафар! Хафар! Лучше, если я сделаю еще одно подношение храмам Эрлика и Йога, потому что, без сомнения, какой-то бог сердит на меня, и я не могу поверить, что это Хануман! Хафар!

Когда Хафар вошел, маг Зафра уже покидал зал, а Хан Замбулы извернулся на троне, чтобы посмотреть на висящий на стене меч. Он делал это по нескольку раз в день, и Хафар постоянно гадал, что означал меч для его господина и каким был источник влияния Зафры.

Зафра тем временем закрыл за собой дверь и прислонился спиной к панелям, пристально глядя на ожидающую его женщину. В тот момент, когда он запер дверь на засов, женщина улыбнулась и позволила своему единственному одеянию упасть аметистовой горкой у ее ног.

— Чиа, — выдохнул он. — Тебе не следовало приходить сюда. Я что, должен начать запирать дверь в коридор?

Она лениво улыбнулась и повела бедром, на котором лежала тонкая золотая цепочка, опоясывающая снизу изгиб живота с голубой ямкой пупка. Это было все, что на ней было надето, если не считать колец, которые, как и медальон Зафры, были подарком ее господина — хана.

— Но кто может держаться в стороне? — мягко спросила она. — Иди сюда и заставь свою Тигрицу мурлыкать.

Человек, которому оказывал предпочтение Хан Замбулы, подошел к женщине, которой оказывал предпочтение тот же самый хан.

Глава 7
ИСПАРАНА ИЗ ЗАМБУЛЫ

— Спокойно, Железноголовый, мы уже снаружи, ребятки. Как ты и сказал, Конан. Мы прошли через весь этот населенный призраками перевал и не увидели даже следов духа или песчаного чудовища. Я прошу прощения за то, что сомневался в тебе. Да что там, ты герой! Это сократит путь от Замбулы до Заморы на целый день, а то и больше.

Конан кивнул, покачиваясь в такт движениям своей лошади. Он чувствовал себя героем, очень кстати забывая о том, что два месяца назад его погнало через этот перевал смерти чистое безрассудство и не поддающееся никакой логике упрямство. Выбросил он из головы и тот факт, что только везение или какой-то другой своенравный бог не дали ему стать просто очередной жертвой духа, который так долго рыскал в ущелье, прорезающем Драконовы Холмы.

— Сначала, — сказал он, — нужно будет убедить путников в том, что этот перевал безопасен. Я считаю, что нам лучше пока держать при себе то, что мы знаем, Хассек. Замбулийцы могут задать слишком много вопросов.

Иранистанец, едущий чуть впереди и слева от него, согласно кивнул.

— Я понимаю. Амулет. Я чувствовал бы себя гораздо спокойнее, если бы ты показал мне его, Конан.

Из горла киммерийца вылетел короткий смешок, напомнивший его попутчику покашливание льва.

— А я бы чувствовал себя более спокойно, если бы мог поверить, что тебя устроит, чтобы мы оба привезли его твоему... нанимателю, Хасс! Ты же видел, как я уходил в пески, чтобы откопать амулет. Он у нас.

— Конан, ты мне нравишься. Ты боец, и ты довольно благоразумен, и я думаю, что ты честный юноша. В...

— Если бы у меня было больше благоразумия, я, вне всякого сомнения, был бы менее честным, — сказал Конан, лицо которого потемнело при слове «юноша».

— Я не верю в это. В любом случае я знаю своего господина. Я знаю, что он вознаградит нас обоих. У меня нет причин желать тебе зла или пытаться отобрать у тебя амулет. Даже если бы мы были врагами, я предпочел бы лучше пересечь пустыню с тобой, чем в одиночку!

Конан резко рассмеялся.

— Я могу назвать человека, который желает мне зла и у которого к тому же есть причины попытаться отобрать у меня амулет... предпочтительно сняв его с моего трупа!

— Та замбулийка.

— Да!

— Ты считаешь, что амулет был на ней, когда Хисарр Зул расплавил его, превратив в каплю желтого металла.

— С утопленными в ней тремя самоцветами. Я не думаю, что она сняла бы его. Бедная Испарана! Хорошая воровка, и так умна — и на нее так приятно смотреть, Хасс.

— Хорошая награда за ее воровство, я так считаю, — сказал Хассек, игнорируя тот факт, что он сам, посланный для того, чтобы украсть амулет для человека, который не был его владельцем, ехал теперь в компании вора. — И она не была твоей.

— Нет.

— Ц-ц. А теперь эта ее красивая грудь может быть покрыта шрамами от ожогов.

— Может.

— Ты, похоже, э-э... не слишком огорчен, мой друг.

Лошади шли на юг, оставляя позади Ущелье Песчаного Чудовища и Драконовы Холмы. Две вьючные лошади шагали позади, несомненно оскорбленные тем, что их каждый второй день превращают из верховых скакунов в рабочий скот. Только прекрасное животное под Конаном, казалось, узнавало свое прозаичное имя; Хассек называл «Железноголовым» любую лошадь, на которой он ехал в данный момент. По крайней мере, как сказал он Конану, именно таким было значение иранистанского слова, с которым он обращался к животному.

— Она пыталась убить меня, Хасс. А вообще-то потом еще раз: три раза! И оставила меня умирать или быть убитым этими хорезмийскими работорговцами. И учти, это после того, как я спас ее от них! Только потому, что она свалила меня таким предательским ударом, мы оба провели годы в этой их веренице невольников.

— Годы!

— Так мне казалось, — прорычал Конан. — День без свободы — год для киммерийца.

— Конан... насчет Глаза. Раз Хисарр сделал так, чтобы компоненты копии, соединившись, уничтожили ее, — значит, он должен был видеть оригинал, — Хассек поправил ширинку своих мешковатых шаровар. — Я имею в виду, в то время.

— Это было поручение, которое я должен был выполнить для него, — сказал Конан. — Он ограничил меня во времени; мне пришлось отнести ему Глаз. Конечно, он его видел. Он просто его не получил.

— Мне больно за него. Но в таком случае... Конан... мне кажется странным, что после того, как ты вернулся с амулетом в Аренджун, и показал его Хисарру, и убил Хисарра... кажется странным, что ты потом снова оставил Аренджун и поехал в пустыню, чтобы закопать там Глаз.

— Сомневаешься в моем слове, а, Хасс?

Хассек слегка потянул левый повод и оглянулся через плечо на своего попутчика, который поправлял повязку на лбу. Хассек был не так уж далеко впереди, правый бок Железноголового практически терся о нос лошади

Конана. Киммериец дал этому гнедому животному имя Гнедыш. Оно вполне выполняло свое назначение. Другую лошадь он называл Лошадь.

— С большой осторожностью отношусь к этому, ты, сын киммерийца, потому что ты едешь у меня за спиной!

Конан улыбнулся, потом засмеялся.

— Ну ладно. Если бы мой рассказ был ведром, то в нем было бы столько дыр, что там не задержалось бы и две капли воды. Я не закапывал Глаз Эрлика в пустыне.

— Ты спрятал его в Аренджуне? — Хассек хлопнул себя по лбу. — Вместе с лошадьми!

Конан покачал головой.

— Он все это время был при мне, Хассек.

Хассек выругался — на двух языках и упоминая четырех разных богов. Конан ухмыльнулся и кивнул со знанием дела. Человеку полезно ругаться, а способность разнообразить языки может здорово помочь.

— Но почему...

— Мне показалось неплохой идеей позаботиться о том, чтобы мы оба оставались беглецами и выбрались из Шадизара — и проехали мимо Аренджуна, — прежде чем я сообщу тебе, что эта штуковина у меня, Хасс. Когда мы с тобой наедине, я думаю, я могу с тобой справиться.

— Хитрый варвар с холмов! — иранистанец усмехался.

— Коварный похититель с гор! — Конан тоже усмехнулся и покачал головой.

А лошади размеренно шли вперед, все время на юг. За крупами вьючных животных линия острого хребта холмов, называемых Драконовыми, словно съеживалась, сжималась, уменьшалась в размерах.

— Эй! Подержи мою лошадь!

Хассек перебросил поводья вперед через голову лошади так, что они волочились по земле, и, махнув ногой вверх и назад, соскочил с седла. Он побежал, и в его руке сверкнул кинжал; Конан наблюдал за тем, как он метнул его. Покинутая лошадь стояла и глядела в пустоту. Кинжал полетел точно в цель, и Конан кивнул и поджал губы. Ему лучше не забывать о том, что Хассек умеет бросать нож!

Иранистанец вернулся, ухмыляясь и скрипя сапогами по песку. В руке он нес добычу: маленькую уродливую ящерицу.

— Свежее мясо на обед, — объявил он.

— Уф, — отозвался Конан.

— Ну тогда объедайся этой проклятой солониной, — сказал Хассек и просунул ящерицу в петлю на голенище сапога, прежде чем вскочить в седло с высокой задней лукой и удобно в нем устроиться.

Конан ничего не сказал; он знал, что когда они поджарят эту ящерицу над парой верблюжьих «лепешек», подобранных по дороге, она будет пахнуть так же хорошо, как самая лучшая говядина, и он съест ее с превеликим удовольствием. Они ехали дальше. Солнце глядело на них сверху вниз огромным пылающим глазом. Нос Конана облупился уже несколько дней назад. — А вчера облупился еще раз.

— Конан, — насчет этой Испараны. После всего, что, как ты сказал мне, она сделала — вероломная дрянь! — ты все-таки освободил ее из рабства и передал своим... самаррским друзьям.

— Я не желаю рабства никому, Хасс. Она служила своему господину, а я был ее соперником, ее врагом. Я имею в виду, что я и сейчас ее враг! Она пыталась служить ему хорошо. В моей власти было освободить ее или обречь на рабство. Я вовсе не настолько ее ненавижу, поэтому я сделал то, что должен был сделать.

— Что ты считал, что должен был сделать.

Конан стянул с головы повязку и выжал из нее пот.

— Для киммерийца это одно и то же.

Он, моргая, вернул повязку на место.

— Я бы не освободил ее, — задумчиво признался Хассек. — Для иранистанца это не одно и то же.

— Я буду помнить об этом, Хассек из Иранистана.

— Конан! — Голос Хассека звучал обвиняюще, с притворным упреком.

— Просто держись чуть впереди, где я могу видеть тебя, Хассек, друг мой.

Много дней, сверкающих, раскаленных солнцем дней спустя Конан все еще не ответил на расспросы Хассека о местонахождении амулета; Хассеку казалось, что он догадался; и он все еще скакал чуть впереди, когда они выехали из длинной «ложбины», образованной двумя барханами. Запасы воды были на исходе, и оба путника наконец признались в своей озабоченности.

Иранистанец первым встретился с парой, едущей навстречу. Все трое — и две лошади — были очень удивлены и сбиты с толку. Руки напряглись и дернули поводья, послышалось звяканье сбруи и скрип кожи.

Конан, выглядывая из-за спины иранистанца, увидел солдата с раздвоенной бородой, в остроконечном шлеме, и рядом с ним и чуть сзади — всадника поменьше ростом, закутанного в джеллабу, капюшон которой прикрывал его лицо. Первые слова донеслись со стороны этого невидимого лица.

— Сарид! Это он — Конан!

— Какого... — Хассек, произнося это слово, уже протягивал руку к противоположному боку, чтобы выхватить клинок. Его лошадь нервно перебирала ногами. Желтые грязные широкие шаровары иранистанца слегка трепетали на слабом теплом ветру.

Сарид выхватил меч первым, подстегнутый словами своего попутчика.

Ильбарсский нож иранистанца еще не совсем покинул ножны, когда клинок меча Сарида нанес удар с оттяжкой через лицо Хассека. Тот что-то пробормотал, захлебываясь хлынувшей кровью, и дыхание, образующее слова, которые он не мог выговорить, превратило кровь в красную пену. Куски языка и губы соскользнули вниз по груди его кафтана.

Он отшатнулся назад; обратный удар Сарида с чмокающим звуком вбил лезвие клинка сбоку в голову иранистанца.

Сариду пришлось торопливо высвободить свой меч, когда Хассек качнулся назад и в сторону и вывалился из седла. Его лицо было ужасающим образом разворочено, рот искромсан первым ударом, а одна сторона головы — вторым. Он ударился о песок со звуком, похожим на тот,

что издает мешок с зерном, упущенный неосторожным грузчиком и плюхнувшийся в лужу. Хассек бил руками по земле, извивался, издавал отвратительные хлюпающие звуки.

Прошло всего несколько секунд. Сухой теплый ветер трепал одежды. Конан был уверен, что Хассек не будет страдать долго, и знал также, что никогда не оставит его жить с таким лицом.

Лошадь Хассека, стоящая в устье небольшого прохода между двумя барханами, взвилась на дыбы, когда Сарид попытался рвануться вперед. Он нанес удар Хассеку, услышав крик своего попутчика, и нанес его не думая; теперь опытный солдат увидел истинную цель. Испарана рассказала ему все об этом громадном собачьем сыне из Киммерии. Сарид попытался проскочить мимо поднявшейся на дыбы лошади без всадника. Она попятилась на лошадь Конана. Киммериец выругался, вцепился в поводья и быстро выхватил меч. Вспомнив о поводе, к которому были привязаны вьючные лошади, он протянул руку назад и сдернул его с высокой задней луки своего седла. Кожаный ремень упал на землю; животные остались стоять на месте, хотя и беспокойно переминались с ноги на ногу.

— Проклятая тупая скотина, убирайся... прочь! — бушевал Сарид, стараясь объехать потерявшего всадника Железноголового. Лошадь заржала и снова поднялась на дыбы.

За спиной Сарида Испарана сбросила свой капюшон. Она теперь тоже сжимала в кулаке меч; костяшки ее пальцев побелели, туго обтянутые кожей. На земле извивался Хассек. Его лошадь по-прежнему разделяла Конана и Сарида у самого въезда в лощину.

Пронеслось еще несколько секунд. Слегка перегнувшись в седле, Конан ударил лошадь Хассека; в самый последний момент он вывернул запястье так, что меч с громким хлопком плашмя ударился о круп Железноголового.

С почти человеческим криком животное, не разбирая дороги, ринулось вперед. И поэтому его плечо ударило лошадь Сарида чуть позади выгибающейся, покрытой длинной гривой шеи, — а Железноголовый продолжал

двигаться. Он силой пробил себе дорогу, и его плечо, а потом седло почти оторвали Сариду ногу. Солдат закричал таким же высоким и нечеловеческим голосом, как до него лошадь.

Потом Железноголовый пронесся мимо Испараны, а Сарид уже не мог справиться ни с лошадью, ни с собой; он шатался в седле, его лицо искажалось гримасами, и Конан ударил своего скакуна обоими каблуками, а потом плотно прижал их. На ногах киммерийца вздулись мускулы.

Его лошадь дернулась вперед, вслед за животным, которое она знала и за которым следовала всю дорогу от Шадизара. И Конан нанес удар — справа над шеей Гнедыша, мимо собственной груди и в левую руку Сарида.

Клинок вошел глубоко. Обе лошади в это время двигались в противоположных направлениях. Лезвие меча застряло, погруженное в мышцы и кость. Рука Конана оказалась переброшенной через его грудь и прижатой к ней. Его лошадь продолжала двигаться. Конан заворчал, и его тело изогнулось. Лошадь неуклонно продвигалась вперед. Конан, уже потерявший равновесие, наконец в отчаянии выпустил меч — слишком поздно. Он упал.

Левое заднее копыто высокой гнедой лошади Сарида просвистело в двух пальцах от головы киммерийца.

Гнедой пошел рысью — теперь его ничто не сдерживало, ибо левая рука Сарида была наполовину отделена от тела, и бьющая из нее кровь сверкающим потоком окружала клинок, торчащий из раны. Потом гнедой понесся галопом мимо вьючных лошадей Конана, которые все еще стояли в узком проходе между барханами. Места было недостаточно; гнедого это не волновало. Сарида вышибло из седла выступающим в сторону тюком. Он тяжело упал наземь. Меч, торчащий из его руки, стал словно бы короче.

Сарид изменил своей присяге солдата Турана из желания обладать Испараной, побуждаемый к лихорадочному безумию похотью, льстивыми речами и обещаниями награды, затмевающей даже ее соблазнительную особу. Он пошел в бессмысленную атаку, убил Хассека, который был ему совершенно незнаком... и потерял левую руку и способность владеть левой ногой.

А теперь шарахающаяся в панике вьючная лошадь наступила ему на грудь и вдавила ребра внутрь.

Конан тем временем тяжело шлепнулся на песок. Извернувшись в момент столкновения с землей, он был на ногах через две секунды. Он потерял и лошадь, и меч, а другая лошадь чуть было не наступила на него. Он был зол до такой степени, которая граничила с безумием. Обернувшись туда, откуда он приехал, он уставился на круп лошади Испараны. Длинный черный хвост животного развевался сзади, как знамя, как манящий вымпел.

Огромный киммериец зарычал и совершил безрассудный поступок. Он схватился за этот длинный струящийся хвост обеими руками и уперся ногами в землю.

Через мгновение его каблуки глубоко утопали в песке, а конский волос резал ему пальцы.

Животное взвизгнуло, дернулось так резко, что женщина в седле покачнулась, и остановилось. Оно напрягло все мускулы, всхрапывая, — и Конан устоял!

Всадница, повернувшись над высокой задней лукой седла, сделанного из кожи, натянутой на деревянную основу, откинулась назад, чтобы рубануть Конана своим мечом, который был изогнут на восточный манер: клинок, способный нанести резаную рану. Хвост ее коня был роскошно длинным, и Конан, тянущий за него, стоял на довольно большом расстоянии. Он был как раз вне досягаемости острия ее меча. Она сделала еще одну попытку.

То, что она перенесла вес назад, вместе с ее резкими движениями и дергающим за хвост Конаном заставило животное взвиться на дыбы, перебирая передними ногами в воздухе.

Конан, по-волчьи ухмыляясь, разжал руки в тот самый миг, когда Испарана кубарем свалилась на него. Они покатились по земле, мужчина и женщина в длинных одеждах. Оба сыпали проклятиями. Пострадавшая лошадь оглянулась назад, сверкая белками больших вращающихся глаз, которые, казалось, отражали ее оскорбленные чувства. Потом она отвернулась и обменялась взглядами с вьючными животными. Одно из них — то, у которого правое переднее копыто было в крови, —

негромко фыркнуло. Конь Испараны фыркнул в ответ. В нескольких ярдах от него Конанов гнедой оглянулся назад и качнул головой; его сбруя зазвенела. Он тоже издал это негромкое мягкое фырканье, потом поднял морду и заржал. В четверти мили от этой сцены Железноголовый услышал его и, замедлив бег, остановился. Потом он повернулся, поглядел туда, откуда прискакал, качнул головой, громко заржал.

Испарана и Конан барахтались и катались по песку. Когда они остановились на мгновенье, она была сверху. Она вскочила и уселась ему на грудь; мелькнули колени в желтых шароварах; ее меч взлетел вверх. Ненависть и жажда убийства сделали ее глаза безобразными, а солнце высекало из них искры, так же как и из ее изогнутого полумесяцем клинка.

Конан увидел блеск этих ненавидящих, безумных глаз, однако сверкание ее меча представляло гораздо более безотлагательный интерес. Он выбросил вверх руки в тот самый момент, когда она ударила.

Ее запястье упало в его правую ладонь, словно весло в уключину. Вся ее рука содрогнулась от столкновения и застыла, словно налетела на камень. Рука Конана держала, останавливала ее руку, и его ладонь сомкнулась. Потом сжалась.

Другая его рука вытащила ее кинжал.

Испарана почувствовала, как кости ее запястья трутся друг о друга и пальцы разжимаются против ее воли; она застонала, и ее скимитар отлетел прочь. Она увидела, как ее собственный кинжал, сверкая, метнулся к ней, и закричала: «Нет!» — и в это время Конан нанес удар — удар, распоровший ее джеллабу снизу доверху.

Под этой одеждой пустыни на ней не было ничего, кроме льняной нагрудной повязки и низко опущенных на бедра, завязывающихся шнурком шаровар с прорезями. И то и другое было ярко-желтого цвета, красиво контрастирующего с ее золотисто-коричневой кожей. Конан не увидел на двух полусферах ее груди никаких шрамов. Он отбросил в сторону кинжал и притянул ее к себе. Она упала ему на грудь, и он перекатился через нее. Теперь он был сверху и заглядывал ей в глаза. Она укусила его

за руку, и он разжал другую на достаточно долгое время, чтобы дать ей пощечину.

— Нет, будь ты проклят! — крикнула она и начала бешено извиваться.

Хассек из Иранистана лежал неподвижно, и Сарид, туранский солдат из Самарры, лежал неподвижно; а Испарана из Замбулы извивалась, тяжело дыша, и вскоре Конан увидел на ее бедре уродливый шрам от ожога. Равнодушное солнце пустыни с сияющей улыбкой смотрело на них сверху вниз, и скоро капли пота окропили песок, и через некоторое время проклятия Испараны перешли в стоны и тихие вскрикивания, а еще несколько мгновений спустя они зазвучали по-иному, ибо она не была девушкой.

Глава 8
СТРАННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Мужчина и женщина ехали по пустыне на юг. Со всех сторон вокруг них поднимались низкие барханы, образуя небольшие лощины, а сияющее сверху солнце было врагом, превращающим небо в медный котел. Их лошади шагали медленно, опустив головы. К задней луке седла женщины был привязан длинный повод, на котором шли еще четыре лошади; две были оседланы и в дополнение к этому навьючены; вьюки на другой паре были еще более объемистыми.

Мужчина совершенно определенно был мужчиной, хоть и очень молодым. Высокий, крепко сложенный, с массивными плечами, распирающими надетый на него белый бурнус, он бы мог быть борцом. Никто не назвал бы его красивым — однако пока его лицо было спокойно, его нельзя было назвать и уродливым. Желтая льняная повязка окружала его голову над бровями и сдерживала гриву его черных волос. Его лицо было загорелым, как и руки, хотя длинный клинообразный участок груди, виднеющийся в вырезе его туники, имел более светлый оттенок. Он ехал, высоко закатав на бедрах штанины широких шаровар, обычных для жителей пустыни; теперь, решив,

что на его мускулистые ноги попало достаточно солнца, он опустил серовато-коричневые штаны на сапоги. Глаза, глядевшие с этого потемневшего от солнца лица под смолисто-черной шапкой волос и кричаще-яркой повязкой, были странными для пустыни на юге широко раскинувшейся империи Турана, они пылали раскаленной голубизной, похожей на выжженное солнцем небо.

День был жарким, как жарким был каждый день. Бледный песок отражал свет злого солнца мириадами сверкающих как алмазы искр, так что мир пустыни казался еще более жарким и более ярким от этого сияния. Лошади шли размеренным шагом. Мужчина и женщина ехали, расслабившись в седлах, сжав губы и устремив взгляды вперед. Одежда прилипала к их телам, покрытым пленкой пота.

Женщина совершенно определенно была женщиной, и была старше мужчины. Ее лицо было удлиненным, с рельефными скулами, пристальными темными глазами и слегка выгнутым носом над пухлыми губами и подбородком с круглой ямочкой в середине. Никто не мог бы назвать ее истинной красавицей; только другая женщина назвала бы ее менее чем хорошенькой, и это было бы неправдой. Ее раздувающиеся шаровары, или «сирваль», — желтые, испачканные грязью и песком, покрытые пятнами пота, — были прорезаны с одной стороны и порваны. Капюшон, отпоротый от джеллабы, лежал у нее на бедрах, поскольку грязное белое платье было искромсано и разорвано вдоль и поперек и заканчивалось гораздо выше колен. Широкие шаровары-сирваль были заправлены в красные сапоги, поднимающиеся выше ее довольно округлых икр. Великолепная масса вьющихся черных волос отливала синевой и пурпуром в свирепом сиянии солнца; кудри закрывали ее лицо, выбиваясь из-под ее грязной старой повязки, которая раньше принадлежала мужчине. Ничем не стесненные полушария ее грудей прыгали как беспокойные зверьки, под располосованной джеллабой, почти не скрывающей их изгибов; ткань, которая раньше стягивала их, стала теперь повязкой на голове мужчины.

Золотисто-коричневая кожа женщины, по его безжалостному замечанию, была привычной к солнцу и не должна

была обгореть. Она была разъярена этими словами, а потом удивлена тем, что он помог ей сменить повязку на бедре, там, где шафрановый сирваль был сильно прожжен, образуя дыру с черными, неровными краями.

— Мне печет грудь, собака!

— Она не обгорит, — сказал он, мирно покачиваясь в седле справа от нее. — По крайней мере, обгорит не сильно, — добавил он, и она поджала свои полные губы.

— Зачем вообще было брать меня с собой? Почему ты не оставил меня умирать в пустыне, варвар, истерзанную, плохо одетую и беспомощную?

— После всего того, что мы перенесли вместе? Испарана, Испарана! Я чувствую ответственность за тебя, женщина! И кроме того... разве ты не собиралась доставить Глаз Эрлика в Замбулу?

Она уставилась на него сверкающими глазами, ее блестящая от пота полуобнаженная грудь начала вздыматься сильнее. Ее голос был почти шепотом:

— Д-да-а...

— Правильно, — Конан пожал плечами. — Хассек — которого я любил, черт бы тебя побрал, — умер. Замбула гораздо ближе, чем Иранистан, и я ничего не должен той далекой земле. Ты выполнишь свою задачу, Испарана. Ты вернешься в Замбулу вместе с амулетом. Просто я, не ты, буду везти Глаз. Веди себя со мной по-дружески, и я буду счастлив сообщить твоему нанимателю, что ты убедила меня отвезти амулет ему в твоей компании.

Испарана заморгала, пристально глядя на него, но ничего не сказала. Кончик ее языка высунулся, увлажняя губы, пока она обдумывала, размышляла, без сомнения, озадаченная его словами и его проклятой непредсказуемостью горца. Испарана поступила мудро, не сказав ничего. Этот громадный пес-варвар, по всей видимости, был из тех, кто остается в живых; к тому же он был могучим воином, а также хорошим товарищем, — а еще, черт бы его побрал, искусным любовником.

Кроме того, они действительно направлялись к Замбуле, и он заверил ее, что амулет у него, хотя, похоже, все, что он носил, была эта уродливая, дешевая глиняная штуковина, висящая на ремешке у него на груди.

После полудня она попыталась пожаловаться на скудость предоставленного ей наряда. В ответ она получила дружеский шлепок по бедру и уверения в том, что в таком виде она менее опасна. Он снова повторил, что, поскольку ее кожу с самого начала вряд ли можно было назвать белоснежной, она не подвергается опасности быть обожженной солнцем.

— Если на нас нападут, — сказала она, — у меня даже нет оружия!

Конан бросил на нее мрачный и очень серьезный взгляд.

— Если на нас нападут, — ответил он, — оружие тебе не понадобится.

В ее груди поднялась теплая волна, и ей не понравилась эта реакция. Испарана продолжала мудро молчать, плотно сжав губы и глядя перед собой. Они ехали на юг, к Замбуле.

— Я не хочу, чтобы ты приходила сюда, когда я занят работой, — сказал Зафра. — И еще мне не нравятся эти низкопробные благовония, которые ты упорно жжешь, и эти ароматические свечи. Это мое рабочее место. К тому же оно примыкает к тронному залу. Мне совсем не нравится, что ты здесь! Если он узнает...

— Он! — женщина так выплюнула это слово, как будто оно было бранным. — Как он может узнать? Балад совсем запугал нашего бедного Актер-ханчика! Балад жаждет получить трон, и, я думаю, он его получит, Зафра! Актер нервничает и держит своего сына под постоянной строгой охраной — строжайшей. И в то же самое время наш господин хан боится приказать войскам открыто выступить против претендента на трон Балада — вдруг люди предпочтут Балада!

Она прошла от ложа к столу, где стоял хрустальный шар Зафры, плавно скользя в своем наряде, который состоял из нескольких унций шелка и фунта самоцветов и жемчуга. Она извивалась при ходьбе как изящная гибкая кошечка, эта женщина из Артоса, которую Актер-хан называл Тигрицей. И было за что. Чиа была великолепно, хоть и не пышно сложена и двигалась быстро и

грациозно, как кошка; ее окружала аура чувственности, способная возбудить и восьмидесятилетнего старца. Буйные золотисто-каштановые волосы рассыпались по широким плечам цвета янтаря, а ее глаза, большие, окруженные угольно-черной чертой, с подсиненными веками, были серого цвета, приводящего в смятение. Рабыня из далекой Аквилонии расчесывала эту гриву по многу минут в день — столько, сколько нужно было, чтобы тень на солнечных часах прошла половину расстояния между точками, разделяющими два часа. Как только она заканчивала эту процедуру, ее хозяйка преднамеренно растрепывала волосы, чтобы сохранить свой небрежный, чувственный облик.

Несмотря на то что Зафра хорошо знал ее, несмотря на все те часы, что они провели вместе, он по-прежнему зачарованно и чутко наблюдал за ее движениями и чувствовал возбуждение просто при виде того, как она ходит.

Она была рождена, чтобы искушать, думал он; женщина, достойная императора или мага, который в последующие годы будет п р а в и т ь, и править гораздо большим государством, чем маленькая, расположенная среди пустыни Замбула. Чиа из Аргоса заслуживала доверия настолько же, насколько ее хищная тезка из джунглей, а ее мораль была такой же, как у кошки во время течки. Она была изнеженной, и она была воплощением эстетства и упадка, и Зафре было приятно, что он сделал ее своей, ее, которая принадлежала прежде Актер-хану. Правда, хан не знал, что она ему уже не принадлежит!

Только прошлой ночью Актер призвал ее к себе, и, конечно же, она пошла, пока Зафра скрипел зубами и строил мрачные планы насчет будущего, управляемого колдовством, управляемого Зафрой, который станет Зафрой-ханом.

Устремив на Зафру глаза, в глубине которых, словно в куске слюды, мерцали искры, она продолжила ленивым, презрительным голосом:

— Актер верит, что с помощью этого Тотрасмека — юного жреца, едва ли больше чем прислужника, — он держит под надзором Балада, который хотел бы стать Балад-ханом... а Балад платит Тотрасмеку, этому маль-

чику-жрецу, и диктует ему сообщения для нашего благородного хана!

Ее презрительный смех не был красивым. Не было красивым и ее лицо, когда она издавала гортанные звуки, выходящие из широкого, чувственного рта с полными губами, рта, уголкам которого удавалось слегка приподниматься с пренебрежительным высокомерием даже тогда, когда она улыбалась, — одной стороной рта, ибо она не была совершенством: у нее был испорченный зуб с левой стороны.

Зафра повернулся, чтобы еще раз взглянуть в хрустальный шар, и улыбнулся; его улыбка была такой же несовершенной, как и у нее, — в его улыбке никогда не участвовали глаза. Да, эти двое продолжали свой путь и были теперь еще ближе к Замбуле, хотя по-прежнему глубоко в сердце пустыни.

— А что касается Актера, — продолжала говорить Чиа, — много ты знаешь о нем, Зафра! Он начинает впадать в сонливость от выпитого вина даже раньше, чем заканчивает ужин каждый вечер, а закончив его, через час уже бывает пьян. Все вечера! Его брюшко растет с каждым днем! Он не хан! Он ужасный болван, Актер-Болван... или Заколотый Бык, как все чаще и чаще называют его солдаты.

Наклонясь над своим захламленным столом, Зафра повернул голову и посмотрел на нее через плечо долгим взглядом.

— Чиа... ты поддерживаешь контакты с Тотрасмеком?

Она взглянула на него.

— Я? Я что, похожа на тех, кто общается с людьми, отдавшими свое мужество богам?

Зафра усмехнулся:

— Что ж... найди способ заставить его задуматься, правда ли та девчонка-шанки, подарок нашему господину Хану... заставь его и этого Балада задуматься, на самом ли деле она умерла от болезни или... от чего-то другого.

— О! Это так и было?

— Откуда знать простому магу, Чиа, к тому же такому молодому? Просто присмотри за тем, чтобы эта мысль дошла до ушей тех, кто передаст ее Баладу.

— О, что ж, это проще, чем иметь дело с этим честолюбивым маленьким жрецом, любовь моя. Моя собственная дорогая Митралия — шпионка Балада!

— Твоя рабыня? Эта хорошенькая белокурая аквилонянка? Почему ты не сказала мне этого раньше?

Чиа склонила голову в сторону и поглядела на него из-под густых ресниц.

— Я только что это сделала. А ты говоришь мне все, что знаешь, моя колдовская и тщеславная любовь?

Она с улыбкой, неторопливо зевнула и потянулась, напрягая и расправляя свое медно-золотистое тело ради глаз мужчины, который, как она знала, любил его. Ее зачаровывал этот странный, непохожий на других человек в диковинном головном уборе. Ханский любимец, которому оказывалось наибольшее доверие в этом расползающемся городе; маг, но не старый и не лысый; молодой человек, обладающий познаниями из Книги Скелоса, и более полными, чем у пиктов, знаниями об их собственных омерзительных Детях Йила, и еще знаниями из зловонных томов Сабатеи с золотым павлином; без сомнения, такими же полными знаниями, как те, которыми обладали колдуны-стигийцы в своих склепах, укрытых во мраке ночи.

Чиа знала, что через год или даже меньше, если Актер-хан удержится на троне, Зафра вполне может оказаться здесь правителем. А если Баладу удастся совершить задуманное... что ж, у нее были кое-какие планы в этом направлении.

Она знала, что Зафра был очарован ею, словно она, а не он, была магом. И однако она была так же очарована им, его непохожестью на других, его бесстрашием... и его властью и перспективами еще большей власти. И, конечно же, Чиа из Аргоса знала, что рано или поздно он ей надоест — если только, возможно, он не сохранит и не укрепит свою власть и не добьется еще большей!

— Едва ли можно сказать, что Балада никто не поддерживает, — сказала она, выгибая брови и опуская ресницы, тяжелые от краски, сделанной из угля, смешанного с душистой мазью. — И его... разговорчивые

сторонники занимают высокие места в Аграпуре, столице.

Она всегда называла этот город не просто «Аграпур», а «Аграпур, столица», и Зафра знал, что ей страстно хотелось туда: в центр Империи.

— Добавь: «столице Турана, сатрапией которого является наша Замбула», — сказал он, — и я сверну твою очаровательную шейку.

Лениво улыбаясь и умышленно приводя в беспорядок те скудные одежды, что на ней были, она сказала эти слова.

— Ах, ведьма, — промолвил Зафра, — ведьма!

И в эту же минуту решил сделать ей на щеке бородавку. Очень маленькую, просто чтобы она задумалась.

— Кто может быть лучшей супругой для мага, — отозвалась она, лениво усмехаясь, — мага, который водит дружбу с демонами!

— Едва ли. А теперь послушай, Чиа...

Она гибко потянулась, позируя перед ним; великолепные тигриные мышцы заиграли под янтарной кожей, натянутой, как днище барабана.

— Называй меня Тигрицей, Зафра, Тигр!

— Так тебя называет о н, Чиа. Слушай же, или я продемонстрирую тебе кое-какие свои способности! Знаешь ли ты, что мне достаточно сделать то-то и то-то, и ты упадешь на колени, распластаешься на животе и будешь ползать и пресмыкаться, подобно змее?

Она вцепилась в край стола, заставленного колбами и ретортами, банками и сосудами со странным содержимым. Она выгнула спину, выпятила зад и покачала бедрами из стороны в сторону, не отрывая от него кошачьих глаз.

— О? Ты бы хотел этого? Ты бы хотел, чтобы я это делала, маг? Я сделаю, стоит тебе только попросить, моя колдовская любовь! Не нужно зря переводить твои заклинания!

Он сжал кулаки, спрашивая себя, издевается ли она над ним, или боится его и пытается скрыть это, или говорит серьезно.

— Ах! — в отчаянии вырвалось у него. — А боль — допустим, я причиню тебе боль, такую, от которой ты

будешь молить о пощаде и о том, чтобы выслушать мои приказания?

Она обнажила грудь и медленно провела языком по губам.

— Тебе бы хотелось причинить мне боль и увидеть, как я извиваюсь, мой колдовской возлюбленный? Избей меня!

— Чиа!

Глаза Зафры стали тусклыми, змеиными; его голос был таким же тусклым. И теперь в нем звучало предупреждение, за которым скрывалась угроза. Чиа поняла, что ему надоели ее поддразнивания. Она заговорила мягко и нежно:

— Любовь моя?

— Я должен пойти и сказать хану, что его посланница Испарана направляется к Замбуле в сопровождении того, в чьих руках находится Глаз, обладать которым наш одурманенный господин жаждет с таким отчаянием. Я предложу ему подумать о том, чтобы послать... почетную охрану, которая встретит и проводит их к нам.

— Как ему повезло, что у него есть ты и что ты вечно заботишься о нем! А почему ты не уберешь для него Балада?

— Я сказал ему, что я над этим работаю и что Балада защищают могучие чары. А теперь... ты должна не шевелиться, Чиа, и сидеть тихо, пока я буду проходить через эту дверь. Ибо, если ты этого не сделаешь, ты погубишь нас обоих.

— Я буду сидеть тихо, как маленькая мышка, — отозвалась она и, раздевшись всего несколькими быстрыми движениями, улеглась на полу в непринужденно-непристойной позе. Тигровый глаз, подвешенный на тонкой золотой цепочке, мерцал у нее на животе.

Зафра, скрипя зубами, пошел к высокой, обшитой панелями двери, чтобы сделать доклад своему хану. «Какое великолепное животное, — думал маг, лицо которого было сосредоточенным, а глаза — тусклыми и жесткими. — Интересно, сколько времени пройдет, прежде чем мне придется избавить этот мир от нее?»

Глава 9

СМЕРТЬ СРЕДИ БАРХАН

Людей в зеленых одеждах и более темных шарфах, скрывающих нижнюю часть их лиц, было шестеро, и их вожак устремил взгляд своих пылающих глаз на Конана и сказал ему, что все, что им было нужно, — это Испарана.

— Я не понимаю, — сказал Конан, решая в это время, что ему делать.. — Моя сестра не продается.

— Мы не собираемся покупать ее, безмозглый мул! — сказал человек в зеленых одеждах, и двое его товарищей рассмеялись.

— О, — сказал Конан. — Испарана, эти люди хотят немного тобой попользоваться. Ты ведь не против? И тебе бы лучше отцепить повод вьючных лошадей от своего седла.

Он надеялся, что до нее дойдут непроизнесенные слова: «и будь готова скакать быстро и ничем не обремененная».

Глаза над темно-зеленым шарфом переместили свой взгляд на женщину. Правая рука Конана метнулась к противоположному боку. Его пальцы сомкнулись на рукояти меча, и он рывком вернул руку обратно, повторив ее взмах в обратном направлении, — так, что это стало одним непрерывным движением. Острие его меча уничтожило пылающие пристальные глаза.

В то же самое время он ударил лошадь пятками и плотно прижал их.

Его собеседник закричал, бесполезно поднимая руки к окровавленным глазницам. Двое его товарищей испустили вопль, а еще один выругался. Третьего, который уже начал поднимать меч, ударило плечо Конановой лошади — так сильно, что он вылетел из седла. Его скимитар отлетел в сторону. Остальные мечи со скрежетом покинули ножны, а Испарана в это время освободилась от вьючных лошадей.

Вращая мечом над головой, чтобы усилить удар, Конан понесся к тому из людей в зеленом, что был чуть в стороне от остальных. Под просторными одеждами этого

неудавшегося насильника, как оказалось, были крепкие мускулы: его клинок с ужасающим лязгом и скрежетом встретил клинок Конана и остановил его.

Четвертый из «джазихим», бандитов-кочевников, остановился вплотную к Конану за его спиной, и его меч взлетел над широкой спиной киммерийца. Конан в это время блокировал удар, одновременно пиная лошадь своего противника так сильно, что, несмотря на сапоги, расшиб себе ногу. Его меч рассек правую руку бандита у самого запястья. Услышав позади себя странный булькающий звук, Конан вбил каблуки в бока лошади и низко пригнулся. Гнедыш рванулся вперед, и его всадник оглянулся, удерживаясь обеими ногами.

Было легко понять, что этот человек собирался нанести ему удар сзади и что ему это удалось бы, если бы ему не помешали; эта помеха приняла форму небольшого, семидюймового кинжала. Испарана метнула его с достаточной силой, чтобы пробить левое плечо бандита. Легкая рукоять и половина клинка торчали из плоти между бицепсом и трицепсом. Бандит забыл про Конана и каблуками развернул лошадь, чтобы броситься к женщине.

— Спасибо, Спарана, — прокричал Конан. — Скачи, Спарана!

С двух сторон на него бросились три человека, хотя один из них был ранен в правую руку. Конан заставил своего коня проскочить между ними и уклонился от удара ближайшего к нему бандита, хоть и не смог нанести ответный удар. Он увидел, что Испарана увернулась от раненного ею человека и мчится на юг со всей возможной скоростью.

Поскольку ни у одного из кочевников не было лука и, следовательно, они могли только пуститься в погоню, Конан рывком развернул Гнедыша и понесся вслед за ней.

За его спиной не меньше шести человек закричали от ярости и разочарования. Двое были ранены, трое нет. Яростно вопя, эти пятеро бросились в погоню. Шестой, их ослепленный вожак, спотыкаясь, брел по песку, выкрикивая их имена. Его лошадь заржала и поспешила догнать остальных.

Восемь лошадей галопом скакали по пустыне на юг, растянувшись в длинную линию.

Четыре вьючные лошади смотрели вслед остальным. Одна из них заржала и ударила копытом в песок. Вторая устремилась вперед. Первая позволила ей повести себя на поводу. Все четыре перешли на рысь и поскакали по следам остальных восьми.

Ослепший человек, шатающийся, спотыкающийся, вскрикивающий, случайно оказался у них на пути. Первая лошадь обогнула его. Вторая и третья сбили его с ног. Четыре вьючных животных Конана и Испараны рысили вслед за своими хозяевами, и все двенадцать лошадей торопились по пустыне на юг, выстроившись в линию почти в лигу длиной. Слепой человек перестал вскрикивать.

Железноголовый и Гнедыш бежали хорошо. Оба коня провели много времени в пустыне и были привычны к этой странной почве, уходящей из-под копыт при каждом их ударе. Конан оглянулся, чтобы посмотреть на вопящих преследователей-джазихим. Они неслись так, что их зеленые одежды хлопали по ветру; их вращающиеся над головой мечи сверкали на солнце. Киммериец скакал, пригнувшись к шее лошади, чтобы лучше распределить свой вес и сделать более обтекаемым свое массивное тело, и вновь и вновь выкрикивал имя замбулийки.

Глупо было бы ожидать, что она приостановится, чтобы он мог догнать ее, думал Конан, поскольку ее лошадь шла с отрывом и несла меньший вес. И все же ему хотелось бы, чтобы Испарана была вооружена. Он был бы рад иметь возможность передать ей длинный клинок, прицепленный у него за седлом, горский нож, который раньше принадлежал Хассеку.

И все же ей удалось сохранить кинжал и спрятать его — и с его помощью спасти Конану жизнь, в то время как она могла бы ускакать вооруженной. Может быть, у нее есть еще один кинжал, думал Конан. Ему внезапно пришло в голову, что он так и не проверил, не спрятаны ли в ее сапогах ножны. Все остальные детали ее одежды и тела были ему знакомы.

— Эй, прекрати это! — запротестовал он, когда Гнедыш легко перескочил длинный гребень, образованный нанесенным песком, и приземлился так, что у его всадника лязгнули зубы.

Хвост коня струился позади, словно золотисто-коричневый стяг, а его развевающаяся грива больно хлестала Конана по лицу. Его одежды вздувались и хлопали на ветру. Он не оглядывался. Не было оснований предполагать, что преследователи смогут догнать его. Все, что ему нужно было делать, это продолжать галоп...

Вечно?

Вряд ли. Возможно, в течение нескольких часов, а может и меньше. В конце концов Железноголовому и Гнедышу придется замедлить бег. Конечно же, они были менее свежими, чем кони людей в зеленом, которые, должно быть, жили или разбили свои шатры неподалеку. Тогда Конану и Испаране придется встретиться со своими врагами лицом к лицу или быть разрубленными на куски из-за спины. Хорошо было бы наткнуться на нагромождение камней или одну большую скалу, на которую он смог бы взобраться и отражать удары даже более чем пяти нападающих.

Закусив губу, Конан поднял голову — достаточно, чтобы окинуть все вокруг прищуренным взглядом. Он увидел только поднимающиеся и опускающиеся песчаные барханы, и длинные высокие песчаные склоны были только песком или, возможно, песком, нанесенным к подножию каменистых холмов, поверхность которых под ним стала совершенно гладкой.

Гнедыш с трудом поднимался сейчас по одному такому длинному склону. Конан оглянулся назад, когда конь достиг вершины. Преследующий его квинтет не доскакал еще до подножия бархана. Конан увидел, что один бандит нетвердо сидит в седле. То отродье, чью правую руку он разрубил, слабеет от потери крови, решил киммериец.

Гнедыш, взбрыкивая, тяжело спускался по песчаному склону. Внизу и впереди Испарана скакала галопом к гораздо более высокому бархану или холму, еще не стертому с лица земли шершавым, вечно пересыпающимся песком. Она направляла Железноголового так, чтобы подниматься наискосок и поберечь силы коня. Конан принял решение, характерное для варвара, так же как тогда, когда атаковал вожака шестерых бандитов, у которого были все основания считать его легкой добычей.

Гнедой скакун всхрапнул, когда левый кулак его хозяина напрягся и натянул подобранный повод. Спускающейся вниз лошади не очень-то хотелось поворачивать влево, однако она сделала это. Ее копыта проскальзывали по песку. Конан висел на ее спине, пытаясь отклоняться влево, в сторону вершины холма, и продолжая тянуть повод в этом же направлении. Гнедыш более чем неохотно сопротивляясь, снова поднимался теперь в гору. Конан почти выпадал из седла, и мышцы его икр вздулись от усилия удержаться на лошади. Потом они будут подрагивать еще целый час.

Но теперь...

Теперь Гнедыш снова поднялся на вершину, и Конан беззвучно ослабил хватку ног, вбил каблуки в бока лошади и прижал их снова.

Гнедыш оскорбленно всхрапнул и ринулся вниз, под уклон, на несколько локтей левее следов своего подъема.

«Беги, и тебя поймают, — думал Конан. — Повернись, пока преследователи не могут тебя видеть, и упади на них сверху, пока они будут в невыгодном положении, на подъеме, и, без сомнения, можно увеличить свои шансы с помощью совершенно неожиданной атаки». Как только он проскачет вниз мимо джазихим, их делом будет решать, преследовать ли его, позволить ли ему преследовать их или вообще отказаться от этой затеи.

Один человек ринулся вниз по склону, чтобы атаковать пятерых.

— Харак! — проревел один из них или что-то в этом духе, возможно, он крикнул: «О Йог!» Он увидел, как преследуемая ими добыча несется на них сверху со скоростью лавины. Невозможно было не распознать в этом человеке мрачную решимость, какой бы безумной она ни была. Остальные бандиты тоже взглянули вверх. Глаза и рты раскрылись от удивления.

У джазихим практически не было другого выхода, как только придержать своих лошадей. Один из них повернул в сторону под углом к другим; хотя несущийся вниз противник был один, этот жалкий субъект в зеленых одеждах инстинктивно попытался удрать.

Гнедыш, прыгая, поскальзываясь, съезжая вниз и снова бросаясь вперед, удерживался на ногах только благодаря своей все увеличивающейся скорости. Он летел вниз, словно орел, камнем падающий на увиденную добычу. Конан направил его в узкое пространство между сбившейся в кучу четверкой и джазихим-одиночкой, который поворачивал прочь от своих товарищей и был справа от киммерийца.

Конан рубанул по ноге одного из бандитов, находящихся слева от него, и в ту же минуту почувствовал, как острие чьего-то меча царапает ему щеку. Он тут же рванул повод — опять влево.

Как он и ожидал, круп лошади дернулся вправо и ее правый бок с такой силой ударил лошадь джазихим, словно та налетела на огромный валун. Ее задние ноги соскользнули вниз на несколько футов, она безуспешно попыталась восстановить равновесие и упала. Ее всадник, из плеча которого торчал кинжал, упал вместе с ней. То, что его нога, без сомнения, была сломана не в одном месте, почти не имело значения, потому что лошадь перекатилась через него.

Гнедыш каким-то образом удержался на ногах, продолжая свой безумный бег под гору. Левая рука Конана по-прежнему была в напряжении, заставляя животное все время отклоняться влево, делать длинный разворот на склоне холма. Он не чувствовал жалости к лошади, у которой к этому времени наверняка был разорван рот с одной стороны. Ее слюна стекала вниз по ноге Конана.

Только когда фыркающее, задыхающееся животное снова начало подниматься, Конан оглянулся через плечо, чтобы посмотреть на результаты своей безумной внезапной атаки.

Лошадь без всадника, взвизгивая, скользила и съезжала на крупе вниз, под уклон. Еще одна карабкалась вверх по стороне бархана. Двое бандитов были на земле, один еще шевелился. А трое в потрясенном молчании глазели на киммерийца. Их вожак за какое-то мгновение был ослеплен ударом меча; другой их товарищ был ранен в плечо брошенным кинжалом и теперь раздавлен своей собственной, бьющейся на земле лошадью; третий лежал

ниже по склону, зажимая обеими руками глубокую рубленую рану на бедре. Шестеро попытались ограбить и изнасиловать женщину, путешествующую с одним мужчиной; трое остались в живых и сохранили своих лошадей, и один из них был ранен в правую руку. И теперь он шатался в седле, а полы его одежды были залиты кровью.

— Сюда, шакалы! — проревел Конан. — Встретьте меня на вершине этого подъема, и я уложу вас всех, как бродячих псов, какие вы и есть на самом деле! Вас уже стало вдвое меньше, а на мне нет ни царапины.

В то самое время, когда он так громко выкрикивал эти слова, по его щеке струйкой стекала кровь и капала на джеллабу, но Конан не считал эту царапину царапиной. Его гнедой, с ходящими ходуном боками, отфыркиваясь и цепляясь за песок копытами, поднимался в гору.

Трое джазихим обменялись взглядами, посмотрели через плечо на своего мертвого товарища, потом на раненого, на Конана и снова друг на друга.

— Месть! — рявкнул один и, взмахнув мечом, послал своего скакуна вверх по склону. Его зеленые одежды хлопали и развевались вокруг него, а изогнутый клинок сверкал огнем на солнце.

«Черт, — подумал Конан, — они могли бы бросить эту затею, если бы не тот болван с большой пастью».

Испарана была теперь далеко впереди, а он уменьшил число их преследователей — и в то же время значительно подорвал силы своей лошади. И трое противников скакали вверх по склону параллельно с ним, по всей видимости, ничуть не устрашенные. Он решил дать коню спуститься вниз, начать подниматься на следующий холм и снова развернуться и атаковать сверху.

В ту самую минуту, как он начал поворачивать голову гнедого, громкие крики привлекли его внимание и внимание его преследователей. Все оглянулись назад, туда, откуда они прискакали, — и увидели группу из семи всадников, скачущих галопом по их следу... и на всех были темно-зеленые шарфы и более светлые одежды того же цвета.

«Мне не следовало останавливаться», — подумал Конан.

«Ну вот и оно, — мысленно добавил он потом. — Это смерть. Что ж, я буду удирать от них, а потом вступлю в бой. Им придется убить меня в схватке, — будь я проклят, если дам им возможность захватить меня в плен и развлекаться, пытая меня, пока я не умру! Нет, я буду бежать так долго, как только смогу, и посмотрим, сколько этих не имеющих матери шакалов пустыни мне удастся забрать с собой в ад!»

Гнедыш, усердно работая копытами, добрался до гребня и перемахнул на другую сторону, а потом заскользил под гору. Конан висел на его спине, позволяя ему действовать по-своему; на этот раз животное не бросилось вниз, а съезжало по склону, барахтаясь в песке. Возможно, таким образом Конан мог обеспечить ему хоть несколько минут отдыха.

— Вытащи меня из этого, — пробормотал Конан, — и я дам тебе лучшее имя!

Ему не нужно было смотреть влево, чтобы проверить, где находятся преследователи; они спускались параллельно его курсу в двадцати футах от него и начинали заворачивать в его сторону. Правая рука последнего всадника была засунута в вырез его одежды, и он ехал, согнувшись и цепляясь за седло левой рукой.

Конан глянул вперед и увидел, что Испарана как раз поднимается на вершину другого, более высокого холма, закрывавшего горизонт дальше к югу.

Почему она стала придерживать лошадь?

Гнедыш достиг основания холма. Он споткнулся и дал понять, что с большой радостью поскачет галопом вправо по ровной местности. Конан показал ему, что все будет совсем наоборот. Лошадь споткнулась, попыталась тряхнуть головой, задохнулась и, пошатываясь от слабости, с очевидной неохотой начала подниматься по длинному склону более крутого холма. Конан заставил животное подниматься под углом, чтобы ему было легче, и выбрал направление, противоположное также поднимающимся под углом следам Испараны.

Его преследователи были теперь ближе и надвигались с воплями. Они тоже увидели идущее им на помощь подкрепление и, совершенно очевидно, надеялись спасти свое

лицо, уничтожив этого одинокого всадника прежде, чем подоспеют их приятели.

Конан решил дернуть повод гнедого в другую сторону. Испарана сможет сама позаботиться о себе, а он повернется к противнику правым боком. Однако он тут же понял, что если он это сделает, ему немедленно будет грозить опасность вступить в бой на скаку или еще что-нибудь более худшее, ибо всадники в зеленых одеждах были теперь достаточно близко для этого.

Именно в эту минуту сверху внезапно раздался разноголосый хор воплей и боевых криков и Конан поднял глаза.

Испарана остановила своего нервного скакуна на самом гребне, а по обе стороны от нее двумя вереницами неслись вниз верблюд за верблюдом. На каждом из них — человек в развевающейся на ветру белой каффии и белом бурнусе кричал, вопил и размахивал мечом. Эти неуклюжие скакуны тяжело бежали под уклон на своих больших ногах, специально приспособленных для пустыни. Песок взлетал вверх бледно-желтыми клубами. Высокие седла поскрипывали над этими смешными одиночными горбами.

Со стороны преследователей Конана послышались крики ужаса. Бандиты забыли о своей жертве и повернули лошадей обратно под гору. Семеро их товарищей, ведя за собой вьючных лошадей Конана, спускались по склону противоположного холма. Конан с мрачной и уродливой ухмылкой наблюдал за тем, как один из трех упал с коня. Человек, чью правую руку он разрубил, в конце концов не вынес потери крови, усугубившейся тем, что ему пришлось преследовать своего противника и управлять лошадью на нескольких склонах.

Верблюды пронеслись мимо Конана, и их всадники едва удостоили его взглядом.

Последние двое бандитов из тех, что напали на него вначале, были сбиты на землю ударами мечей прежде, чем им удалось достичь короткого участка ровной местности между двумя барханами. Около полдюжины всадников на верблюдах, продолжая вопить, ринулись вверх по противоположному склону. Конан подумал, что все эти жители пустыни производят очень уж много шума, когда нападают друг на друга. Потом он вспомнил

крикливых киммерийцев, которых сопровождал в Вендриум, и выбросил эту мысль из головы.

Всадники в зеленых одеждах тоже вопили — и бежали. Шестеро направили своих скакунов — которые наполовину скакали, наполовину скользили, — вниз по склону, на запад; седьмой, которого жадность заставила поверить в то, что он умнее всех, схватил повод, к которому были привязаны четыре вьючные лошади Конана, и повернул на восток.

Конан с рыком оскорбленного собственника ударил коня каблуками и послал его вслед за грабителем. Четверо всадников на верблюдах тоже пустились за ним в погоню; остальные свернули на запад, десять верблюдов за шестью лошадьми. «Эти люди в белых бурнусах, — задумался Конан, — должно быть, свирепые воины! При соотношении десять к шести шестеро, если они настоящие мужчины, обычно оказывают сопротивление».

Джазихим в зеленых одеждах, ведущий за собой лошадей с навьюченными на них припасами Конана, оглянулся, увидел погоню и бросил повод. Четверо животных замедлили бег и остановились. Рядом с ними пронеслись четыре верблюда, и лошади попытались брыкаться и вставать на дыбы. Конан снова повернул Гнедыша. В тот момент, когда он достиг своих вьючных животных, перерезав им путь, чтобы собрать их вместе и остановить, он услышал, как их неудавшийся владелец вскрикнул и умер.

Конан едва удержался в седле, останавливая Гнедыша и подбирая повод своих лошадей с припасами. Он остался ждать на склоне холма. Гнедыш тяжело дышал и отфыркивался; Конан похлопал его по мокрой от пота шее. Теперь, когда они стояли неподвижно, Конану стало ужасно жарко, — тем не менее он клялся себе, что никогда больше не будет скакать вот так, без своей замечательной кольчуги, купленной в Шадизаре за самоцвет из Хаурана!

Четыре человека на верблюдах поднялись к нему по склону и разделились. Конан, обливаясь потом, быстро заговорил:

— Я как нельзя более рад видеть вас, соколы пустыни! — поприветствовал он их на языке Турана, на котором, как он с надеждой предполагал, они говорили.

Они ничего не ответили; их вожак кивнул, не раскрывая рта. У всех четверых были густые короткие бороды, черные или темно-каштановые обведенные черным глаза придавали их лицам странное, свирепое выражение.

— Это принадлежит мне и моей женщине, — сказал Конан, коротко указывая на Испарану, которая ждала на вершине более высокого холма. — Эти собаки в зеленых одеждах окружили нас, превосходя нас числом, но мы, прежде чем бежать, уложили четверых. Их вожак остался в нескольких лигах отсюда; я ослепил его.

Человек с большим носом и вьющейся бородкой, который был всего на несколько лет старше Конана, уставился на него с высоты своего дромадера.

— Кто вы? Куда вы едете? Почему женщина безоружна?

— Посмотри на его глаза! — сказал один из его спутников, едва подавляя возбуждение.

— Я Конан, киммериец, — сказал обладатель этих голубых глаз, незнакомых многим так далеко на юге. — Мы едем в Замбулу, где живет женщина. Вон там лежит человек, которого я сбил наземь, его раздавила его собственная лошадь, — добавил он, не желая, чтобы они приписали себе все заслуги или подумали, что он ни на что не годен. — Он лежит рядом с другим, которому я разрубил ногу. Ее кинжал торчит в плече первого. А ее меч... — он тряхнул головой и легко солгал: — В нескольких лигах отсюда. Она потеряла его при нападении этих разбойников. Они враги вам?

— Они враги всем. А!

Всадники на верблюдах повернули головы к западу, откуда доносились вскрикиванья и лязг металла. Их товарищи нагнали людей в зеленом и, по всей очевидности, расправа с этим воровским отродьем, предпочитавшим бежать, а не сражаться, должна была быть короткой.

Человек с кудрявой бородой и необычайно глубоко посаженными глазами, окаймленными черной чертой, вновь обратил свой взор на Конана. Тот заметил у него на лбу шрам в виде маленькой, четкой буквы «V».

— Вы двое едете одни? Я не знаю ни о какой... Ки мерии?

— Киммерия — это страна далеко на севере, за к ролевством Заморы, — сказал Конан, гадая, знает ли э племя пустыни о Заморе. — Да, мы ехали одни. Нас бы четверо, и двое были убиты очень далеко отсюда. Две этих лошадей принадлежали им, они везут их оружи Она хочет как можно быстрее доехать до Замбулы. А в из Замбулы?

— Нет. Лежат ли в этих вьюках также уши тех, к убил ваших товарищей?

Конан покачал головой:

— Мы... э-э... не собираем ушей.

Четыре белых каффии повернулись друг к другу, их владельцы ухмыльнулись. Один из них протянул Конану темную ладонь, чтобы показать окровавленны трофей: только что отрезанные уши.

— А мы собираем.

— О! Ну что ж, можете забрать уши тех, которы я убил, — если только это не будет против законо чести, — довольно торопливо добавил он, увидев нахмурившиеся брови. Он заметил также, что еще двоих были такие же клинообразные шрамы сразу н над внутренним углом правого глаза. Он не был увере насчет четвертого, чья каффия была немного ниже оп щена на лоб.

— Это будет против законов чести. Они твои.

— Хм-м. Ну что ж, раз мой народ не собирает уши то, возможно, ваш вождь примет их от меня в подаро

Конан почувствовал, что это предложение тоже н вызвало у них особой радости.

— Значит, вы не из Замбулы?

— Нет.

— Вы подданные империи Турана?

— Нет.

— Эти... э-э... это место находится внутри той терри тории, на которую Туран предъявляет права, ведь так?

Человек с кудрявой бородой пожал плечами:

— Мы не признаем сюзеренитета Турана.

«Похоже, у нас неприятности», — подумал Конан.

Глава 10
ШАТРЫ ШАНКИ

Высокие Врата Орла в Замбуле широко распахнулись. Из них важно выехали рысью всадники, колонной по два. Десять таких пар появилось перед глазами стражников, которые глядели вниз, на шлемы в виде луковиц, на острие каждого из которых развевалось три желтых вымпела. К каждому шлему была прикреплена доходящая до плеча кольчужная сетка, сверкающая и струящаяся как змеиная кожа в свете утреннего солнца. Каждый такой воротник из стальных колец был окаймлен тремя рядами бронзовых звеньев для оживления цвета и украшения. Двадцать сильных всадников-солдат Империи ехали впереди. Они не ожидали никаких столкновений и не носили других доспехов.

Свободные белые шаровары каждого были заправлены в сапоги из коричневой кожи с малиновыми отворотами. Поверх шаровар на каждом солдате была малиновая туника до колен, с разрезом на спине, а поверх нее — белый кафтан-безрукавка с прорезями на спине и груди, украшенный золотым грифоном Турана. Две широкие желтые ленты, одна вокруг бедер, другая от левого бедра через грудь и плечо к правому бедру, отчетливо выделялись на белом фоне. У десяти солдат были мечи, а с десяти седел с высокими задними луками свисали топоры в форме пузатых полумесяцев. У всех солдат были усы, у шестнадцати были также бороды. Шесть лошадей несли арбалеты, и каждый солдат вел в поводу сменную лошадь, везущую воду и съестные припасы.

С передней луки каждого седла свисала короткая труба с широким раструбом.

Они ехали все время на север и на пятый день растянулись в длинную-длиную линию. Каждый занял такую позицию, чтобы находиться как раз в поле зрения соседа. Актер-хан каким-то образом узнал, что мужчина-чужестранец и женщина из Замбулы приближаются к городу, пройдя через степи и пустыню по пути с далекого севера. Он послал двадцать человек им навстречу. Никто из них

не знал, почему их хан придавал этим паломникам такое большое значение. Они были солдатами и должны были не знать, а исполнять. Они были эскортом. Паломникам нужно было помочь, указать дорогу, вежливо сопроводить — если только они не выкажут желания отправиться не в Замбулу, а в какое-то другое место. В таком случае необходимо было приложить все усилия, чтобы убедить их продолжить путь в город.

Если бы они стали упорствовать в своем нежелании посетить хана, их — вместе со всем, что им принадлежало, это было крайне важно, — надлежало доставить к хану любой ценой, живыми или мертвыми.

Солнце пылало, и пустыня мерцала, и двадцать солдат ехали на север, а позади них, в Замбуле, молодой маг смотрел в свое зеркало, чтобы наблюдать за продвижением двоих, приближающихся к городу, и трижды в день докладывал своему хану. А еще он строил планы, как строили планы бунтовщик Балад и его последователи, пока Замбула мерцала и наливалась гноем, словно нарыв на теле южной пустыни.

У Конана и Испараны не было никаких неприятностей.

Они были гостями маленькой, расположенной в пустыне общины шанки, чья древняя религия предписывала им ездить верхом на верблюдах, а не на лошадях, и метить каждого ребенка маленьким клинообразным шрамом на лбу — над левым углом правого глаза у мальчиков и над правым углом левого глаза — у девочек.

Но, несмотря на это, когда они вернулись в свою общину в оазисе, они вели с собой восемнадцать лошадей. На двух сидели Конан и Испарана. Две принадлежали раньше Сариду и Хассеку. Две были вьючными лошадьми Конана и Хассека. Остальные двенадцать некогда были скакунами одетых в зеленое бандитов, которых шанки называли иоггитами, по имени их бога. Одно животное во время стычки было ранено. Его убили и оставили для крылатых или четвероногих падальщиков. Шанки ни за что не стали бы ездить верхом на лошадях, или носить их шкуры, или есть их мясо.

Солнце стояло низко, и небо было прочерчено кровавыми, топазовыми и перламутровыми полосами, когда воины на верблюдах и их гости достигли безымянной общины; это был дом шанки. Здесь высоко вздымались пальмы, и листья свисали с их верхушек, словно руки, раскачивающиеся над шатрами и небольшими круглыми кладовыми. Здесь мужчины носили белые туники с длинными рукавами поверх свободных шаровар или штанов желтого, или оранжевого, или красного, или сочного коричневого цвета, для достижения которого необходима была верблюжья моча; их женщины ходили в ярко-алом, и только юбки закрывали их тело и ноги. Замужние женщины закрывали голову так, что ни одного ее участка не было видно.

Хотя гостям сказали, что шанки живут в этом оазисе сотни лет, единственными постройками были кладовые — зернохранилища из глины и навоза. Шанки жили в шатрах, как их предки-кочевники, и сохраняли все атрибуты и обычаи воинственного народа. Здесь жило меньше пятисот человек — оазис был домом, и население строго контролировалось, — и ими управлял человек, которого называли ханом.

Не кто иной, как Хаджимен, сын Ахимен-хана, возглавил атаку на старых врагов шанки, джазихим, называемых также иоггитами. Ахимену не было еще и четырех десятков лет; его сыну и наследнику было двадцать и четыре, и его старшая сестра жила в гареме Великого Хана в Аграпуре — она была даром Ахимена. Шанки жили внутри границ Империи Турана, но не принадлежали ей. Поскольку они патрулировали пустыню поблизости и время от времени соглашались охранять караваны, король-император из Аграпура в Туране позволял им оставаться здесь, не отбывая воинскую повинность и не платя налоги Турану.

Когда Ахимен и его сын сняли белые верхние одежды, которые они надевали, только выезжая за пределы своей общины, Конан увидел, что на них были свободные желтые кафтаны поверх алых рубах и очень длинные свободные белые шаровары. На груди у каждого к кафтану была приколота черная пятиконечная звезда.

Жена Хаджимена, безликая, облаченная во все алое, увешанная и украшенная опалами, гранатами и серебром,

увела Испарану, чтобы позаботиться о ее туалете. Ахимен пригласил Конана в свой шатер. У вождя шанки были потрясающие усы: они были смазаны жиром и маслом для блеска и закручены вверх толстыми жгутами, изгибавшимися дугой на его щеках и доходившими почти до нижних век. Знак шанки над его глазом был странно изогнут двумя вертикальными морщинами, прорезанными песком и ветром. Сорок лет в пустыне сделали его лицо лицом шестидесятилетнего. В его единственное кольцо был вставлен большой гранат, а на его груди на шнурке из свитого верблюжьего волоса висел опал в форме полусферы.

— Конан из Киммерии, добро пожаловать к шанки. Мы разместим твоих лошадей.

— Что делают шанки с захваченными лошадьми, Ахимен-хан?

— Шанки меняют их в Замбуле, — как нельзя более учтиво ответил тот, — на хороших верблюдов и те немногие вещи, в которых шанки нуждаются. Замбулийцы с радостью берут лошадей, а также опалы, из которых мои люди вырезают фигурки верблюдов и звезды или раскалывают и полируют их, придавая им форму идеальных полусфер.

— Я заметил у шанки много опалов, — сказал Конан, — и все они прекрасны. Вы настоящие художники. Шанки сегодня захватили восемь лошадей, а я — пять.

Ахимен склонил голову. Люди с почтением уступали им дорогу на пути к шатру вождя и изумленно смотрели на человека со странными глазами, возвышавшегося над их ханом, потому что киммериец был почти гигантом, а шанки не были высокими. Конан так и не узнал, откуда это племя появилось здесь.

— Мы уважаем право Конана потребовать себе всех этих лошадей. Однако я выслушал своего сына и признаю, что восемь лошадей причитаются нам, а пять принадлежат Конану по праву сражения и захвата. Одну из наших мы убили. Эй, наполни чашу этого человека! — ибо Конану подали большую чашу, сделанную шанки из глины и обожженного песка, через какое-то мгновение после того, как он соскочил с лошади.

Пока молодой воин, которому была оказана такая честь, наполнял чашу, Конан сказал:

— Я прошу хана шанки отобрать трех из пяти лошадей для себя, ибо без его людей я и моя женщина умерли бы сегодня.

Они вошли в шатер, который стоял в центре общины и был не крупнее, чем все остальные. Воин-шанки — на вид ему, как подумал Конан, было лет двенадцать, — не пошел за ними. Внутри были низкие столы, явно сделанные не шанки, и коврики, явно сделанные ими; они были из верблюжьей кожи или курчавого верблюжьего волоса, и некоторые были выкрашены в красный или коричневый цвет, рецепт получения которого шанки держали в тайне.

При словах своего гостя Ахимен вновь склонил голову:

— Конан чересчур щедр, — как с лошадьми, так и со словами. Однако мне кажется, что могучий воин, на которого напали шестеро и который убил пятерых, не нуждался в нашей помощи!

Конан наклонил голову, что, как он чувствовал, было правильным среди этих свирепых воинов пустыни, восседающих на верблюдах, воинов, которые были такими учтивыми в пределах своей общины и которые не использовали прямой формы обращения. Он не стал ничего отрицать. Вождь шанки знал, так же хорошо как и киммериец, что его слова были преувеличением.

— Это были всего лишь иогтиты, — сказал Конан, зная, что сделает этим приятное человеку, которого он уважал; киммериец редко встречал таких людей. Он заметил, что Ахимен притворно сплюнул.

— Я приму одну лошадь как щедрый дар Конана, — сказал Ахимен.

Киммериец, ободренный этим торгом, наоборот, нервно решился сделать широкий жест и притвориться щедрым до смешного.

— Ахимен-хан вызовет мое неудовольствие, если не примет пять лошадей.

— Возможно, я не вызову неудовольствия своего гостя, если приму трех лошадей, — вернулся к первоначальному предложению Ахимен-хан, — по его выбору.

— Это будут три лошади по выбору хана, — ответил Конан. Хотя мечтой его жизни было стать богатым, он не

мог представить себе, что это произойдет путем непрерывного приобретения скота или недвижимости.

— Для меня будет честью выбрать двух из пяти лошадей моего гостя.

— Я верю, что выбор хана будет наилучшим, хотя это всего лишь лошади, а не верблюды.

— Я доволен, — сказал Ахимен-хан.

— Я доволен, — сказал Конан.

— Наполните чашу нашего гостя! — сказал Ахимен.

Поскольку в шатре больше никого не было, он поднял кувшин и сам наполнил чашу. Конан поклонился. Хан, чей шатер был цвета песка и украшен двумя связками человеческих ушей — по одной с каждой стороны входа, — повернулся к перегородке, образованной плотной непрозрачной занавеской алого цвета, и дважды щелкнул пальцами.

Из-за перегородки вышли две тоненькие девочки, едва достигшие зрелости и достаточно похожие друг на друга, чтобы быть сестрами. На каждой из них были огромные, тяжелые бронзовые серьги, которые, без сомнения, со временем должны были оттянуть мочки их ушей ниже линии челюсти; на каждой был довольно широкий и толстый бронзовый ножной браслет; левое предплечье каждой было обернуто и обвязано сплетенными в косичку полосками верблюжьей кожи, затянутыми угрожающе туго. Больше ни на одной из них вообще ничего не было, и когда они упали на колени и низко поклонились, Конан попытался не смотреть на них во все глаза. Несмотря на их возраст, ему внезапно захотелось оказаться позади них.

Из-за их спин вышла и прошла между ними молодая женщина. Она казалась совершенно бесформенной в нескольких красных одеждах, надетых одна на другую и украшенных серебром и опалами. Один опал торчал из ее левой ноздри, которая, как понял Конан, была проткнута, а левый рукав ее одежды был плотно обернут темной кожей. К ее груди была приколота черная пятиконечная звезда. Губы были выкрашены в черный цвет, глаза обведены с очевидной тщательностью непрерывной угольной чертой, так что зрачки казались огромными, а украшение из слоновой кости, свисавшее спереди ниже ее талии, было непристойным.

— Моя дочь Зульфи, — сказал Ахимен-хан.

Пока Конан рылся в мозгу, пытаясь отыскать слова, достаточно учтивые для шанки, Зульфи закрыла лицо руками и очень низко поклонилась. Конан происходил из воинственного племени и находился сейчас среди таких же воинственных людей, поэтому он чувствовал, что ему подобает стоять совершенно неподвижно. Если он нанесет этим оскорбление, то извинится и напомнит своему хозяину, что приехал издалека. Если этого будет недостаточно, думал киммериец, то вечно эффективное решение проблемы висело у него на бедре.

— Ханская дочь Зульфи — красавица и делает честь его шатру и его чреслам, — сказал Конан, и эти необычные слова явно понравились и женщине с губами странного цвета, и ее отцу.

В этот момент появилась еще одна женщина; она, казалось, не имела лица и даже головы под алой вуалью, украшенной золотыми арабесками и свисающей до пояса, который был сделан из серебряных дисков и опускался ниже ее широкого, крепкого живота. Диски, как разглядел Конан, были монетами, и он понял, что эта женщина носит на себе немалый их вес.

— Моя жена Акби, — сказал Ахимен.

Ее поклон, как заметил Конан, был не таким глубоким, как у ее дочери.

— Мне оказана честь и... удовольствие в том, что я лишен созерцания, без сомнения, ослепительной красоты матери прекрасной Зульфи и такого красивого сына, как Хаджимен.

«Еще несколько подобных речей, — кисло подумал Конан, — и мое пиво может попроситься обратно».

Акби снова поклонилась. Она и Зульфи удалились в темный угол и уселись там; их плавные, струящиеся движения почти не колыхали закрывающих все тело алых одежд. Ахимен щелкнул пальцами. Две обнаженные девочки неуклюже отползли назад и устроились по обе стороны от женщин.

— Дочери иоггитов, — сказал Ахимен и притворно сплюнул.

— Конечно, — сказал Конан, гадая, как долго пленниц держали обнаженными... и сколько времени могло пройти, прежде чем их левые руки высохнут и отомрут.

Хан повернулся к своей жене и дочери:

— Зульфи, ты будешь служить мне и этому гостю в нашем шатре. Женщина — забери своих животных и приготовь нам пищу.

Конан отметил, что двое «животных», слегка прихрамывая из-за своих больших металлических ножных браслетов, вышли из шатра раньше своей хозяйки. Зульфи подошла к мужчинам и заглянула в их чаши. Обе были еще полны густого шанкийского пива. «Даже в пустыне, где каждое зернышко на счету, люди умудряются варить пиво!» — размышлял Конан. Или, может быть, шанки покупали его в Замбуле, в обмен на резные опалы из какой-нибудь местности с мягкой глинистой почвой и на лошадей, чьи хозяева были убиты.

Киммериец надеялся, что Ахимен не ждет от него никакого ответного жеста. Испарана благоразумно согласилась на то, чтобы называться среди этих примитивных воителей «женщиной Конана». Однако тот не мог и представить себе, чтобы такая гордая и умелая воровка и посланница хана выполняла роль служанки даже перед этим могущественным вождем целых пяти сотен людей. В то же самое время его заинтересовало, что с ней стало.

— Я хотел бы спросить, где моя женщина, Испарана.

— Она получит одежду, подобающую женщине, — сказал ему Ахимен-хан, — и будет наблюдать за тем, как вбивают колышки для шатра Конана, как и приличествует женщине, путешествующей со своим мужчиной.

— О-о! — сказал Конан.

— Наполни чашу этого человека!

Зульфи выполнила приказание. Акби была снаружи вместе со своими «животными»; Конан видел там раньше две плиты со стенками из глины и теперь ощущал запах жарящегося на жире чеснока.

— Мой гость не привычен к пустыне, — сказал Ахимен, гибким движением соскальзывая на колени и затем усаживаясь на коврике из верблюжьей шерсти, расстеленном на верблюжьей же шкуре, покрывающей землю.

Он знаком показал, что Конану следует присоединиться к нему.

Конан так и сделал.

— Нет, — сказал он. — На моей родине, которую я покинул, нет пустынь, и в течение некоторой части года там бывает очень холодно.

Ахимен кивнул.

— Я слышал о холоде, — серьезно сказал он, хотя Конан прекрасно знал, что в пустыне по ночам может быть мучительно холодно. — И глаза Конана, имеющие странный небесный оттенок, не страдали от песчаной слепоты.

— Нет.

— Конана хранят боги. Сущее наказание — эта песчаная слепота. Мы носим на себе специальный камень, чтобы уберечься от нее. И, естественно, проводим углем черту под глазами. Зульфи, принеси нашему гостю блеск-камень.

Зульфи, шурша одеждой и позвякивая украшениями, скрылась за перегородкой, а Конан почувствовал, как у него заурчало в желудке: снаружи Акби готовила что-то невероятно аппетитное. Хлеб с чесноком, в этом он был уверен, но надеялся на большее. Он прекрасно понимал, что не следует отказываться ни от какого подарка... а потому, когда Зульфи вернулась с гранатом размером со сливу, он припомнил Ахименов торг наоборот.

«Только согласись принять этот огромный камень, — подумал киммериец, — и будешь, как эти — тьфу — иогтиты!»

— Я приму в дар блеск-камень, в десять раз меньший, чем это сокровище.

— Ах! Теба выказывает неудовольствие, — сказал Ахимен, словно жалуясь какому-то богу, как предположил Конан, — имя было ему незнакомо. — Гость не хочет принять предлагаемый ему дар! Зульфи, защити нашу честь, принеси блеск-камень вполовину меньше этого!

— Я приму дар хана, — сказал Конан, в душе которого шанкийское понятие о долге и чести спорили с природной скупостью, — не больше чем в одну двадцатую этого.

Ахимен вздохнул, словно в отчаянии:

— Наш гость согласен принять от нас в дар лишь третью часть того, что мы хотим ему дать. Принеси такой камень, Зульфи.

— Мне оказана слишком большая честь, — ответил Конан, пытаясь проглотить душившую его жадность и не выглядеть при этом огорченным. — Моя собственная честь не позволит мне принять столь богатый дар! Я могу принять всего лишь десятую часть того камня, что находится в прекрасных руках дочери хана.

— Наш гость сам оказывает себе честь своей скромностью, — отозвался Ахимен-хан, хлопая себя по лбу.

Потом, к потрясению Конана, он вытащил из-за широкого алого кушака, опоясывающего его талию под кафтаном, изогнутый нож и коснулся его острием своей груди, когда рука киммерийца уже начала двигаться, чтобы схватить и сдавить запястье хана.

— Если мой гость, который дарит мне множество лошадей, не примет в дар два камня в десятую долю этого, — который в действительности слишком велик, чтобы его можно было носить, так что я стыжусь своего предложения, — я убью себя в тот же миг.

— Пусть рука хана остановится, — ответил Конан, которому хотелось расхохотаться. — Я скорее пролью собственную кровь и даже умру, чем навлеку на шанки роковой удар, позволив их великому хану получить хотя бы царапину.

Ахимен бросил взгляд на киммерийца. Конан не мог быть уверен, был ли это взгляд восхищения цветистостью ответной речи или некоторой горечи от того, что гость «сдался». Зульфи удалилась, шелестя и позвякивая.

— Позволительно ли мне поклониться дочери хана при ее возвращении?

Лицо Ахимена приняло шокированное выражение, и Конан почувствовал, что это не притворство.

— Каким образом я обидел Конана из Киммерии, что он хочет поклониться женщине, да еще в моем шатре?

Конан быстро подумал и вытащил маленький кинжал, служивший ему для еды.

— Я убью себя, — сказал он и начал импровизировать. — Среди некоторых народов это означает великую честь, если человек предлагает поклониться дочери другого.

— Ах! — Рука Ахимена поднялась к его бороде и прочесала ее пальцами. — Захватывающая идея! Я вижу, что Конан хотел только почтить меня. Люди во всем мире так различны, не правда ли? Какие странные обычаи должен знать мой гость!

— Да, — торжественно сказал Конан, пряча кинжал в ножны и вспоминая о словах этого жителя пустыни о холоде: «Я слышал о нем», — сказал Ахимен.

— Да, — повторил киммериец. — Некоторые убеждают рабов принять их богов и обычаи и воспитывают их внутри своего племени. Потом эти рабы вступают в брак с членами захватившего их племени, и их дети ничем не отличаются от остальных.

Ахимен потряс головой, он выглядел так, словно его вот-вот вырвет.

— Без сомнения, в Киммерии обычаи не таковы!

— О нет, — сказал Конан.

Он узнал то, что ему хотелось знать. В течение сотен лет эта маленькая группа из пяти сотен человек практиковала эндогамию, так что кровь шанки все время сохранялась в них, — откуда бы она ни появилась, — а обряды и обычаи с прошествием времени становились лишь более замысловатыми и строгими.

Зульфи вернулась с двумя гранатами, каждый из которых был достаточно большим, чтобы образовать головку рукояти кинжала. Каждый был искусно и, без сомнения, с большими усилиями просверлен и подвешен на шнурке из сплетенного верблюжьего волоса. Конан вежливо принял дары, позаботившись не поклониться дочери Ахимена, хана пяти сотен человек.

— Да одарит Теба Конана из Киммерии орлиным зрением и защитит его от песчаной слепоты, — сказала она, и Ахимен повторил эти слова вслед за ней.

— Может ли гость, который боится нанести оскорбление, спросить: почему хан и его семья носят звезды из темной ткани, в то время как на других шанки я их не видел? Это знак семьи хана?

— Нет, — сказал Ахимен, глядя на коврик между своими скрещенными ногами. — Мы носим траур, человек из Киммерии. Мои люди только что сняли черные звезды Смерти, проносив их месяц. Мы будем носить свои звезды целый год, и к концу этого времени звезды будут приколоты к телам двух рабов, а эти рабы — сожжены.

Мысли Конана обратились к двум маленьким обнаженным рабыням, но он не был потрясен. Эти люди были воинственным племенем. Иоггиты были их смертельными врагами, а обычаи есть обычаи. И к тому же Конан жил в Шадизаре, где в храмах, посвященных многим странным богам, исполнялись как нельзя более отвратительные и ужасающие обряды, как с животными, так и с людьми, и кровавые жертвоприношения, которые были такими же древними, как и сама его раса — раса самых жестоких животных во всем мире.

— Гость погружен в траур вместе с хозяином, — сказал Конан, опустив взгляд на свой коврик. — У хана шанки был другой сын, который теперь потерян для него?

— Нет. Дочь. Я послал ее, в знак почести и большой дружбы, хану замбулийцев. Она была девой в расцвете юности, несорванная белая роза скал.. Среди этих людей, живущих за стенами, дочь пустыни зачахла и умерла. Нам сообщили об этом. Хан замбулийцев послал известие, что она ожидала ребенка, без сомнения, сына; хан хотел почтить нас, положив ее тело рядом с телами своих предков и своих женщин. Мы прощаем ему это, ибо он не мог знать, что она не хотела бы быть вот так заточенной в земле. Ее следовало, конечно же, вернуть в пустыню, которая была ее домом, где ее сожгли бы и прах развеяли по ветру, чтобы он соединился с песками.

— Конечно, — отозвался Конан.

— Я опечален этими мыслями, — сказал Ахимен, — а так не подобает вести себя в присутствии гостя-воина! «Отдай горю время, отведенное для горя, — говорит нам Теба, — и радости — время для веселья, и всегда радушно принимай гостя в шатрах шанки». Зульфи! Наполни нам чаши! — Ахимен обратил на Конана пылающий страстью орлиный взор. — Мы напьемся вместе, воин из Киммерии!

«А утром я отправлюсь в Замбулу с распухшей головой, — подумал Конан. — Надеюсь, нам не придется напиваться до того, как мы поедим!»

Им не пришлось, хотя блюдо из приправленных пряностями овощей, сваренных в пиве, и куски, оторванные от широких, плоских лепешек маслянистого, начиненного чесноком хлеба из цельной пшеничной муки, не показались пиршеством человеку с холмов Киммерии, который ел мясо практически с рождения, — несмотря на всю аппетитность подсоленных яств Акби.

А вот жажду они вызвали.

— Ты... ты так красива, — сказал Конан Испаране утром, даже не пытаясь скрыть свое изумление. Он открыл глаза, лежа на спине, и обнаружил, что она сидит рядом с ним.

Ее брови были со знанием дела выщипаны, чтобы придать им определенную форму, и смазаны жиром; ее губам, хоть они и были выкрашены в жутковатый черный цвет, как у женщин шанки, были с помощью косметики приданы форма и блеск; глаза, обведенные углем, казались огромными, а с ресниц уголь прямо-таки сыпался; ногти были накрашены лаком. Ее покрывали алые одежды шанки. Большой белый опал на цепочке из сплетенного верблюжьего волоса, сверкая розовыми и зелеными искрами, тяжело покачивался между ее грудей, подчеркивая их выпуклость.

Конан приподнялся и сел в шатре, в который он не помнил, как заходил, и увидел, что ногти на ногах Испараны тоже накрашены лаком. У нее были очень красивые ступни, и кожа на них была не темнее, чем у него.

— Ты... отвратителен, — бесстрастно сказала она. — Тебя почти втащили сюда намного позже восхода луны; ты был пьян, бормотал что-то, и от тебя воняло чесноком и их пивом — и сейчас еще воняет!

Он ухмыльнулся, отмечая при этом, какой тяжелой кажется его голова, и гадая, будет ли она выражать протест, если он перейдет к активным действиям.

— И ты меня не убила.

— Убить тебя? Зачем мне тебя убивать?

— Ну как же, Спарана, — сказал он, опуская свою очень большую ладонь на ее бедро, — мы с тобой соперники и заклятые враги, разве ты не помнишь?

— Я помню. А еще я бросила кинжал, который спас тебе жизнь, помнишь?

— Помню. Я благодарен тебе. Значит, мы союзники. И ты даже не обыскала меня.

Она посмотрела на него.

— У тебя с собой кинжал, два неплохих граната на шнурках из верблюжьего волоса — к удаче, по поверьям этих лунатиков, — неплохое кольцо, спрятанное в кошельке, и этот хлам, от которого несет чесноком, у тебя на шее.

Конан ухмыльнулся — он предусмотрительно натер глиняный «амулет» со вставленными в него стекляшками шанкийским хлебом, когда почувствовал, что вот-вот отключится. Значит, она его обыскала!

— А если бы Глаз Эрлика был спрятан на моей прекрасной персоне?

— Ну, я бы распорола заднюю стенку твоего шатра твоим же кинжалом, дорогой Конан, а потом воткнула этот кинжал под твои воняющие чесноком ребра и была бы теперь за много лиг к югу отсюда!

— Ах, Спарана, Спарана! Какой мерзкой каргой ты хочешь быть! Как повезло нам обоим, что ты не нашла драгоценный амулет своего драгоценного хана.

И он притянул ее вниз к себе.

— Уф, — пробормотала она. — Пиво и чес...

Лицо Конана выразило протест, и он приказал ей убираться прочь и помалкивать.

Глава 11
ШПИОНЫ ЗАМБУЛЫ

Факелы мерцали. От них клубами поднимался вверх маслянистый дым, который добавлял густоты зловещей черноте балок, соединяющих каменные стены, поднимающиеся от темного, твердого земляного пола. Жертва свисала с одной из этих балок, и ее ноги едва касались пола.

Человек в черном капюшоне еще несколько раз обернул ужасно тонкую веревку вокруг ее запястий и бездушным рывком завязал надежный узел. Ее тело качнулось, и пальцы ног напряглись, чтобы не оторваться от пола. Она — очень белокурая, и юная, и обнаженная, если не считать рубцов, — судорожно втянула в себя воздух, и тело ее содрогнулось от вырвавшегося у нее долгого стона. Ее руки были связаны так крепко, что в кисти не поступала кровь. Человек в капюшоне затягивал веревки, пока они не начали сдирать кожу, вниваясь в запястья и предплечья. Теперь она совсем не чувствовала своих рук, только покалывание в них. Она спрашивала себя — обреченно, словно речь шла о ком-то другом, — были ли они темно-красными, или пурпурными, или уже почернели. Странно, но она ощущала жар в руках; так подтянутые кверху, они должны были бы мерзнуть. Она сделала еще одну попытку вырваться, но убедилась, что это бесполезно. Она была связана так, что была совершенно беспомощна и не могла сделать ни малейшего движения. Ее пятки чуть-чуть не доставали до пола... так что она касалась его только пальцами и подушечками ступней. Человек в черном капюшоне был высок, и у него были длинные руки.

Булькающие, горловые, резкие звуки вырвались из ее пересохших губ, которые она никак не могла сомкнуть.

Двое людей в мантиях наблюдали за ней. Один из них сказал:

— Вверх!

Она всхлипнула, услышав этот приказ. Она знала, что он означает. Веревки тянулись от ее запястий вверх и были перекинуты высоко над ее головой через балку, обернутую кожей.

Человек в черном капюшоне подтянул ее вверх так, что ее ноги оторвались от пола. Ее вопль был ужасным. Двое мужчин в мантиях наблюдали за ней в молчании, и факелы мигали. Человек в черном капюшоне начал поднимать и опускать веревку вместе с подвешенным над ней грузом, словно звоня в огромный колокол. Его большой живот напрягся от усилий.

Болтающаяся на веревке жертва, подскакивая вверх и падая вниз, начала беспрестанно стонать; ее ребра,

казалось, пытаются прорваться сквозь плоть. Ее вытянутое, обмякшее тело крутилось и раскачивалось, как маятник, и в то же самое время веревка дергала его то вверх, то вниз. Пот лился с нее ручьями. Она всхлипывала с каждым трудно дающимся ей вздохом.

— Говори!

Она услышала голос, она заскулила, и слезы покатились по ее щекам, но она не произнесла ни слова.

— Я не вижу, к чему продолжать это. Используй раскаленное железо.

— Не-ет... — пробормотала она, и ее голова упала на грудь.

Человек в черном капюшоне закрепил конец веревки так, что только пальцы ног жертвы касались земляного пола, и вытащил из-за пояса перчатку. Он натянул ее, шагая к жаровне, зловещей черной твари с огненными волосами, присевшей на своих трех ногах. Из нее торчали деревянные ручки двух тонких прутов из черного железа. Он вытащил один из них, конец прута был раскален добела. Он пожелтел, пока человек в черном капюшоне неторопливо возвращался к своей жертве, которая широко раскрытыми глазами следила за его приближением. Она снова пробормотала «нет» этим едва слышным голосом, и он поднял прут.

На глазах у наблюдающих людей в мантиях он твердо, безжалостно прижал прут к ее телу, которое извивалось и дрожало от ужасного предчувствия. Из ее горла вырвался крик; ее голова дернулась вверх и назад, и новые струйки пота, блестя, покатились по ее телу. Люди в мантиях услышали резкий шкворчащий звук и почувствовали запах горелого мяса.

— Хватит.

Человек в капюшоне отвел прут в сторону. Его жертва висела перед ним, всхлипывая, тяжело дыша, она ощущала запах паленой кожи. Пот лился с ее тела и склеивал ее волосы.

— Говори!

Она несколько раз сглотнула, захлебываясь воздухом, всхлипывая, тяжело дыша.

— Еще раз.

Человек в капюшоне сделал движение, и она почувствовала, как жар железа приближается к ее телу.

— Перестаньте! Я скажу вам.

Ее голос был монотонным, безжизненным, умоляющим.

— Перестань, — сказал человек в мантии — тот, у которого был меч.

У более молодого человека, стоящего рядом с ним, оружия не было. Красивый медальон из золота, жемчуга и топазов горел у него на груди поверх туники.

— Что ж, говори. Держи прут наготове, Балтай.

Человек в черном капюшоне остался стоять рядом с ней с прутом в руке, словно надеясь, что она скажет недостаточно. Он был крупного сложения, высокий и тяжелый.

— Ты шпионка Балада?

— Да.

— Ты служишь женщине по имени Чиа, и живешь здесь, во дворце, вместе с ней, и шпионишь за ней и за мной в пользу этого предателя, Балада.

Она заколебалась, человек в капюшоне шевельнул рукой.

— Да, — сказала она, соглашаясь даже с тем, что Балад был предателем.

— Он платит тебе?

— Да.

— Как он тебе платит?

— Мои... мои родители живут хорошо... и не знают почему. А... я... я...

— Говори!

— Я должна получить покои моей госпожи, когда Балад захватит Замбулу, и... и она должна будет служить мне.

— Идиотка! Аквилонийская дура! Ты можешь себе представить, чтобы величественная аргоссианка Чиа, которую я называю Тигрицей... можешь ли ты представить себе, чтобы она согласилась служить тебе? Ты заключила идиотскую сделку, и посмотри, куда это тебя привело!

— Ба... Балад заставит... заставит ее!

— О, конечно. Конечно, заставит! Ты не проживешь и дня, как она воткнет в тебя несколько своих драгоценных

булавок для одежды, глупая ты аквилонийская потаскуха! Каким образом ты передаешь сообщения предателю Баладу?

— Он... он не предатель! Он пытается освободить Замбулу от...

— Балтай!

Человек в капюшоне отреагировал движением руки и затянутой в перчатку кисти. Конец прута уже немного остыл и стал красным, но все же сделал свое дело, и они услышали это и почувствовали носом; она вскрикнула и, обмякнув, закачалась на веревках.

Вода и крапива привели ее в чувство.

Она рассказала, что три дня из каждых десяти встречалась с дворцовым стражником Хойджей и передавала ему сообщения. Нет, она сама никогда не видела Балада. Он послал ей известие и тот самоцвет, который они нашли спрятанным в ее волосах. Нет, она не могла показать им это известие; она не умела читать, и записку унесли обратно. Она уверена, что узнала печать и его имя.

— Это мог быть твой смертный приговор, ты, глупая тварь!

— Не-ет...

— Хватит. Балтай, положи прут на место. Поднимись сюда.

У пленницы вырвался долгий вздох, и она, обмякнув, повисла на веревках, пытаясь опереться на пальцы ног и тяжело, с усилием дыша. Человек в капюшоне сунул прут обратно в жаровню и поднялся по двадцати и пяти ступеням, ведущим из подземной темницы к двоим в мантиях, стоящим на площадке лестницы.

— За мою спину, — сказал его господин, и Балтай шагнул за спину человека с мечом. Другой человек в мантии тоже отступил назад на шаг, так что Актер-хан остался стоять в одиночестве перед ними.

— Убей ее, — сказал Актер, и в ту минуту, когда хан произносил эти слова, губы второго человека шевельнулись.

— Уф! — пропыхтел палач и еще больше отступил назад, ибо из ножен, висящих на боку у его господина,

сам собой выскользнул меч. Он какое-то мгновение колебался в воздухе, потом понесся вниз, в подземелье и, описав небольшую дугу, словно его держал в руке бегущий — или летящий — невидимый человек, погрузился в грудь пленницы — чуть слева от середины.

Актер-хан улыбнулся и, продолжая улыбаться, повернулся к своему магу.

— Нехорошо было лишать Балтая такого прелестного объекта для долгой финальной пытки, — сказал он, — но кто мог бы устоять и не применить твой чудесный меч, Зафра!

Зафра скупо улыбнулся в ответ.

— Возможно, мой господин оставит этого охранника, Хойджу, Балтаю как... возмещение, — сказал молодой волшебник.

Актер-хан кивнул и повернулся к палачу.

— Да будет так, Балтай! Хойджу скоро приведут к тебе. Покажи ему... это, — сказал он, указывая вниз, в подземелье, где висела Митралия, аквилонийская служанка Тигрицы Чиа. Она уже не дышала. — И проверь, знает ли он кого-нибудь еще, кто замешан в этом деле. Поработай над ним, Балтай.

— О, мой добрый господин знает, что я это сделаю!

— Да — и еще я знаю, что ты сделаешь, как только мы двое покинем твои владения, ты, негодный извращенец! — Актер улыбнулся. — Идем, Зафра, королевский маг Замбулы!

— Мне принести моему господину его меч?

— Балтай! Вытащи меч из этой коровы и принеси его мне!

— Мой... мой господин...

— Не бойся, Балтай, мой верный пес, как и ты, этот меч повинуется только твоему хозяину. Он не причинит тебе вреда. Теперь это просто меч.

Балтай не торопился, спускаясь по ступенькам, и Актер улыбнулся своему магу и даже положил руку тому на плечо.

— Мой верный Зафра! — спокойно сказал он. — Насколько ты ценен для меня! И ты был прав — она действительно была шпионкой и выдала нам другого шпиона.

Признаюсь, кстати, — я опасался, что она может обвинить мою Тигрицу! Однако девчонка явно ненавидела ее и завидовала ей, и Балад сделал бы Чиа рабыней — если бы ему когда-нибудь удались его безумные планы!

Зафра слегка поклонился.

— Я должен сказать моему господину, — отозвался он столь же спокойно. — У меня появились подозрения, когда я заметил, как она вела себя, когда я посещал ее хозяйку, твою Тигрицу. Мой господин Хан вспомнит, как по случаю того, что я преподнес ему меч, он послал Тигрицу Чиа ко мне.

— В тот же самый вечер. Конечно, я помню. Ты говоришь мне, что ты... был с ней после того раза?

Зафра не поднимал головы.

— Мой господин, это так. Я должен сказать тебе, хоть мне и было тяжело собраться с духом. Мы провели... довольно много времени вместе.

Актер расхохотался и снова похлопал мага по узкому плечу.

— Ты любишь ее, Зафра?

— Мой господин, — честно сказал Зафра, — нет.

— А как ты думаешь, она тебя любит?

— Нет, господин Хан.

— Ну тогда, поскольку я послал ее к тебе для твоего развлечения и начал все это сам, как я могу возражать против того, что мой королевский маг проводит время с неотразимой Тигрицей, а? Я не могу высказать, как я благодарен тебе за то, что ты сказал мне, Зафра, — ибо я знал, уже несколько недель. Месяц, и даже больше, — Актер улыбнулся удивленным глазам своего мага. — Однако я найду тебе женщину, которая будет только твоей, Волшебник Замбулы.

— Вот твой... меч, господин Актер-хан.

— Ах да, — Актер повернулся и взял клинок у Балтая. — Ты хорошо поступил, что вытер его до блеска, Балтай!

— Я всего лишь вернул ей кровь, господин Хан. Она ничего не заметила.

Актер-хан, смеясь, вышел из темницы вместе со своим магом, и немного погодя два человека передали в руки

Балтая безоружного молодого стражника. Поскольку Хойджа был абсолютно ни в чем не виновен и почти не знал Митралию, он посмотрел на ее тело без особых эмоций; он и до этого видел мертвых женщин, хоть, правда, ни у одной из них не было на теле следов от девяноста или более ударов раскаленным железным прутом.

— Он действительно знал о нас, Чиа, — сказал Зафра. — Теперь мы в безопасности; он был так благодарен мне за то, что я «признался» в нашей дружбе.

— А Митралия?

— Умерла, бедняжка. Настой, который ты дала ей по моему велению, сделал свое дело, и мое заклинание тоже; она в самом деле созналась, что была шпионкой Балада, и сказала именно то, что я приказал ей сказать, когда ее сознание было открытым и беспомощным предо мной. Она обвинила того охранника, о котором ты говорила...

— Хойджу.

— Да.

— Хорошо. Эта скотина имела дерзость открыто пялиться на меня, — Чиа вздохнула и нежно погладила его. — Однако мне будет не хватать Митралии; она любила мои волосы и расчесывала их лучше, чем кто бы то ни было! Теперь мне придется искать другую служанку и учить ее!

Зафра усмехнулся.

— Посмотри, я причешу их своими пальцами. Мне думается, наш хан сам выберет следующую девушку, которую пошлет к тебе!

— Хм-м... но... Зафра? Хойдже не в чем признаваться.

— Значит, он ни в чем не признается. Балтай будет поражен его мужеством и силой воли — и рассержен тоже. Хойджа долго не протянет.

— Ах, Зафра, Зафра! Мой любимый гений.

— Я не отрицаю этого, любовь моя. Но только теперь будь крайне осторожна, когда будешь передавать сведения агенту Балада.

Глава 12
ЭСКОРТ ДЛЯ ДВУХ ВОРОВ

Хаджимен и десять восседающих на верблюдах шанки должны были сопровождать Конана и Испарану в Замбулу. Это решение, объявленное Ахименом, не встретило возражений, и Конан не видел никаких оснований, чтобы возражать самому. Он помешал Испаране шокировать шанки просьбой принести ей мужскую одежду, предназначенную для езды верхом, указав ей, что алые одежды шанкийских женщин достаточно просторны, чтобы позволить ей сидеть на лошади, а для этих людей, их друзей, сама мысль о женщине в каких бы то ни было штанах казалась варварской и даже того хуже.

— Ну и что? Я еду в компании с варваром!

— Они этого не знают, Спарана. А теперь повесь блеск-камень себе на шею и собирайся. Нет смысла ждать до полудня, чтобы отправиться в путь.

— Конан!

Он уже поднялся, чтобы уходить, теперь он оглянулся.

— У меня был меч, Конан. Ты забрал его. У меня был кинжал, и я использовала его, чтобы спасти тебя, — хотя только Эрлик знает почему!

Конан вопросительно посмотрел на нее. Он уже поблагодарил ее; он знал, чего она хотела сейчас, и пользовался возможностью обдумать это.

— Мне нужен меч и кинжал, — сказала она.

— С охраной из одиннадцати человек на верблюдах тебе вряд ли понадобится оружие.

— Сказал стигиец кушиту!

— Хм, — он очень слабо улыбнулся ей. — Ты права. Первый вопрос, который задали эти люди, был о том, почему у тебя нет оружия. Та наша лошадь несет на себе целый арсенал! Меч и кинжал Хассека, и Сарида...

— И мои...

— И тех пяти иоггитов, плюс два меча, которые мы с Хассеком... приобрели в Шадизаре.

— И мой меч.

— Да, и твой меч... а! Подожди, Спарана.

Выйдя из шатра, Конан подошел к тому тюку, который он называл их «арсеналом», и развязал его. Хаджимена — на глазах Ахимен-хана — киммериец заставил принять добрый аквитанский меч самаритянина Сарида. Потом он показал им диковинку — ужасный ильбарсский нож Хассека. Еще он показал шанки клинок без эфеса, принадлежавший некоему королевскому агенту из Шадизара в Заморе, и лаконично обрисовал историю его приобретения. Шанки расхохотались; и Хаджимен, и другие встречали в Замбуле самоуверенных фатов — которых они называли «хфатами» и от которых многое вытерпели.

Люди пустыни выразили свое восхищение выработкой и ценностью усыпанного корундами кинжала дорогого Ферхада, с его отделанным серебром клинком.

— Это подарок для моей возлюбленной Испараны, — сказал Конан. — Я сохраню тот, который она использовала, чтобы... помочь мне в схватке с этими иоггитами.

Хаджимен сплюнул. Конан с готовностью сплюнул тоже. «Восхитительный обычай», — подумал он, обещая себе снова и снова упоминать в разговоре одетых в зеленое джазихим, чтобы присоединиться к шанки в ритуальном сплевывании.

— Это жест настоящего мужчины, — прокомментировал Хаджимен подарок Конана его «возлюбленной женщине». — Я навьючил на своего верблюда одежды, которые стали мне малы, когда я в шестнадцать лет внезапно вырос. Я знаю, что женщина Конана — воин. Как только мы отъедем отсюда на достаточное расстояние, и мой отец и другие не смогут об этом узнать и прийти в ужас, я подарю эти одежды женщине-воину, которую зовут Испарана.

— Это очень любезно, — сказал Конан, — хотя ей нравятся ее роскошные наряды женщины-шанки.

«Примерно так же, как мне нравится есть крапиву», — подумал он. Значит, Хаджимен представлял либеральное новое поколение, вот как? Досадно, шанки могут измениться под его властью, когда придет очередь Хаджимена называться ханом.

— Мне жаль, что у нас нет одеяний, достаточно больших для нашего гостя, — продолжал Хаджимен, — кроме

каффии и одежды для езды на верблюде, которые мы с удовольствием преподносим ему.

— Они мне нравятся, — улыбаясь, сказал Конан, хотя, по правде говоря, ему было жарко в халате на подкладке и в кольчуге, которую ему еще предстояло смочить в крови, несмотря на то, что он владел ею уже два месяца. Поскольку шанки не носили кольчуг, Конан прикрыл свою туникой, которая сейчас приходила в полную негодность с изнанки, как и любая одежда, которую носят поверх кольчуги или чешуйчатых доспехов. Конана ожидала награда в Замбуле! Тогда, если ему захочется, он сможет нарядиться в алую тунику, расшитую узорами!

На киммерийце были надеты широкие, раздувающиеся малиновые шаровары шанки; они были ему слишком коротки, но он не обращал внимания на это. Сапоги прикрывали ему икры; сколько же человеку нужно одежды на ногах?

— Когда я вручу это оружие Испаране, — сказал он, — мы будем готовы покинуть пристанище шанки.

— Но не их компанию. Наши верблюды опустились на колени, ожидая Конана из Киммерии.

— Называй меня просто Конаном.

— Я только что сделал это, гость моего племени.

Конан, улыбаясь, повернулся и пошел к Испаране. Она с суровым, мрачным выражением лица застегнула на талии пояс с ножнами и слегка сдвинула его так, чтобы меч свисал вдоль ее левой ноги. После этого она выразительно посмотрела на более короткие ножны у себя на правом боку, а потом на Конана.

— А мой кинжал? Ты ведь вытащил его из тела этого иоггита, не так ли?

Конан сплюнул на манер шанки и улыбнулся.

— Да, хотя это было нелегко. Слетев с лошади, он упал на раненую руку и пригвоздил ее к своей груди твоим кинжалом. Я сохраню его себе на память. Помнишь, как мы впервые встретились, Испи...

— «Спарану» я еще терплю, — заявила она. — «Испи» я терпеть не буду!

— ...Двое воров, — продолжал он, — свирепо глядящих друг на друга через эту жуткую комнату Хисарр

Зуда? Кто бы мог поверить тогда, что в один прекрасный день ты спасешь мне жизнь — совершенно сознательно!

— Я действовала не думая.

— Как и в тот день, когда нас схватили хорезмийцы? Ты вышибла меня из седла, и это после того как я уложил нескольких этих собак-работорговцев и обеспечил нам возможность бегства.

Испарана, наряженная в развевающиеся, бесформенные красные одежды, с губами, выкрашенными в черный цвет, и глазами, огромными и сияющими внутри обводящей их черной черты, — Испарана покачала головой:

— Нет, в тот день я думала! В конце концов, из-за тебя я потеряла обоих своих верблюдов и все свои припасы. А теперь отдай мне свой кинжал, вор-варвар!

— Это было через день после того, как я снял у тебя с шеи Глаз Эрлика, пока ты спала.

— Собака! Пыхтящая варварская свинья!

— А я-то опасался, что ты уже покончила со всеми этими ласковыми именами, которые я привык ожидать от тебя и смаковать, Спарана.

— И еще ты подсматривал за тем, как я раздеваюсь и купаюсь в том озерце в оазисе! И у меня на бедре навечно останется шрам, ты, коварная варварская гадюка!

Конан напомнил ей об этом специально, чтобы проверить ее реакцию. Она не кричала и не выхватывала меч.

— Теперь я жалею об этом, Испарана, — и я не имел понятия, что так случится. Я более чем рад, что фальшивый амулет был у тебя в кошельке на бедре, а не висел у тебя на шее, когда колдовство Хисарра расплавило его. Мне бы очень не хотелось, чтобы на этой красивой груди остались шрамы.

— Значит, она тебе нравится, ты, любящий распускать руки боров-варвар?

— Она мне нравится, Спарана. И я не прикоснулся к тебе той ночью в оазисе.

— А почему, Конан? Ты — уже потом — называл меня неотразимой. Я спала, а ты перед тем подглядывал за мной. Ты мог бы...

— Я не насильник, Испарана, — спокойно и с достоинством сказал Конан.

Она уставилась на него.

— Лживый, вонючий, шелудивый пес! Всего несколько дней назад...

— Это было две недели назад, и это не было насилием, — сказал Конан и уставился на нее в ответ.

Когда Испарана отвела взгляд, молчаливо признавая его правоту, Конан продолжил:

— В тот день ты пыталась убить меня, и из-за тебя погибли Сарид и Хассек. Хассек был хорошим человеком, Спарана.

— Что ж... Сарид не был таким, но мне теперь жаль, что я использовала его и что он мертв. И что из-за меня он убил твоего иранистанского друга.

— Однако если бы ты не соблазнила и не использовала Сарида...

— Мне не пришлось его «соблазнять», Конан.

— ...если бы ты не использовала Сарида и не поехала на север, мы с тобой никогда не встретились бы снова и не объединили бы наши силы, Спарана. Или я должен называть тебя госпожа Килия?

Она скорчила гримасу. Это было имя, которое он использовал в тот день, когда их захватил караван работорговцев из Хорезма — в оазисе, где Конан перед тем украл у нее Глаз, а она, размахивая мечом и сыпля ругательствами, помешала ему бежать, вследствие чего ее верблюды скрылись в ночи. Хорезмийцы не поверили тому, что она была какой-то там госпожой Килией, равно как и тому, что она — родственница короля Самарры, как утверждал Конан. Он жестоко расправился с тремя или четырьмя из них — и после этого она нанесла ему такой удар, что он лишился чувств, и бежала. К несчастью, другие люди из каравана схватили ее, после чего она и Конан провели несколько дней в веренице невольников.

— А на самом деле была какая-нибудь Килия, Конан?

— Да. Девушка из Аренджуна, — ответил Конан, припоминая, как эта стерва требовала его смерти, после того как он щедро тратил на нее выпивку и свое обаяние. — Просто девушка, Испа. Не женщина, как ты.

Испарану едва ли можно было назвать жеманной, но тут она заговорила мягко, ласково, заглядывая при этом ему в глаза.

— У тебя было множество девушек, не так ли, — и женщин?

— Несколько, — сказал Конан, пожимая плечами. — Так, как для тебя существовало множество мужчин.

— Кое-кто, — сказала она, копируя его жест и думая о том, каким отвратительным любовником был Сарид. — Ты пытаешься заставить меня признать, что ты потрясающий любовник и что я больше не надеюсь увидеть тебя разрезанным на куски и скормленным собакам — твоим братьям, вороватый пес.

Он покачал головой.

— Ах, ты пытаешься вскружить мне голову ласковыми прозвищами, любовь моя. Нет, я не стараюсь заставить тебя что-либо признать, — добавил он, услышав за стенкой шатра рев ожидающего верблюда, и вытащил кинжал, который прятал у себя за поясом на спине: кинжал Ферхада, королевского агента из Шадизара. — Вот. Твой кинжал, госпожа моя.

— Но это не мой... Конан! В него... в него вставлены драгоценные камни... это рубин! Это, несомненно, два сапфира... может ли это быть изумруд?

— Может. А вот здесь, на клинке, может быть серебро. Вероятно, только ослабляет лезвие. Сомневаюсь, чтобы этот хорошенький прутик мог сильно пригодиться в качестве оружия, Спарана, — он был близок к смущению, что бы это ни было. — Но ты можешь продать его и купить целую бочку ножей, которые смогут резать и колоть. Вместе с какими-нибудь роскошными замбулийскими одеждами.

Она не отрывала взгляда от ножа, вновь и вновь поворачивая его в руках.

— О, этот прелестный камень — это же пелагерен, — бормотала она. Внезапно она подняла глаза, и Конану на мгновение показалось, что алчность сделала ее взгляд как будто стеклянным. Потом он осознал, что глаза были подернуты влагой. Испарана? Слезы?!! Ее рука стиснула украшенную камнями рукоять.

— Я никогда не продам этот подарок, Конан. Как ты мог подумать, что я сделаю это? Это подарок от тебя!

Конан сглотнул и почувствовал себя примерно так, словно его подвесили за большие пальцы рук.

— Ну... в конце концов, я украл его.

Она улыбнулась ему:

— О Конан! Что же еще, как же еще такие, как мы с тобой, могут приобрести что бы то ни было? Мы с Карамеком оба были ворами в Замбуле; разве ты этого не знал? Вот поэтому Актер-хан послал нас так далеко на север, чтобы вернуть себе Глаз, который похитил Хисарр Зул. Если бы он пообещал нам только, что нам не отрубят руки, — потому что нас поймали, и таковым должно быть наказание, — мы бы не стали трудиться. Нам было обещано полное прощение, видишь ли, и никаких сообщений Турану, у которого везде есть свои агенты, и награда по возвращении в Замбулу, достаточная для того, чтобы у нас не было нужды воровать снова.

— Ну что ж, — признал Конан, — ты украла его у старого Хисарр Зула, а не я. Я был тем, кого он поймал!

Она рассмеялась и внезапно сжала его в объятиях.

— О Конан, дорогой, неужели ты думаешь, я поверю, что подарок от тебя будет куплен за деньги?!

— Лучше назови меня шелудивым псом или свиньей-варваром, или... даже гадюкой, — обеспокоенно сказал Конан. — Я привык слышать от тебя такие обращения.

Она, все еще прижимаясь к нему, тихо сказала:

— Конан...

Он высвободился из ее объятий и повернулся к отвернутому пологу шатра.

— Идем, Испарана. Наш эскорт на верблюдах ждет нас. И хан Замбулы тоже... и награда, достаточная для того, чтобы у нас не было нужды воровать снова. А после этого... самая большая комната в самой большой таверне Замбулы?

— Да, — вскричала она с горящими глазами. — Самая большая, в Королевской Таверне Турана, для господина Конана и его... для госпожи Килии?

И они, смеясь, вышли на солнце.

Глава 13
ЗАМБУЛА

Воины на верблюдах первыми заметили людей на лошадях — или одного из них.

Мгновение спустя после того как шанки испустил крик и указал на приближающегося всадника, чей шлем сверкал на солнце, этот всадник придержал лошадь. Шанки тоже остановились, меньше чем в миле от человека на коне, в котором легко было узнать одетого в мундир солдата. Они увидели, как он поднес к губам медную трубу, и услышали, как он затрубил в нее. Словно в ответ вдали, слева от него, раздался звук другой трубы. За ней последовали третья, справа, и потом еще одна, гораздо дальше. И еще одна.

Хаджимен поднял руку вертикально вверх. Его люди — и двое всадников на лошадях, которых они сопровождали, — придвинулись ближе к его дромадеру.

— Будьте готовы к атаке или к сражению, — приказал он, — и без моей команды ничего не делайте, только двигайтесь вперед — шагом.

Конану и Испаране пришлось подождать, пока десять шанки не подтвердили вслух получение приказа. Потом одиннадцать верблюдов и восемнадцать лошадей зашагали вперед по сверкающему песку.

Несколько минут спустя всадники в шлемах и желтых кушаках, подтянувшись, взяли их в клещи, и они оказались в окружении солдат.

— Замбулийцы, — пробормотал Хаджимен. — Стойте. Ничего не делайте без моей команды.

— Привет, шанки! — воскликнул командир всадников.

Хаджимен с высоты своего дромадера оглядел каждого из двадцати солдат и не увидел вынутого из ножен оружия или арбалетов с натянутой тетивой. Он поднял правую руку.

— Хаджимен, сын Ахимена, Хана шанки, приветствует воинов Хана замбулийцев, — произнес он как нельзя более звучным голосом. — Знает ли Хан замбулийцев, что мы едем к нему, чтобы обменять лошадей на рыночной площади?

Конан прислушивался к тому, как голос Хаджимена, выходящий из его диафрагмы, уходит в пустыню и теряется в ней.

— Если эти двое с вами — Испарана из Замбулы и ее спутник, то мы посланы сопровождать их.

— Я Испарана!

Конан послал вперед коня, которого он, как и обещал ему, назвал теперь Шагающим по Барханам.

— Я Конан, киммериец. Я еду вместе с Испараной из Замбулы. Как ваш хан узнал, что мы приближаемся?

— Я не знаю... э-э, Конан. Он сказал нам, что это так, хоть и не назвал нам твоего имени, только ее. Он послал нас проводить вас в город и ко двору.

— Очень любезно со стороны вашего хана, — слегка забавляясь, сказал Конан. — Эти шанки тоже нас сопровождают. У тебя есть имя?

— Я Иабиз, префект. А это с тобой Испарана из Замбулы?

— Я сказала, что это я, Иабиз, и я тебя знаю, — крикнула она. — Мы привезли то, что желает Актер-хан.

— Хорошо. Твоим людям, шанки Хаджимен, нет нужды ехать до самой Замбулы, — у этого большеносого типа было лицо, как у хищной птицы.

— О нет, мы поедем, — сказал Хаджимен, оглядываясь вокруг. — Так много всадников, чтобы сопровождать двоих! Конан и Испарана — наши друзья, и наш хан поручил нам проводить их в лагерь замбулийцев. И мы едем менять лошадей, ты не забыл?

Замбулийский префект поднял палец и почесал подбородок в том месте, где его борода раздваивалась. Он сидел, чуть наклонившись вперед, и было заметно, что у него начинает расти брюшко. Так он восседал на своей крупной гнедой лошади и жевал усы, размышляя.

— Что ж, тогда, наверное, мы должны ехать все вместе. Мы получили подобное же поручение от нашего хана.

— Мы будем счастливы, если воины Хана замбулийцев присоединятся к нам, — сказал Хаджимен, не проявляя при этом абсолютно никакого энтузиазма.

Конан ухмыльнулся. Один-два шанки хихикнули — и то же самое сделал по меньшей мере один человек в

ярком двойном кушаке и шлеме с замбулийскими вымпелами. Киммериец взглянул вверх на Хаджимена, восседающего на своем одногорбом верблюде. Вождь шанки кивнул. Верблюды шанки начали шагать вперед. Двое, которых они сопровождали, ехали среди них, и префекту Иабизу пришлось действовать. Воспользовавшись удобным моментом, он развернул своего гнедого и шагом направился в сторону Замбулы, так что со стороны казалось, будто он возглавляет весь отряд из одиннадцати верблюдов, пятидесяти восьми лошадей, одной женщины и тридцати одного мужчины, в дополнение к своей обеспокоенной персоне. Его люди медленно подтянулись, охватывая группу верблюдов и идущих в поводу лошадей, в центре которой ехали два объекта этого мощного эскорта.

Конан оглянулся на Испарану и усмехнулся:

— Удовлетворяет ли госпожу размер нашей свиты?

— Да, господин Конан, — ответила она, и они дружно рассмеялись.

Несмотря на то что замбулийцы так же осознавали важность своей миссии и так же добросовестно испытывали чувство собственности по отношению к двум своим подопечным, как и шанки, всем удалось избежать инцидентов в течение следующих нескольких дней. Наконец Конан увидел, как из пустыни вырастают башни и купола города. Потом он увидел его сверкающе-белые стены. Весь этот ансамбль постепенно вырастал, и Конан смог различить деревья: пальмы и искривленные оливы. В конце концов Иабиз подозвал к себе двух своих людей и тихим голосом отдал им какие-то распоряжения. Они дважды протрубили в трубы, обращаясь к этим медленно приближающимся стенам, а потом галопом удалились. Позади них взвихривались небольшие клубы желтоватой пыли, так что казалось, будто их преследуют песчаные демоны.

К тому времени как вся компания достигла ворот, они стояли широко раскрытыми. Отряд въехал в них и оказался на широкой мощеной дороге, которая, как заметил Конан, была с обеих сторон надежно защищена стенами. Температура между этими стенами была высокой, хотя

сам город начинался немного дальше. Некоторое умение в обращении с лошадью и верблюдом позволило Иабизу подождать, пока Хаджимен поравняется с ним.

— Ты знаешь путь к рынку, — сказал замбулиец.

— Да. Мы доедем с нашими друзьями до дворца, а оттуда поедем на рынок.

— Шанки Хаджимен, сын хана, — верблюды не допускаются на Королевскую Дорогу! И ко дворцу может приблизиться не более двадцати всадников одновременно.

Хаджимен бесстрастно глядел на него с высоты своего дромадера. Молчание охватило их, как туман, и вместе с ним возрастало напряжение.

— Префект, — сказал Конан, и Иабиз, которому опять стало очень не по себе, оглянулся на него. — Лучше забудем на сегодня про одно правило и слегка подправим другое. Нас тринадцать. Ты поступишь мудро, если ты и шестеро твоих людей поскачете вместе с нами, в то время как остальной твой отряд поспешит вперед, или последует за нами и с подобающим отрывом, или поедет по другой дороге.

— Никому это не понравится...

— И мне в том числе, — заверил Конан беднягу. — Но я всего лишь предложил решение этой проблемы. Оно спасет твое лицо и покажет, что у тебя есть кое-какие чувства. Попытка решить проблему как-то по-другому может поставить под угрозу отношения между шанки и Замбулой.

Носатый префект оглянулся по сторонам. Его губы беззвучно шевельнулись, и теперь он, казалось, чувствовал себя не только обеспокоенным, но и попросту несчастным. Наконец он кивнул и приказал своему помощнику отобрать дюжину людей и следовать за ними, шагом, после того как весь отряд во главе с ним, Иабизом, свернет на Королевскую Дорогу, пересекавшую их путь чуть дальше.

Вот так воровка Испарана вернулась в Замбулу — город садов, и тутовых рощ, и зданий, увенчанных куполами, и алых башен, — вернулась в окружении эскорта, привлекающего к себе столько же взглядов, что и королевский кортеж.

Вот так Конан впервые вступил в Замбулу: в шароварах, белой каффии и в развевающемся халате шанки, надетом поверх кольчуги, сопровождаемый солдатами в

шлемах и воинами шанки на верблюдах, направляя свою лошадь шагом по Королевской Дороге к похожему па луковицу куполу дворца одного из верховных сатрапов Турана, который никогда о нем не слышал. И ни один из глазеющих на него горожан не мог догадаться, кем был этот явно важный человек, который был настолько высок ростом, что его ноги свисали с коня так же, как у других людей, когда они сидят верхом на пони.

Префект Иабиз, по-прежнему создавая видимость, что он тут главный, ехал с торжественным, бесстрастным видом впереди всех. Его взгляд был устремлен вперед, а левая рука картинно лежала на бедре.

Позади этой странной процессии мерно шагали шестнадцать лошадей без всадников: четыре вьючных животных Конана и Испараны, тюки на которых теперь значительно уменьшились в объеме, и обученные для езды в пустыне лошади, захваченные у иоггитских разбойников. Ахимен-хан выбрал себе двух лошадей из Конановых пяти, и одного коня Конан подарил Хаджимену, так что теперь только два животных были собственностью киммерийца. Он не заикнулся Испаране о том, что он считал своей собственностью и бывших скакунов Сарида и Хассека.

Едущая рядом с ним Испарана меньше всего была похожа на замбулийскую женщину. У них, как заметил Конан, были не так сильно обведены глаза, а губы, если и были накрашены, имели красный или пурпурно-розовый оттенок. И еще он увидел, что эти женщины не имели обыкновения носить много одежды, к несчастью для обладательниц отвислых, трясущихся животов.

Дворец, приближаясь, становился все выше. Он вырастал среди беспорядочного нагромождения пристроек из серого и белого камня, отделанных по фасадам выкрашенными в желтый цвет колоннами; широкий пролет ступеней песчаного цвета был увенчан прорезанной бойницами оборонительной стеной и вел к высокой резной двери. За стеной возвышался сам дворец — многочисленные башни, стены из раскрошенных глиняных кирпичей и огромный темный купол, подобный гигантской луковице, только что вытащенной из земли. Придворные и чиновники, в шароварах и мантиях, туниках и кафтанах,

спешащие по своим разнообразным делам, останавливались и глазели на приближающуюся массу людей.

Верблюды на Королевской Дороге! Этот гигант со своей накрашенной женщиной в шанкийской одежде должен быть поистине важной персоной!

У подножия широких дворцовых ступеней Конан повернулся к Хаджимену.

— Хорошо ли торгуются шанки?

Хаджимен позволил своим губам растянуться в улыбке и на мгновение показать зубы.

— Шанки торгуются лучше, чем замбулийцы!

— Хорошо, — отозвался Конан, — поскольку мы в Замбуле. Так что обменяй всех моих шестерых лошадей вместе со своими — на жемчуг, или ожерелья из замбулийских монет, или что-нибудь подобное, что будет легко нести. И мечи в тюке у этого гнедого обменяй тоже.

— Для нас будет удовольствием и честью совершить обмен для Конана из Киммерии.

— Пусть сын хана назовет место, где мы встретимся через несколько часов. Скажем, на закате.

— Шанки будут у верблюжьих загонов в квартале, называемом Бронзовым, — или там будет кто-нибудь, кто встретит и проведет Конана.

Киммериец кивнул и спешился. Замбулийцы в богатых одеждах, стоящие на верхней площадке лестницы, наблюдали за ним. Конан обошел вокруг своей лошади и протянул руки, чтобы помочь Испаране. После минутного колебания ее лицо разгладилось. Она с улыбкой позволила снять себя с лошади, словно была знатной дамой. Поскольку она была представительницей своего хана, Конан решил проявить доброту; он позволит ей похвастаться своими знаниями перед своим нанимателем. Когда ее ноги коснулись земли, он задержал ее на достаточное время, чтобы пробормотать, пряча губы в ее волосах:

— Я ношу амулет под своей одеждой. Ты можешь сказать ему это.

— Но ты... когда ты успел спрятать его там?

Она отступила назад, совсем чуть-чуть, и нахмурилась, пытаясь понять, верить ему или нет.

— Несколько месяцев назад, в Аренджуне.

— Но...

— Но ты не нашла его, когда обыскивала меня в нашем шанкийском шатре несколько ночей назад! — сказал он, сдержанно улыбаясь. — Он был там. Я повесил его себе на шею через день после того, как убил Хисарр Зула и сжег его дом.

— Но... нет! Ты хочешь сказать, что эта уродливая... штуковина?

Конан благодушно улыбнулся.

Без сомнения, некоторые из открыто любопытствующих наблюдателей спрашивали себя, почему женщина с черными губами, одетая в белое шанкийское платье поверх красного шанкийского сирваля, сыплет проклятиями, поднимаясь рядом с Конаном по ступеням дворца.

Вопрос, заданный Конаном стоящему рядом с ним человеку, был небрежным:

— Кто-нибудь позаботится о наших лошадях, не так ли?

— Да, — сказал Иабиз и повернулся, чтобы отдать соответствующий приказ. Потом он заторопился вслед за Конаном и Испараной, которые продолжали идти, не останавливаясь.

— На тот случай, если тебя отпустят, когда мы все еще будем у хана, Иабиз, — сказал Конан, отвечая свирепым взглядом на взгляд какого-то сановника в шелковых одеждах, который, должно быть, весил не больше, чем лошадь, — потом я буду подыскивать себе таверну. Ты знаешь, что я начну с верблюжьих загонов в Бронзовом Квартале не позже, чем на закате.

— А если хан пожелает задержать тебя дольше?

Конан с важным видом шагал вперед; какой-то человек в великолепных одеждах отступил в сторону.

— Не пожелает.

— Я...

— Покупателем буду я, — сказал киммериец. — Не так ли, Спарана?

— ...Отродье изводящей верблюдов, пораженный гнилью в паху гадюки... да... сын и наследник кхитайской рыжей дворовой суки...

— Я постараюсь быть там, — сказал Иабиз. — А что с ней такое, воин из Киммерии? Вы двое что, поссорились?

— Она безумно влюблена в меня и боится, что Актер-хан разлучит нас, чтобы добраться до ее прелестного ротика, — ответил Конан, и они вошли во дворец вместе с Испараной, которая все еще продолжала истощать свой запас ругательств.

Глава 14
ГЛАЗ ЭРЛИКА

Прежде всего Конан проверил, чем можно защищаться в просторном тронном зале Актер-хана и как из него можно выйти.

Его и Испарану провели через вход, закрывающийся двумя тяжелыми дверьми, которые, как заметил Конан, надежно запирались изнутри посредством огромного деревянного бруса, окованного железом и уравновешенного по оси, чтобы его было легче поднимать и опускать. В тридцати шагах слева выкрашенную в кремовый цвет стену прорезал высокий одиночный портал с обшитой панелями дверью. Такая же дверь нарушала однообразие стены в сорока шагах справа. Обе двери были закрыты, и других Конан не увидел.

Трон из фруктового дерева, с высокой спинкой и украшенной серебром резьбой, стоял на возвышении, примыкающем к стене напротив главного входа. Он стоял в центре этого возвышения, в двадцати шагах от Конана. Позади него стену прорезали четыре узкие высокие ниши, пропускающие в зал воздух и свет. Их глубина помогла Конану определить, насколько толстыми были внешние стены дворца. Каждое из этих окон, высотой по плечо человеку, было обрамлено желтыми занавесками, на которых был вышит червеобразный узор с цветками львиного зева в зеленых, алых и белых тонах. Под каждым таким окном-бойницей стоял большой горшок из неглазурованного камня, опоясанный медными обручами, и из него храбро торчало какое-то растение с восковыми на вид листьями. Эта длинная-длинная стена поддерживалась и оживлялась пятью полуколоннами, или пилястра-

ми, с резными львиными головами и одним-единственным украшением.

Конан решил, что последнее служило не только для убранства зала. Всего в локте, или около того, слева от трона, который отстоял от стены примерно на такое же расстояние, в камень были вбиты два штыря. Каждый из них удерживал скобу, которая казалась золотой и была, скорее всего, изготовлена из менее благородного, но позолоченного металла. Скобы поддерживали — примерно в пяти футах над полом — изогнутые ножны, обвитые полосками серебра и красной кожи. Из ножен торчала украшенная самоцветами рукоять меча.

«Возможно, он принадлежал основателю Замбулы, — задумчиво пробормотал про себя Конан. — Или это Государственный Меч Актер-хана, символ его правления, который ему не хочется носить, сидя на троне. Возможно, дар государя Турана». Особого значения это не имело.

То тут, то там в зале высились огромные колонны из дерева или раскрашенного камня, по виду напоминающего дерево. Длинные руки Конана не смогли бы обхватить ни одну из них. С каждой стороны возвышения так же неподвижно стоял великолепно одетый стражник. Оба стражника смотрели в пустоту. На возвышении, с каждой стороны трона стоял человек. Советники, решил Конан, — визири. Тот, что был справа от хана, носил мантию и парчовое верхнее платье в коричневых и алых тонах. Серебряная цепь покоилась на его груди — под подбородком, который был чисто выбрит, хотя остальная часть его лица была скрыта под бородой и усами. Он уже начинал лысеть. «Не очень-то счастливый человек», — подумал Конан.

Человеку слева от хана, без сомнения, было лишь немногим больше двадцати, и его лицо под странным, высоким коричневым головным убором нельзя было назвать некрасивым. Его стройные ноги были обтянуты узкими красными штанами, поверх которых была надета простая белая туника; на груди сверкал внушительный медальон из золота, жемчуга и солнечных топазов. «Глаза, как у змеи, — отметил Конан, — и полны гордости и ума».

У обутых в фетр ног каждого из предполагаемых советников сидел писец; один был довольно старым, а другой —

удивительно молодым, крупного сложения; между ними сидел на троне Актер-хан. Его вряд ли можно было назвать уродливым, хотя, возможно, на его лице уже начинали проступать следы разгульной жизни, и его брюшко было уже довольно заметным.

Блестящий взгляд его темных глаз сместился с киммерийца на Испарану, снова на мгновение вернулся к Конану и окончательно остановился на женщине.

— Испарана из Замбулы возвращается к своему хану, — послышался голос за спиной Конана, — и вместе с ней — Конан, киммериец с далекого севера.

— Доложи визирю Хафару, префект, — произнес Актер-хан, и Конан уловил в его голосе скрытое возбуждение.

Префект Иабиз, лысеющий сановник и старый писец устремились к двери слева от Конана, прошли через портал и закрыли дверь за собой. Все было сделано быстро, но Конан успел отметить значительную толщину обитой панелями двери.

Актер-хан заговорил снова:

— Почему человек с далекого севера прибыл вместе с нашей служанкой Испараной?

В этот момент Конан осознал, в насколько уязвимом положении он находился, и почувствовал внезапный озноб при воспоминании о непредсказуемости Испараны — и о нескольких причинах, по которым она могла бы испытывать наслаждение и приятное возбуждение при виде того, как его хватают, пытают... убивают.

— Он помог мне, — сказала Испарана, и напряжение Конана ослабло лишь самую малость. — Конан из Киммерии несет то, за чем я была послана.

Глаза хана, разделенные ястребиным носом, неотрывно глядели на Конана.

— Конан из Киммерии, ты находишься в присутствии Актер-хана, правителя Замбулы и окружающих ее земель во имя и в качестве сатрапа Илдиза Великого, Короля Турана и Владыки Империи. В этом зале не должно быть опасности ни для тебя, ни для меня. Твое оружие будет возвращено тебе, как только ты выйдешь за дверь, которая находится у тебя за спиной.

У Конана защекотало под мышками. Вооруженные копьями стражники, стоящие по обе стороны первой ступеньки возвышения, смотрели в пустоту, однако казалось, были готовы ко всему. Конан оглянулся по сторонам и увидел четырех солдат в доспехах и шлемах. Они не отрывали от него глаз.

Он сглотнул слюну и почувствовал, как по его позвоночнику пробежали мурашки. Отдать оружие! Оказаться во власти этого сатрапа, этих вооруженных людей — и каприза Испараны! Ему это было очень не по вкусу. Однако за эти несколько секунд он представил себе возможную альтернативу. Правитель, восседающий на троне, приказал ему сдать оружие. Он может молча согласиться и передать хану амулет, который тот так ценит, или подвергнуться аресту, или попытаться с боем проложить себе дорогу — из дворца, в котором кишмя кишат вооруженные стражники, а потом из враждебного города, окруженного пустыней?

«У меня нет выбора», — подумал он, и его взгляд на короткое время переместился к мечу, подвешенному на стене. Как быстро он сможет до него добраться в случае необходимости; как быстро он сможет выхватить его из ножен и обернуться, чтобы попытаться дать отпор? «Пока буду идти к той двери, чтобы последовать за Хафаром и Иабизом», — подумал он, потому что был не в состоянии не предусмотреть подобное действие. Он нашел впечатляющие слова.

— Ни один чужестранец не должен приближаться к королю в его покоях, имея при себе оружие, — сказал он и расстегнул пояс, на котором висели ножны меча и кинжала. Не оборачиваясь, он отвел оба конца пояса от своих бедер назад, и чьи-то руки, протянувшись из-за его спины, взяли их. Конан стоял безоружный, отдавшись на милость Испараны и Актер-хана.

— Покиньте нас, — сказал Актер-хан. — Зафра и Уруй останутся со мной и этими нашими двумя вернувшимися слугами.

Оба стража трона, словно ожившие статуи, пересекли зал в ширину, прошагав мимо Конана и Испараны, и вышли. Конан услышал, как за ними закрылись створки большой двери. На возвышении остались стоящий человек

в странном головном уборе и сидящий писец, этот молодой здоровяк.

«Почему, — спросил себя Конан, — писец остается в зале во время секретного доклада агента хана?» И тут же ответил сам себе, — принимая во внимание размеры писца: «Уруй — телохранитель. Но тогда этот худощавый парень в дурацкой шляпе... что он здесь делает?» Он жалел, что задал Испаране слишком мало вопросов. Тронный зал был теперь пуст, не считая пятерых человек. Конан и четверо замбулийцев. Враги?

— Испарана — ты принесла мне Глаз Эрлика?

— Да, господин Хан.

— Принеси его сюда, моя превосходная служанка.

Она взглянула на Конана.

— Он у меня, — сказал киммериец, отмечая, что рослый писец переменил позу и пристально наблюдает за тем, как он подносит обе руки к своей шее. Конан вытащил из-под одежды ремешок, на котором болталась усыпанная стекляшками капля обожженной глины, снял его через голову и протянул вперед руку. Сплющенная с одной стороны полусфера, явно не имеющая никакой ценности, повисла в воздухе, медленно поворачиваясь.

Актер-хан нахмурился было при виде предмета, совершенно очевидно не являющегося его ценным амулетом, но тут Конан присел на корточки и осторожно постучал куском глины по полу, выложенному чередующимися красными и розовыми плитками, — еще и еще раз. Глина треснула, раскололась, распалась на кусочки. Испарана следила за происходящим так же зачарованно, как и человек на троне.

Конан поднялся на ноги. Снова он протянул вперед руку, и снова некий предмет медленно закружился на конце кожаного ремешка.

Подвеска в форме меча была примерно равна по длине мизинцу Конана. Неограненный рубин образовывал головку рукоятки. На каждом конце перекрестия сверкал большой желтый камень, вертикально пересеченный одной черной полоской. Камни, отстоящие один от другого примерно на дюйм, казалось, глядели, как жуткие желтые глаза, с обеих сторон длинного, острого серебряного носа.

— Глаз Эрлика!!!

Голос Актер-хана, едва ли громче шепота, был полон страсти. Правитель возбужденно наклонился вперед, и его ладони так сжали изогнутые подлокотники трона, что костяшки пальцев побелели. Взгляд его темных неподвижных глаз был не менее стеклянным, чем у «глаз» амулета.

Конану показалось, что сатрап собирается встать. Однако Актер этого не сделал. Одна рука оторвалась от подлокотника трона и протянулась вперед, ладонью вверх.

— Мне! — сказал Актер-хан все тем же задыхающимся голосом, выдающим внутреннее напряжение.

После трех месяцев опасных приключений и кажущихся бесконечными путешествий и трудов, причиной которых была эта побрякушка, Конану почти не хотелось расставаться с ней. Почти. И все же он не понес ее к этой замершей в ожидании королевской руке. Вместо этого он поймал руку Испараны и вложил в нее Глаз Эрлика.

— Это всегда было твоей миссией и твоим делом, Спарана, — сказал он достаточно громко, чтобы его услышали на возвышении. — Заверши его.

Испарана, в своем шанкийском сирвале, тунике, кафтане с рукавами — и с черной косметикой на лице, — пересекла зал, направляясь к своему повелителю. Конан увидел, что его протянутая вперед рука дрожит. Неужели действительно его жизненная сила была заключена в этой маленькой безделушке? Неужели он вот-вот станет непобедимым, неужели его теперь нельзя будет убить? Конан наблюдал за происходящим, и внезапно ему в голову пришла совершенно посторонняя мысль: что только высоким женщинам следует носить раздувающиеся шаровары.

Испарана положила Глаз Эрлика на ожидающую, дрожащую ладонь, и кулак сатрапа сомкнулся вокруг амулета. После всего этого долгого времени, и ужаса, и потерянных жизней не случилось ничего волшебного или драматического. Хан Замбулы получил свой Глаз Эрлика. Нанятая им воровка опустилась на одно колено и склонила голову, а он откинулся назад с долгим вздохом.

— Поднимись, Испарана, превосходная служанка, — приказал он, и она встала.

На груди его, поверх многоцветной шелковой мантии лежал медальон, подвешенный на золотой цепочке тонкой работы. Он представлял собой крылатый квадрат из того же самого металла, с отчеканенными на нем надписями. В центре был изображен крупный шарообразный цветок, и такие же цветки, но поменьше, украшали каждый угол. Серебряные листья загибались внутрь и удерживали цветок, который представлял собой рубин величиной с глаз колибри.

— Вы оба хорошо себя зарекомендовали, — сказал Актер-хан, — и я более чем доволен. Конан из Киммерии — приблизься.

Конан шагнул вперед, размышляя о том, что очень умно поступил, отдав амулет Испаране с учтивыми словами, которые предназначались как для нее, так и для сатрапа. Киммериец был безоружен. Без привычной тяжести пояса ему было не по себе; он чувствовал себя словно обнаженным — и как нельзя более уязвимым: преданным на милость женщине, отмеченной из-за него уродливым шрамом; женщины, которая, если бы не он, вернула бы амулет сама — два месяца назад. (Вернула бы? Это было неизвестно. Одну, ее могли бы схватить хорезмийцы, — а без него она все еще была бы невольницей, без сомнения, проданной в Аренджуне или Шадизаре.) Хорошее отношение этой женщины приобрело для него особое значение здесь, в тронном зале чужого города. И он не был в нем уверен. Поравнявшись с ней, он остановился и коротко кивнул головой, что должно было изобразить легкий поклон.

— А какой, — спросил Актер-хан, — была твоя роль в предприятии, занявшем у Испараны так много месяцев?

Конан — который гораздо сильнее чувствовал на себе взгляд бесстрастных глаз человека в шляпе, стоящего рядом с ханом, чем взгляд самого хана, — решил сказать правду.

— Частично это была моя вина, что прошло так много месяцев, Хан Замбулы. Сначала мы встретились как соперники, как враги, хотя теперь она знает, что я был беспомощным слугой Хисарр Зула.

Все четверо замбулийцев выказали удивление таким открытым признанием, которое киммериец, позаботился

смягчить, упомянув о том, что был обращен в рабство Хисарром.

— А Хисарр Зул?

— Тот, кто был изгнан из Замбулы десять лет назад, — ответил Конан, — и кто в пустыне убил своего брата Тосию, который впоследствии в образе Песчаного Чудовища наводил ужас на Драконовы Холмы, тот, кто украл амулет Актер-хана и самую душу Конана из Киммерии... он мертв, господин Хан.

Человек рядом с сатрапом заговорил в первый раз.

— Ты убил его?

— Да, и уничтожил его огнем. Его дом тоже сгорел.

— А его... знания? — напряженно спросил Зафра. — Его свитки, его приборы?

— Все, — Конан пожал плечами. — Все сгорело вместе с ним. Я не притронулся бы ни к чему.

— Превосходно! — воскликнул Актер-хан, и Конан увидел его зубы.

Он заметил, что на лице Зафры появилось выражение разочарования и некоторого отвращения, и понял, что этот человек остался недоволен. И вот тут-то он понял, что Зафра, должно быть, волшебник, несмотря на свой молодой возраст. Да, он был старше Конана, и Испараны тоже. Но Конан прежде считал, что маги, для того чтобы обладать всеми необходимыми познаниями, должны быть стариками. Теперь он осознал, что это было смешно. Человек становится старым, только побыв раньше молодым, и любой мастер может умереть, так, чтобы подмастерье продолжил его дело. Или, как предположил киммериец, человек может так же искусно и ловко обращаться с волшебством, как он сам — с оружием.

Он понял, что находится в присутствии не просто мага, но, возможно, главного мага в этой округе — и что ему лучше относиться к этому человеку с уважением и опаской.

Он был прав; Актер представил Зафру как Волшебника Замбулы, упомянув, что его здесь не было, когда Испарана отправлялась в путь. Испарана склонила голову. Она узнала его медальон и поняла, что человек в фригийском колпаке занимает высокое положение. Столько

перемен за какую-то треть года, прошедшую с тех пор как они с Карамеком уехали из города, где она родилась! Ее собственный медальон беспокойно зашевелился на ее груди при этом легком поклоне. Это было напоминанием: да, действительно, столько перемен! Теперь ей не понадобится возвращаться в Переулок Захватчиков! Он произвел ее на свет и обучил ее; теперь ее карьера воровки и лгуньи, и по временам уличной девки сделала ее богатой. Она взглянула на Конана.

— Хисарр Зул сказал, что этот Глаз — магический, — заговорил он. — Зафра поддерживал с ним магический контакт? Ты знал, что мы приближаемся к Замбуле, волшебник?

Рот Зафры растянулся в улыбке, но заговорил не маг, а Актер-хан.

— Должен ли Волшебник Замбулы сказать тебе, Конан из Киммерии, где побывал Глаз Эрлика?

— Я скажу тебе сам, — ответил Конан, хотя раньше абсолютно точно не собирался этого делать. — Мы с Испараной не намеревались утаивать что-либо от Сатрапа Империи Турана.

— Вы с Испараной были противниками, даже пытались убить друг друга. Однако теперь вы друзья.

— Вместе, — сказал Конан, — мы вернули твой амулет. Мне какое-то время пришлось служить Хисарр Зулу. Он в буквальном смысле слова владел моей душой.

— Значит, он все же добился такой способности! — возбужденно проговорил Зафра, и тут же его лицо стало выглядеть несчастным, когда он понял, что позволил себе проявить свои чувства.

— Да. Конечно же, он хотел завладеть твоей душой, Хан Замбулы. Мне пришлось добыть амулет и вернуть его ему. И я сделал это, загнав несколько лошадей и почти загнав себя, чтобы перехватить Испарану в пустыне. Я вернул амулет Хисарру, который потом попытался предательски убить меня. Я смог убить его, и...

— Было время, — произнес Актер-хан, задумчиво глядя на чужестранца, — когда вы оба повернули и вместе с Глазом направились назад, на север.

Губы Испараны были поджаты, когда она сказала:

— Мы были обращены в рабство хорезмийцами. Нам удалось освободиться.

— Но потом ты снова направилась к Замбуле, а Глаз продолжал двигаться на север, — сатрап кивнул в сторону киммерийца. — Вместе с этим человеком, как я теперь думаю.

— Это правда, — сказал Конан, прежде чем Испарана успела заговорить; он почувствовал себя в высшей степени неуютно, напоминая Испаране об этом эпизоде их прошлого. — Я обманул ее — или, скорее, ее обманул Хисарр Зул, при помощи копии Глаза. «Мне не следовало затрагивать эту тему!»

— Она думала, что у нее настоящий амулет.

— Копия! — рука Актер-хана дернулась вверх и схватилась за талисман.

— Успокойся, господин, — без запинки сказал Зафра. — Ты носишь настоящий и единственный Глаз Эрлика, ибо я проследил его путь сюда.

— А что стало с копией, сделанной Хисарром? — спросил хан лишь с чуть меньшим напряжением.

— Уничтожена, — ответила Испарана. — Хисарр Зул сделал так, что она расплавилась, чтобы удостовериться, что Конан принес ему настоящий амулет. Копия осталась где-то в пустыне. Жаль, потому что Конан сказал мне, что камни и золото были настоящими. Но, конечно, это была просто безделушка, не обладающая никакими свойствами амулета.

Конан глянул на меч на стене и на сидящего писца, который, как он предположил, был телохранителем и у которого под одеждой должно было быть спрятано какое-нибудь оружие. Киммерийцу совсем не нравилась эта тема разговора. Испаране напоминали о ее боли, о ее шраме, а все, что ей было нужно, чтобы выдать Конана целиком и полностью, — это произнести лишь несколько слов.

— Спасибо Хануману, — сказал Актер Испаране, — что в то время ты не носила амулет на себе.

И если бы у Конана был меч, его рука сейчас потянулась бы к рукояти.

— Да, — сказала Испарана, бросив взгляд на киммерийца, — мне повезло.

Успокоенный Конан постарался, чтобы его вздох облегчения не был слишком явным. Была ли ее любовь, ее привязанность к нему истинной? Простила ли она его по-настоящему? Может, она собиралась шантажировать его; может быть, ей нужна была эта власть над ним, возможность предать, хоть и без желания на самом деле принести ему вред. Конан быстро соображал. Поскольку он предположил, что Зафра уже все знал, он подумал, что будет мудро рассказать об этом самому, прежде чем люди на возвышении подумают, что загнали его в ловушку.

— Глаз, в таком состоянии, в котором ты его видел, когда я вошел сюда, побывал также в Шадизаре и Хауране.

— А Конан, — добавила Испарана, — ни разу не попытался убить меня и замолвил слово, чтобы меня освободили из рабства, хотя мог бы оставить меня невольницей хорезмийцев.

«Точно, я это сделал, — подумал Конан. — Какой я герой!»

Актер кивнул, взглянул на своего волшебника и улыбнулся, словно желая сказать: «Ну что ж, мы это знали; он говорит правду!» Затем хан откинулся назад и расслабился. Конан предположил, что испытание было позади, но тем не менее мысленно был настороже.

— Вы будете обедать вместе со мной, — сказал Актер-хан. — Я хочу услышать о ваших приключениях.

— Честь, оказанная нам, просто невероятна, — чуть не задохнувшись, отозвалась Испарана и наклонила голову так низко, что ее подбородок почти коснулся груди.

— Воину из Киммерии оказана великая честь, господин Хан, — сказал Конан. — Однако сын Ахимен-хана будет ждать меня у верблюжьих загонов в Бронзовом Квартале. Есть ли у меня время, чтобы послать ему весточку?

— В этой истории появляется даже Ахимен-хан! — произнес Актер и ошеломленно покачал головой. — А что, если я пошлю ему эту весточку сам? И тот же посыльный устроит вам обоим ночлег в Королевской Таверне Турана. Это, и обед будет лишь первой наградой, которую ты получишь из моих рук, Конан из Киммерии. Как уже знает Зафра, я как нельзя более щедрый правитель — для тех, кто хорошо мне служит. А, воин? Хорошо. Мы

позаботимся о том, чтобы вас искупали и дали вам одежду, после чего, за обедом, вы расскажете мне о тех явно многочисленных и разнообразных приключениях, которые вам пришлось испытать, прежде чем вы вернули мне мой амулет!

Глава 15
КОНАН-ГЕРОЙ

Для тех немногих тканей, к которым привык Конан, «белое» обычно означало диапазон от определенного сорта бежевого, приближающегося по оттенку к пергаменту из кожи ягнят, до чуть желтоватого кремового. Конан видел белый цвет, который был по-настоящему белым: цвет молока. Он никогда не испытывал желания потратить на такую белую ткань деньги, даже в тех немногих случаях, когда мог себе это позволить. И шелк он раньше тоже не носил — так же как и подарок правящего монарха.

Поэтому одеяние из кхитайского шелка, предоставленное теперь Ханом, было для киммерийца втройне в новинку. Он чувствовал, что выглядит как нельзя более благородно, почти царственно, в мерцающей белой, окаймленной красным, тунике, закрывающей ему руки до локтя и спадающей ниже середины бедра. По душе ему был и широкий, замечательно легкий пояс из красного фетра. Хотя он восхищался короткими башмаками из того же красного фетра, которые носили Актер-хан, Зафра и Хафар, и хотя он считал, что пара таких башмаков отлично подойдет к поясу, ему принесли сандалии.

И все же он оставался Конаном; он вышел, чтобы лично посмотреть, как ухаживают за его лошадью в дворцовых конюшнях, и чтобы положить свою кольчугу и остальную одежду вместе с седлом. Шагающий по Барханам трижды не отозвался на это гордое новое имя и повернул голову и взглянул на своего хозяина только тогда, когда Конан в отчаянии назвал его «Гнедыш». «Вот и давай после этого глупым животным благородные имена», — подумал киммериец.

Он вернулся во дворец через заднюю дверь, у которой его остановил стражник. Конан прошел внутрь с минимальным рявканьем и без всяких угроз.

На Испаране тоже был белый шелк. Платье без рукавов было длинным и облегающим, и Конан мгновенно заинтересовался и возбудился. Но с этим ничего нельзя было поделать: они встретились, когда их вели на обед к сатрапу.

На обеде присутствовали лишь те же пятеро: хан и его маг, предполагаемый писец с запястьями и плечами борца, Испарана и Конан. Им прислуживали мальчики, в чьих жилах текло некоторое количество стигийской крови. Трапеза была превосходной, хоть и слишком изысканной и обильно сдобренной пряностями. Им подали большое количество мяса, и Конану пришлись по душе свежие фрукты. Понравилось ему и вино Актер-хана.

«Писец» Уруй не произнес ни слова, чем натолкнул Конана на мысль, что этот рослый парень мог быть глухонемым, — или у него мог быть вырван язык. Зафра говорил мало, а больше сидел, задумчиво прислушиваясь к разговорам с проницательным видом, который усиливал беспокойство Конана в такой же степени, что и льстивый змеиный взгляд мага. Актер-Хан задавал много вопросов и налегал на абрикосовое вино. Конан и Испарана вели большую часть разговоров.

То значительное количество вина, которое Конан опрокинул себе в глотку, совсем затуманило ему голову к тому времени, как они закончили трапезу и Актер подал знак, что больше не хочет слушать. И он, и Конан нетвердо стояли на ногах, и языки у обоих сильно заплетались. Сатрап, находящийся под сильным впечатлением от услышанного, подарил киммерийцу прекрасный золотой кубок и десять монет — туранских «орлов», более ценящихся и, таким образом, более внушительных, чем замбулийские деньги, — поклялся, что такого героя ждет еще большая награда.

Несмотря на то что хан подарил молодому северянину еще и роскошный широкий плащ, сшитый из многих ярдов алой материи, Конан провел ночь во дворе. Он был не в том состоянии, чтобы пересечь город пешком или верхом.

При пробуждении его встретили головная боль и мрачная, злая Испарана, и он дал обет оставить вино в покое на всю жизнь. Тем не менее он не переставал радоваться своей удаче и гордиться собой. Облаченный в одежды, подаренные ему монархом, он пообедал и напился вместе с монархом, — и на этот раз не с мелким князьком из пустыни. И он не видел ничего, что противоречило бы его впечатлению об Актер-хане как о хорошем парне.

Актер-хан был занят: правитель должен править, и принимать решения, и выслушивать многих людей, которых он предпочел бы даже не видеть. Конан и Испарана, жуя по дороге инжир и абрикосы, покинули дворец в сопровождении префекта Иабиза. Он выбрал маршрут для путешественников, показал им Замбулу и в конце концов привел их к прекрасно большой таверне, на вывеске которой был изображен золотой грифон на алом фоне: Королевская Таверна Турана. Там их не просто встретили; их прибытия с нетерпением ожидали с прошлого вечера. Хозяин таверны не знал, по какой причине их комнаты были заказаны от имени самого Хана, и поэтому был как нельзя более услужлив. Его заботливость поистине граничила с раболепием. Конан, находящийся в более чем оживленном расположении духа, не мог не напыжиться. Несмотря на то что он провел немало времени в тавернах, его никогда так не обхаживали, и он никогда не останавливался в таком роскошном месте и не был предметом такого внимания со стороны остальных постояльцев. Не пришлось ему беспокоиться и о размерах счета за выпивку или о количестве кружек пива, которое он мог себе позволить.

Их комната была поистине лучшей в этой лучшей из таверн Замбулы. Возбужденные, опьяненные Конан и Испарана, обращаясь друг к другу «мой господин» и «моя госпожа», удалились в эту просторную комнату, чтобы сменить одежду, и задержались там.

Внизу Иабиз много минут ждал, пока они соизволят спуститься, и когда они наконец появились, сияя, не сказал им ни слова.

Ликующая парочка направилась в Бронзовый Квартал, который, хоть и был убогим, вряд ли мог сравниться со

Свалкой или Пустыней. Они почувствовали запах верблюжьих загонов задолго до того, как их увидели, и услышали трубные голоса животных прежде, чем достигли места, где они были размещены. Здесь Конан узнал, что один из его золотых «орлов» может быть достаточной платой за всех и к тому же завоевать ему уважительное обращение.

— А каким Конану показался Актер-хан? — спросил Хаджимен.

— Он в гораздо лучшем настроении теперь, чем когда мы прибыли, клянусь Кромом! И к тому же он щедр. Достаточно приятный человек, если оказать ему услугу.

Испарана бросила взгляд на жизнерадостного Конана, а Хаджимен спросил:

— Он говорил о моей сестре?

— Ну... нет, Хаджимен, — ответил Конан более сдержанным тоном.

— А он носит по ней траур?

— Да, — сказала Испарана, и Конан, взглянув на нее, почувствовал, как ее пальцы толкают его в спину под прикрытием его роскошного алого плаща. — Ты же видел у него черную повязку, Конан.

— А, да, — отозвался киммериец, до которого дошло, что она оказывает Хаджимену услугу. — Я столько всего видел, что чуть не забыл об этом.

— Это хорошо, что Хан замбулийцев носит траур по дочери шанки, — кивая головой, сказал сын хана Хаджимен, однако он не улыбнулся.

Конан тронул желтый рукав воина пустыни.

— Он кажется совсем не плохим человеком, друг и сын друга, — сказал он с шанкийской церемонностью. И подумал: «Для правителя это странно! Хотя я бы не стал ручаться за мягкий нрав его волшебника!»

— Пост капитана в твоей страже! — эхом отозвался Зафра, и Актер-хан бросил на него резкий взгляд. — Прошу прощения, мой господин, — более спокойным голосом продолжал волшебник, — но потрясение преодолело мою

сдержанность, когда ты заговорил о том, чтобы взять на службу такого человека, как этот Конан, и поместить его в самом дворце, так близко к твоей особе.

Актер-хан откинулся назад и устремил на мага колючий, внимательный взгляд.

— Ты хорошо мне служишь, Зафра. Я доверяю тебе, я прислушиваюсь к тебе. Говори. Скажи же мне, какое впечатление он произвел на тебя.

— Он молод, и тщеславен, и жаждет... — Зафра оборвал свою речь. — Господин Хан, он вернул Глаз Эрлика и, совершенно очевидно, является непревзойденным воином. Крайне находчивый молодой человек, и более чем опасный в обращении с оружием. Крайне находчивый. Крайне опасный. Также совершенно очевидно, что у тебя сложилось о нем высокое мнение. Лучше я не буду говорить на эту тему.

— Зукли! Принеси нам вина! — крикнул хан, не отрывая от Зафры довольно встревоженного взгляда. — Говори, Зафра. Мои уши и мой интерес обращены к тебе. Говори, Волшебник Замбулы, которому хан верит. Он находчив, ты говоришь, и молод, и тщеславен. Все это очевидно для каждого, у кого есть глаза, и ни одно из этих качеств не является пороком. И ты собирался добавить еще что-то и оборвал себя на полуслове. Скажи это. Говори. Тебе кажется, что мне не следует доверять этому юноше-северянину, Зафра?

Зафра раздавил маленькую фруктовую мушку на своем отделанном тесьмой зеленом рукаве.

— Он нецивилизован, Актер-хан. Варвар из каких-то далеких северных земель, о которых мы ничего не знаем. Кто может сказать, какие у них варварские обычаи или кодексы? Некоторое презрение к знати, я думаю, и даже к особам королевской крови. Он ушел из своего племени. Он ушел на поиски чего-то другого; этот юноша — ловец удачи. Он необуздан, господин Хан, и, по моему мнению, неуправляем. Я бы не стал доверять подобному человеку пост поблизости от своей персоны, независимо от его возраста. Он... не знает покоя. Что может заставить подобного типа успокоиться, расслабиться, прекратить желать большего?

— Хм-м, — сатрап взял вино, принесенное кушитским мальчиком-слугой, и сделал тому знак удалиться. — Я слышу, и я понимаю. А Испарана?

— Воровка из Переулка Захватчиков! Теперь она получила полное прощение, и более того — она была возвышена, обедала с самим Актер-ханом! Воровка, женщина, которая крала и продавала свой товар и, без сомнения, самое себя на этих вот улицах! И... тьфу! Она любит этого заносчивого киммерийца.

— Да, по-моему, я это заметил...

— Они уже сослужили свою службу. Подумай сам: у человека есть прекрасно обученная птица. Он использует ее в течение многих лет, и она охотится для него, как никакая другая. Однако в один прекрасный день она прилетает с охоты и выклевывает ему глаз. Не лучше ли ему было бы сразу заметить признаки ее недовольства, решить, что теперь хороший слуга стал опасен, и удалить его? Лучше, чтобы у Конана и Испараны не было возможности болтать про Глаз или... оказать тебе дурную услугу, господин Хан.

Актер-хан, мигая, осушил свой серебряный кубок и налил себе вина. Зафра не прикоснулся к своему вину. Он наклонился ближе и заговорил тихим, настойчивым голосом:

— Подумай. Подумай об этом человеке и его породе. В Аренджуне он сражался с людьми из городской стражи, ранил и убивал — и ускользнул от них. Он не был наказан за это, и таким образом его самонадеянность и неуважение к властям усилились. Он не раз оставлял Испарану с носом — а она любит его! Какие уроки он извлек из этого? У нас есть только слово этого варвара. Откуда мы можем знать, что великий маг не выполнил условий сделки, обещанной им варвару, который вернул ему Глаз? В Шадизаре он каким-то образом вступил в союз с аристократкой из Хаурана. Там же он убил дворянина из Кота — дворянина, и в присутствии самой королевы! Теперь она тоже мертва. А Конан? Оказавшись снова в Шадизаре, он опять завязал стычку со стражей, и опять остался в живых, — не получив ни раны, ни царапины, ни наказания.

Актер-хан потряс головой и рыгнул.

— Настоящий мужчина. Да, и опасный.

В комнате зажужжала муха. Хан сердито нахмурился; Зафра, казалось, ничего не заметил. Все его внимание было сосредоточено на хане и на его словах; голос мага по-прежнему был тихим и напряженным.

— Неукрощенный, о Хан! Скажи еще, что он и иранистанец, с которым он путешествовал на юг, намеревались привезти Глаз тебе! Иранистанец был убит. Конан оказался в компании Испараны из Замбулы. Без сомнения, он получил бы награду, если бы передал твой амулет в руки Иранистана. Но теперь человек, связывавший его с Иранистаном, оказался мертв, а замбулийка была под рукой, и, без сомнения, после того, как он передал бы Глаз законному владельцу, его ожидала бы награда... Понимаешь?

Актер кивал, потягивая вино. Его глаза были прищурены. По краю его кубка проползла муха, он даже не заметил этого.

— Итак... Конан героически вернул амулет тебе. И теперь его приветствуют, награждают, чествуют как героя! Авантюриста, необузданного и беспринципного. Он понял, что может поступать как ему заблагорассудится, этот Конан! Кого он уважает? Что он уважает, этот человек, убивший вооруженных городских стражников, и мага, и высокородного дворянина? Какие уроки извлек он из всего этого? Почему он должен уважать вообще кого-то или что-то, кроме самого себя? Что еще показал ему его жизненный опыт? Дай ему власть, и он захочет еще большей власти. Дай ему ответственность, и он возьмет на себя еще больше, чем ты ему дал. Вскоре он начнет мечтать о полной власти. Он многое знает о тебе, господин Хан! Без сомнения, Балад захочет связаться с ним! Я думаю, что такой беспринципный, необузданный варвар прислушается к человеку, который пытается лишить тебя трона, и заключит с ним сделку!

Актер-хан налил себе еще вина. Он не видел, как взгляд Зафры оторвался от его лица, однако рука мага одним непрерывным движением выстрелила вперед, смахнула со стола муху и раздавила ее о штанину.

— Мне кажется, Зафра, — задумчиво сказал Актер, — что ты оказал мне еще одну услугу. Мне кажется, ты помешал мне совершить ошибку, вызванную слепотой моей благодарности и моего слишком доброго сердца, — Актер-хан какое-то мгновение раздумывал об этом — о чистоте и опасной чрезмерной доброте своего сердца. — Да, и я слишком возвысил Испарану. Однако девчонка неплохо слажена, не так ли?

К радости Зафры, от двери послышался чей-то третий голос:

— О хан, визирь ждет с...

Актер-хан обратил гневный взгляд на своего адъютанта:

— Вон! Он может подождать! Я занят!

Когда перепуганный бедолага адъютант скрылся за дверью, Актер снова осушил кубок и взглянул на своего волшебника.

— Да. Лучше пусть его не знающая препятствий карьера будет обуздана здесь, в Замбуле, чем еще другие городские стражники, может быть даже мои собственные Шипы, и другие дворяне падут жертвами его несдержанности и его не вызывающей сомнений доблести. Да. Хм-м... Зафра... и не... с о г л а с и л с я бы ты принять Испарану в дар от своего хана?

Ибо Актер-хан заметил, как Зафра смотрел на нее, а хан не был еще полным болваном.

Зафра шевельнул рукой...

— Конечно, согласишься. Хафар! Хафар!!! Ко мне!

Через несколько мгновений визирь открыл дверь, и его важное лицо вопросительно уставилось на повелителя.

— Схватить Конана и Испарану. Передай это капитану, и еще скажи, что он должен выполнять приказы моего превосходного слуги и советника, Зафры.

Лицо Хафара не выразило никаких эмоций, ибо подобная способность и делала человека хорошим визирем у такого хана и еще позволяла ему остаться в живых, а Хафар этой способностью и обладал.

— Мой господин, — отозвался он, и этого было достаточно.

— Потом избавься от всех остальных проклятых льстивых просителей, и жалобщиков, и лизоблюдов, Хафар, и

принеси мне те глупые документы, которые я должен подписать и скрепить печатью.

— Мой господин.

Зафра и Хафар вышли из зала бок о бок, но не вместе. Актер-хан, с умным видом кивая головой и поздравляя себя с тем, что проницательность и здравомыслие позволили ему приблизить к себе такого человека, как Зафра, протянул руку за вином.

Глава 16
КОНАН-БЕГЛЕЦ

Остальные завсегдатаи Королевской Таверны Турана были хорошо воспитанными и денежными людьми или умело притворялись таковыми. Однако они приостанавливались, чтобы поглазеть на человека, вошедшего в таверну и целеустремленно пробиравшегося между столами. Белая каффия полностью покрывала его голову, оставляя на виду лишь молодое, бородатое, покрытое темным пустынным загаром лицо. Его широкие шаровары вздувались над сапогами, в которые они были заправлены. Шаровары были малиновыми, рубашка с длинными рукавами — желтой, а на груди был приколот кусок черной материи в форме звезды.

Он подошел прямо к столу личного гостя Хана, и большинство присутствующих наблюдало за их встречей.

— Хаджимен! — приветствовал его Конан. — А я думал, что мой друг вернулся в дом шанки.

Хаджимен, лицо которого было обеспокоенным или же по-настоящему серьезным, покачал головой:

— Я остался.

Он взглянул на Испарану, сидящую напротив киммерийца за маленьким треугольным столом. Ее одежды мало что скрывали, и Хаджимен торопливо отвел глаза.

Конан подал знак хозяину.

— Мой друг Хаджимен из племени шанки присоединится к нам. Давай, — сказал он сыну хана шанки, — садись с нами.

Хаджимен сел. Вокруг них начали подниматься кружки и возобновились разговоры. Многим хотелось бы познакомиться с этим грубоватым человеком, оказавшим какую-то очень ценную услугу их хану, но кодекс поведения клиентов, посещавших столы Королевского Турана, не позволял заговаривать с ним.

— Сын хана шанки выглядит обеспокоенным, — сказал Конан.

Хаджимен взглянул на него глазами, в которых, казалось, горе соперничало с ужасом или, возможно, яростью.

— Я расскажу моему другу Конану и его женщине. Некоторые говорят, что моя сестра вовсе не умерла от лихорадки, а была... убита. Некоторые говорят, что она вовсе не ждала ребенка, как сообщил нам хан замбулийцев, но на самом деле была девственной и отвергла его объятия.

Конан сидел в молчании, пока перед Хаджименом ставили кубок и новую большую кружку с пивом. Потом виночерпий отошел. Конан мог посочувствовать переживаниям шанки, но с трудом находил подходящие слова. И еще он взвешивал вероятность рассказанного: дочь пустыни, отданная своим отцом в дар великому сатрапу Империи Турана, — и чтобы она отвергла сатрапа? Конан видел со стороны шанкийских женщин только покорность — и еще он припомнил непристойное украшение, которое носила другая сестра Хаджимена.

— В городе, где живут такие люди, как эти, — осторожно сказал он, — на каждое событие ты услышишь три разных слуха.

Хаджимен налил себе пива, сделал огромный глоток, налил снова.

— Я знаю. Я не сказал, что верю тому, что услышал. Я рассказал моему другу из племени киммерийцев только потому, что Теба говорит: обеспокоенный человек — одинокий человек, и еще говорит, что никому не следует быть в одиночестве.

Испарана спросила:

— Но из-за чего дочь Ахимен-хана из племени шанки могла быть убита здесь, в Замбуле?

Хаджимен заглянул в свой кубок, покрытый красной глазурью, и обратился к его содержимому.

— В этом нет для нас чести. Потому что она была девственницей и опозорила себя и свой народ, предпочтя остаться таковой.

— А-а, — Конан понял дополнительную причину душевных терзаний Хаджимена. Если то, что он услышал, было правдой, то девушка опозорила себя и своего отца — и, конечно же, своего брата и вообще весь свой народ. Так будут думать шанки, ибо они были маленьким, древним, связанным обычаями племенем. Так что было бы лучше, если бы эта история никогда не вышла на свет; это осрамило бы ее отца и его народ. Неважно, что другие не увидели бы здесь причин для позора; шанки жили для шанки, а не для всех остальных. Из того, что Конан видел, он понял, что быть шанки очень нелегко. С другой стороны, она была подарком хану от хана. Если бы этот хан был опозорен, а она убита... можно ли было одобрить такое? Без сомнения, на Актер-хане лежал более тяжкий грех. Однако, насколько Конан понимал, это могло быть иначе для Хаджимена... и, возможно, наказанием за такое поведение — девушка-подарок, отказывающая выбранному для нее мужчине, — была смерть. Конечно же, не замбулийскому владыке было приводить приговор в исполнение. И все же...

Да, Конан мог посочувствовать переживаниям Хаджимена и стоящей перед ним дилемме, хоть и не мог полностью их понять.

С большой осторожностью он сказал:

— Эта история — этот слух... Он говорит, что она оттолкнула Актер-хана, и он убил ее в порыве раздражения?

— Говорят, что она не была убита так, под горячую руку. Она сделала то, что ты сказал, да, — но была убита позже, хладнокровно.

Хладно... О! Да, Конан знал, что для этих людей это означало «бесстрастно». Он прикоснулся к скованному обычаями молодому жителю пустыни — мимолетно, ибо не был уверен в том, что следует и чего не следует делать по понятиям шанки. Ему вовсе не хотелось оскорбить одного из тех, о ком у него было такое высокое мнение. По мнению киммерийца, это были хорошие, и благородные, и трогательные люди.

— Итак, сын хана шанки не вернулся к шатрам своего племени, — сказал он, испытывая раздражение от необходимости излагать свои мысли таким уклончивым образом. — Что он намеревается делать?

— Оставаться среди замбулийцев, — сказал Хаджимен, едва разжимая губы, и уставился на стол. — И попытаться узнать все, что можно узнать.

— Искать правду.

— Да.

— И если этот мерзкий слух — правда, то перед моим другом по-прежнему будет стоять вопрос выбора, и ему по-прежнему нужно будет принять решение.

— Да, — ответил Хаджимен, не поднимая глаз.

— Хаджимен!

Шанки тупо посмотрел на Конана и моргнул.

— Да, я обращаюсь к тебе прямо и называю тебя по имени. Хотя я и уважаю обычаи шанки, сейчас мы не среди твоего племени. И его обычаи — это не обычаи моего народа. Мы называем наших друзей по имени. Хаджимен — я Конан. И у тебя есть друзья в Замбуле.

Немного помолчав, Хаджимен сказал:

— Хан замбулийцев благоволит к Конану.

— Да.

— Пока, — вставила Испарана, которая лучше Конана знала своего правителя.

Хаджимен еще какое-то время смотрел на Конана, потом коротко кивнул, осушил свою кружку и начал подниматься на ноги.

— Я буду оскорблен, если не поставлю тебе выпить, пока ты находишься в моем временном доме, — остановил его Конан, намеренно дважды используя прямое обращение.

Хаджимен снова обратил на него свой очень серьезный взгляд. Через какое-то время он заговорил:

— Это пиво Актер-хана?

— Да.

Хаджимен кивнул, бросил на стол монету и вышел.

— Гордый человек, — сказал Конан. — И он так и не обратился ко мне прямо.

— Я думаю, ты не оскорбил его, — отозвалась Испарана.

— Надеюсь, нет. Меня раздражают их речевые условности. Я не рожден для церемоний, Спарана. И все же мне не хотелось бы обидеть его или вообще кого-нибудь из шанки. Как ты думаешь, в эту историю о его сестре можно верить?

— Да. Ты не знаешь Актер-хана, Конан. Ты видел только благодарного монарха.

Конан пожал плечами.

— Я знал многих правителей. Я бы не стал протягивать голую руку, если бы кто-нибудь из них держал меч! Но труднее поверить во вторую часть этой истории, Спарана: что дочь Ахимен-хана отвергла Актера — или любого другого мужчину, которому ее подарили.

— Некоторым из нас, — ответила Испарана, — не нравится, когда нас дарят, кому угодно и кто угодно!

— Испарана, ты настоящая женщина. И ты не такая, ты не воспитывалась среди шанки, и к тому же их ханом.

— Да, это правда. Слава богам. Однако я понимаю, что ты хочешь сказать. Предположим, что в душе она всегда была бунтаркой — подобно мне — и никогда не осмеливалась проявить это или предпринять что-либо, пока она жила среди шатров шанки. Здесь... может быть, она решила попытаться.

— Думаю, это возможно, — сказал Конан. Его глаза были устремлены на человека, входящего в таверну, но не видели его. — По-моему, лучше не говорить ничего об этом. Но я попытаюсь как-нибудь узнать.

— А ты уверен, что хочешь знать?

— Знания не повредят мне, Испарана. Если этот слух — правда, то не мне, а Хаджимену следовало бы уехать домой прежде, чем он все узнает!

Она улыбнулась и коснулась его руки, распознав некоторое сочувствие в этом столь суровом юноше; потом она подняла глаза и полуобернулась, следуя за его взглядом. Киммериец усвоил урок и дал себе обет, правда, неформальный, — он никогда теперь не садился в таверне спиной к двери.

Таким образом, он наблюдал за приближением человека очень обыкновенной внешности, с отвислыми щеками,

в длинном, плотно запахнутом плаще из обыкновенной домотканой серовато-коричневой ткани.

— Прошу прощения. Один человек там, за дверьми, хочет поговорить с киммерийцем Конаном.

Конан остался сидеть с бесстрастным лицом, по-прежнему сжимая в руке кубок великолепной работы и в то же время изучая этого человека, который подошел к нему так спокойно. Испарана тоже разглядывала этого неприметного человечка. Вокруг них остальные постояльцы были по-прежнему верны своему рождению, или деньгам, или претензиям: они ни на что не обращали внимания.

— Ты знаешь меня, — сказал Конан. — Пусть он войдет и выпьет со мной.

— Занятой вечер, — мрачно сказала Испарана и заглянула в глубокий вырез своего темно-красного шелкового лифа, отчего на ее подбородке образовались складки. На ней был медальон, подаренный Актер-ханом; своим нижним изгибом он чуть задевал верхний изгиб ее груди. «Этот вечер должен был быть только нашим», — подумала она, но не произнесла этого вслух.

— Он поговорит с тобой за стенами этой таверны, — сказал незнакомец Конану.

— Он не хочет показываться на людях?

— Возможно. Возможно, ты не хочешь, чтобы тебя видели вместе с ним.

Конан улыбнулся.

— Хорошо сказано. Но тогда почему я вообще должен хотеть говорить с ним?

— Не делай этого, Конан!

— Разговоры никому не вредят, — сказал человек в плаще, но Конан, которому пришел на ум Хаджимен, знал, что это не так. И все же...

Он внимательно изучал незнакомца. Тот не казался особенно опасным. Он вообще не казался опасным. Он не выглядел как человек действия или силач. «Интересно, — подумал киммериец, — кто же хочет поговорить со мной по секрету?» И большая шишка его киммерийского любопытства сказала: «Почему бы и нет?»

Он откинулся назад от стола.

— Распахни плащ.

Незнакомец бросил на него короткий вопросительный взгляд и подчинился. Под длинным серо-коричневым плащом на нем была туника с бахромой, едва доходящая до колен. Его пояс был нешироким, и на нем не висели ножны меча. Конан слегка расслабился, но не полностью.

— Я хочу, чтобы ты вытащил свой кинжал левой рукой и оставил его здесь, у моей спутницы.

Подумав какое-то время, незнакомец кивнул.

— Мы не собираемся убивать тебя, Конан из Киммерии. Мы вообще не желаем тебе зла.

Он положил на стол кинжал, который был таким же незамысловатым и утилитарным, как и плащ: это было просто приспособление для еды.

Испарана спросила:

— Кто это — «мы»?

— Я и тот, кто хочет поговорить — только поговорить — с твоим спутником, Испарана.

— Его зовут Балад?

— Нет.

— Конан, не ходи.

— Ты знаешь нас обоих, — заметил Конан посыльному, потом, обращаясь к Испаране, сказал: — У меня с собой меч и кинжал, а этот человек безоружен. Я пойду на встречу с его хозяином.

Он взглянул на незнакомца, чтобы проверить, как тот отреагирует на это последнее слово. Он не увидел никакой реакции.

— Я бы не пошла, — сказала Испарана, не скрывая своего беспокойства.

Конан поднялся на ноги.

— Никуда не убегай, Спарана — и не слишком много пей без меня! Я вернусь, чтобы осмотреть твой медальон — с очень близкого расстояния.

Он подошел к виночерпию и выпросил у него абрикос. Потом он вернулся к посыльному, который вместе со всей своей массой каштановых волос был на целый фут ниже киммерийца.

— Я иду за тобой.

Конан был важной персоной. Остальные постояльцы таверны украдкой наблюдали за тем, как он, жуя абрикос,

исчезает за дверью вслед за худощавым человеком в длинном темном плаще.

— Ты знаешь, — сказал, оказавшись на улице, фруктоядный Конан, словно продолжая разговор, — мне нравится носить меч. Так приятно чувствовать его у своего бедра.

— Я слышу тебя и понимаю. Тебе нечего бояться.

— О, я знаю это.

— Я хотел сказать...

Незнакомец не стал утверждать очевидное и замолчал. Они поняли друг друга. Конан, возможно, по-глупому согласившись следовать за неизвестным в неизвестное — и в темноту замбулийских улиц в центре города — напомнил своему проводнику, что вооружен, и так же тонко дал ему понять, что ничего не боится. Они пересекли улицу. На другой стороне свет был скудным, а тени — более глубокими. Конан дошел вслед за своим проводником до перекрестка и сделал резкое движение вперед.

— Ты чувствуешь это?

Идущий чуть впереди проводник отозвался:

— Да. Это твой кинжал?

— Нет, твой. Чуть выше твоей поясницы. Если я надавлю, ты умрешь или будешь парализован. Что будет хуже?

— Это, без сомнения, мудрая предосторожность осмотрительного человека, но в ней нет нужды. Тайна не всегда означает опасность.

— А вынутый из ножен кинжал не всегда идет в дело, — хотя такой поговорки в Киммерии нет. Ты можешь понять, что у меня нет причин доверять тебе.

— Да.

Они повернули за угол, и Конан щелчком отбросил в сторону абрикосовую косточку. Его провели в дверь. Короткая передняя заканчивалась целым рядом дверей и лестниц; проводник повел его наверх — в темноте. Конан незаметно вытер измазанную абрикосовым соком руку о плащ своего спутника. Они дошли до площадки и проводник трижды постучал в дверь, одновременно просвистев три ноты. Дверь открылась изнутри, и Конан сузил глаза, защищаясь от яркого света. В комнате были две

лампы, стол и три стула, вытертый овальный ковер работы жителей пустыни, кувшин и две глиняные кружки и всего один человек. Его одежда была такой же тусклой, как и у его посыльного, — красновато-желтого цвета. Проводник вошел. Конан последовал за ним. Ожидавший их человек закрыл дверь.

Конан услышал снаружи какой-то шорох и встретился глазами с хозяином комнаты.

— Дозорный, — сказал тот; он был похож на торговца, и ему было уже за сорок.

Конан кивнул.

— Я вооружен.

— Если только ты не собираешься совершить убийство, Конан из Киммерии, это не имеет значения.

Конан продолжал разглядывать своего собеседника. Его волосы отступали назад, обнажая высокий, блестящий, шишковатый лоб. Седина светилась в его бороде, словно иней. Его длинная туника — или короткая мантия — красновато-желтого цвета была окаймлена зеленой вышивкой, а окруженные множеством морщинок глаза казались прищуренными из-за набухших под ними сероватых мешков. Его нос был большим, но не крючковатым.

— Я должен доверять тебе, Конан из Киммерии. Надеюсь, что могу.

— Я слышу глупые слова, — сказал Конан, отступая от своего проводника, чтобы продемонстрировать длинный клинок, торчащий из его большого кулака. Справа от себя он заметил узкое окно; в комнате не было других окон или дверей, кроме той, через которую они вошли.

— Ты доверяешь? Это я действую доверчиво. Я пришел, не зная, как зовут вас обоих.

Его собеседник улыбнулся.

— Хочешь вина?

— Нет. Я покинул уютную таверну и хорошее общество. Я собираюсь скоро вернуться, чтобы выпить со своей спутницей.

Двое замбулийцев обменялись взглядами.

— Ты откровенен.

— А ты нет. Я здесь. Говори.

— Тебе знакомо имя Балад, Конан?

— Твой проводник утверждал, что он ведет меня не к Баладу.

— Значит, ты о нем слышал.

— Ему бы хотелось быть ханом над Замбулой.

— Ты все так же откровенен.

— Ты все так же говоришь ненужные вещи.

— Мы не враги, Конан. У тебя нет причин для недружелюбия. Это все, что ты знаешь о Баладе?

— По всей видимости, я здесь, чтобы узнать больше. Говори.

— Ты будешь слушать речи о Баладе, о друг Актер-хана?

Конан пожал плечами.

— Осыпанный его милостями, а не друг. Актер-хан обязан мне. Я ничем не обязан ему. И вообще, его проклятый амулет дорого мне обошелся. Если я тебя выслушаю, это почти ничего не будет мне стоить и ничего не будет значить.

Это было правдой — и к тому же, как он подумал, хорошо звучало. Очень хорошо. К нему обратились заговорщики! Да, он выслушает то, что они собираются сказать. Неужели они осмелятся вести переговоры с человеком, осыпанным столькими милостями Актера? В таком случае они либо чрезвычайно глупы, либо поистине отважны, и Конану хотелось бы знать, какое из этих двух предположений было верным. Он молча ждал с ничего не выражающим лицом.

— Балад считает, что Актер-хан — не лучший правитель для Замбулы и, без сомнения, не лучший для ее народа.

Говорящий сделал паузу, чтобы проверить, какое впечатление произведут на Конана его слова; по лицу Конана ничего не было видно. Двое заговорщиков обменялись взглядами.

— Тебе лучше вернуться в таверну.

Проводник Конана оставил их наедине.

— Меня зовут Джелаль, Конан. Тот, кто привел тебя сюда, не знает этого.

Конан знал, что Джелаль думал произвести на него впечатление тем, что назвал свое имя. Однако киммериец

цинично предположил, что этого типа могли звать вовсе не Джелалем. Кроме того, Конан ему не верил. Проводник, без сомнения, знал какое-то имя, с которым обращался к своему старшему в организации Балада, и зачем бы этому старшему называть Конану какое-то другое имя? Киммериец продолжал хранить молчание. Его лицо оставалось неподвижным.

— Актер-хан боится собственной тени, — сказал Джелаль. — Он превращается в тупого пьяницу и не делает ничего, что должен делать правитель, его визирь — хороший и мудрый человек, но его вытеснил этот молодой маг, Зафра. Ты знаешь, что он убил мага, у которого был подмастерьем?

«Нет, — подумал Конан, — и я не знал, что есть что-то плохое в том, чтобы быть молодым».

— В темницах замбулийского дворца, — продолжал Джелаль, — люди умирают бесцельно, беспричинно.

В глазах говорящего отразилось изумление, когда Конан, внезапно оживившись, задал вопрос:

— Каким образом погибла шанкийская девушка?

— Ты многое знаешь, — сказал Джелаль и, когда Конан никак не отозвался, продолжил: — Она была убита. Она жестоко уязвила гордость Актер-хана: какая женщина не пожелает взойти на ложе с человеком, облеченным властью? И, однако, он убил ее не в порыве ярости. В один из дней в темнице были убиты два шпиона из Иранистана; убиты Зафрой и Актер-ханом, которые оставались там наедине, после того как Зафра совершил некие... странные обряды над мечом. За девушкой-шанки послали, и она была приведена к ним. Не под арестом, разумеется, просто приведена к своему господину, который находился в темнице, и оставлена там. При этом были только она, Актер и Зафра. Вскоре Актер вышел — один. Зафра и девушка остались. Больше ее не видели. Никто не видел ее трупа. То, что я тебе сейчас рассказал, — это факт, Конан. В том, что я скажу дальше, мы не можем быть уверены: некоторые считают, что она была зверски убита и что это именно ее тело вызвало такой переполох в Переулке Захватчиков, где его обнаружили. Расчлененное тело молодой женщины или девушки, аккуратно упакованное

в несколько свертков, — это настолько ужасающая находка, что она была чрезвычайной даже в такой дыре, как Переулок Захватчиков, — который, кстати, Балад собирается вычистить.

Конан пропустил мимо ушей последнюю фразу.

— Ты сказал, что ее убийство — это факт.

— Да.

— Откуда ты это знаешь?

— Я не могу сказать тебе, Конан. То есть я не скажу тебе.

— У тебя есть шпион во дворце?

— У Балада, конечно же, есть. Очень и очень многие считают, что Актер-хан не годится в правители, Конан, — и видят в Зафре страшную опасность для всех нас.

— Но тогда почему Балад? Устраивайте заговоры, ибо это происходит везде, и нет правителя, который не убивал бы и у которого не было бы темниц. Убейте Актера и посадите на трон его сына Джунгира. Дайте ему надежных советников — возможно, даже Балада.

— Джунгир — всего лишь мальчик, Конан, но он будет знать, что случилось с его отцом, и в конце концов, достигнув зрелости и укрепив свою власть, он будет искать мести. Балад — сильный человек, отпрыск старой и благородной семьи — и либерал. К тому же он осознает судьбу Замбулы. Мы не можем оставаться просто так, задыхаясь и загнивая под властью «правителя», который не делает ничего, кроме как напивается каждый вечер до потери сознания.

Через некоторое время киммериец понял, что на этот раз Джелаль не собирается продолжать, пока он, Конан, не заговорит. Он заговорил.

— Я слышал твои слова, Джелаль. Они были интересными. Я сомневаюсь, чтобы в них было что-то новое: всегда существовали плохие правители и те, кто устраивает против них заговоры. Даже при хороших правителях — я слышал, такие бывают, — существуют люди, которые устраивают против них заговоры. Я не расскажу об этой встрече Актер-хану или кому бы то ни было еще. Помни, что я не замбулиец и не собираюсь оставаться здесь. Дела Замбулы меня мало касаются.

— Ты мог бы нам пригодиться, Конан.

— Без сомнения. Как я мог бы пригодиться и Актер-хану. Испарана и его капитан Иабиз думают, что он вполне может предложить мне какую-нибудь должность, соответствующую моим занятиям, — должность воина.

— Тех, кто служит Актер-хану, редко уважают и никогда не любят, Конан. Ты — человек отважный и молодой, у тебя нет состояния. Если бы Балад стал правителем Замбулы, ты, несомненно, получил бы командование.

— В моем возрасте?

Джелаль вздернул подбородок.

— А сколько тебе лет?

— Неважно. Это интересно, Джелаль. Однако пока что получил свою награду и пользуюсь благосклонностью Актер-хана. В Киммерии люди говорят, что зимой, когда у тебя пустой желудок и ты убил хорошего лося, не следует тосковать по пряностям и вину.

Джелаль, словно припомнив, повернулся, чтобы налить вина. Жестом предложив выпить Конану, он осушил свой кубок, глядя поверх его края на чужестранца.

— В Замбуле люди говорят, что человек, который стремится к чему-то, но не предпринимает никаких действий, — это непогребенный труп.

Конан пожал плечами.

— Конан, — Актер-хан падет. Балад будет править. Туран примет его, ибо королю-императору нужен только сильный человек на здешнем троне и та дань, которую Замбула посылает в Аграпур. У нас в Аграпуре есть друзья...

— Агенты?

— Назовем их друзьями. Мы считаем, что те, кто противостоит Актеру, — друзья Балада. Те, кто помогает ему, могут рассчитывать на его благосклонность. Ему нужны сильные, отважные люди.

— Чтобы сражаться. Твой Балад собирается залить Замбулу кровью?

— Вряд ли. Никто в Замбуле не станет сражаться за Актер-хана! Может быть, придется вести бой за дворец, — ровным голосом ответил Джелаль. — Я имею в виду его собственную охрану — Шипов Хана.

Конан кивнул.

— Я не сказал «нет», Джелаль. Я сказал, что ты не убедил меня в том, что мне следует соединить свою судьбу с Баладом. Для меня это только имя. Я не знаю его и почти ничего не знаю о нем.

— Ты можешь встретиться с Баладом, Конан. Мы считаем, что те, кто знает о нем и не вместе с ним, — против него.

Желудок Конана сжался, его губы — тоже. Это был уже второй раз, что он слышал подобные слова, а в некотором смысле он слышал их трижды. В них была скрыта угроза. «Присоединяйся к нам, или мы будем считать, что ты против нас, и тебе придется поплатиться за это, когда мы добьемся своего». У него было чувство, что подобные слова очень употребительны во всем мире и что он еще услышит их снова, прежде чем умрет.

Размышляя над ответом — и не выпуская из виду правую руку Джелаля, потому что тот был заговорщиком и человеком крупного сложения, которое скрадывалось этой коричневато-желтой мантией, и потому что заговорщики очень хитры, и потому что Джелаль держал кубок с вином в левой руке, — он услышал звук, который не был словами. Кто-то поднимался по лестнице за дверью и не беспокоился о том, чтобы идти украдкой. Потом два голоса обменялись возбужденными словами у самой двери. Конан увидел, как лицо Джелаля изменилось, как его рука потянулась за правое бедро, где был спрятан от посторонних глаз кинжал. Конан сделал несколько шагов влево и только потом повернулся; таким образом он занял положение, из которого мог видеть и Джелаля, и дверь. Джелаль, несмотря на свои опасения, которые, без сомнения, заставили его сердце биться чаще, заметил этот маневр искусного бойца.

Дверь распахнулась внутрь от сильного удара; Конан и Джелаль выхватили оружие; вошел проводник, один.

— Не менее двадцати стражников из дворца только что покинули «Королевский Туран». Они искали тебя, Конан, и Испарану. В эту минуту они как раз уводят ее.

Конан уставился на него; по лицу киммерийца было заметно, что он искренне удивлен и потрясен. Все еще сжимая в руке обнаженный меч, он рывком повернулся к окну и выглянул в него.

Немного дальше по другой стороне темной улицы из открытой двери «Королевского Турана» лился наружу свет. На ступенях таверны стояли небольшой группой завсегдатаи и глазели в противоположный конец улицы. Конан не мог видеть, на что они смотрят. «Наблюдают за тем, как ее уводят», — подумал он, страшно помрачнев. Он и не мог бы ничего увидеть, потому что угол обзора не позволил бы ему этого, даже если бы он распорол пленку выскобленных свиных внутренностей, затягивающую прорезь окна.

Он повернулся, и двое замбулийцев увидели, как юношеское лицо может стать безобразным и зловещим, а глаза — превратиться из кусочков неба в осколки льда.

— Измена, — прорычал он, и по двум спинам пробежали мурашки; причиной было не само слово, а то, как по-звериному прозвучал голос северянина. — Этот вероломный боров... я покажу ему, что он мо... Двадцать. Ты сказал, двадцать человек.

— Да. Стражники в доспехах. Лучшие воины Актерхана. Шипы.

Конан все еще, казалось, был в нерешительности, словно в любую минуту мог выбежать на улицу и попытаться отбить Испарану у ее охранников. Меч, торчащий из кулака, превращал его руку в инструмент убийства длиной почти в шесть футов.

— Конан, — спокойно сказал Джелаль, который уже спрятал в ножны свой длинный клинообразный кинжал. — Возможно, ты один стоишь пятерых. Я слышал кое-что о тебе и о твоей доблести, и ты, конечно же, крупнее любого человека в Замбуле. Но ты не сможешь справиться с двадцатью. Они только убьют тебя или ранят, и потом у них в руках окажешься и ты, и твоя женщина, а не одна она, как сейчас. Пока ты жив и свободен, у нее есть надежда. И у тебя... у тебя есть друзья в Замбуле, Конан.

Эти слова вызвали вопросительный взгляд ледяных голубых глаз из-под нависших черных бровей.

— У тех, у кого есть причины быть врагами Актерхана, — сказал ему Джелаль, — есть и причины быть друзьями между собой.

Конан моргнул, и его взгляд застыл, словно на него снизошло откровение. Он только что услышал перефразированные прежние слова Джелаля, и однако, насколько же лучше они звучали в такой формулировке! Угроза исчезла, и теперь в них было лишь успокаивающее обещание!

Едва двигая застывшими губами над стиснутыми зубами, он сказал:

— Я бы хотел встретиться с Баладом.

И протянул руку к вину.

Глава 17
КОНАН-ВОР

— Дай ему плащ, — сказал Джелаль.

Бывший проводник тут же начал стаскивать с себя это длинное коричневато-серое одеяние, и Конан осознал, что они хорошо все спланировали. Без сомнения, они не могли знать, что солдаты придут за ним и Испараной; они лишь надеялись, что этой ночью им удастся возбудить его интерес к себе. Да, и они спланировали все даже еще лучше.

— Турт! — позвал Джелаль.

В открытую дверь вошел третий человек; дозорный, понял Конан. Под крупным носом Турта кустились черные усы, свисающие ниже уголков рта. Приближаясь к Конану, он поднес руку к этим усам — и, дернув лицом, сорвал их.

— На чем они держались? — спросил киммериец, которому Турт протянул усы; как он увидел, это были действительно волосы, и они казались человеческими — недостаточно грубыми для того, чтобы быть вырванными из гривы или хвоста лошади.

— На том самом воске, который будет удерживать их под твоим носом, Конан, — сказал Джелаль. — Когда на тебе будут усы и плащ, а синеву твоих глаз скроет уличная темнота, тебя никто не узнает. Ты можешь побиться об заклад, что люди Актера будут искать тебя, вооруженные твоим описанием. Ну-ка, позволь мне.

Конан застыл в неподвижности, чувствуя себя не совсем в своей тарелке, а Джелаль примерился и осторожно прижал усы к нужному месту. Конан дернул носом и, забрав у бывшего проводника плащ, накинул его на себя. Его действия были вызваны возбуждением, хлынувшим в кровь адреналином, теперь он припомнил:

— Моя комната! Мои вещи!

Худощавый человек, на котором теперь не было плаща, покачал головой.

— Несколько людей хана остались в таверне, готовые к бою. Они искали тебя в твоей комнате в таверне. Они будут ждать твоего возвращения — не на виду.

Конан выругался. Сузив глаза и продолжая бормотать проклятия, отчего его усы подергивались, он вернулся к узкому окну и задумчиво посмотрел на «Королевский Туран» по другую сторону улицы и на здания с обеих сторон от таверны.

— Как далеко нужно идти, чтобы попасть к Баладу? — спросил он, не оборачиваясь.

— Неблизко, — ответил Джелаль.

— Прекрати изображать передо мной невразумительного оракула! Я хочу знать, как далеко?

— Порядочный путь. И еще мы предложим тебе гостеприимство здесь. Тебе теперь нужно какое-то пристанище, Конан.

Конан отвернулся от окна. Замбулийцы на краткий миг увидели этот страшный звериный оскал, который заставил бы ребенка с криком броситься к своей матери.

— Тогда в путь. У меня на этот вечер есть кое-какие другие планы!

Тем не менее Джелаль вышел первым; несколько минут спустя двое других повели вслед за ним теряющего терпение киммерийца. Даже ночью и в этом чужом для него городе Конан старательно замечал путь, по которому они шли; его едва ли цивилизованные инстинкты брали верх.

«Собаки!» — думал он, сжимая зубы. Они водили его кругами, и он понял, что они пытаются преднамеренно скрыть от него путь и расстояние до дома Джелаля. Дважды они задавали ему вопросы, но он был так же хитер,

как и они: он так и не сказал им, какими были его «планы на этот вечер».

Водяные часы вполне могли заполниться один раз, прежде чем они покинули район стоящих вплотную друг к другу зданий и начали подниматься на Холм Одинокого Быка среди вилл замбулийских богачей. Проводники вели Конана мимо растянувшихся по склонам холма поместий, и он видел там охранников и фонари. Лаяли собаки, слышались оклики дозорных и ответы. Они шли дальше вверх по склону холма, мимо дерева, на котором висело объявление, приколотое арбалетной стрелой: оно гласило, что всех проходящих будут считать ворами. Они прошли мимо него, и поднялись еще выше, и остановились между двумя высокими каменными столбами. Джелаль договорился с ними о пароле, и теперь Турт произнес его:

— Свободная Испарана!

Ему ответил свист; троица зашагала вперед. Из горшков, поставленных на плоские верхушки вкопанных в землю толстых столбов, вырывались языки пламени и поднимался к небу маслянистый дым. Конана и его проводников окликнули снова, и на этот раз дозорные вышли им навстречу. Огни плясали в ночи. У этих людей были арбалеты. Их облаченный в доспехи командир кивнул, узнав спутников Конана, и внимательно изучил голову и лицо, поднимающиеся над плащом, который едва ли был на Конане таким же длинным и полностью окутывающим, как на посыльном Джелаля.

— Ну и большой же он, — сказал одетый в шлем и стальные латы начальник охраны.

— А еще, — негромко отозвался Конан, — он не любит, когда о нем говорят так, как будто его тут нет.

Стражник, по-видимому, посчитал за лучшее не отвечать или проглотил язык от неожиданности. Они вошли в украшенную портиком виллу с огромной, толстой, обитой железом дверью.

— Повар оставил тебе хорошего мяса, Джелаль, — сказал начальник охраны поместья.

— О, прекрасно. Я с полудня ничего не ел, — это произнес человек, который выступал в роли посыльного и проводника.

— Джелаль? — требовательным тоном повторил киммериец. — Ты тоже Джелаль?

— Только я, — улыбаясь, ответил худощавый проводник.

— Тогда кто же...

— Я Балад, Конан.

При звуках этого голоса Конан обернулся и оказался лицом к лицу с человеком, который при первой встрече назвался Джелалем. Конечно же, он пришел сюда прямой дорогой и поэтому оказался здесь задолго до них; одежду он не сменил.

— Прости. Заговорщики бывают вынуждены лгать, ты же понимаешь.

— Черт! — сказал киммериец, сердито сбрасывая плащ настоящего Джелаля на сверкающий мраморный пол. — Если бы ты сказал мне это больше часа назад, вместо того чтобы играть со мной в игры и кружить как змея по половине Замбулы, мы оба могли бы избавить себя от многих хлопот!

— Я — человек меченый, — сказал Джелаль-Балад, — и эти игры и змеиное кружение так же необходимы, как охрана снаружи и слова пароля. Ты заметил дорогу, по которой тебя вели, не так ли?

— Я понял, когда сделал три поворота в сторону левой руки, вскоре за которыми последовали еще четыре в правую сторону.

Балад улыбнулся — глава заговора против замбулийского трона.

— Ты действительно опасный человек, Конан из Киммерии. Мы сожалеем, что причинили тебе беспокойство. Но каким образом то, что мы привели тебя прямо сюда, могло избавить меня от хлопот? Нашим намерением было обеспечить мою безопасность — нашу безопасность.

— А теперь нам придется проделать весь обратный путь в город за ключом к твоему успеху, Балад, — за человеком по имени Хаджимен.

— Хаджимен? Шанки? Мы, естественно, прощупали его, когда обдумывали, как подойти к тебе...

— И мне будет нужно, либо чтобы меня отвели, — продолжил Конан так, словно Балад не произнес ни

слова, — либо самому найти дорогу обратно в «Королевский Туран».

— «Королевский Туран»! Ты что, не понимаешь, что ты *не можешь* возвратиться туда? Солдаты Актерхана ждут тебя!

— Я не останусь там надолго, — сказал Конан.

Киммериец не отрывал взгляда от своего рослого собеседника.

— Балад, я возвращаюсь. И я должен быть один. Не пытайся помешать мне.

Балад долго смотрел на своего предположительного нового рекрута, гиганта-чужестранца, который отвечал ему мрачным, свирепым взглядом самых, без сомнения, странных глаз во всей Замбуле.

— Конан — *почему*?

Фальшивые усы киммерийца дернулись в слабейшем подражании улыбке.

— Ты знаешь о моем умении обращаться с оружием, — сказал он. — Я хорошо владею и еще одним ремеслом.

Длинный серо-коричневый плащ образовывал бесформенную кучу у подножия стены здания, соседнего с Королевской Таверной Турана. Под плащом лежала пара башмаков гигантского размера. А по почти плоской крыше этого здания, низко пригибаясь, шел босой человек. Его меч был привязан к спине; рукоять была надежно закреплена ремешком, пропущенным в кольцо у отверстия ножен. Человек был очень большим. На вершине пологого ската крыши он приостановился, чтобы обмотать вокруг пояса веревку, с помощью которой поднялся наверх, а потом задумчиво посмотрел на крышу таверны, отделенную от него расстоянием в пять футов. Она была плоской и находилась примерно на том же уровне, что и гребень, на котором он стоял. Свет опускающейся к горизонту луны блеснул на его зубах; его улыбка была волчьей.

Закрепив веревку вокруг пояса, он спустился обратно к краю крыши, пригибаясь, словно в низком поклоне.

Здесь он остановился и выпрямился, а потом снова присел с плавной гибкостью крадущейся кошки; мышцы

его икр вздулись. Затем, несмотря на свой громадный рост, необычайно широкие плечи и массивное сложение, он легко пробежал вверх по крыше и оттолкнулся от ее гребня. Он не засучил ногами в воздухе, а лишь слегка подтянул их кверху, пролетая через пустоту на крышу близлежащего здания. Когда он приземлился, обе ноги сложились пополам, так что его голые пятки ударились о ягодицы. Глухой шлепок от его приземления был неправдоподобно тихим для человека его сложения.

На крыше «Королевского Турана» не оказалось ничего, к чему можно было бы привязать веревку. Человек знал, какое окно ему было нужно; единственным способом, какой он смог придумать, чтобы дотянуться до него и до его верхнего наличника, было повиснуть на краю крыши спиной к стене и удерживаться коленями. Он сделал это.

Вот так через несколько часов после полуночи Конан попал в свою собственную комнату в «Королевском Туране». В ней было темно и пусто, как и должно было быть. Он отвязал меч, пристегнул его к поясу и ослабил ремешок, удерживающий рукоять. Затем он привязал свою веревку к одной из балок и вытравливал ее в окно, пока она почти не коснулась земли. Затем на ощупь нашел свою длинную, позвякивающую кольчугу. Меч он отстегнул, но прислонил его к стене так, что мог во мгновение ока схватиться за рукоять. Не обращая внимания на темную, слишком узкую тунику, которую ему одолжил Балад, он, извиваясь, влез в кольчугу и снова пристегнул меч.

Превосходного качества плащ, подарок Актер-хана, лежал там, где Конан его оставил, — сложенный на чрезвычайно удобной кровати. Киммериец развернул его и начал собирать свои сокровища: монеты и золотой кубок, который скатился с плаща и с кровати и со звоном ударился об пол.

— Черт!

Не заботясь больше об осторожности, Конан присел на корточки, схватил кубок и бросил его к вещам, разложенным на плаще, который он затем быстро связал в узел. Когда он повернулся с ним к окну, дверь, ведущая в

переднюю, отворилась, и в темноте ярко вспыхнул желтый мерцающий свет факела.

К тому времени как головня и одна нога несущего ее человека оказались в комнате, меч Конана уже был в его руке.

— Кто здесь?

Человек вошел — это был солдат в шлеме. Он прищурился, вглядываясь в темноту, и высоко поднял свой факел. Его желтый свет превратил его лицо в странную, жуткую маску — и обнаружил Конана. Киммериец стоял, слегка согнув ноги и пригнувшись, с самодельным мешком в левой руке и мечом в правой, с непокрытой головой, и, хоть и вооруженный, с ничем не защищенными руками. Его неподвижный взгляд был ужасающе злобным.

— Ха! Вор, да? Я тебя по... Это этот Конан!

— Горлодер, — прорычал Конан и прыгнул; его меч взлетел по дуге вверх.

Снаружи, в коридоре, послышались другие голоса, и чьи-то ноги тяжело затопали вверх по ступенькам. Еще несколько солдат показались в дверном проеме. Первый споткнулся о своего павшего товарища, злой рок которого заставил его обнаружить киммерийца и закричать, не успев еще вынести руку с мечом из-за двери, которая открывалась в комнату. Второй и третий солдаты с живостью отскочили с пути ревущего огненного шара, который полетел в них, истекая струями пламени, со свистом пронесся сквозь дверь и врезался в противоположную стену коридора. Оба солдата, а теперь и третий, снова торопливо разбежались, когда огненный шар запрыгал по полу, угрожая обжечь им ноги. Один из них подхватил его: это был факел, ранее принадлежавший солдату, стоявшему на посту у двери комнаты чужестранца. Стражник поднял его над головой и повел своих товарищей за собой в комнату.

Первый солдат, не издавая ни малейшего стона, лежал в луже собственной крови, второй стоял у окна, выглядывая наружу и вниз. Туго натянутая веревка шла от балки за его спиной мимо его плеча и уходила через подоконник. Солдат обернулся.

— Он вылез в окно?

Один из его товарищей оказался достаточно смышленым, чтобы рубануть мечом по веревке, но та только прогнулась: она уж повисла свободно.

— Я возьму его, — сказал стоящий у окна и высунулся наружу.

— Нет! Закум, подожди! Я перерубил...

Но Закум уже героически выскользнул за окно, сжимая руками веревку, подрубленную клинком его товарища. Когда обутые в сапоги ноги Закума столкнулись со стеной здания, ослабевшая веревка не выдержала. Она лопнула и вылетела в окно, как нападающая змея. Вслед за криком Закума последовал звук удара его тела о плотно утоптанную землю переулка.

— Дьяволы Ханумана! — с этими словами еще один солдат выглянул наружу и вниз.

Закум дергался и извивался на земле, держась обеими руками за ногу.

— Моя нога, моя нога...

— Эта безмозглая задница! Он сломал себе ногу! Быстрее отсюда и вниз по ступенькам, парни! Если мы позволим этому чужестранцу ускользнуть, то наверняка пострадает нечто худшее, чем наши ноги — он нужен хану!

Они бросились вон из комнаты, пронеслись вниз по ступенькам с грохотом, напоминающим раскаты летней грозы, и через главный зал выбежали наружу. Не увидев никаких следов Конана, они разделились и стали искать его по всем окрестным улицам.

Полчаса спустя недовольный солдат приближался к двери по противоположной стороне улицы и чуть дальше от таверны, возвращаясь назад без преследуемой жертвы. Из мрака прихожей за дверным проемом внезапно появилось видение. Солдат, чуть было не вскрикнув, выхватил меч, прежде чем понял, что это человек, высокий согнутый пополам горбун в тусклом плаще серо-коричневого цвета и с драным куском тряпки на голове вместо каффии. Большая дрожащая рука вынырнула из-под плаща.

— Монетку, капитан?

— Проклятье, я не капитан, и ты об этом знаешь! Иди хныкай где-нибудь в другом месте, чертов попрошайка!

Солдат пригнулся, чтобы вглядеться в лицо горбуна, на которое падала густая тень от «каффии».

— Черные дьяволы Сета! И попроси кого-нибудь подровнять тебе эти смехотворные усы, приятель!

Солдат вернулся в «Королевский Туран» с пустыми руками. Конан — на снине которого под плащом Джелаля был спрятан мешок, а голову покрывала полоса ткани, оторванная от туники, подаренной Баладом, — ухмыляясь, пошел своей дорогой. Солдату повезло, что он медленно соображал и был тугодумом: другая рука Конана под плащом Джелаля сжимала рукоять вынутого из ножен кинжала.

Сгорбившись, Конан направился к Холму Одинокого Быка.

Глава 18
КЛЮЧ К ЗАМБУЛЕ

У Балада была поддержка. У Балада была организация и были последователи; Балад чувствовал себя готовым («Я и народ Замбулы!», как он выражался) выступить против Актер-хана. Ему нужен был только ключ: происшествие или хитрость, которая еще не пришла ему в голову или не подвернулась под руку.

Большой отряд солдат был размещен в бараках в восточной части Замбулы. Широкая мощеная дорога обеспечивала быстрый проезд через город ко дворцу. Там, в самом королевском доме и в прилегающих к нему бараках, похожих на таверны, были расквартированы еще две сотни солдат. Некоторые называли их избранными; официально они именовались Хан-Хилайим, или Шипы Хана. Предполагалось, что они должны оставаться верными Актеру, невзирая на оскорбления с его стороны или на настроения некоторых или даже большинства людей. У Шипов была хорошая плата, хорошие квартиры и хорошая еда. Их в достаточном количестве снабжали солью, превосходным пивом и женским обществом. Любой дворец — это твердыня, легко обороняемый дом

правителя и последнее пристанище и крепость для его народа; дворец Замбулы не был исключением. Две сотни избранных могли выдержать долгую осаду значительно превосходящих сил противника. К тому же конные подкрепления из бараков, находящихся по другую сторону города, могли подняться по тревоге, вооружиться, оседлать лошадей и прибыть на место действия в течение часа; это время от времени подтверждалось учебными тревогами и построениями. Таким образом хан готовился к атакам из-за стен города — и принимал меры предосторожности против восстаний, от которых не застрахован ни один правитель. Хотя шпионы во дворце могли и открыли бы двери войскам Балада, им, как и нападающим, пришлось бы пройти мимо Шипов.

Поэтому Баладу, не имеющему армии или внешних союзников и магии под стать той, которой обладал ханский волшебник, — Баладу нужна была хитрость или случай, который он называл Ключом. Нужно было нечто, что отвлекло бы отряд, расквартированный в бараках, армию — и, возможно, оттянуло бы из дворца некоторых из Хан-Хилайм.

Голубоглазый чужестранец с далекого севера понял, что он сможет дать Баладу такой ключ.

Конан никогда не присоединился бы к Баладу. Замбула вряд ли была его городом, и эти люди вряд ли были его народом. У него не было намерений помогать или мешать их действиям. Эти люди не имели никакого отношения к Конану. Если бы ему дали пост среди Шипов Актер-хана, он сохранял бы верность и, без сомнения, применил бы свой ум и мастерство против Балада и компании. Вместо этого Актер-хан пригласил его на обед, угостил вином, наградил, осыпал похвалами, выслушал его историю, а потом проявил свое вероломство по отношению к человеку, который оказал ему крайне важную услугу, который считал его другом и достаточно хорошим правителем, принимая во внимание то, что этот человек знал и предполагал о правителях вообще.

Неважно, имел ли Глаз Эрлика для Актер-хана какую-то ценность или нет, но Актер-хан верил, что имел, и именно это придавало амулету ценность. Предположитель-

но было правдой, что Глаз можно было использовать против Актера — сам факт, что амулет был украден, привел его в состояние, близкое к ужасу.

— Жаль, что я сразу не отдал амулет тебе, Балад, — проворчал киммериец.

— Мне тоже, Конан, — не без некоторого сожаления ответил заговорщик и вновь вернулся к практической стороне составления заговора.

Неважно, что Конан все это время служил своим собственным интересам и вряд ли впутался бы во всю эту длинную цепь событий с какой-либо мыслью о том, чтобы помочь Актер-хану из Замбулы. Киммериец выбросил это из головы, заменив на праведные горечь и гнев. Он потратил много сил, чтобы сослужить службу этому вероломному и неблагодарному человеку. По сути дела, он отдал Актер-хану несколько месяцев своей жизни — полгода, если бы он отправился теперь в обратный путь к Заморе. И Испарана тоже отдала многое, пожертвовала многим. А хан, ее хан, оказался поистине вопиюще неблагодарным властелином! Теперь Испарана была его узницей где-то внутри дворца, — если она еще была жива, — а Конан оставался на свободе только благодаря случаю и Баладу.

Поэтому он испытывал горечь, и гнев, и разочарование в самом себе за то, что не заподозрил ничего со стороны Актер-хана. Ему необходимо было удовлетворение — месть. Поэтому он присоединился к Баладу. И ему не понадобилось много времени, чтобы узнать о стоящих перед заговорщиками проблемах.

Он поможет Баладу. И таким образом — ему не было необходимости говорить себе об этом — благородно и героически поможет народу Замбулы. Актер не был достойным правителем — если таковые вообще существовали, в чем Конан сильно сомневался; Актер в любом случае был даже хуже, чем многие из тех, у кого костенели мозги и размягчались задницы от долгого сидения на тронах. Вообще-то хан сам предоставил Баладу его ключ. Конан просто увидел, как его использовать. Актер совершил более чем предосудительное преступление, убив девочку-подростка, которая была подарком вождя шанки. Как

оказалось, это убийство было еще и глупостью. Оно обеспечило ключ.

Не кто иной, как киммериец Конан, сделал так, чтобы Хаджимена из племени шанки проводили в крепость революционера Балада, с которым Конан уже договорился; Хаджимен и Конан поговорят наедине в этой комнате. Они негромко разговаривали — одетый в шаровары житель пустыни и киммериец в только что сшитой тунике из простой домотканой материи коричневого цвета.

— Ты знаешь, что шанки не могут надеяться завоевать Замбулу, — сказал Конан сыну Ахимен-хана, — или даже пробить брешь в ее стенах. У шанки недостаточно сил.

— Один молодой воин шанки стоит пятерых иогитов, — Хаджимен сплюнул, — и троих замбулийцев, несмотря на все их доспехи из железных колец!

Конан кивнул:

— Правда. Я знаю. Этого недостаточно. Лучшие воины среди замбулийцев превыщают число лучших воинов среди шанки в соотношении гораздо большем, чем три к одному, — и, кроме того, они сидят за этими стенами.

Хаджимен вздохнул, встал, походил по комнате, вернулся и опустился на подушку рядом с той, на которой сидел Конан. Киммериец решил провести разговор с шанки в манере шанки, хотя его раздражение, вызванное этим окольным способом обращения, проявлялось все более явно. Вообще-то усилия Конана в отношении этого молодого ханского сына увенчались некоторым успехом: Хаджимен уже был в состоянии время от времени обращаться к киммерийцу, говоря «ты» и «Конан». Однако не в этот раз.

— Конан знает, что я знаю истинность того, что он сказал, — произнес Хаджимен, который выглядел мрачно, словно жрец на похоронах государственного масштаба. — Тем не менее здесь идет речь о чести шанки и о гордости моего отца. Знает ли он, что было бы глупо атаковать этот город?

— Суть в том, сможет ли он понять и принять, что не Замбула, а Актер и его маг убили твою сестру? Вам не нужно воевать с замбулийцами, которые не любят и не уважают своего хана. Это счеты между шанки — нет, между твоим отцом и Актером с Зафрой.

— И мной, Конан! Да, я вижу это. Я знаю это. Мне лучше не рассказывать об этом отцу. Мне лучше остаться здесь и самому отомстить за свою сестру — как-нибудь, — безрадостно добавил он, — а потом одновременно сообщить шанки подробности о ее смерти и о нашей мести Хану.

Конан покачал головой.

— Это не лучший выход. Это смело и глупо, и мы оба знаем это.

Хаджимен сердито посмотрел на человека, сидящего вместе с ним в этой комнате виллы князя Шихрана, виллы, принадлежащей теперь заговорщику Баладу, которому хотелось быть Балад-ханом. Спустя какое-то время Конан протянул руку, чтобы тепло коснуться руки шанки; гордый воин нустыни отстранился. Мысленно вздыхая при виде такого поведения, которое он считал глупым, Конан узнал кое-что о самом себе и о гордости и чести.

— Ну ладно, Хаджимен. Ты знаешь, что я имею в виду. Ни ты, ни я не верим, что тебе удастся подойти к Актеру так близко, чтобы иметь возможность убить его. И даже если бы тебе это удалось — как-нибудь, как ты сказал, — ты никогда не дожил бы до того, чтобы рассказать об этом своему отцу. Тогда он лишится не только дочери, но и сына. Ты знаешь, что он сделает потом. Пойдет в атаку и погибнет.

Хаджимен с подергивающимся лицом уставился на него. Потом он резко отвернулся и подошел к открытому узкому окну.

— Конан мудр. Во имя Тебы — сколько тебе лет, Конан?

Киммериец улыбнулся.

— Достаточно много, чтобы давать советы, которые, возможно, у меня не хватило бы благоразумия принять.

Хаджимен, стоя к нему спиной, фыркнул.

— И что Конан хочет, чтобы мы делали? Вести себя так, словно вообще ничего не случилось? Этот человек принял мою сестру в дар от нашего отца и убил ее, словно она была воровкой или иогтиткой!

Хаджимен сплюнул, продолжая демонстрировать Конану свою широкую спину в желтой рубашке.

— Нет. Послушай теперь меня. Самое величайшее, что человек может сделать, это хранить всё про себя, чтобы помешать своему отцу в ослеплении честью и гордостью совершить глупость, — зная все это время, что месть невозможна, но может стать возможной в один прекрасный день. Я знаю, что ни Хаджимен, ни Конан не настолько велики! Нет, Хаджимен, сын Ахимена, я обращаюсь к тебе прямо. Слушай меня внимательно. Даже солдаты Замбулы не поддерживают Актер-хана. Мне бы очень хотелось, чтобы ты увидел смерть своей сестры отмщенной, Хаджимен! В то же самое время, шанки могут героически помочь замбулийцам избавиться от того недостойного существа, которое живет в их дворце. Хаджимен! Послушай! Я бы хотел, чтобы ты... я хотел бы попросить тебя, чтобы ты как можно быстрее поскакал к отцу и вернулся с отрядом воинов. Пусть они будут снаряжены для битвы, пусть под ними будут самые быстрые ваши верблюды. Они должны будут остановиться на большом расстоянии от городских стен и посылать стрелы в стены, а не поверх них в Замбулу. И все это время выкрикивать обвинения и вызов Актер-хану!

Хаджимен резко повернулся, чтобы взглянуть в лицо рослому человеку с голубыми глазами.

— А! — На лице воина пустыни отразились возбуждение и надежда, однако в его глазах под племенным знаком свирепого и вдвойне гордого шанки таился вопрос. — Но... такой человек не выйдет нам навстречу!

— Нет, не выйдет. Он будет сидеть у себя во дворце, зная, что его солдаты вскоре отобьют эту смехотвор... эту глупую атаку. Против вас выступят солдаты из гарнизона; они будут радоваться возможности действовать и жаждать крови. И тогда шанки должны сделать нечто отважное и благородное... и трудное. Вы должны будете обратиться в бегство.

— Бегство! — Хаджимен с ужасом выплюнул это слово, чуждое его природе.

— Да, Хаджимен! — Конан позволил своему голосу возбужденно повыситься; ему необходимо было завербовать шанки для осуществления этого плана. — Да! Пусть они выйдут из-за стен и атакуют вас. Сражайтесь с ними,

убегая. Бегите все дальше и дальше. Когда они наконец перестанут вас преследовать, а это должно случиться, остановитесь, перестройтесь и наблюдайте за ними, пока они не отойдут от вас на значительное расстояние, возвращаясь в город. Тогда бросайтесь за ними в погоню!

— А! И потом мы настигнем этих шакалов, и навалимся на них сзади, и перережем их на скаку! Так мы сможем изменить соотношение сил в нашу пользу.

Конан тяжело вздохнул, позаботившись о том, чтобы Хаджимен это заметил.

— Они не шакалы, Хаджимен, друг мой. Это молодые люди и юноши, как мы, отважные и служащие плохому хану. Нет, они повернутся и перестроятся, чтобы встретить вашу атаку. Тогда вы должны будете развернуться и снова, не замедляя бега, ускакать прочь, так, чтобы они последовали за вами. Если это будет возможно, небольшой отряд шанки должен будет подъехать к городским воротам. Это несколько нагонит страху на тех, кто будет наблюдать за вами со стен. Может быть, они вызовут подкрепление — из дворца.

— Во всем этом я не вижу чести, и шанки так не поступают, Конан. Какова цена этих безобидных скачек по равнине за пределами этих стен?

— А! Хаджимен, ты действительно великий человек! Ты спрашиваешь, вместо того чтобы впадать в неистовство, — это верная примета! Ты действительно станешь преемником Ахимена, Хаджимен, и у шанки будет хороший вождь! Подумай. Шанки могут вооружить и посадить в седло... сколько? Возможно, три сотни человек, если мы включим сюда мальчиков, только что вышедших из детского возраста, и тех, для кого расцвет жизни уже далеко позади?

— И сотню женщин и девушек! Наши женщины — это не слабенькие игрушки, как те, которых я видел в этом лагере, окруженном стенами!

— ...в то время, как здесь расквартировано более двух тысяч солдат. Такая армия перебьет вас всех, включая девушек и женщин, а Актер в это время будет сидеть в безопасности в своем дворце, а позже прикажет уничтожить шанки всех, до единого. Таким образом, я показываю

тебе, что ты должен объединиться с теми, кто одолеет Актера. Они смогут сделать это только с помощью шанки, Хаджимен!

Хаджимен, сын хана, задумчиво посмотрел на него.

— Конан и Балад.

— Да, и другие, — энергично кивая, ответил Конан. — Я могу пробраться во дворец. Я проберусь туда. Балад может пойти в наступление, и победить, и свергнуть Актер-хана... если ханские воины будут заняты погоней за призраками в пустыне.

— Призраки? Шанки!

— Да! — вскричал Конан; он видел и слышал возбуждение Хаджимена и начал говорить быстрее и громче, чтобы подстегнуть это возбуждение. — И тогда Балад отзовет войска и откроет им, что шанки — союзники... и твой народ будет пользоваться любовью в Замбуле и будет союзником ее нового правителя.

— Ха! Замбулийская конница гоняется за шанкийскими призраками, пока наши друзья Конан и Балад занимают дворец! Балад завоевывает корону, и замбулийцы получают нового, лучшего правителя, — а Конан и Хаджимен добиваются мести, справедливости!

Ухмылка Конана была не из тех, что делали его лицо красивым.

— Да, воин.

Хаджимен подошел к нему и внезапно застыл в неподвижности с каменным лицом.

— А Актер-хан, если он останется в живых, должен быть выдан шанки для наказания!

Конан знал, что не может давать подобного обещания, и знал также, что может попасть в беду. Он нашел слова, чтобы высказать это:

— Хаджимен! Тебе следовало бы прямо сейчас скакать к шатрам твоего племени! А вместо этого... разве шанки выдали бы Актер-хана для наказания замбулийцам, если бы он совершил против тех преступление, неважно, насколько тяжкое? Подумай! Актер-хан совершил больше преступлений против своего народа, чем против твоего. Замбулийцы должны покарать его. Он принадлежит им, он один из них. У меня нет никаких сомнений в том, что

он будет казнен... если останется в живых после нашей атаки. И, конечно же, союзники Балад-хана будут присутствовать при том, как Актер умрет!

После долгого молчания Хаджимен кивнул:

— Тебе не обязательно было говорить все это. Ты мог просто сказать «да» и попытаться убедить меня позже.

— Это так. Я что, должен лгать моему другу, сыну моего друга?

Не прошло и часа, а Хаджимен и его отряд уже выезжали из Замбулы. Вместе с ними, переряженный в шанки, отправился Джелаль — человек Балада. Его собственная одежда была в одном из тюков на его вьючной лошади, а шанкийская каффия скрывала лицо, которое кто-нибудь из охраны ворот мог распознать. Через несколько дней, когда шанкийские передовые отряды окажутся меньше чем в дне пути от Замбулы, Джелаль должен будет вернуться — на лошади и в своей собственной одежде — чтобы доложить Баладу. Таким образом отвлекающий маневр из пустыни будет скоординирован с настоящей атакой изнутри стен Замбулы.

После отъезда Джелаля и шанки Конан провел большую часть дня, совещаясь с Баладом и с его товарищами-заговорщиками. Это было не очень-то по душе киммерийцу, который страдал недостатком терпения, свойственным как юности, так и варвару, и предпочитал поменьше заговоров и более прямой подход, выражающийся в решительных действиях. В данном же случае Хаджимен, упрямо настаивающий на том, чтобы проявить глупое благородство, заставил Конана выступить в новой для того роли более вдумчивого и умеющего убеждать человека. Тому, кто в один прекрасный день будет возглавлять группы, потом отряды, потом армии, а потом — целые народы, не было еще и восемнадцати, и он учился — и взрослел.

Часть его дерзкого плана так же мало пришлась по душе Баладу, который вместе с другими указал киммерийцу на то, что его желание — решение, но они сказали «желание», — пробраться во дворец, там освободить Испарану и атаковать изнутри было глупым упрямством.

Тот, кто подавал мудрые советы настойчивому Хаджимену и сумел переубедить его, продолжал стоять на своем и не поддавался никаким убеждениям.

Так несколько ночей спустя один опытный вор, в последнее время живший в Шадизаре, и Аренджуне, и Киммерии, перелез через две стены и пробрался во дворец Актер-хана. Менее чем через два часа он был пленником того, кто стал реальным правителем Замбулы: мага Зафры.

Глава 19
«УБЕЙ ЕГО!»

Он помнил пытки. Он помнил их смутно, как в тумане, словно его одурманили или околдовали.

Он помнил настойчивое прикосновение острия меча к своей спине — в центре, над копчиком. Он помнил, как его заставили втиснуться между двумя вбитыми в пол столбами, отстоящими друг от друга менее чем на два фута. Острие меча продолжало касаться его спины, пока второй человек привязывал его ноги — щиколотку и бедро — к столбам, каждый из которых был толщиной с его икру. Острие меча прикасалось к его спине постоянным напоминанием, и он не шевелился, пока ему связывали запястья впереди. Кожаные ремни были завязаны множеством узлов. Нажатие в точку на его спине усилилось, заставляя его продвинуться вперед. С привязанными ногами он не мог никуда идти, он мог только сгибаться в поясе. Острие меча вызвало к жизни струйку теплой крови. Он почувствовал ее. Он перегнулся в поясе, наклоняясь вперед. Его связанные запястья были пропущены между его расставленными, привязанными к столбам ногами. Он согнулся еще больше. Длинная веревка прикрепленная к ремням, стягивающим его запястья, была перехвачена сзади и натянута вверх за его спиной. Он глухо заворчал. Веревка была привязана к железной жаровне, вмурованной в стену в семи-восьми футах позади него. Пол леденил его босые ноги — или это было раньше; он помнил, что потом этот пол стал приятно холодным. Его

заставляли нагибаться все дальше вперед; мышцы на его широкой спине лопались от усилия, кровь жарким потоком приливала к голове, заставляя лицо багроветь. В глазах у него помутилось; все стало красным. Прочие узы удерживали его в одном положении. Он не мог милосердно упасть вперед, потому что крепкие веревки притягивали его щиколотки и бедра к столбам. Его рот был забит кляпом, и это оказалось очень унизительным: поскольку он вынужден был стоять, низко нагнувшись вперед, он никак не мог удержать слюну, капавшую вокруг кляпа. Он помнил, что чувствовал ненависть. Он видел все в еще более красном свете, а его голова, казалось, была налита свинцом. В висках у него стучало. В конце концов его голова налилась кровью, и его сознание провалилось.

Он помнил, как просвистел бич, внезапно и резко опускаясь, чтобы стегнуть его поперек спины. Он помнил, как ловил ртом воздух, потому что удар бича заставил его задохнуться, и как пот мгновенно выступил на его лице и потек струйками по бокам из-под мышек. Это продолжалось. Бич скользнул назад, пропел в воздухе, обрушился на его тело. Черное жало бича беспощадно рвало и полосовало плоть. Он знал, что на спине вздуваются рубцы. Его глаза жгла яростная ненависть к змееподобному бичу и к тому, кто держал этот бич в руках. Его грудь — которую стягивающие его тело веревки сделали тугой, как барабан, и твердой, как у медведя, — судорожно вздымалась; его ноздри раздувались и дрожали. Бич шипел и хлестал по его телу. Он не помнил, чтобы они задавали какие-либо вопросы; они просто причиняли ему боль. Он знал, что у него вырывались стоны, и прилагал все усилия, чтобы не закричать вслух. Все было мутным, туманным. Это мог быть сон. Он крепко сжал зубами губу. Было больно. Это не было сном. Он не мог сдержать конвульсивного вздрагивания своего связанного тела, раскачивания своих узких бедер, судорожного стягивания небольших валиков мышц на спине. Он был обнажен. Пот ручьями стекал по его спине, бокам, капал с лица, забрызгивая пол где-то внизу. Это была автоматическая реакция на угрозу и удары бича — неумолимый взмах и рывок, и готовность, и взмах, и резкий удар, и ужасающую

тревогу, и обжигающую боль. Но он подавлял в себе даже стоны и ни разу не вскрикнул. Они вытащили кляп у него изо рта и смочили его рот водой, чтобы иметь возможность послушать его крики. Они не услышали ничего, в этом он был уверен. Ведь был?

Он помнил жгучую мазь. Он помнил, или ему казалось, что он помнит, жуткий спектакль: будто бы меч, не направляемый ничьей рукой, убил его товарища по плену. Случилось ли это на самом деле? Он не был уверен. Могло ли это случиться? Слышал ли он этот тихий, мягкий голос, сказавший: «Убей его», — и в самом ли деле меч понял и повиновался?

Он не мог быть уверен в этом. Он помнил, или ему казалось, что он помнит.

Боль от того, что его хлестали крапивой, была слабой; начавшийся вслед за этим зуд был самой худшей из всех пыток. Он был связан и не мог почесать те места, которые жгло, как огнем.

Его били по животу. Звук от удара широким ремнем был очень громким.

Он помнил, что ему сказали, что завернут его в свежесодранную коровью шкуру и выставят наружу, лицом к утреннему солнцу. Он не думал, что это случилось. Он был уверен в том, что ему на голову надели шлем и пристегнули его так, что узкий кожаный ремешок впился ему в подбородок. Кто-то колотил по шлему молотком до тех пор, пока он не начал спрашивать себя, что наступит раньше: смерть или безумие.

Ни то ни другое. Он выдержал, и ему казалось, что он не закричал, хотя он впоследствии не был уверен в том, что не всхлипывал. Он бы скорее согласился, чтобы его избили или распяли на кресте.

Возможно, кое-что из этого было колдовством Зафры: без сомнения, что-то было волшебством и не произошло на самом деле. И так же точно, кое-что из этого несомненно случилось. Конан впоследствии никогда не мог сказать с полной уверенностью, что было реальным, а что — нет. Он в самом деле укусил себя за губу; об этом свидетельствовал гладкий болезненный участок распухшего мяса. И у него болела голова и звенело в ушах.

Он проснулся несколько часов или несколько дней спустя, с этим ужасным смутным чувством неуверенности, не зная, спал ли он или был одурманен, или колдовским образом лишен ясности ума; его голова начала проясняться, и ему казалось, что он не связан. Он лежал неподвижно, пытаясь почувствовать, стянуты ли у него запястья и щиколотки, и таким образом понять, связан он или нет. Сначала он не мог быть уверен. Он лежал неподвижно, пытаясь оценить себя и свое положение. О! Он был во дворце. Его схватили. Где он? Во дворце — где? Он не мог полностью осознать это. Его мозг был вялым и неповоротливым, а тело, казалось, постарело на несколько лет. Сознание вернулось к нему и разрослось в нем, словно пламя, медленно разгорающееся в комнате, где чувствуется лишь ничтожно слабое движение воздуха. В мозгу у него начало все больше и больше проясняться, словно его осветила эта тонкая, отважная свеча. Он знал, что очень ослаб, но почувствовал, как возрастают его силы — или, по меньшей мере, исчезает слабость.

Конан открыл глаза.

Он лежал наполовину на ковре и наполовину на вымощенном плитами полу — серое и бледно-красное с тонкими прожилками белого и черного. Красивый пол из уложенных в шахматном порядке мраморных плиток. Он увидел стол и предмет на нем... он вспомнил Зеленую Комнату, логово Хисарр Зула, бывшего колдуном сначала в Заморе, затем в Аренджуне, а теперь — в аду, куда отослал его Конан. Это были такие же точно вещи. Тогда это, должно быть, комната Зафры, мага Актер-хана. Да. Рядом с тронным залом, кажется? Возможно, вон та дверь...

Конану не нравилось, как пахло в этой комнате.

Химикалии, и травы, и омерзительный запах паленого волоса. Он согнул и разогнул пальцы, потом обе руки. Он был прав: он не был связан. Несколько импульсов, посланных вниз по ногам, показали, что ноги тоже свободны. Он лежал наполовину на боку, наполовину на животе. Он глубоко вдохнул воздух, хотя ему не очень-то нравился запах или вкус этого воздуха в комнате колдуна.

Он успел наполовину подняться, прежде чем увидел Зафру. Маг мудро встал в таком месте, где его можно

было увидеть лишь в результате сознательно направленного движения; таким образом он уловил момент, когда Конан начал приходить в себя.

Конан замер на одном колене, опираясь об пол костяшками пальцев одной руки.

— А, — улыбаясь, сказал Зафра. — Очень мило. Однако это обнадеживает: ты почтительно преклоняешь колено.

Конан с исказившимся от злобы лицом вскочил на ноги. Зафра быстро показал ему, что держит в руках меч.

— Ты ведь рассказал нам свою историю, помнишь, варвар? Я знаю, что ты за наглый, дерзкий мальчишка. Я так и думал, что ты можешь попытаться сделать то, что ты сделал: пробраться сюда, как вор, чтобы найти Испарану и снести парочку голов, ведь так? Хорошо я тебя поймал, да? Понимаешь, ты ведь варвар, и тобой движут те же самые инстинкты, что заставляют действовать собаку, или кабана, или медведя. У меня есть цели, определенные цели. В состязании между двумя такими, как мы, человек, руководствующийся разумом и стремящийся к цели, должен восторжествовать. Как ты видишь, я и восторжествовал. И я буду жить, в то время как ты вернешься в ту грязь, которая втолкнула тебя в чрево какой-то варварской сучки. Не пройдет и года, как я буду править в Замбуле. Еще через несколько лет я буду править в Аграпуре: Зафра, король-император Турана! Да! Не так уж плохо для крестьянского мальчишки, которого хозяин бил, потому что он недостаточно быстро усваивал уроки... уроки колдовства, которые я усваивал гораздо быстрее, чем думала эта старая свинья! Пялься на меня этими своими злобными звериными глазами, сколько хочешь, — но попробуй только напасть, варвар, и ты всего-навсего умрешь быстрее.

— Тогда пусть будет быстрее, — сказал Конан, делая длинный-длинный шаг в сторону и хватая тяжелую бронзовую напольную лампу высотой с него самого, с украшенным резьбой стержнем, который в самом узком месте был толщиной с его запястье. Лампа была тяжелой, а он был не в лучшей форме; он глухо заворчал и рывком перевернул ее. Кипящее масло выплеснулось на пол.

В течение какого-то мгновения Зафра смотрел на Конана с изумлением и чем-то близким к ужасу; потом он приподнял брови и усмехнулся.

— Ты помнишь этот меч? Я показывал его тебе, варвар. Я показывал тебе, как он подчиняется. Стоит приказать ему, и он не остановится до тех пор, пока не убьет. Что ж, двигайся быстрее, варвар... У б е й е г о.

На затылке Конана зашевелились волосы, а по обнаженной спине словно пробежали крошечные ледяные ножки: Зафра разжал руку. Меч, который он держал, не упал на пол. Его острие опускалось до тех пор, пока застывшие глаза Конана не оказались на одном уровне с ним и с перекрестием рукояти позади него, — и тут меч ринулся на киммерийца. Конан, охваченный единственным страхом, который был ему по-настоящему знаком, — страхом перед колдовством, — тем не менее не застыл на месте, что означало бы для него смерть. Вместо этого он бросился на пол — и в тот самый момент, когда меч свернув вслед за ним, понесся вниз, наобум ударил по нему лампой. Резной бронзовый стержень ударился о сверкающее стальное лезвие с оглушительным воинственным металлическим звоном, и меч отлетел в другой конец комнаты. Тяжесть Конанова оружия — или оборонительное движение — увлекла за собой руки киммерийца, и он распластался на полу, услышав при этом, как меч со звоном отлетает от стены за его спиной. Он кое-как поднялся на ноги, сжимая бронзовый стержень обеими руками, и прыгнул на Зафру, глаза которого широко раскрылись. Потом взгляд мага скользнул м и м о Конана, и киммериец уронил свое тело наземь, поворачиваясь в падении и ударяя лампой вверх. Его бок пронзила острая боль, и он заворчал. Но снова его металлическая дубинка ударилась о нацеленный для убийства, никем не направляемый меч.

Конан внезапно ухмыльнулся, припомнив, что сказал Зафра, и эта его гримаса вызвала у мага страх и даже ужас, потому что это была жуткая, свирепая ухмылка хищного зверя. Конан, качнувшись, вскочил на ноги и бросился бежать — и не к Зафре. Он побежал к двери, ведущей в дворцовый коридор!

Секунды, отсчитываемые капельками воды, казались ему минутами; по его спине бегали мурашки. Он пробежал три шага, четыре, еще один — и швырнул лампу вправо, а сам нырнул влево. Он был всего в двух шагах от большой, обшитой панелями двери; он решил, что ни за что не успеет добежать до нее, ибо этот ужасный безмозглый клинок должен был лететь острием вперед ему в спину.

Так оно и было. И на этот раз меч подлетел так близко и преследовал свою убегающую жертву с такой скоростью, что не повернул в воздухе вслед за ней. Вместо этого он вонзился в дверь с такой силой, что острие клинка полностью ушло в дерево: на дюйм или даже больше. Конан, молча и даже не взглянув на Зафру, снова вскочил на ноги — и пока жуткий, наводящий суеверный ужас меч высвобождался из потрескивающего дерева, киммериец схватился за бронзовую ручку, рванул на себя дверь — и выскочил в коридор.

«Ну что ж, меч не остановится, пока не убьет?» — подумал он с ужасной мрачной ухмылкой и дернул дверь к себе. Она с грохотом захлопнулась. Он стоял, тяжело дыша, держась за ручку, прислушиваясь к тому, как бурчит в его пустом животе — и ожидая крика из комнаты колдуна.

А потом послышался вопль, закончившийся хриплым горловым бульканьем, и Конан понял, что карьера молодого волшебника пресеклась задолго до того, как у того появилась возможность состариться в своем ремесле, не говоря уже о захвате тронов.

— Эй, стой!

Этот голос и взгляд, брошенный в ту сторону, откуда он раздался, и показавший приближающегося дворцового стражника, помогли Конану принять решение. Он раздумывал, хватит ли у него смелости войти в комнату мага и попытаться завладеть мечом — теперь, когда тот уже нашел себе жертву. «Что ж, — подумал он, — теперь мне остается либо это, либо бегство нагишом по коридорам королевского дворца, — где я буду почти таким же неприметным, как слон в медвежьей яме!»

Он распахнул дверь, влетел в комнату и захлопнул дверь за собой. Прошло всего лишь несколько секунд,

прежде чем об нее ударилось чье-то тело: Шип Хана ускорил свой бег! Конан не остановился, чтобы вглядеться в худощавое тело, неуклюже распростершееся на красивых плитках пола. Оно не шевелилось. Не шевелился и стоящий над ним торчком меч, глубоко вонзившийся в грудь Зафры.

— Чуть влево от середины, — пробормотал Конан, чувствуя, как его рука покрывается «гусиной кожей», но тем не менее протягивая ее к рукояти этого заколдованного клинка. — Действительно, прекрасный меч! — его ладонь сомкнулась на рукояти. Та не шелохнулась. Казалось, это всего-навсего обыкновенный меч. — Что ж, Зафра, он не смог послужить тебе так, как ты ожидал, — возможно, он послужит Конану!

Действительно, прекрасный меч; он так глубоко вонзился в нижнюю часть груди Зафры, что Конану пришлось упереться ногой в тело лежащего навзничь мага, чтобы вытащить клинок.

Дверь распахнулась, и в ее проеме появился коренастый солдат в шлеме, латах и с мечом в руке; от того, в чем можно было узнать труп Волшебника Замбулы, к нему обернулся обнаженный человек, в чьем огромном кулаке тоже был зажат меч и чьи глаза и рычащий рот были глазами и ртом несущего смерть зверя.

Конан, облаченный в шлем и надетые поверх кожаной туники латы одного из Хан-Хилайим, шагал по внутреннему коридору замбулийского дворца. На боку у него висел меч Зафры — несмотря на то что его клинок распорол принадлежавшие охраннику ножны из тисненой кожи, натянутой на тонкую, легкую деревянную рамку. В руке Конан держал половину буханки хлеба, умело стащенную с проносимого мимо подноса, — так, что несшая поднос служанка даже ничего и не заметила. Это был хлеб из перебродившего теста — хлеб для изнеженного обитателя дворца в изнеженном городе, — и Конан был рад этому, потому что такой хлеб можно было проглотить за один присест, а его невесомость не

позволила той, у кого он был украден, что-либо заподозрить.

«Или, возможно, она поняла, но ей было наплевать, — думал Конан. — Хан-Хилайим, без сомнения, очень часто делают именно то, что им хочется. Что ж... вам недолго осталось, вы, подонки, которые служат подонку! А! Это, должно быть, та самая дверь».

Это действительно была она, и ее никто не охранял. Она открывалась в подземелье, и изнутри, рядом с ней, горела на стене единственная головня. Внутри и внизу была Испарана, как он и ожидал. Или, возможно, он помнил; без сомнения, именно здесь Зафра пытал его самого. Теперь он...

К несчастью, Испарана была не одна. При виде ее Конан на мгновение забыл об осторожности, и когда он шагнул через площадку к лестнице, ведущей в подземелье, где лежала Испарана, он услышал судорожный вздох и, рывком повернувшись, увидел двух Шипов Хана. Они стояли, глазея на нее, — сволочи! — здесь, наверху, слева от двери, а он, направляясь вперед и вправо, прошагал как раз мимо них. Сгибая колени в боевую стойку, он схватился одновременно за рукояти меча и кинжала и изготовился к атаке.

Двое Шипов казались озадаченными.

— Что это ты, по-твоему... — начал один из них, но Конан забыл, что на нем их форма. Он сделал то, что было крайне неожиданно для них и совершенно нормально и даже характерно для него: он атаковал этих двоих солдат.

Тот, кто начал говорить, более молодой, потерял половину плеча при встрече со взлетающим мечом Зафры, а второй получил удар кинжалом в живот прежде, чем успел взмахнуть своим клинком. Первый, без сомнения, остолбенев от шока, нашарил и вытащил свой собственный меч, — хотя его лицо было белым, а перерубленная рука повисла, как потрепанное алое знамя.

— Ты отважный сторожевой пес недостойного хозяина, — сказал Конан, — и это меня почти огорчает.

Он сделал обманный выпад мечом — удар, который солдат отразил своим клинком, — и взмахнул вперед левой рукой.

Кинжал переломился, ударившись о кольчугу. Конан проклял хана, который одевает своих избранных стражников в прекрасные одежды и доспехи, одновременно вооружая их оружием, непригодным даже для разрезания запеченной курицы, и сердито лягнул противника в пах. Бедняга застонал, согнулся пополам, потеряв равновесие, когда его искалеченная рука качнулась вперед, и свалился с края площадки, ударившись о плотно утоптанную землю в двадцати, или около того, футах ниже. Конан, не торопясь, вгляделся в распростертое тело. Оно не шевелилось. Киммериец повернулся, торопливо подошел к лестнице и спустился по двадцати и пяти ступенькам в эту мрачную камеру, обитель невыразимого ужаса и разложения.

Только приблизившись к обнаженной, связанной женщине, Конан обнаружил, что Испарана в подземелье не одна.

Хозяин этого продымленного, забрызганного кровью царства боли отдыхал от своих трудов, прикорнув на подстилке у задней стены. Теперь Конан увидел его в первый раз; палач Балтай был человеком такого же мощного телосложения, как и сам Конан, с такими же длинными руками и, возможно, таким же сильным, но с более заметным животом. Как и киммериец, он был вооружен и мечом, и кинжалом. Разница была в том, что его большой нож не был сломан.

— А ты здоровущий, — сказал он гортанным и в то же время странно высоким голосом, — так ведь?

Конан не подумал о том, чтобы отдать приказ волшебному мечу Зафры. Не стал он и ждать, пока хозяин камеры пыток нападет на него. Он подбросил сломанный кинжал в воздух и воткнул меч в земляной пол как раз вовремя, чтобы поймать кинжал правой рукой. Плевать ему на порезы; он взмахнул рукой назад, вперед, и рукоять и около трех дюймов неровно обломившегося клинка все еще были в воздухе, когда его ладонь опустилась на рукоять меча. Весь странный маневр длился какие-то секунды. Это был акт отчаяния; Конан не хотел тратить время, встретившись лицом к лицу с человеком такой силы, с такими длинными руками, и к тому же лучше вооруженным, чем он сам.

Он бросил кинжал не в голову Балтая, а в его грудь, предположив, что палач не сможет двигаться настолько быстро, чтобы успеть увернуться, — не с этим хорошо откормленным брюхом. Он оказался прав. К тому же палач Актера сделал неверное движение: он нырнул вниз, подставляя таким образом лицо летящему снаряду. Рукоять сломанного кинжала тяжело и с громким звуком ударила его в рот. Палач зарычал от боли и потрясения; его губа была разорвана, и один зуб сломан; из обоих глаз потекли слезы, вызванные не рыданиями, и он ослеп, пусть всего на мгновение. Этого хватило.

Меч Конана, выдернутый из земли согнутой вбок рукой, взлетел вертикально вверх и распорол брюхо Балтая от пупка до грудины. Разрез был неглубоким, но болезненным, длинным и кровоточащим. Клинок, оставляя за собой кровавый след, продолжал двигаться. Не задев лица палача, он взлетел над его головой, и Конан шагнул вперед, обращая свое движение и опуская клинок вниз. Великолепный меч Зафры рассек череп замбулийского мастера пыток.

— Слишком плохо, — пробормотал киммериец. — Было бы приятно испробовать на тебе твои собственные штучки, жирная свинья!

— Прекрати... разговаривать с покойником, — с некоторым трудом выговорила связанная женщина, пытаясь освободиться, — и разрежь на мне веревки. Я достаточно долго ждала тебя, ты, ворующий верблюдов кимрийский пес-варвар с куриными мозгами.

— Киммерийский, черт возьми, киммерийский, — отозвался Конан, разрезая веревки и восхищаясь про себя ее мужеством. Ей пришлось кое-что вытерпеть, и ничто из этого не было приятным. — У тебя довольно-таки ужасный вид, Спарана, любовь моя, — хотя я клянусь, что даже покрытая рубцами и грязью и с этим клеймом на теле ты все равно лучше выглядишь обнаженная, чем десять любых других женщин.

Она неуверенно села, морщась и растирая ободранные веревкой запястья.

— У этой толстой свиньи там, около подстилки, есть немного мяса и вина, — сказала она. — Как мило ты

разговариваешь, возлюбленный, с бедной, нежной и невинной девушкой, которую ты оставил в таверне Актеровым свиньям и псам. О-о... Конан... прости, но, по-моему, я сейчас потеряю сознание.

— У нас нет на это времени, Спарана. И вообще, это у тебя просто кровь отхлынула от головы, — как давно ты не стояла на ногах?

Он принес вино, встряхивая кувшин и улыбаясь плещущим звукам, и дал ей сделать первый долгий глоток, а потом помог ей встать на ноги, и внезапно она неистово сжала его в объятиях.

— Ох, — вырвалось у нее тут же, и она отшатнулась.

— Я понимаю твою благодарность и неумирающую любовь, Спарана, но я бы ни за что не стал обнимать человека, одетого в кольчугу.

Она подняла глаза и взглянула на него исподлобья.

— Ты действительно варварская свинья с мелкой душонкой, Конан. Ты знаешь об этом?

Его лицо напряглось. Все это ни к чему не вело; может быть, лишь слегка снимало напряжение; однако время не стояло на месте, а кроме того, ее голос начинал звучать слишком уж серьезно.

— Возможно, моя милая дама из Замбулы, но я только что убил Зафру, троих Шипов Хана и весящего несколько сот фунтов палача, чтобы прийти и вытащить тебя отсюда.

— О-о... о, Конан, — сказала она, сжимая его предплечья — липкие от чужой крови, — и опуская взгляд. — Не нужно ни с того ни с сего обращаться со мной так серьезно; ты знаешь, что я благодарна тебе и что я люблю тебя.

Он ничего не ответил, и через мгновение она взглянула на него блестящими глазами.

— Зафру?!

— Да. Его собственным мечом — вот он. Я расскажу тебе об этом как-нибудь в другой раз. Ты готова снова стать женщиной-воином, Спарана?

— Нагишом?

— У мастера пыток очаровательная, мягкая и душистая подстилка... Похоже, она состоит из одежд и других

женщин, кроме тебя. Хотя я узнал то красивое красное воздушное платье, которое было на тебе в ту ночь, когда они пришли за тобой.

— Уф... Я бы предпочла не носить то, на чем он спал... — она оглянулась вокруг. — Однако, похоже, у меня нет выбора. Только бы у этой мрази не было вшей, — она скрылась нагишом в полумраке в той стороне темницы, где раньше спал Балтай. — Я не могу описать тебе, Конан, как я рада тому, что ты сказал насчет Зафры, — и как мне жаль, что ты подарил этой свинье Балтаю такую быструю смерть. Знаешь, они сделали гораздо больше, чем просто попользовались мной.

Конан кивнул. Он знал, что «просто попользовались» означало бы несравненно больше для другой женщины — или девушки, которой Испарана не была. Возможно, ей удалось получить от этого хоть какое-то удовольствие. Он надеялся на это. Он был рад, что он мужчина и что ему никогда не придется говорить о том, что им вот так «просто попользовались».

— Ты воин, Испарана, — негромко сказал он.

— Ты внезапно заговорил так церемонно.

— Ты произвела на меня впечатление, — ответил Конан. — А как бы ты отнеслась к окровавленной кольчуге?

— Хорошая идея, — отозвалась она, одеваясь. — Ты не мог бы немного вытереть ее его туникой или еще чем-нибудь?

Конан как раз снял тунику с более молодого покойника с искалеченной рукой и сломанной шеей, когда боковое зрение сообщило ему о каком-то движении высоко наверху. Он поднял глаза и узнал Фаруза, одного из телохранителей Актер-хана. Плотный, средних лет стражник улыбнулся ему сверху вниз.

— Прекрасно. Я в любом случае всегда чувствовал отвращение к этому подонку Балтаю.

Конан, опускаясь на корточки, обхватил ладонью рукоять лежащего рядом меча и мрачно уставился на Фаруза, который стоял у самой двери. Стражник успел бы выскочить за дверь и запереть ее за собой гораздо раньше, чем Конан смог бы добраться до него.

— Хорошее место для тебя, варвар. Я просто закрою эту дверь, пока мой господин Хан не решит, что он пожелает сделать с вами обоими!

Конан вытащил меч.

— Йог бы тебя побрал, Фаруз, надо же было тебе прийти именно сейчас! Ты уверен, что не готов поменять хозяина?

— Вряд ли. Обо мне хорошо заботятся, Конан. Увидимся с вами обоими позже — и нас будет несколько.

Необъяснимым образом едва заметная улыбка приподняла уголки губ киммерийца. Он направил меч на человека, стоящего в двадцати футах над ним, пробормотал: «Убей его», и разжал руку.

Меч Зафры упал на дно темницы.

Фаруз расхохотался.

— Ага, я так и думал, что это... Значит, для варвара это не работает, а, варвар?

— Черт! — рявкнул Конан. — Этот пес Зафра... заклятие работало только для него! Это просто меч!

Когда он опускался на корточки, чтобы поднять меч, из полумрака в неосвещенном углу темницы, крадучись, высунулась изящная рука и подобрала кинжал Балтая. Конан подхватил меч Зафры и в отчаянии швырнул его вверх в тот самый момент, когда Фаруз начал отступать за дверь. Клинок со звоном отлетел от каменной стены. Фаруз рассмеялся и насмешливо помахал рукой в знак прощания — и кинжал, брошенный Испараной, доказал, что для оружия, летящего снизу, кожаная пола туники стражника не была достаточно длинной. Кинжал Балтая вонзился в пах Фаруза, и тот, хрипя и давясь блевотиной, с огромными, остекленевшими в агонии глазами, опрокинулся на спину.

Конан резко повернулся к Испаране. Она вышла на свет в наряде, который был смехотворно разношерстным даже для этой камеры.

— Я не знал, что ты можешь бросить нож таким манером дважды!

— К счастью для тебя, могу. Много раз я с удовольствием бросила бы кинжал в тебя, мой дорогой, если бы

только у меня была такая возможность. Я не сделала этого — опять же к счастью для тебя.

Они с наслаждением обгрызали мясо с большой жирной кости.

Конан смотрел на нее, припоминая все те разы, когда она легко могла убить его — в то время, когда ей еще этого хотелось, — если бы у нее был кинжал, уравновешенный для метания. Эта спокойно жующая женщина убивала с душевной непринужденностью и самоуверенностью киммерийца!

— Уф! Хвала всем богам за то, что все, что ты когда-либо использовала против меня, — был меч! Надо бы не забыть поговорить об этом — как-нибудь в другое время. А этот кинжал был еще и тяжелым.

— Да. Меня нельзя назвать слабой. Однако мне пригодится твоя помощь, когда я буду надевать эту кольчугу.

— О!

Пока он помогал Испаране натянуть через голову и коппу черных волос, — которые в данную минуту были грязными и слипшимися от пота, — тридцать, или около того, фунтов сработанной без единого шва кольчуги, она задала ему нескромный вопрос:

— А что это была за странная история с мечом? Ты сказал: «Убей его» — и уронил меч на пол?

Он коротко рассказал ей, как Зафра использовал меч, и что он сказал о нем, и как меч гнался за ним, Конаном, — и как пронзил того, кто его заколдовал.

— Клыки Йога, — слегка вздрогнув, сказала женщина, — какое ужасное волшебство! Я рада, что он умер и что меч теперь у нас, — а ты думаешь, что он был заколдован так, чтобы подчиняться только приказу Зафры?

— Ну, — сказал Конан, направляясь вместе с ней к лестнице, — моему приказу он не повиновался! И бросил я его отнюдь не удачно, — если бы не ты, мы были бы пленниками и ждали бы появления полчищ вооруженных стражников.

— Двоих было бы вполне достаточно, — заметила Испарана, — с луками или арбалетами. Значит, Зафра собирался захватить всё, — а Актер-хан непременно

потребовал бы себе такое оружие, как этот меч, если бы он знал о нем!

Конан мрачно усмехнулся и кивнул. Несколько минут спустя они ногами снихнули Фаруза в подземелье пыток, а сами надели доспехи и взяли по паре мечей и кинжалов. Испаране не подошел ни один из шлемов — у нее было слишком много волос. Беглецы повернулись к открытой двери, и тут Испарана поймала Конана за руку.

— Я не могу поверить, что мы когда-нибудь выберемся из дворца живыми, Конан. Я хочу сказать тебе, что...

— Тогда пойдем искать себе помощь, — сказал он и широко распахнул дверь.

— Подожди... Конан! Я хотела сказать... искать помощь? Что ты имеешь в виду? Конан!

Он не остановился, чтобы подождать ее, и она с угрожающим выражением лица поспешила вслед за ним в коридор.

— Что ты имеешь в виду — «искать помощь», черт бы тебя побрал?

— Ты, без сомнения, права в том, что мы никогда не сможем вырваться с боями из дворца, и, конечно же, мы не сможем выскользнуть отсюда украдкой. Ни один человек, видевший нас больше, чем мельком, не поверит, что мы — Хан-Хилайим! Так вот, здесь есть один человек, который может помочь нам выбраться наружу, — тем, что будет нашим пленником! Мы найдем его в тронном зале.

У нее перехватило дыхание.

— Но ты же не можешь иметь в виду, что собираешься похитить Ак... — она замолчала на полуслове, и по ее лицу медленно расползлась улыбка. — Можешь! Ты это и имеешь в виду! И если кто-нибудь вообще и может сделать это — то это мы, Конан!

— Ты могла бы попробовать называть меня Фузл или как-нибудь еще, — сказал он, выйдя из себя. — Нет нужды трубить повсюду мое имя, чтобы проверить, сколько внимания оно может привлечь!

— Прости, Фузл, — отозвалась она, и они зашагали по залам дворца так, словно были здесь хозяевами.

Одна, потом вторая, а вскоре и третья служанка бросилась бежать при виде того, как они приближались с

суровыми лицами — одетый в доспехи гигант и одетая в доспехи женщина со спутанными волосами, чье лицо и ноги были измазаны грязью и жиром. Еще одна, четвертая служанка увидела их, заколебалась и пустилась наутек. Двоим солдатам из Хан-Хилайим следовало бы сделать то же самое. Конан и Испарана оставили одного мертвым, а второго — стонущим в луже собственной крови, а сами приблизились к дверям, ведущим в королевский зал Замбулы.

— Как мило с его стороны, что он не поставил здесь охрану, — сказал Конан со скверной ухмылкой. — Готова?

— Готова.

Конан и Испарана рывком распахнули две огромные створки и вошли в широкий и длинный тронный зал.

Почти в пятидесяти футах от них сидел на троне Актер-хан в царственных одеждах и алых туфлях. Между ним и двумя незваными гостями стояло одиннадцать стражников. Они были изумлены; Конан и Испарана были хуже, чем изумлены. На них уставились двенадцать пар глаз. Над глазами одного из них был шлем, из которого торчали желтые перья, именно этот человек заговорил:

— Взять их.

Глава 20
МЕЧ НА СТЕНЕ

— Стойте!

Этот контрприказ был отдан Актер-ханом, и десять его Шипов замерли наготове, держа руки на рукоятях оружия. Хан наклонился вперед на своем отделанном серебром троне из фруктового дерева, и на лице его отразилось возбуждение.

— Конан, — продолжал он, — Испарана, отойдите в сторону — оба. Освободите проход к двери. Капитан Хамер — выведи своих людей в коридор. Всех. Я желаю поговорить с этими двумя.

Человек в шлеме с перьями, не поворачиваясь, рывком обратил лицо к Актеру.

— Господин Хан! Это враги — и они вооружены!

Конан внимательно наблюдал за сатрапом и капитаном. Он не заметил, чтобы они обменялись каким-либо знаком. Офицер вроде бы искренне был в ужасе от кажущегося безумия своего повелителя. Актер взглянул поверх его плеча на Конана.

— Ты сдашь свое оружие? Я не собираюсь обманывать тебя, Конан. Я действительно хочу, чтобы мы трое остались одни в этом зале.

— Зачем?

Это единственное слово, произнесенное киммерийцем, пронеслось, словно рык, сквозь тишину огромного зала.

— Я скажу тебе, — ответил Актер-хан, удивляя всех, кроме Конана. — Возможно, ты кое-что знаешь о том, почему небольшой отряд воинов на верблюдах в эту самую минуту доставляет столько беспокойства моей армии. Я помню, что ты прибыл в Замбулу в сопровождении некоторых из этих шанки... и мне искренне не хочется уничтожать их всех до единого, хотя и ты, и я — оба знаем, что я могу это сделать. Я буду говорить с тобой и с Испараной наедине.

Испарана еле слышно произнесла:

— Не верь ему!

Конан сказал вслух:

— Я ему верю.

— Господин Хан... — начал капитан Хамер умоляющим тоном.

Актер взмахнул рукой, выказывая некоторые признаки гнева.

— Довольно! Вы покинете этот зал и останетесь поблизости в коридоре, капитан, ты и твои люди. Я готов стерпеть некоторое неуважение со стороны этого могучего воина, Хамер, который считает, что я предал его. Но я не стану спорить с тобой, человеком, которого я назначил на пост только потому, что он — брат одной из бывших шл... любовниц. Помни: оставайтесь рядом за дверью; и так уже достаточно моих Шипов покинуло дворец, чтобы помешать этим крысам пустыни на их паршивых верблюдах внезапно атаковать ворота!

И Актер-хан снова перевел взгляд с Хамера на Конана.

— Ваше оружие? Ты же понимаешь, что я не могу позволить вам остаться здесь наедине со мной и с оружием в руках.

— Я понимаю. Ни один чужестранец не должен приближаться к королю в его палатах, имея при себе оружие.

— Ко-нан... — сделала еще одну попытку Испарана.

Конан обратил на ее увещевания не больше внимания, чем Актер на мольбы Хамера. Восседающий на троне сатрап империи Турана и семнадцатилетний юноша-горец из Киммерии, словно два могущественных властелина, пристально глядели в глаза друг другу — пока Конан нагибался и клал на пол оба своих длинных клинка. Он некоторое время поколебался, не отводя взгляда от глаз Актера, потом положил туда же и оба кинжала. Хан и двенадцать замбулийцев наблюдали за ним, затаив дыхание; воздух в просторной комнате, казалось, сгустился от напряжения.

— Испарана, — сказал Конан.

— Конан... мы только что...

Он оторвал взгляд от лица Актера на достаточно долгое время, чтобы дать ей почувствовать жар этих вулканических голубых глаз, пылающих на его суровом лице. Она уставилась на него в ответ и попыталась выразить взглядом разумную мольбу.

— Я безоружен, Хан Замбулы, — произнес он, не отрывая глаз от Испараны. — Поскольку эта замбулийка отказывается, пусть она покинет зал вместе с Хамером и его колючей командой.

Теперь ее взгляд был исполнен мрачнейшей угрозы — и она, медленно и с неохотой, повторила действия киммерийца. Четыре меча и четыре кинжала лежали на гладких плитах пола. Конан оставался в полусогнутом положении, готовый подхватить длинный и короткий клинки.

Хамер снова взглянул на своего хана — с надеждой. Его люди были наготове. Слово, знак — и они выхватят мечи и бросятся, чтобы пролить кровь этой бывшей воровки из их города и этого громадного, рычаще-мрачного, надменного чужестранца, от которого их хан принимал намеренное пренебрежение. Конан, вдруг осознав, что сдерживает дыхание, выдохнул, снова втянул в себя

воздух, выпустил его; ему потребовалось направлять эти действия усилием воли.

— Капитан Хамер, — сказал Актер-хан, и мускулы Конана напряглись — как и мускулы свирепо глядевших на него охранников, — оставь нас.

Конан заставил себя расслабиться — чуть-чуть.

— Ты пойдешь последним, капитан, — продолжал Актер-хан. — Возьмешь эти их клинки.

Десять человек колонной промаршировали мимо Конана и Испараны; все их движения были настолько проникнуты контактом ненавидящих глаз и напряжением, что казалось, будто они длятся целые часы. Глаза киммерийца встретились с глазами Хамера.

— Будь так добр, отойди в сторону, Конан, — крикнул хан.

— Нет. Сначала ее клинки.

Испарана запротестовала. Конан, не отрывая взгляда от шемитского стражника, продолжал настаивать. Теперь он стоял выпрямившись; если бы капитан начал сейчас вытаскивать меч из ножен, внезапный бросок и сокрушительный удар коленом и предплечьем заставили бы его распластаться на полу. И тут бы все началось: его люди, толпясь и пихаясь, бросились бы обратно в зал...

— Испарана! — рявкнул Конан. — Отойди!

Испарана с подергивающимся лицом повиновалась. Капитан, приблизившись на два шага, поставил ногу на ее кинжалы и разделил их. Потом этой же ногой он один за другим отправил их в коридор. За ними последовал ее меч. Второй ее меч. Ожидающие не отводящие от этой сцены глаз вооруженные люди подняли их; двое при этом спрятали в ножны свои собственные клинки.

Хамер посмотрел на Конана, и их глаза встретились. Киммериец отступил на один шаг в сторону.

— Мои кинжалы, — сказал он и проследил за тем, как шемит делает осторожный шаг и потом толчком ноги посылает один из ножей вслед за остальными клинками. Второй кинжал последовал за первым — раньше он принадлежал Балтаю.

Прошла целая минута, прежде чем оба меча Конана оказались в коридоре. Он был уверен в том, что Испарана

и Хамер почувствовали в эту минуту, как возрастает их напряжение. Для него самого это был критический момент; его собственное напряжение уменьшилось. Только он знал, что если Актер произнесет слова предательства и Хамер начнет вытаскивать свой меч, то пах капитана пронзит боль, а его лицо окажется разбитым всмятку. Конан ждал. Капитан ханской охраны, опустив руку на рукоять меча и отступив на два шага, повернулся и вопросительно взглянул на своего повелителя. Конан, слегка позвякивая доспехами и едва слышно ступая по полу обутыми в башмаки ногами, сделал два шага вперед, по направлению к Хамеру.

— Капитан Хамер... у б и р а й с я... в о н.

Прежде чем хан успел договорить последнее слово, Конан промчался на десять шагов вправо, потом вперед и остановился. Теперь он был на таком же расстоянии от хана, что и Хамер, и далеко от одетых в мундиры шемитов.

Капитан — на лице которого дурные предчувствия смешивались с желанием убить, заявлявшим о себе блеском глаз, — проследовал за своими Хилайим прочь из зала.

— Закрой двери, — скомандовал Актер-хан.

— Мой г о с п о д и н Х а н...

Актер-хан вскочил на ноги и ткнул пальцем:

— З а к р о й д в е р и!

Казалось, хан в конце концов сошел с ума. Возможно, виной тому было его хорошо всем известное пьянство. Он отдал приказ, и тринадцать человек были тому свидетелями. Его действия граничили с самоубийством — и это после того как он жестоко оскорбил и унизил Хамера перед его собственными солдатами и врагами. Хамер мысленно пожал плечами. Если этот проклятый пьяница, его хан, которого называют Заколотым Быком, желает совершить самоубийство... пусть. Он сделал знак.

Капитан Хамер самолично принял участие в закрывании дверей.

Это было сделано.

Двое воров были одни в тронном зале с Ханом Замбулы.

Они были безоружны, и оба полностью отдавали себе отчет и в этом, и в том, что совсем рядом, по другую

сторону этих открывающихся дверей, толпятся вооруженные солдаты. Конан сосредоточился на своем дыхании, упорно не позволяя своему взгляду перескакивать на меч с красиво отделанной самоцветами рукоятью, висящий на стене слева от трона. О да, он знал, что этот меч висит там. Возможно, Актер-хан думал, что он забыл о нем или не заметил его. Возможно, он думал, что Конан отметит положение меча и утратит бдительность. Но Конан был не из таких; он помнил, что Актер-хан — левша.

Напряжение висело над тишиной просторного зала, словно смертоносный орел, парящий над своей осторожной жертвой.

Хан сообщил Конану, что его план вступил в силу. Все началось.

За стенами города шанки выполняли свою часть плана. Солдаты из гарнизона преследовали их; люди из дворца стояли у ворот, далеко отсюда. Балод и его войско двигались по направлению ко дворцу. А во дворце — Конан и Испарана стояли перед Актер-ханом, наедине с Актер-ханом, и Конан знал о мече, на который он не смотрел. Не смотрел на него и Сатрап Замбулы.

«Ему никогда это не удастся», — думал киммериец. Он, Конан, будет там прежде, чем Актер успеет наполовину вытащить меч из его богато украшенных ножен.

Если уж на то пошло, то киммерийцу лучше было бы самому придвинуться поближе к оружию. Возможно, Актер спрятал какой-нибудь меч в этом своем парадном троне с высокой спинкой. А эта расширяющаяся книзу мантия шахнурского пурпура могла скрыть под собой какой угодно кинжал. «Нет, — думал Конан, — мне не нужно бояться этого меча на стене; если кто-то и пустит его в дело, то это буду я».

Конечно, стражники все еще ждали совсем рядом с высокими дверьми...

— Испа, — позвал Конан, не отрывая взгляда от хана, — опусти перекладину на двери.

Актер-хан только улыбнулся и откинулся назад, и Испарана опустила огромный, снабженный противовесом брус в скобы, прикрепленные к дверям по две с каждой стороны. Теперь слегка улыбнулся Конан, пытаясь

представить себе лицо капитана и то, что будет твориться в его мозгу, когда он услышит, как его полностью отрезают от его хана.

Да, в эту самую минуту славный шемитский капитан должен быть как нельзя более обеспокоен! Вопрос был в том, почему улыбался Актер-хан.

Знал ли он о том, что бурлило у Конана в уме?

— Итак, киммериец. Ты видел меч Зафры.

— Я видел его. Я смог ускользнуть от него и победить его. Я использовал его. Брат твоей прежней потаскухи только что вытолкнул его в коридор.

Пальцы хана сжались на подлокотниках трона. Это инстинктивное движение не ускользнуло от взгляда Конана.

— Этот меч, — выдохнул Актер-хан. — Ты...

Конан кивнул.

— Ах, так, — сказал Актер, — И Зафра...

— ...направил его против меня. Я уклонился от него, и выскочил из комнаты, и закрыл за собой дверь, — сообщил Конан, отмечая без особого беспокойства, что здесь у него под рукой не было ничего похожего на светильник, который он использовал, чтобы отразить направляемую волшебством сталь.

— Пока я держал дверь, чтобы она не открылась, меч Зафры продолжал свое дело. Он выполнял то, что ему было приказано. Зафра сказал, что он должен был убить. Он и сделал это... в то время, когда был в комнате наедине с Зафрой.

Услышав о смерти своего подопечного, своего советника, своего высокоценимого молодого мага, которого он сделал Волшебником Замбулы, Актер-хан зажмурился и заскрипел зубами. В конце концов ему удалось овладеть собой, и он открыл глаза и рот. Его голос был очень мягким.

— Очень... ловко с твоей стороны. У Зафры не было способа защитить себя от своего собственного заклинания?

— Об этом я ничего не знаю, — пожимая плечами, ответил Конан. — После того как я выскочил из комнаты, там остался только один человек — и меч, которому был отдан приказ. Зафра сказал, что меч не остановится, пока не убьет. Он приказал: «Убей его». Зафра, а не я, стал «им».

Актер-хан вздохнул.

— Мне будет не хватать его, хотя это был человек, которому я никогда не мог доверять. Полностью — никогда. Без Испараны — которой мне не следовало доверять — я прекрасно могу обойтись.

— Попробуй пройти мимо меня, чтобы добраться до нее, Хан Замбулы.

— Да, это я, — многозначительно, нараспев протянул Актер. — Я — Хан Замбулы. Некто по имени Балад, и с ним кучка недовольных изменников противостоят мне, и им никогда не одержать победы. Ты там, в пустыне, подружился с шанкийскими варварами, и теперь они выступили против Замбулы. Я — Хан Замбулы.

Конан внимательно следил за тем, чтобы его лицо оставалось бесстрастным. «Да, ты — хан, Актер, в этот час, в эту минуту. Ты еще не связал воедино Балада, меня и «атаку» шанки, ты связал только шанки и меня. Продолжай тратить время на меня. Хан Замбулы, — продолжай оставаться глупцом».

Актер-хан улыбнулся.

— Да, я — Хан Замбулы. А ты... бедный варвар. Как мало ты знаешь. Это просто хорошо развитые мускулы и умение владеть мечом, ведь так?

— Это правда, гением меня не назовешь. Всего несколько дней назад я уставал и злился, когда вы, выросшие в городах шакалы, которые думают, что стены вокруг собранных в кучу домов создают нечто, именуемое ими «цивилизацией», — когда все вы называли меня варваром. Теперь я совершенно не зол — я горд. Называй меня варваром. Я убиваю в честном бою, но никогда — из-за угла. Ты, Хан Замбулы, убиваешь исподтишка. Как видишь, я учусь.

— Ты учишься, царень с холмов... чего бы там ни было. Но, Конан, ты узнал недостаточно — и недостаточно быстро. Без тебя я преспокойно обойдусь.

Конан только посмотрел на него свирепым взглядом. Он заставлял себя расслабиться и быть готовым ко всему. Он не смотрел на Испарану. Независимо от того, в какую сторону сделает движение Актер, он, Конан, прыгнет прямо к мечу на стене. Ему незачем было

бояться этого меча, бояться нужно было хану, считает он так или нет.

— Зафра сказал тебе, Конан, что меч не разбирается ни в родах, ни в местоимениях и не останавливается до тех пор, пока не убьет, — после чего нужно только приказать ему снова? Для него и Испарана, и ты — это «его».

Киммериец дерзко пожал плечами.

— Что бы это все ни значило — какая от этого польза? Меч не прорвался бы сквозь эти двери, даже если бы Зафра был жив, чтобы отдать ему приказ. Но Зафра мертв.

Конан не видел причин говорить Актеру, что меч, вероятно, повиновался — повиновался и в тот раз, не заботясь о том, кем была его жертва, — только покойному колдуну. А между тем... почему Актер был так уверен в себе, почему казалось, что он торжествует?

«Что он планирует? Что знает он такое, чего не знаю я?»

Конан глянул на стену справа от себя. Он знал, что эта дверь вела в комнату Зафры. Возможно, капитан собирался... — нет. Конан был уверен, что хан и Хан-Хилайим не обменялись никаким сигналом; и у них не было оснований полагать, что он и Испарана, вырвавшись с боем из подземелья, направятся к этому залу, а не к ближайшему выходу. Тем не менее киммериец подошел на шаг ближе. К Актер-хану. К мечу на стене.

Он попытался послать свои мысли на поиски. Он не мог внимательно осмотреть комнату, потому что не осмеливался отвести глаза от вероломной кровожадной мрази, оскверняющей трон, который она занимала. Что придавало Актеру такую уверенность в себе? Почему он улыбался? Почему он был в состоянии улыбаться? Он хотел остаться здесь наедине с Конаном и Испараной не для того, чтобы спросить об атаке шанки, как он сказал; он не боялся этой атаки и не подозревал, что это был обманный маневр, результат трехстороннего плана, составленного Конаном, Баладом и Хаджименом. Конан и Испарана были нужны ему здесь по другой причине. По какой? Почему он улыбался? Это была торжествующая улыбка. Почему — и как?

Конан не знал. «Актер прав», — думал киммериец. Он молод и знает недостаточно. Его ум недостаточно изворотлив, хотя он считал себя блестящим стратегом, составляя план, который должен был опрокинуть этого пьянствующего, вероломного правителя. Актер был прав. Оружием Конана были быстрота, и сила, и меч, а не мозг.

Ему оставалось только ждать — напряженно приказывая своему телу не напрягаться, — пока он узнает, какая хитрость может быть в запасе у Актер-хана. Что он прячет за спиной... может быть, в буквальном смысле? Кинжал? Неважно. Этот человек не сможет бросить его быстрее, чем может двигаться киммериец. К тому же практически невероятно, чтобы он умел метать кинжал так же, как Испарана; и он не был в достаточной степени мужчиной, чтобы попытаться вступить в бой с рослым и мускулистым юношей, которого он так бойко называл «варваром». Терпение Конана было далеко не безграничным, далеко не таким, каким оно станет в более зрелые годы, — если он переживет нынешний день.

Он начал медленно подходить к возвышению, и к стоящему на нем трону из мерцающего серебром фруктового дерева, и к сидящему на этом троне человеку в фиолетовой мантии.

— Ах, Конан, Конан! Видишь ли, варвар... видишь ли, Зафра наложил заклятие Скелоса на д в а меча.

И хан улыбнулся, почти сияя.

— Конан! — встревоженный крик Испараны.

Взгляд Конана немедленно метнулся к висящему на стене спрятанному в ножны мечу и застыл на нем. В этот миг киммериец понял, что он пропал, что он погиб, а в следующий — подумал, что может спасти хотя бы Испарану. Меч ведь не различает родов и местоимений, а? Значит, он убьет их, одного за другим, получив два приказа... если только она не откроет двери, и стражники капитана Хамера не ворвутся толпой в зал, окружая ее со всех сторон. Станет ли тогда меч, убив Конана, набрасываться на них, словно коса на заманчиво раскинувшееся хлебное поле?

— Спарана! Открой дверь!

— Конан! Меч...

— Убей его.

На теле киммерийца выступил пот и побежал по его бокам, заструился по лбу. Глаза Конана не отрывались от прикрепленного к стене меча, окутанного заклятием меча, который должен был стать его окончательной погибелью, пережив человека, заколдовавшего его и встретившего свою собственную погибель. Конан смотрел на меч. Голубые глаза киммерийца были словно прикованы к усаженной самоцветами рукояти тяжелыми цепями.

Миг жгучего напряжения растянулся. Конан ждал, и все его тело дрожало мелкой дрожью. Он смотрел на меч.

Тот не шелохнулся.

Это был просто меч, висящий в ножнах на золотых скобах на стене тронного зала. Как висят тысячи других во всем мире...

— Убей его! — на этот раз хан заговорил немного громче. Его требование граничило с просьбой.

Испарана стояла, застыв в неподвижности у огромных запертых дверей, подняв руки на уровень противовеса, повернув голову, устремив взгляд на меч.

Меч не шелохнулся. Ладони Актер-хана стиснули резные львиные головы на подлокотниках его высокого трона, и, когда он резко обернулся, чтобы взглянуть на меч, костяшки его пальцев были белыми.

— Убей его! Убей его!

— Опусти брус, Испарана.

Брус с грохотом упал на свое место. Хан уставился на того, кто бросил ему вызов. Меч продолжал висеть на стене.

— Актер-хан — собственный меч Зафры повиновался ему, но не мне.

Пот затекал Конану в глаза и заставлял его жмуриться и дергать головой. Киммериец жалел, что не может присесть. Он чувствовал озноб. Напряжение оставляло его, пот улетучивался.

— Либо заклятие потеряло силу вместе с его смертью, либо...

— Эта вероломная собака!

По залу раскатился нервный женский смех.

— Господин Хан? Тебе не приходит в голову, что, хотя ты превосходно судишь о людях, но тем не менее ты учишься чересчур медленно? Ты мог бы доверять нам. Получив награду, мы были бы счастливы и преданны. Зафре ты доверять не мог!

Актер припомнил... в подземелье, когда он подозвал к себе Балтая... и направил меч на эту аквилонийскую девушку, Митралию. Зафра отступил назад, встал рядом с ним, но за его спиной. Актеру показалось, что он услышал его быстрый свистящий шепот, но тут чудесный меч бросился вниз, в подземелье, чтобы выполнить его, Актера, повеление — так он думал, — и он, восхищенный, окрыленный, перестал обращать внимание на что бы то ни было. Его повеление? Нет! То, что он слышал, должно было быть голосом, тихо произносившим: «Убей ее»... или «его».

Теперь он смотрел на двоих, вторгшихся в его тронный зал, двоих, которых он приказал оставить наедине с собой, двоих, которым он даже в своей самонадеянности и уверенности в Мече Скелоса позволил запереть двери, — и внезапно он почувствовал себя очень одиноким на своем троне и словно ссохся под своей мантией.

— Не зови своих людей, Актер-хан, — сказал Конан, приближаясь при этом к трону. — Ты будешь задушен и начнешь разлагаться к тому времени, как им надоест пытаться разрубить дверь мечами и они пошлют за топорами или тараном. И что это даст тебе?

Конан шагал к восседавшему на возвышении хану, и в этот момент по другую сторону громадных запертых дверей послышались звуки: крики и лязг оружия.

Глава 21
ТРОН ЗАМБУЛЫ

Конан остановился на расстоянии двух длин своего тела от возвышения, на котором стоял трон Замбулы, и уставился на огромные двери, как уставились на них Испарана и Актер-хан. Снаружи, в коридоре, люди вы-

крикивали проклятья, предупреждения, угрозы. Люди кричали и громко стонали, получая ранящие их удары. Доспехи бряцали и лязгали. Острые клинки со звоном отлетали от шлемов, доспехов и других острых клинков. Один с глухим стуком врезался в дверь: кто-то собирался нанести могучий удар, а его предполагаемый получатель увернулся. Опыт Конана подсказал ему, что дерево, из которого сделана эта дверь, удержало клинок, и киммериец решил, что тот человек, который нанес этот несчастливый удар, уже мертв или ранен, потому что в бою нескольких секунд беспомощности было достаточно. Возгласы и лязганье стали продолжались. Теперь киммериец был уверен, что слышит меньше воплей, меньше криков боли или тревоги и — да, слышит меньше ударов клинков.

А потом их стало еще меньше. Кто-то упал на дверь. Конану был знаком звук, который он услышал потом: безжизненное тело медленно соскользнуло вдоль створки дверей на пол. И потом наступила тишина.

Конан взглянул на Испарану и увидел, что она смотрит на него.

— Балад, — пробормотал он.

Кулак — нет, определенно рукоять меча — забарабанила по двери, которая почти не заметила этого благодаря своей толщине, высоте и мощи. Огромная перекладина даже не задребезжала.

— Актер! — взревел чей-то голос, и Конан узнал его. — Твои стражники убиты или сдались. Хан-Хилайим больше не существует. Хамер лежит тяжело раненный. Иабиз давно уже сдался и предложил присоединиться ко мне и служить мне! Это Балад, Актер; помнишь меня, твоего старого друга? Дворец наш. Открой двери. Актер-р-р!

В течение долгого времени Актер, некогда хан, сидел в оцепенении, глядя на резные двери.

Конан неторопливо прошел мимо него, без труда снял меч со стены и начал было пристегивать ножны к своему поясу, но тут же остановился, нахмурившись, а потом отшвырнул спрятанный в ножны Меч Скелоса. Тот с лязгом заскользил по розовым и красным плиткам

пола и остановился в нескольких футах от запертой входной двери.

Актер даже не взглянул на киммерийца. Он смотрел на двери, по которым снова с грохотом ударила рукоять меча.

Наконец очень тихо он сказал:

— Открой двери.

Испарана, не так тихо, сказала:

— Нет.

И зашагала прочь от высокого портала и лежащего перед ним меча в ножнах.

Актер какое-то время смотрел на нее, потом повернул изнуренное лицо к Конану. Киммериец стоял, сложив руки на груди, и спокойно глядел на него.

— Конан...

— Нет, Актер-х... Актер. Ты сам поднимешь перекладину. То, что ты причинил зло девочке-шанки, было твоей великой ошибкой. То, что ты причинил зло Испаране и мне, — предпоследней. То, что все твои надежды основывались на вере в этот заколдованный меч, — последней. Я понятия не имею, скольким людям ты причинил зло, скольких ты убил в дополнение к девушке-шанки или скольких разорил. Но... пришло время тебе расплатиться. Ты перестал быть сатрапом, Актер, ты перестал быть ханом — перестал править. Ты сам откроешь двери тем, кто представляет народ, который ты оплевывал и топтал ногами.

В течение долгого времени Актер продолжал смотреть на Конана. В этих темных глазах не пылала ненависть или гнев; казалось, они умоляли. Потом голова в короне медленно повернулась снова к деревянному порталу, отделяющего его от тех, кто сверг его. И опять множество долгих секунд поползло улитками, пока он невидящим взглядом смотрел на дверь, погруженный в мысли о поражении. И об угрызениях совести? Конан в этом сомневался

Актер поднялся, тяжело оттолкнувшись обеими руками от подлокотников своего парадного трона, и по ступенькам спустился с возвышения на вымощенный плитками пол. Машинально сжимая в левой руке несколько

складок своей мантии, он прошагал — почти проскользил эти пятьдесят футов. Поколебавшись всего несколько мгновений, он поднял небольшой рычаг, который в свою очередь заставил подняться огромный брус, перекрывавший створки дверей. Потом Актер повернулся, взглянул на Конана и Испарану и на лежащий на полу поблизости меч и направился назад к своему трону. Конан взглядом проследил за тем, как он поднимается по ступенькам походкой старого, усталого человека, поворачивается и тяжело опускается на свой высокий трон. Спустя еще мгновение Актер поставил ступни ног вместе, опустил локти на подлокотники кресла и выпрямился.

Конан был поражен мужеством и достоинством этого человека. «Правда, сам я поднял бы этот меч и встретил бы их, как воин, чтобы пасть в бою, — подумал Конан. — Но ведь я не король и не сатрап, и во мне нет королевской крови. В Актере она есть и у него есть достоинство». Киммерийцу не очень-то нравилось, что на него произвел такое впечатление этот человек — такой человек, — но не в его характере было испытывать в данный момент какое-то другое чувство.

Актер-хан отдал свой последний приказ:

— Войдите.

Обе высокие створки распахнулись настежь под напором вооруженных людей в доспехах, которые не ввалились шумной толпой в тронный зал, а остались стоять в дверях, и в самом их центре был одетый в кольчугу Балад. Его голова была не покрыта, но мокрые пряди волос свидетельствовали о том, что он только что снял шлем, который носил в сражении.

В тронный зал влетело стройное женское тело в лохмотьях шелка. Оно приземлилось с мягким глухим стуком, его шея безвольно мотнулась, и глаза Тигрицы Чиа, казалось, уставились на ее хозяина.

Балад поднял руку, в ней был лук с наложенной на тетиву стрелой. Он поднял другую руку, быстро прицелился — и послал стрелу в человека на троне. Актера отбросило назад, к спинке его большого кресла, и он крякнул; потом, цепляясь пальцами за подлокотники, поднялся на ноги. Балад снова отпустил тетиву. Позади него

приверженцы заметались, и на некоторых лицах отразился ужас. Вторая стрела вонзилась в тело Актера с хлюпающим глухим звуком. Два тонких древка с серо-белыми перьями торчали теперь из его живота.

— Балад! — взревел Конан. — Он открыл тебе двери — он сидел с достоинством короля! Он даже не вооружен! Это не честный бой — это б о й н я!

Он пылал яростью, и Испарана не видела ничего красивого в его лице.

— Солдаты! Будете ли вы п р о д о л ж а т ь следовать за ханом-убийцей? Кто же клянется на верность человеку, который завоевывает престол и убивает его обладателя не в поединке и не в бою, а предательски — на расстоянии?

И солдаты зашептались между собой. А Балад перевел свой блестящий взгляд на киммерийца, который стоял совсем один.

Встревоженная Испарана предостерегающе сказала:

— Ко-нан...

Балад и Конан мерили друг друга свирепыми взглядами, а Актер в это время осел, скатился по ступенькам, ведущим на возвышение, и остался неподвижно лежать на плитках пола.

— Конан? Я теперь х а н! Хан Замбулы! — Балад воздел вверх руки, одна из которых сжимала орудие убийства. — Ты должен будешь п о л у ч и т ь н а г р а д у, приятель!

— Актер, — сказал Конан, — правил, как скотина, но он был правителем и только что доказал это. Он сидел, как король, готовый принять свое смещение, — и был убит, как преступник, человеком, который пустил в ход оружие, действующее на расстоянии, оружие труса или самого подлого охотника!

Балад сделал несколько шагов вперед, входя как хозяин в тронный зал, на который заявлял права. Он небрежно поставил ногу на кончик ножен заколдованного меча, взглянул на Конана и заговорил голосом, который казался еще более зловещим из-за того, что был таким спокойным.

— Не говори со мною так, Конан. Это чудовище заслуживало только смерти, и у нас нет времени на судебные

процессы! Нужно столько всего сделать для Замбулы! Что касается тебя, Конан, чужестранца, но верного помощника, — как будет звучать для твоих ушей пост личного телохранителя Хана?

Испарана смотрела на Конана, закусив губу. Балад смотрел на него и ждал, и в нем уже чувствовалась холодная надменность правителя. Конан отвечал ему хмурым взглядом. Солдаты в доспехах, вооруженные и окровавленные, ждали в широком проеме дверей.

Наконец Конан сказал:

— Я не стану охранять твое тело, Балад. Ты встретил меня ложью, боясь даже сказать мне, что это был ты, а не какой-то Джелаль. Ты смог захватить дворец благодаря мне и Хаджимену и его воинам на верблюдах. Когда мне понадобится престол, я тоже убью ради него, — но только если у правителя будет в руках клинок. Я присоединился к тебе, чтобы выступить против неправедного убийцы — и я не стану теперь о х р а н я т ь убийцу!

В огромном зале снова, как свинцовые тучи, повисли напряжение и тишина.

Потом Балад, на скулах которого перекатывались тугие желваки, поднял руку, чтобы достать из-за плеча еще одну стрелу.

Он вытаскивал ее из колчана, когда его глаза покинули лицо Конана и уставились на что-то за его спиной. Конан обернулся, чтобы бросить взгляд, и задержался, чтобы вглядеться более внимательно. Распахнулась дверь. На полу появилась ладонь. В тронный зал, помогая себе правой рукой, вполз окровавленный Зафра. Глаза Конана расширились, округлились и потемнели, а на его затылке зашевелились волосы. Он медленно отступил прочь, так, чтобы видеть и Зафру, и Балада, поворачивая только голову.

Голос Зафры был не громким, прерывающимся, скрипучим. Он возвышался и затихал короткими неровными порывами между приступами боли. Зафра лежал на боку, и его левая ладонь была прижата к окровавленной груди.

— Человека, настолько... искушенного в... волшебстве, как я... не... не так-то... не так-то ле-егко уби-и-и-ть, ким-мериец. Нам с-следовало быть союзника-ми... Балад,

ведь так? — даже распростертый на полу, истекающий кровью, несомненно умирающий человек мог насмехаться. — Только заклятие... наложенное давным-давно-о-о... удерживает меня в живых, чтобы... чтобы посмотреть на тебя, Бала-ад. Балад на этом т-троне? Даже... этот пес Ак... был бы лучше! **У б - б е й** ... его.

Где-то в зале вскрикнул солдат, подобравший трофей, и этот крик оборвался жутким хрипом, когда меч Зафры безошибочно нашел его сердце. В то же самое время меч на полу выскользнул из ножен, на которые опиралась нога Балада. Тот так и не шевельнулся, застыв во время доставания другой стрелы, которая должна была оборвать жизнь и успокоить язык киммерийца. Но теперь именно Балад умолк навеки, потому что у меча совсем рядом была жертва, и ему не пришлось принимать решение; он поднялся, выровнялся в воздухе и, как искусно брошенное копье, вонзился в грудь ближайшего к нему человека.

Конан увидел, что он ошибся в одном своем предположении: убив, каждый меч бездействовал, пока ему не приказывали снова. Зафра, лихорадочно глотая воздух, лежал на полу; Балад лежал неподвижно, и над его телом стоял Меч Скелоса.

В зловещей тишине киммериец прошел через широкий зал к пораженной ужасом кучке людей у двери. Они убили короля; человек, которым его хотели заменить, пережил его лишь на какие-то минуты.

— Ну-ка, дай мне это, — сказал Конан и выкрутил меч из вялых пальцев одного из сторонников Балада прежде, чем тот смог очнуться.

Конан не пошел обратно; он подбежал к обмякшей фигуре Зафры, и теперь все наблюдали за тем, как этот варвар с Севера взмахнул позаимствованным мечом над головой. Зафра смотрел на него снизу вверх.

— Уб-бей... — судорожно выдохнул колдун, и Конан сделал это.

Ему пришлось ударить дважды, и на второй раз меч со звоном ударился об пол, высекая из него искры. Голова волшебника Замбулы еще не прекратила своего омерзительного вращения по полу, когда Конан резко обернулся и заговорил.

— Я предлагаю вам сжечь это, — сказал он. — С этими волшебниками осторожность не помешает.

Он помолчал еще одно долгое мгновение, потом заговорил снова.

— Мне не нравится ваш город, и я покину его и буду клясться, что никогда даже не слышал о нем. Что ж... что случилось со всеми вами, бравыми защитниками Замбулы? Трое негодяев лежат мертвыми, и по справедливости, и Замбула и весь мир будут чувствовать себя гораздо лучше без всей этой троицы! Неужели никому не придет в голову сказать... да здравствует Джунгир-хан!

Через мгновение Испарана выкрикнула эти же самые слова, а потом кто-то в коридоре — это был визирь Хафар, — и вслед за ним другие подхватили этот клич, и вскоре это был хор, отдающийся эхом по всему городу, пока Хафар и Испарана разыскивали мальчика, который стал Ханом Замбулы. По пути они договорились: ни один из них так и не рассказал ему, как один чужестранец сделал его королем и Сатрапом Империи.

Могучий молодой человек сидел верхом на лошади, к седлу которой был привязан повод пяти тяжело нагруженных вьючных животных. Его окружали люди на верблюдах. Все они были одеты в белые каффии и халаты поверх красных шаровар, и все смотрели сверху вниз на женщину, которая подошла к всаднику.

— Что у тебя на вьючных лошадях, Конан?

Киммериец улыбнулся и взглянул через плечо на своих животных.

— Привет, Испа. Вода, которой, надеюсь, хватит, чтобы доехать до Заморы или этого оазиса, как он там называется. И... несколько безделушек, которые я... подобрал. Я боялся, что Джунгир-хан может забыть наградить меня за ту службу, что я сослужил его отцу, когда вернул ему тот амулет! Ты же знаешь, нам пообещали награду.

Она улыбнулась ему мимолетной, измученной улыбкой, потом сказала:

— Он хорошо переносит смерть своего отца. Он заверяет Хафара и меня, что простит заговорщиков, если они принесут ему клятву на верность. Боюсь, нам пришлось убедить его в том, что Балад был колдуном, подчинившим их всех своей воле... и никто не упомянул при нем о некоем киммерийце.

— Мы с ним никогда не видели друг друга. Надеюсь, что и не увидим. Мне не нравится его поганый город и его поганый, плетущий заговоры народ, и я уверен, что мне не смог бы понравиться никакой сын Актер-хана, даже если бы его шаги направляли ты и Хафар. Насчет того, что он всех простит и никогда не станет никого карать... я поверю, когда увижу это, — сказал Конан, потому что он еще немного повзрослел, и встретил еще несколько королей и неудавшихся королей, стал немного мудрее. Лучше бы они седлали лошадей и ехали, ехали, ехали. — Испытывая некоторую неловкость, он потянул за повод, и его вьючные лошади зашевелились. Он, сузив глаза, наблюдал за тем, как смещаются тюки на их спинах. — Мне бы очень не хотелось, чтобы они соскользнули. Мы с Хаджименом уезжаем, Спарана. Я, может быть, задержусь у них на день или два. Шанки — самый лучший народ из тех, что я встретил за этот год, а я встретил слишком многих. Ты знаешь, никто не присматривает за конюшнями. Там много прекрасных животных. Я беру только шесть, и Хаджимен настаивает, чтобы я принял от него одного или двух верблюдов. Оседлать еще одну лошадь — для тебя?

— Значит, ты действительно уезжаешь.

— Да. Я предпочитаю места, подобные Шадизару, где человек знает, что ему делать: все открыто порочны и признают это, и поэтому никто не устраивает заговоров и не прикидывается!

Она улыбнулась — с легким сожалением:

— Какой же ты мужчина, Конан из Киммерии.

— Какая же ты женщина, Спарана.

Они долго смотрели друг на друга; потом она сказала:

— Хафар назвал меня Соратницей Хана, и вся знать подтвердила этот титул. Я — первая женщина Замбулы, Конан. Боги, как нам нужен генерал, который не был бы

ничем обязан никакой группировке! Возможно, могучий чужестранец.

Конан сжал губы, приподнял брови, подумал. И покачал головой.

— Только не в Замбуле! Только не я! Действительно, что за женщина... а вообще, сколько тебе лет, Спарана?

— Двадцать и шесть, — ответила она так свободно, что он был уверен: она говорит правду. — А сколько лет тебе, Конан, тебе, кто может отказаться от того, чтобы быть генералом и... чем-то большим для меня?

— Восемнадцать, — сказал он, продвигая свой возраст за следующий день рождения, и развернул лошадь. Шанки ждали его, сидя на верблюдах, обрадованных тем, что можно стоять спокойно. Лошади непрерывно хлестали себя хвостами по бокам, отмахиваясь от мух. Конан оглянулся вокруг.

— Хаджимен?

— Я готов, — отозвался шанки.

Конан взглянул на Испарану.

— Едешь?

— Восемнадцать!

— Ну... почти.

Она потрясла головой. Жемчужины сверкали в ее волосах и на ее широкой нагрудной повязке из желтого шелка.

— Почти восемнадцать, — выдохнула она. — Каким же мужчиной ты станешь.

Конан напряженно улыбнулся.

— Раньше ты сказала «какой же ты», Испарана, а теперь говоришь «каким же ты будешь». Значит, ты не едешь. Прощай, Испарана. Я рад, что тебе не удалось убить меня.

— Я не так уверена, — мягко сказала она.

Конан рассмеялся.

— И ради чего? Ради амулета, который должен был защитить Актер-хана? Он оказался замечательно эффективным, не правда ли? То, что мы привезли Актеру этот амулет, защитило его — прямо в гроб! О боги, спасите меня от подобных амулетов.

— Конан... как ты думаешь, ты когда-нибудь вернешься в Замбулу?

— Спарана... — Он обернулся и взглянул на Хаджимена. — Послушай меня, Хаджи. Я клянусь киммерийским Кромом и замбулийским Эрликом и шанкийской Тобой, что я никогда даже не признаюсь, что был в Замбуле! Это обет! Я буду отрицать, что побывал здесь. Я забуду о Замбуле так быстро, как только смогу. И об этом проклятом Глазе Эрлика тоже!

— И обо мне.

Она казалась маленькой, Соратница Хана, стоя на земле в то время, как Конан восседал на лошади из личных конюшен хана.

— И о тебе, Испа. Если когда-нибудь я забудусь и все-таки вернусь в Замбулу, Испарана, нянька и Соратница Джунгир-хана, ты будешь покрытой морщинами матерью нескольких детей. Можешь быть уверена.

Голубые глаза долго вглядывались в карие, и он увидел, как карие глаза подернулись пеленой, и вздрогнул, словно просыпаясь.

— Хаджимен! — окликнул Конан и дернул повод своего скакуна.

Она стояла и смотрела, как он уезжает прочь.

ВЕСТНИК КОНАН КЛУБА

Р. Говард

ЦАРЬ КУЛА

ДЕТИ НОЧИ

БАРКАН-КЕЛЬТ

САД СТРАХА

DELENDA EST

КОПЬЕ И КЛЫК

ЦАРЬ КУЛЛ

МЕЧИ ПУРПУРНОГО ЦАРСТВА

Глава 1. Валузия строит козни

Зловещая тишина саваном окутала древний город Валузию. Пурпурные башни и золотые шпили дрожали в мутном жарком мареве. Сонную тишину на широких, мощенных булыжником улицах не нарушал стук копыт, а редкие пешеходы спешили поскорей укрыться за дверьми. Город казался царством призраков.

Кулл, царь Валузии, сидел в своих покоях и, откинув тонкие занавеси, смотрел через окно во двор с искрящимися фонтанами и аккуратно подстриженными кустами и деревьями, на пустые окна домов, возвышающихся за высокой стеной.

— Вся Валузия строит козни у меня за спиной, Брул, — проворчал он.

Его собеседник, мускулистый смуглолицый воин среднего роста, мрачно ухмыльнулся:

— Ты слишком подозрителен, Кулл. Просто жара разогнала народ по домам — и только.

— Нет-нет, что-то затевается, — повторил Кулл, высокий могучий варвар с истинно бойцовской статью: широкие плечи, мощная грудная клетка, узкие бедра. Из-под густых черных бровей поблескивали холодные серые глаза. Черты лица сразу выдавали его происхождение — Кулл-узурпатор был родом из Атлантиды.

— Ну и пусть себе интригуют. Этот народ склонен к козням и заговорам, независимо от того, кто удерживает трон. Не обращай внимания.

— Нет, — гигант нахмурил брови. — Я чужак. Первый и единственный варвар от начала времен, который

занял валузийский трон. Пока я был военачальником в их армии, они сквозь пальцы смотрели на то, что я родился не в Валузии. Но теперь то и дело тычут мне моим происхождением.

— Тебе-то что? Я тоже чужак. Сегодня Валузией правят чужеземцы, раз уж ее собственный народ слишком слаб и не способен на это. Атлант сидит на ее троне, спину ему прикрывают пикты — самые давние и могущественные союзники империи; ее двор полон иностранцев, армии состоят из варваров-наемников, — даже Алые Убийцы, даром что валузийцы, считают себя отпрысками горцев.

Кулл раздраженно передернул плечами:

— Мне известны настроения в народе и то, с каким отвращением и ненавистью относятся влиятельные старинные семейства к происходящему. Почему, Брул? Когда правил Борна, коренной валузиец и прямой наследник многовековой династии, империи приходилось куда хуже, чем при моем правлении. Такова цена, которую нации приходится платить за разложение и упадок. В один прекрасный день в такой стране появляются сильные чужеземцы и захватывают власть. Я по крайней мере создал армию, организовал полки наемников и вернул Валузии ее былое величие и авторитет. Разве не лучше иметь одного варвара сидящим на троне, чем сотню тысяч, разъезжающих по городским улицам с руками по локоть в крови? А ведь так бы сейчас и было, останься на престоле царь Борна. Царство было расколото на части под его пятой, враги угрожали со всех сторон, язычники-гондарцы уже готовились к набегу невиданной ранее силы... Да! Я голыми руками прикончил Борна в ту безумную ночь. После этого у меня появилось немало врагов, но зато всего за полгода я искоренил анархию и загасил все попытки бунта, сплотил народ воедино, сломал спину тройственному Союзу, сокрушил мощь гондарцев. А теперь Валузия дремлет в мире и покое, а между снами строит против меня заговоры. За время моего правления ни разу не случилось голода. Амбары ломятся от зерна, торговые суда ходят тяжело груженные товаром, кошельки торговцев полны, народ разжирел, — но люди по-прежнему роп-

шут и проклинают и плюют на мою тень. Чего им не хватает?

Пикт оскалился и разразился горьким смехом:

— Еще одного Борна, вот чего! Кровавого тирана! Забудь ты об их неблагодарности. Не для их удовольствия ты захватывал трон и не им в угоду удерживаешь его. Осуществилась мечта твоей жизни. Ты прочно воссел на великом престоле. Пусть себе ворчат и строят козни. Ты — царь.

— Я царь этого нуприрного царства, — мрачно кивнул Кулл. — И до той поры, пока не оборвется мое дыхание и дух мой не отправится вниз по долгой тенистой дороге в страну мертвых, я останусь царем! Ну что там еще?

Перед ним в глубоком поклоне склонился раб:

— Налисса, наследница великого дома бора-Баллинна, испрашивает аудиенции, ваше величество.

Тень набежала на лицо царя:

— Опять мольбы насчет амурных дел, — со вздохом сказал он Брулу, — наверно, тебе лучше уйти.

После царь Кулл велея рабу:

— Пусть войдет.

Кулл сидел в кресле, обитом бархатом, и смотрел на Налиссу. Было ей около девятнадцати лет, и, одетая дорого и строго по моде знатных дам Валузии, она представляла собой поистине восхитительное зрелище, чего не мог не признать даже царь-варвар. Благодаря многочисленным ваннам в молоке и вине, кожа аристократки отличалась удивительной белизной. Изящный рисунок бровей, нежный румянец щек, полные яркие губы. Картину дополняла корона вьющихся черных волос, охваченных золотой лентой.

Встав на колени у ног царя, Налисса взяла его огрубевшие от рукояти меча пальцы в свои мягкие ладони и взглянула ему в глаза снизу вверх просяще и вызывающе. Подобно многим другим мужчинам, Кулл не любил смотреть в глаза Налиссе, зная об их тайной власти. Знала о ней и сама девушка, но в силу своей юности еще не представляла ее истинной силы. Царь же, искушенный в вопросах взаимоотношений мужчин и женщин, с некоторым беспокойством осознавал, каким могуществом и

влиянием станет пользоваться Налисса при дворе, достигнув зрелости.

— Ваше величество, — тоном ребенка, выпрашивающего игрушку, обратилась к нему девушка, — пожалуйста, дайте мне разрешение на брак с Далгаром из Фарсуна. Он стал гражданином Валузии, пользуется расположением при дворе. Почему же...

— Я уже говорил тебе, — терпеливо отвечал Кулл, — мне все равно, будет ли твоим супругом Далгар или Брул... Да хоть сам дьявол! Но твой отец против этого брака с фарсунианским искателем приключений и...

— Вы ведь можете повлиять на него! — выкрикнула она.

— Дом бора-Баллинна я числю среди своих вернейших сторонников, — сказал атлант, — а твоего отца, Мурома бора-Баллинна, считаю своим ближайшим другом. Он помог мне, еще когда я был одиноким бесправным гладиатором. Поддерживал деньгами меня, простого солдата, и принял мою сторону, когда я боролся за трон. И потому для меня принуждать его делать то, чему он столь откровенно противится, вмешиваться в его семейные дела все равно что вредить собственной правой руке.

Налисса не знала, что некоторые мужчины могут быть неподвластны женским чарам. И она принялась упрашивать и капризно надувать губы, молить и плакать. Она целовала Куллу руки, рыдала у него на груди, убеждала, присев на его колено, к вящему смущению царя. Все напрасно — Кулл был полон искреннего сочувствия, но непреклонен. На все ее призывы и мольбы у него был один ответ: это не его дело, ее отец лучше знает, что ей нужно, а потому он, Кулл, не собирается встревать в их семейные дела.

Наконец Налисса сдалась и покинула зал повесив голову и еле волоча ноги. Едва выйдя из царских покоев, она нос к носу столкнулась с отцом. Муром бора-Баллин, догадывающийся о целях ее визита к царю, не сказал дочери ни слова, но брошенный им исподлобья взгляд красноречиво свидетельствовал о грядущем наказании. Девушка с несчастным видом забралась в свой паланкин. Бремя ее горя казалось невыносимым. Но скоро наслед-

ственная твердость характера взяла свое, в темных глазах затеплился огонек бунта. Она отдала короткий приказ, и рабы подхватили носилки.

Тем временем граф Муром предстал перед царем. Лицо его превратилось в маску формальной почтительности. Царь заметил это выражение и ощутил болезненный укол в сердце. Он привык к церемонности и холодности, сохраняющейся между ним и большинством подданных и союзников, за исключением, пожалуй, пикта Брула и посла Ка-ну, но для графа Мурома эта преднамеренная, искусственная официальность была необычна, хотя Куллу была известна ее причина.

— Твоя дочь приходила сюда, граф, — сказал Кулл прямо.

— Да, ваше величество. — Тон Мурома был бесстрастным и исполненным уважения.

— Ты, вероятно, знаешь зачем... Она рвется замуж за Далгара.

Граф коротко кивнул головой:

— Если ваше величество желает, ему достаточно сказать только слово. — Лицо графа окаменело.

Кулл, уязвленный, вскочил с трона, пронесся через все помещение к окну и снова уставился на свою сонную столицу, потом, не оборачиваясь, сказал:

— Даже за половину своего царства я не стал бы влезать в твои семейные дела или заставлять принимать неприятные для тебя решения.

Граф тут же оказался рядом с ним. Вся его официальность испарилась неведомо куда, а сияющие глаза казались красноречивее любых слов.

— Прости, Кулл, я был несправедлив к тебе в своих мыслях. Я должен был знать...

Он сделал движение, чтобы встать на колени, но царь удержал его. Кулл улыбнулся:

— Будь покоен, граф, твои семейные проблемы касаются тебя одного. Я не хочу мешать и не могу помочь. Напротив, я сам хочу просить тебя о помощи. Зреет заговор. Это просто носится в воздухе. Я чую опасность, как в далекой юности чувствовал близость тигра в лесной чаще или змеи в высокой траве.

— Мои шпионы прочешут весь город, мой царь, — глаза графа загорелись. — Народ ропщет при любом правителе и никогда не бывает доволен тем, что имеет. Но недавно я побывал в посольстве у Ка-ну, и он просил предупредить тебя о влиянии извне и иностранных деньгах, появившихся в городе в большом количестве. Ничего определенного ему не известно, но его пиктам удалось выудить кое-какую информацию у подвыпившего слуги верулианского посла — смутные намеки на некий переворот, затеваемый его хозяевами.

— Верулианское вероломство давно стало притчей во языцех, — хмуро буркнул Кулл. — Но Джен Дала, посол Верулии, слывет человеком чести.

— Фигура посла — всегда лишь парадный фасад, и чем меньше он знает о планах власть предержащих его страны, тем лучшим прикрытием для их грязных делишек является.

— Чего же добивается Верулия? — спросил Кулл.

— Гомла, дальний родственник короля Борна, укрылся в Верулии, когда ты сверг старую династию. После твоей смерти Валузия тут же распадется на части, армия будет дезорганизована, союзники — за исключением, может быть, пиктов — поспешат предать, наемники, которых ты один способен держать в узде, немедля повернут против Валузии, и она станет легкой добычей для любой державы, достаточно сильной, чтобы выступить против нее. Тогда Гомла приведет врагов и верулианская марионетка утвердится на престоле Валузии.

— Понятно, — проворчал Кулл. — От меня куда больше пользы в битве, чем на Совете... Итак, во-первых нужно ее устранить, верно?

— Да, мой царь.

— Ничего, в конце концов мы выкорчуем эти ростки державных амбиций. — Царь улыбался, пальцы его поглаживали рукоять огромного меча, с которым он никогда не расставался.

— Ту, верховный канцлер, и Дондал, его племянник, — к королю! — провозгласил раб, и в зал вошли двое мужчин.

Главный сановник царства, Ту был представительным, среднего роста мужчиной, едва перешагнувшим рубеж, отделяющий зрелость от старости. Он выглядел скорее торговцем, нежели главой царского Совета: жидкие волосы, вытянутое лицо, в глазах извечная подозрительность. Годы и положение легли тяжелым бременем на его плечи. Рожденный среди плебеев, он пробил себе дорогу наверх благодаря врожденному уму, хитрости и умению плести интриги. Он пережил трех царей и теперь состоял при Кулле, служа ему верой и правдой. Главное достоинство его племянника Дондала, стройного щеголеватого юнца с приятной улыбкой и проницательными темными глазами, состояло в умении наблюдать и держать язык за зубами, благодаря чему бывал в местах, появление в которых даже близкое родство с Ту не могло бы обеспечить.

— Всего лишь одно небольшое государственное дело, ваше величество, — сказал Ту, — ваша резолюция на проекте создания нового порта на западном побережье. Вот здесь нужна ваша подпись.

Кулл подписал бумагу. Ту вытащил из-за пазухи перстень-печатку, что висел у него на шее на тонкой цепочке (царскую печать), и скрепил ею документ. Не было в мире другого кольца, подобного этому, и Ту, не снимая, носил его на шее и в часы сна, и бодрствуя. И кроме тех, кто находился в эту минуту в царском чертоге, не нашлось бы и четырех человек на всем белом свете, ведающих, где хранится печать.

Глава 2. Таинственное нападение

Безмятежный день почти незаметно перетек в безмятежную тихую ночь. Луна еще не вскарабкалась на вершину небосклона и маленькие серебряные звезды мерцали еле-еле, будто их свет с трудом пробивался сквозь плотную пелену зноя, поднимающегося от земли. По пустынной улице глухо застучали копыта одинокой лошади. Если за дорогой и наблюдали глаза из черных провалов

окон, то внешне ничто не выдавало того, что Далгар из Фарсуна, едущий через ночь и тишину, был кем-то замечен.

Юный фарсунец был в полном боевом облачении: гибкое тело атлета прикрывала кольчуга с металлическим нагрудником, голову венчал островерхий шлем-морион, с пояса свешивался длинный узкий меч, рукоять которого была отделана драгоценными каменьями. Поверх одетой сталью груди колыхался несколько легкомысленный шарф с изображением алой розы, что, впрочем, никак не умаляло мужественности статного юного воина.

Он ехал, держа в руке помятый лист бумаги и вглядываясь в написанные на нем по-валузийски строки: «Возлюбленный мой, встречаемся в полночь в Проклятых Садах, что за городской стеной. Мы упорхнем вместе».

Как драматично. Далгар слегка улыбнулся, дочитав записку. Что ж, некоторая мелодраматичность вполне простительна юной влюбленной девушке. Послание тронуло его. К восходу солнца он и его будущая невеста пересекут границу с Верулией, и пусть тогда бушует граф Муром бора-Баллин, пусть хоть вся валузийская армия идет по их следу, — они уже будут в безопасности. Он чувствовал себя возвышенно и романтично, душу так и распирало от неутолимой жажды героического, столь свойственной молодости. До полуночи оставалось еще более часа, но он все подгонял коня железными шпорами и озирался по сторонам, ища возможности сократить путь по узким темным проулкам.

«...И серебро луны пролилось мне на грудь», — напевал он про себя зажигательные любовные песни безумного поэта Ридондо, жившего и умершего давным-давно. Вдруг лошадь его, громко всхрапнув, испуганно шарахнулась в сторону. У грязной подворотни шевелилась и стонала бесформенная темная масса.

Вытянув из ножен меч, Далгар соскользнул с седла и приблизился к стенающему существу. Лишь близко склонившись над ним, юноша смог разобрать очертания человеческого тела и, подхватив под мышки, выволок тело на более-менее освещенное место. Руки его угодили во что-то теплое и липкое.

Человек был стар, судя по его редким волосам и пробивающейся в спутанной бороде седине, и одет в лохмотья нищего, но, даже несмотря на ночную тьму, Далгар разглядел, что руки его были мягкими и белыми под покрывающим их слоем грязи. Из рваной раны на голове сочилась кровь, глаза старика были закрыты. Время от времени незнакомец принимался громко стонать.

Далгар оторвал лоскут от своего шарфа, чтобы промокнуть рану, и, когда стал делать это, кольцо на его пальце случайно запуталось в нечесаной бороде. Он нетерпеливо дернул рукой, и... борода с легкостью оторвалась, оголив гладко выбритое лицо человека средних лет. Далгар непроизвольно вскрикнул и отпрянул, потом вскочил на ноги и замер, ошарашенный и сбитый с толку, уставясь на стонущего загримированного мужчину. И тут грохот копыт по булыжнику улицы вернул его к реальности.

Ориентируясь по звуку, юноша бросился наперерез всаднику. Тот резко осадил коня и молниеносным движением выхватил меч. Сноп искр брызнул из-под стальных подков поднявшегося на дыбы рысака.

— Что еще за... А, это ты, Далгар.

— Брул! — закричал юный фарсунец. — Скорее! Верховный канцлер Ту лежит на той стороне улицы без сознания, а может, уже и мертвый!

Пикт в мгновение ока слетел с коня, клинок сверкнул в его руке. Перебросив поводья через голову лошади, он оставил животное стоять недвижной статуей, а сам бегом припустил за Далгаром. Вдвоем они приподняли раненого канцлера, и Брул наскоро осмотрел его.

— Череп вроде цел, — проворчал пикт, — хотя уверенно не скажу, конечно. Он был уже без бороды, когда ты нашел его?

— Нет, это я случайно потянул за нее...

— Тогда, похоже, это работа какого-то головореза, не признавшего его. Я предпочитаю думать так, потому что если сразивший его человек представлял себе, кто перед ним, значит, в Валузии зреет черная измена. А ведь я предупреждал его, что эти переодевания и блуждания по городу не доведут до добра. Но разве убедишь

в чем-нибудь канцлера? Он утверждал, что таким образом может узнавать обо всем, что происходит, «держать палец на пульсе империи», так он говорил.

— Но если это были разбойники, — удивился Далгар, — почему же его не ограбили? Вот его кошелек, в нем осталось несколько медяков. Да и кому придет в голову грабить нищего?

Копьебой выругался.

— Верно. Но кто, во имя Валки, мог знать, что это — Ту? Он никогда не принимал одного и того же обличья дважды, и помогали ему в этом лишь Дондал и доверенный раб. И чего добивался тот, кто оглушил его? Валка! Да ведь он умрет, пока мы стоим здесь, болтая. Помоги-ка мне поднять его на лошадь.

С безвольно поникшим в седле канцлером, поддерживаемым стальными руками Брула, они поскакали по пустынным улицам ко дворцу, въехали в ворота, проскакав мимо изумленного стража, внесли раненого во внутренние покои и положили на ложе, где им занялись рабы и служанки. Скоро канцлер начал приходить в себя, сел и, обхватив голову, застонал.

Ка-ну, пиктский посол и самый хитрый человек в царстве, склонился к нему:

— Ту! Кто напал на тебя?

— Не знаю, — отвечал канцлер, еще не вполне очухавшийся. — Я ничего не помню.

— У тебя были с собой какие-нибудь важные документы?

— Нет.

— Но у тебя что-нибудь отобрали?

Ту неуверенно принялся ощупывать свое одеяние, его замутненные глаза постепенно прояснялись, и вдруг в них вспыхнул огонь внезапного понимания:

— Кольцо! Перстень с царской печатью! Он исчез!

Ка-ну в сердцах выругался:

— Вот что значит носить такие вещи с собой! Я же предупреждал тебя! Быстро — Брул, Келкор, Далгар, затевается грязное предательство — поспешим в покои царя!

У дверей царской опочивальни стояли на страже десять Алых Убийц, мускулистых гигантов. На вопрос запыхав-

шегося Ка-ну они отвечали, что царь отправился отдыхать час назад или около того, с тех пор никто к нему не входил и из-за двери не доносилось ни звука.

Ка-ну постучал в дверь. Никакого ответа. Запаниковав, посол толкнул ее — заперто изнутри.

— Ломайте дверь! — закричал он, лицо его побелело, голос звучал неестественно напряженно. Двое огромных Алых Убийц всем своим весом обрушились на дверь, но та, сработанная из прочной древесины дуба и окованная полосами бронзы, устояла. Брул, растолкав солдат, бросился на дверь с мечом. Под могучими ударами отточенного клинка полетели во все стороны щепки и кусочки металла. Спустя считанные секунды Брул вломился в комнату сквозь осыпающиеся обломки дверей и остановился с приглушенным криком. Заглянув через его плечо, Ка-ну дико впился пальцами в собственную бороду. Кровать царя пребывала в беспорядке, будто на ней спали, но во всей комнате не было даже намека на самого государя. Комната была пуста, и лишь открытое окно давало хоть какую-то зацепку к тайне его исчезновения.

— Обыскать весь город! — взревел Ка-ну. — Прочесать улицы! Келкор, подымай всех Алых Убийц! Брул, собирай своих людей, — возможно, вскоре ты поведешь их на смерть. Скорее! Далгар...

Но фарсунца не было рядом. Он почел за лучшее исчезнуть, внезапно вспомнив, что приближается полночь и есть кое-что, имеющее для него куда большую важность, чем поиски царя, а именно Налисса бора-Баллин, ожидающая его в Проклятых Садах, в двух милях за городской стеной.

Глава 3. Царская печать

В ту ночь Кулл рано удалился на покой. По давно установившейся привычке он на несколько минут задержался у дверей в опочивальню, чтобы поболтать с охранниками, его старыми боевыми товарищами, и обменяться

воспоминаниями о тех днях, когда он состоял в рядах Алых Убийц, потом, отпустив слуг, вошел в свои покои и, бросившись спиной на кровать, приготовился отдыхать. Странное поведение для царственной особы, без сомнения, но Кулл слишком долго вел суровую жизнь солдата (а до того и вовсе был членом племени варваров). Он так и не привык к привилегиям, сопутствующим его теперешнему положению.

Он уже было повернулся потушить свечу, освещающую комнату, как вдруг его внимание привлек негромкий стук о подоконник затянутого металлическими прутьями окна. С мечом в руке царь пересек комнату легкой беззвучной поступью большой пантеры и выглянул наружу. Окно выходило в дворцовый парк, и в слабом свете мерцающих в ночи звезд он мог видеть очертания кустов и деревьев, слышать плеск фонтанов. Где-то там, во мраке, мерно прохаживались стражники. Все как всегда.

Но было и кое-что, нарушающее обычный порядок вещей. Цепляясь за побеги покрывающих стену по обе стороны окна ползучих растений, висел маленький, весь какой-то высохший и сморщенный человечек, вид которого выдавал профессионального нищего. Тощие руки и ноги, обезьянье личико, — он казался совершенно безобидным. Увидев его, Кулл нахмурился.

— Похоже, придется ставить стражу под каждым окном или оборвать эти чертовы лианы, — сказал царь. — Как ты прошел мимо охранников?

Вместо ответа карлик приложил тонкий палец к окруженным сеткой морщин губам, призывая к молчанию, потом с обезьянней ловкостью вытащил что-то из-за пазухи и протянул Куллу сквозь металлические прутья. Царь взял предмет — это оказался свиток пергамента, — развернул его и прочел: «Царь Кулл! Если тебе дороги твоя жизнь и благополучие царства, следуй за сим проводником к месту, куда он тебя отведет. Постарайся сделать так, чтобы тебя не увидела охрана, — в полках пустила корни подлая измена, и, если ты хочешь сохранить жизнь и трон, действуй точно, как я говорю. Подателю сего письма можешь полностью доверять». Послание было подписано:

«Ту, верховный канцлер Валузии» — и скреплено царской печатью.

Кулл еще больше нахмурил брови: все это выглядело весьма подозрительно, но он узнал руку Ту — у того были кое-какие характерные только для него «фирменные знаки», вроде особого, почти незаметного завитка в последней букве имени. И к тому же — оттиск печати, — печати, существующей в единственном экземпляре на всем белом свете. Кулл вздохнул.

— Что ж, хорошо. Подожди, пока я соберусь, — сказал он нищему.

Одевшись и накинув легкую кольчугу, Кулл вернулся к окну, схватился руками за два соседних железных прута и напряг могучие мышцы. Он почувствовал, как они подались, и, раздвинув их так, чтобы могли пройти его широкие плечи, выбрался наружу и соскользнул вниз по побегам вьюна с неменьшей ловкостью и проворством, чем бродяга за секунду до него.

Присев у основания стены, Кулл ухватил за руку своего спутника:

— Так как же ты миновал стражей? — прошептал он.

— Тому, который остановил меня, я показал знак имперской печати.

— Теперь это едва ли нам подходит, — пробурчал Кулл. — Давай за мной. Мне известен распорядок их дежурства.

В течение последующих двадцати минут они то лежа пережидали за деревом или кустом, пока пройдет охрана, то быстро ныряли в тень, то украдкой совершали короткие перебежки. Наконец оба добрались до внешней стены. Король взял своего проводника за лодыжки и поднял над головой. Тот ухватился пальцами за верхний край стены, мигом оседлал ее и протянул руку вниз, чтобы помочь царю. Кулл пренебрежительным жестом отклонил помощь, отступил на несколько шагов, разбежался и высоко подпрыгнул, мгновенно очутившись рядом с бродягой, впечатленным такой демонстрацией невероятной силы и ловкости. Секунду спустя две на удивление не соответствующие друг другу фигуры спрыгнули по другую сторону и растворились в ночи.

Глава 4. Проклятые сады

Налисса бора-Баллин была напугана и нервничала. Поддерживаемая своей искренней любовью и большими надеждами, она не раскаивалась в безрассудных действиях последних нескольких часов, но лишь все сильнее и сильнее желала прихода ночи и своего милого.

Все оказалось на удивление легко. Она покинула отцовский дом незадолго до заката, сказав матери, что собирается провести ночь у подруги. На ее счастье, женщинам в Валузии была предоставлена полная свобода, в отличие от восточных империй, где царили допотопные обычаи и женщин держали взаперти в сералях и домах-тюрьмах. Она беспрепятственно выехала через Восточные Ворота и направилась прямиком к Проклятым Садам, располагающимся в двух милях от города. Сады эти некогда были обителью удовольствий и загородным поместьем одного знатного вельможи, но постепенно стали распространяться рассказы о мерзком разврате и жутких ритуалах поклонения дьяволу, творимых там. В конце концов люди, доведенные до безумия регулярными исчезновениями детей, обрушились на Сады разъяренной толпой и повесили вельможу над главным входом его собственного дома. Прочесывая Сады, они обнаружили там немало вещей, отвратительных и кошмарных настолько, что язык не поворачивается рассказать о них. В порыве исступления и ужаса принялись они крушить особняк и летние постройки, деревья, и гроты, и стены. И все же, сложенные из добротного мрамора, многие здания перенесли как ярость толпы, так и нелегкое испытание временем. Уже несколько столетий стояли они в запустении. Внутри осыпающихся стен разрослись небольшие джунгли, буйная зелень скрыла руины от людских взоров.

Налисса подыскала не очень разрушенную беседку, привязала коня и устроилась на растрескавшемся мраморном полу, приготовившись ждать. Неплохо для начала: нежное золото заката залило землю, смягчив и сгладив все очертания, вокруг нее колыхалось зеленое море с разбросанными тут и там белыми пятнами — остатками стен

и крыш мраморных строений. Но когда тени сгустились и ночь стала вступать в свои права, Налисса почувствовала себя неуютно. Звезды казались холодными и ужасающе далекими, ночной ветер порождал странные и страшные шорохи, играл в высокой траве и ветвях деревьев. Легенды и жуткие истории всплывали в памяти, и ей уже чудились где-то там, за отдающимися в висках ударами неистово бухающего сердца, шелест невидимых черных крыльев и бормотанье бесовских голосов.

Она страстно молила о том, чтобы скорее наступила полночь. Увидь ее Кулл сейчас, ему в голову не пришли бы мысли о ее странной власти и большом будущем. Его глазам предстала бы просто напуганная девочка, нуждающаяся в защите и опеке.

И все же мысль о бегстве так и не возникла в ее сознании.

Даже когда кажется, что время остановилось, оно все-таки продолжает идти вперед. Слабое свечение в ночи оповестило девушку о восходе луны, значит, полночь близко. И вдруг до девушки донесся звук, заставивший ее моментально вскочить на ноги. Где-то в Садах, якобы необитаемых, тишину разорвали крик и бряцание стали, от которых кровь застыла в жилах. И снова воцарилось безмолвие, удушающее, как саван.

Далгар! Далгар! Имя ударами молота грохотало в смятенном мозгу. Ее любимый, приехав за ней, пал жертвой кого-то... или чего-то...

Стараясь не шуметь, она покинула свое убежище, прижав руку к рвущемуся из груди сердцу, и, крадучись, двинулась по обломкам мощеной дорожки. В давящей тишине листья пальм тянулись к ней дрожащими пальцами привидений, будто оживленные неким безымянным злом.

Впереди замаячили руины особняка. И тут, без единого звука, на пути ее выросли двое мужчин. Девушка попыталась было закричать, но язык ее онемел от ужаса. Она хотела бежать, но отказали ноги, и, прежде чем она обрела способность двигаться, один из мужчин, громадный, как гора, схватил ее — беспомощную, как крохотный младенец.

— Женщина, — прорычал он на верулианском языке, который Налисса немного понимала. — Одолжи мне свой кинжал, и я...

— Некогда, — перебил его другой по-валузийски. — Бросим ее к нему, а потом обоих вместе и прикончим. Придется дождаться Фондара, прежде чем убить его, — он хочет задать ему несколько вопросов.

— Блажен, кто верует, — прогромыхал гигант-верулианец, по пятам шагая за своим товарищем. — Не станет он говорить, уверяю тебя. С тех пор как мы захватили его, он если и открывает рот, то только чтобы послать нам проклятие.

Налисса, которую позорно тащили под мышкой, тихонько выла от страха. Она пыталась понять, что происходит. Кто такой этот «он», кого валузийцы собирались допросить и затем убить? Мысль о том, что это, должно быть, Далгар, вытеснила из ее сознания все опасения относительно собственной судьбы и наполнила душу дикой, отчаянной яростью. Девушка бешено забилась в руках верзилы и была тут же наказана звучной оплеухой. Слезы покатились из ее глаз, и крик боли сорвался с ее уст. Вскоре ее бесцеремонно швырнули в темный дверной проем. Девушка повалилась на что-то мягкое.

— Может, стоило ее связать? — засомневался здоровяк.

— Зачем? Удрать она не сможет. И его развязать не сможет тоже. Пошли скорее, у нас есть еще работенка.

Налисса села и робко огляделась. Она находилась в небольшом грязном помещении. Пол устилал толстенный слой пыли и обломки мрамора. Часть крыши отсутствовала, и через отверстие внутрь лился лунный свет. В этом скудном свете она разглядела рядом со стеной контуры человеческой фигуры. Она дернулась. Ужасное предчувствие заставило ее сильно прикусить нижнюю губу. И тут же с опустошительным чувством облегчения она поняла, что связанный мужчина был куда крупнее Далгара. Налисса подобралась к нему и заглянула в лицо. Человек был связан по рукам и ногам,

с кляпом во рту. На нее глянули два серо-стальных холодных глаза.

— Царь Кулл?! Государь! — Девушка стиснула кулаками виски. Комната закружилась перед ее ошеломленным взором, но уже спустя мгновение Налисса взялась за дело, и вскоре ее длинные сильные пальцы освободили пленника от кляпа. Кулл пошевелил челюстями и принялся ругаться на чем свет стоит, — правда, бранился он на своем собственном языке. Даже в такой момент царь помнил о необходимости щадить нежные уши юной дворянки.

— Мой повелитель, как вы оказались здесь? — спросила девушка, заламывая руки.

— То ли мой самый доверенный советник стал предателем, то ли сам я спятил, — проворчал в ответ гигант. — Ко мне явился бродяга с письмом, написанным почерком Ту и заверенным царской печатью. Я последовал за ним, как было там указано, через город и ворота, о существовании которых даже не подозревал. Ворота эти никем не охраняются, и, похоже, о них не знал никто, кроме злоумышленников. У ворот нас поджидал какой-то тип с лошадьми, и мы на полной скорости помчались к этим чертовым Садам. Подъехали, слезли с коней, и я покорно отправился за своим проводником в разрушенный особняк, как баран на бойню. А стоило мне войти в дверь, как откуда ни возьмись навалился здоровенный детина с сетью. Пока я пытался освободиться от сети, объявилась целая дюжина прохвостов. Полагаю, мне удалось немного попортить им настроение. Двое тут же повисли на правой руке, не давая мне выхватить меч, но я пнул одного в бок и, вероятно, сломал ему ребра и одновременно, вспоров несколько ячеек сети, достал другого левой рукой с кинжалом. Он умирал тяжело, испуская дух, кричал как заблудшая душа в аду. Но, видит Валка, их было слишком много. В конце концов они содрали с меня доспехи, — только тут Налисса обратила внимание, что на короле лишь набедренная повязка в виде львиной шкуры, — и, как видишь, скрутили. Нет-нет, можешь не пытаться — сам дьявол не смог бы развязать эти узлы. Один из нападавших

был моряком. Это он и постарался. А что такое морские узлы, я узнал, еще когда был гребцом на галере.

— Но что же мне тогда делать? — заплакала девушка.

— Поищи обломок мрамора с острым краем, — попросил Кулл. — Ты должна будешь перерезать эти веревки.

Девушка отыскала кусок камня, скол которого был острым, как бритва.

— Я боюсь порезать вам кожу, ваше величество, — заранее извинилась она, принимаясь за дело.

— Режь кожу, мясо, кость, только освободи меня поскорей! — прорычал Кулл. Глаза его сверкали. — Попасться в ловушку! Надо же быть таким слепым идиотом! Валка, Хонан и Хотат! Ну дайте мне только до вас добраться... Послушай, а как ты попала сюда?

— Поговорим об этом позднее, — тяжело дыша, отозвалась Налисса. — Нам надо спешить.

Оба умолкли. В комнате слышался лишь скрип камня по волокнам веревки. Нежные ладони Налиссы покрылись порезами и обильно кровоточили, но она не обращала на это внимания. Веревка, прядь за прядью, поддавалась. И все же, когда за дверью загромыхали тяжелые шаги, она еще не была перерезана до конца.

Налисса замерла.

— Он там, Фондар, в путах и с кляпом в глотке. С ним какая-то валузийская девчонка — она шаталась по Садам, когда мы ее поймали.

— Чтобы бродить тут ночью, нужна немалая отвага, — зазвучал другой голос, надменный и раздражительный, явно принадлежащий человеку, привыкшему повелевать. — Наверно, она спешила на встречу с каким-то щеголем. Ты...

— Никаких имен. Никаких имен, славнейший Фондар, — вмешался мягкий вкрадчивый голос валузийца. — Помни о нашем соглашении: пока Гомла не сядет на трон, я — Человек-в-Маске.

— Да-да, конечно. Ты хорошо поработал этой ночью. Такое, кроме тебя, никому не под силу, — ведь именно ты придумал, как добыть, и добыл царскую печать, ты смог состряпать письмо Ту. Кстати, ты убил этого старого недотепу?

— Какая разница? Ему так и так придется умирать: или сегодня, или когда Гомла окажется на троне. Куда важнее то, что в нашей власти находится сам царь.

Кулл ломал голову, пытаясь определить, кому же принадлежит этот удивительно знакомый голос. Да вот еще Фондар... Он помрачнел. Да, видно, высоки в игре ставки, раз Верулия вынуждена посылать своего лучшего полководца творить грязные делишки. Царь хорошо знал Фондара, не раз принимал его во дворце.

— Пойди приведи царя, — велел Фондар. — Отведем его в старую комнату пыток и расспросим о том о сем.

Дверь отворилась, пропустив только одного человека — верзилу, что захватил Налиссу, — и закрылась за ним. Он пересек комнату, едва взглянув на девушку, забившуюся в угол, склонился к связанному царю и взял его за руку и за ногу, приготовившись вскинуть на плечо и нести. Но в этот момент Кулл одним резким движением разорвал подпиленные путы и стиснул в тисках стальных рук горло врага.

Громила упал на колени, одной рукой шаря по пальцам, сдавившим его шею, другой схватившись за кинжал на поясе. Ему удалось наполовину вытянуть кинжал из ножен, и тут глаза его вылезли из орбит, язык свесился наружу, руки безвольно упали, и верулианец обмяк в руках царя. Кулл одним ужасным резким движением сломал шею заговорщику и опустил на землю бездыханное тело, вынув из ножен врага меч. Налисса подхватила кинжал.

Вся схватка продлилась лишь несколько секунд.

— Быстрей! — раздался из-за двери раздраженный окрик Фондара, а Кулл, слегка пригнувшись, как тигр перед прыжком, стал лихорадочно соображать: число заговорщиков ему было неизвестно, но он знал, что в настоящий момент их за дверью всего двое или трое... И прежде, чем в комнату вошли посмотреть, что вызвало задержку, он принял решение и дальше действовал без промедления.

Он подозвал девушку:

— Как только я выскочу за дверь, выбегай следом и мчись изо всех сил вверх по лестнице, что слева отсюда.

Налисса кивнула. Кулл успокаивающе похлопал по изящному плечу девушки, повернулся и рывком распахнул дверь.

Люди снаружи, ожидающие гиганта-верулианца с беспомощным царем на плечах, оказались застигнутыми врасплох. Словно громадный тигр в человеческом обличье, в дверях стоял Кулл. Глаза царя сверкали, зубы оскалились в яростном боевом рычании, в руке он сжимал меч, вращающийся так быстро, что казался в лунном свете серебряным диском.

Кулл увидел Фондара, двоих солдат-верулианцев и стройного мужчину, лицо которого было скрыто под черной маской. Мгновение — и он уже оказался среди них, начав танец смерти. Командир верулианцев пал после первого же удара царя — голова его раскололась как орех, не помог даже шлем. Человек в маске, выхватив меч, сделал выпад, и острие его клинка вспороло щеку Кулла. Один из солдат атаковал атланта с копьем и уже в следующую секунду лежал мертвым поперек тела своего вождя. Оставшийся в живых воин повернулся и бросился бежать, отчаянно взывая к своим товарищам. Человек в маске шаг за шагом отступал под натиском Кулла, парируя удары с невероятным мастерством. Царь не оставлял ему ни времени, ни возможности перейти в атаку, он мог лишь защищаться от урагана свирепых ударов, бьющих, словно молот по наковальне. Казалось, верулианская сталь должна вот-вот неизбежно расколоть скрытую капюшоном и маской голову, но всегда на ее пути возникал узкий длинный валузийский клинок, отводя удар в сторону или останавливая его на расстоянии от кожи, порой не превышающем толщины человеческого волоса, но достаточном, чтобы остаться в живых.

Кулл увидел бегущих к месту схватки верулианских солдат, услышал звон их оружия и злобные крики. Они собирались обойти Кулла сзади и затравить его, как крысу. Напоследок яростно рубанув мечом обороняющегося валузийца, Кулл развернулся и бросился вверх по ступеням лестницы, наверху которой уже стояла Налисса.

Он выскочил на верхнюю площадку лестницы и остановился. Он и девушка оказались на чем-то вроде искусственно созданного мыса. Лестница вела вверх к площадке, а от нее вниз на другую сторону стены, но теперь половина ступеней обвалилась. Кулл понял: они в западне. «Что ж, — подумал царь, — здесь мы и умрем. Но заберем с собой много врагов».

Верулианцы собрались у основания лестницы под предводительством таинственного валузийца в маске. Кулл поудобнее обхватил рукоять меча.

Кулл никогда не боялся смерти, не страшился ее и теперь, и если бы не одна мелочь... Он радовался бы смертельной битве, как старому другу. Но рядом с ним девушка... Взглянув на ее трепещущую фигурку и белое как мел лицо, царь неожиданно принял решение, поднял руку и прокричал:

— Эй, верулианцы! Вот он я, перед вами. Многие из вас падут прежде, чем я погибну. Но обещайте мне отпустить девушку, не причиняя ей вреда, и я даже не подниму руки. Вы сможете зарезать меня, как овцу.

Налисса протестующе вскрикнула, а человек в маске издевательски расхохотался:

— Мы не заключаем сделок с теми, кто уже обречен. Девчонка тоже должна умереть, и я не даю обещаний, чтобы потом их нарушать. Вперед, солдаты, взять его!

Воины хлынули на ступени черной волной смерти, клинки засверкали в лунном свете. Один, рослый воин со вскинутым над головою боевым топором, намного обогнал своих товарищей, — двигаясь гораздо быстрее, чем ожидал Кулл, он в мгновение ока очутился на площадке. Кулл, не мешкая, бросился ему навстречу и, поднырнув под опускающийся топор, перехватил левой рукой тяжелое топорище, на полпути остановив движение смертоносной стали. В то же время правой царь нанес сокрушительный боковой удар. Меч пробил доспехи, мышцы, кости и позвоночник, переломившись у самой гарды. Кулл отшвырнул бесполезный обломок и вырвал топор из судорожно сжатых пальцев умирающего воина, который пошатнулся и обрушился вниз по лестнице. Кулл злорадно рассмеялся.

Верулианцы остановились в нерешительности, но снизу их неистово подгонял человек в маске. Один из солдат закричал:

— Фондар мертв! С чего бы это нам исполнять приказы какого-то валузийца? Там наверху не человек, а дьявол! Надо спасать свои шкуры!

— Глупцы! — голос человека в маске поднялся до истошного пронзительного крика. — Разве не ясно, что ради вашей же собственной безопасности надо убить царя? Если сейчас вы отступите, то он устроит на вас настоящую охоту. Вперед, болваны! Кто-то из вас погибнет, но лучше нескольким умереть под топором царя, чем всем сдохнуть на виселице. Я сам убью того, кто отступит! — И он покачал длинным узким мечом в подтверждение своих слов.

Растерянные, опасаясь гнева своего нового предводителя и понимая, что он прав, два с лишним десятка воинов снова двинулись в сторону Кулла. Пока они готовились к решительному натиску, внимание Налиссы привлекло какое-то движение у подножия стены особняка. От скопища теней внизу отделилась одна тень. Незнакомец стал по-обезьяньи взбираться на отвесную стену, используя как опоры для рук и ног углубления в покрывающей камень резьбе. Эта сторона здания находилась в тени, и девушка не могла разобрать черт лица человека, тем более что его скрывал массивный морион.

Ни словом не обмолвившись Куллу, возвышающемуся на краю площадки, поигрывая топором, девушка скользнула к другому ее краю, обращенному наружу, и спряталась за обломками, некогда бывшими парапетом. Теперь можно было разглядеть, что человек облачен в доспехи, но лица его не было видно. Девушка подняла кинжал. Дыхание участилось. Ее подташнивало. Вот рука в кольчужной перчатке ухватилась за край, — Налисса быстро и беззвучно, как тигрица, метнулась и нанесла удар, метя в незащищенное металлом лицо. Оно вдруг попало в полосу лунного света, и Налисса отчаянно закричала, ибо уже не могла отвратить удара опускающегося лезвия. В эту краткую долю секунды она узнала в незнакомце своего возлюбленного, Далгара из Фарсуна.

Глава 5. Битва на лестнице

Далгар, без лишних церемоний оставив смятенного Ка-ну, вскочил на коня и поскакал к Восточным Воротам. Он слышал приказ, отданный Ка-ну, — запереть все ворота и не выпускать никого наружу, — и мчался как сумасшедший, чтобы обогнать посыльного Ка-ну. Ночью всегда было непросто покинуть город, но Далгар знал, что именно в эту ночь Восточные Ворота не охраняют неподкупные Алые Убийцы, и рассчитывал подкупить стражу. И тут в самый последний момент ему в голову пришел новый план.

— Отпирайте! Я немедля должен выехать к верулианской границе! Скорее! Царь исчез! Пропустите меня!

Видя, что караульный заколебался, он продолжал:

— Да скорей же, болваны! Возможно, государю угрожает смертельная опасность! Ну!

Далеко за его спиной, в городе, зазвучал набат, заставивший его сердце сжаться от ужаса. То был гулкий голос огромного бронзового Царь-колокола, и в него звонили только тогда, когда монарх был в серьезной опасности. Гвардейцы у ворот зашевелились. Они знали Далгара как пользующегося всеобщим расположением при дворе именитого фарсунского гостя и, поверив его словам, исполнили его волю: массивные стальные ворота отворились, и всадник молнией пронесся сквозь них, моментально скрывшись в окрестной тьме.

Далгар очень надеялся, что с Куллом не случилось ничего плохого. Этот грубоватый варвар нравился ему куда больше, чем все жестокие и развращенные владыки Семи Империй, вместе взятые. Он бы охотно поучаствовал в поисках, если бы имел такую возможность. Но его ожидала Налисса, и он опаздывал.

Въехав в Проклятые Сады, молодой дворянин удивился: что-то слишком много народу в этом обычно уединенном и заброшенном месте. Слышались звон стали, топот множества ног, яростные крики на иностранном языке. Соскользнув с коня и выхватив меч, Далгар тихонько прокрался сквозь заросли к руинам особняка.

Там его взору предстала странная картина: на вершине полуразрушенной широкой лестницы стоял полуголый окровавленный великан, в котором он безошибочно признал царя Валузии. Рядом с ним замерла девушка... Далгар едва не закричал. Налисса! Ногти впились в ладони стиснутых в кулаки рук. Кто были те вооруженные люди в темных одеждах, толпой подымающиеся по ступеням? Не имеет значения. Они собирались убить и девушку, и Кулла. Далгар слышал, как царь бросил им вызов, предложив свою жизнь в обмен на жизнь Налиссы, и волна благодарности захлестнула его. Присмотревшись к зданию, юноша увидел глубокую резьбу, покрывающую его стены, и в следующее мгновение он уже карабкался вверх, не думая об угрожающей его жизни опасности, собираясь помочь царю и защитить девушку, которую любил.

Он потерял из виду свою возлюбленную, но все его мысли были только о ней. Их встреча вышла несколько необычной: ухватившись за край уступа и пытаясь выбраться на площадку, он вдруг услыхал ее крик и увидел серебристый блеск стального клинка в руке своей возлюбленной. Резко пригнув голову, он подставил шлем. Кинжал с треском сломался, и в следующий миг обессилевшая Налисса упала ему на руки.

Кулл обернулся на ее крик, вскинув топор, остановился, узнав фарсунца, и довольно усмехнулся. Теперь царю стало ясно, почему молодые люди оказались здесь.

Верулианцы приостановились, заметив появившегося на площадке нового человека, потом снова стали прыгать вверх по ступеням, с мечами наголо. Жажда убийства сверкала в их глазах. Кулл встретил первого противника прямым рубящим ударом и рассек его череп вместе со шлемом. Тут же плечом к плечу с ним встал Далгар. Меч его метнулся вперед и пронзил горло врага. Так началась Битва На Лестнице, позднее увековеченная певцами и поэтами.

Кулл уже приготовился к смерти и собирался до ее прихода уничтожить как можно больше врагов. Теперь у него появился шанс уцелеть и победить.

Его оружие описывало смертоносные круги. Каждый удар крушил сталь, кости и плоть. Кровь била фонтанами. Вся лестница оказалась завалена телами, но солдаты продолжали наступать, карабкаясь по скорбным останкам своих товарищей. У Далгара было не много возможностей колоть и резать рядом с таким прирожденным бойцом-убийцей, как Кулл, он понял: лучшее, что он может делать, — это прикрывать царя, который, не защищенный доспехами, в любой момент мог пасть от руки врага.

И Далгар сплел вокруг Кулла паутину стали, используя все свое мастерство в обращении с мечом. Снова и снова его сверкающий клинок отбивал удары, нацеленные Куллу в сердце, снова и снова доспехи юноши вставали на пути смертоносных взмахов, дважды он подставлял свой шлем под удары, предназначающиеся незащищенной голове царя.

Непросто одновременно защищать и себя, и другого. Кулл был залит кровью, сочащейся из царапин на лице и груди, пореза над виском, укола в бедро и глубокой раны на левом плече. Удар пики пробил кольчугу Далгара и ранил его в бок, — юноша почувствовал, что сила его убывает. Еще один безумный натиск врагов, и фарсунец был опрокинут. Он упал у ног царя, и дюжина копий грозила вот-вот оборвать его жизнь. Со львиным рыком Кулл расчистил лестницу одним могучим взмахом залитого красным топора, встав над поверженным юношей. Кольцо врагов стало смыкаться...

Внизу загрохотали копыта, и Проклятые Сады наводнили всадники-дикари, воющие как волки в лунную ночь. Лавина стрел со свистом обрушилась на лестницу, неся смерть нападающим. Те немногие, кого пощадили топор Кулла и воющие стрелы, бросились вниз по ступеням, где их встретили изогнутые клинки пиктов Брула. Там они все и полегли, сражаясь до последнего, отчаянные воины-верулианцы, отправленные на опасное и подлое дело, покинутые своими вождями, обреченные на бесславие в веках.

Лишь один предатель избежал смерти у подножия лестницы. Человек в маске бежал, едва заслышав звон подков. Теперь он скакал через Сады на роскошном

жеребце. Он почти достиг остатков внешней стены, когда Брул Копьебой догнал его. Стоя на каменном выступе, опустив окровавленный топор, смотрел Кулл на их поединок.

Человек в маске пренебрег испытанной тактикой защиты и бросился на пикта с безрассудной храбростью человека, которому нечего терять. Они сшиблись: конь с конем, человек с человеком, клинок с клинком. Оба были великолепными наездниками, их кони, послушные натяжению поводьев, сжатию коленей, поворачивались, кружились, вставали на дыбы. Но, несмотря на все маневры, воины не могли пробить защиту друг друга. В отличие от своих соплеменников, Брул пользовался таким же прямым тонким валузийским мечом, как у таинственного незнакомца. По силе, ловкости и быстроте противники не уступали друг другу, и не раз Кулл стискивал кулаки и прикусывал губу, когда казалось, Брул вот-вот падет. Видно было, сошлись два прирожденных воина, они кололи, рубили, парировали удары. Но вот меч Брула рассек воздух, он раскрылся, и тут же человек в маске, вонзив шпоры в бока лошади, метнулся к нему. Клинок чиркнул по кирасе пикта, Брул отклонился в сторону. Лошади столкнулись и рухнули в траву, увлекая за собой не прекращающих боя седоков. И из этой ворочающейся кучи спутанных тел невредимый поднялся лишь Брул, а человек в маске остался лежать на земле, пригвожденный мечом пикта.

Кулл словно пробудился от глубокого сна. Пикты вокруг завывали по-волчьи, но царь поднял руку, призывая к тишине:

— Довольно! Вы герои! Но нужно, чтоб кто-нибудь занялся Далгаром, он серьезно ранен. А когда закончите с ним, посмотрите заодно и мои царапины. Брул, как ты нашел меня?

Брул жестом позвал Кулла к тому месту, где остался лежать мертвец в маске.

— Старуха нищенка видела, как ты карабкался по дворцовой стене, и из чистого любопытства решила посмотреть, куда ты направляешься. Она крадась за вами следом и видела, как вы прошли через забытые древние

ворота. Мне оставалось только проехать от ворот до этих Садов...

— Сними маску, — велел Кулл. — Кто бы это ни был, именно он подделал почерк Ту, он отобрал у канцлера перстень с печатью и...

Брул сдернул маску.

— ...Дондал! — воскликнул пораженный Кулл. — Племянник Ту! Брул, Ту никогда не должен узнать об этом. Пусть думает, что Дондал выехал с тобой и погиб, сражаясь за царя.

Брул выглядел ошеломленным:

— Дондал! Предатель! Почему, во имя Валки? Сколько раз мы вместе напивались допьяна и отлеживались рядом, спина к спине!

Кулл кивнул:

— Мне тоже нравился Дондал.

Брул обтер свой меч и в сердцах вогнал его в ножны с громким клацаньем.

— Нужда может толкнуть человека на путь предательства, — сказал он уныло. — Дондал был по уши в долгах, а Ту отличался скупостью. Он Дондалу говорил, что деньги портят молодых людей. Постепенно Дондал, чтобы продолжать вести светскую жизнь, стал занимать деньги у ростовщиков, пока не угодил им в лапы. Так что Ту и есть главный изменник, именно он толкнул мальчишку на путь предательства. Хотел бы я, чтобы мой клинок проткнул его сердце вместо этого.

Сказав так, пикт отвернулся и с мрачным видом зашагал прочь.

Кулл вернулся к Далгару. Юноша был без сознания, а умелые пальцы пиктов бинтовали его раны. Потом пришел черед царя, и, пока ему промывали и перевязывали раны, к нему приблизилась Налисса.

— Государь, — она прятала свои изящные маленькие руки, покрытые ссадинами и запекшейся кровью, — быть может, вы все же смилостивитесь и снизойдете к моим мольбам, если... — ее голос дрогнул, — если Далгар выживет?

Кулл обхватил худенькие плечи и с болью в голосе отвечал:

— Милая, милая девочка! Проси у меня чего хочешь, кроме того, чего я не могу сделать. Проси половину царства или мою правую руку — и ты их получишь. Я попрошу Мурома позволить тебе выйти замуж за Далгара... Я стану умолять его, но не могу его заставить.

Рослые всадники ехали к ним через Сады, сверкающие доспехи сразу выделяли их среди скопища полуголых звероватых пиктов. Высокий человек во главе кавалькады поспешил вперед, подняв забрало шлема.

— Отец!

Муром бора-Баллин прижал дочь к груди, бормоча благодарности богам, и тут же повернулся к царю:

— Государь! Вы серьезно ранены!

Кулл покачал головой:

— Ничего серьезного. Но вон там лежит тот, кто принял на себя смертельные удары, предназначавшиеся мне, тот, кто стал моим щитом и моим шлемом. Не будь его — Валузии нужно было бы подыскивать нового царя.

Муром повернулся к распростертому на траве юноше:

— Далгар! Он мертв?

— Скажем, он недалек от этого, — буркнул смуглокожий жилистый пикт, все еще трудящийся над юношей. — Но этот парень сделан из стали и при известном уходе выживет.

— Он явился сюда, чтобы встретиться с твоей дочерью и бежать вместе с ней, — продолжал Кулл, и Налисса виновато опустила голову, — и увидел, как я сражаюсь за свою и жизнь его возлюбленной на верхней площадке этой лестницы. Никто не принуждал его, но он вскарабкался по стене, насмехаясь над смертью, и бросился в битву, встав плечом к плечу со мной — весело, словно прибыл на праздник... А ведь он даже не мой подданный.

Муром непроизвольно сжимал и разжимал кулаки. И в глазах его были доброта и тепло, когда он обратился к дочери.

— Налисса, — мягко сказал он, прижимая к себе девушку одетой в сталь рукой, — ты все еще хочешь замуж за этого безрассудного юнца?

Взгляд девушки был достаточно красноречивым ответом.

— Осторожно подымите его, — проговорил Кулл, — и доставьте во дворец. Там он получит наилучший...

— Государь, — перебил его Муром, — если позволите, я бы хотел отвезти юношу в свой замок. Лучшие врачи будут ухаживать за ним, а когда он полностью оправится, — конечно, если будет на то ваше царское соизволение, — мы могли бы отметить это событие свадьбой.

Налисса вскрикнула от радости, захлопала в ладоши и, расцеловав отца и Кулла, опрометью бросилась к Далгару.

Муром ласково улыбнулся:

— Ночь крови и ужаса породила радость и счастье.

Варвар, ставший царем, хмыкнул и вскинул на плечо свой иззубренный и испятнанный кровью топор:

— Такова жизнь, граф. Несчастье одного человека для другого оборачивается блаженством...

ОСКОРБЛЕНИЕ

(Неоконченное)

— Вот так, — заключил Ту, верховный канцлер. — Лала-ах, графиня Фанары, сбежала со своим любовником Фенаром, фарсунианским авантюристом, покрыв позором своего обманутого супруга и народ Валузии...

Кулл, слушавший Ту, оперев подбородок на сжатые кулаки, кивнул. Ему явно наскучила история о том, как юная фанарская графиня наставила рога валузийскому дворянину.

— Ладно, — нетерпеливо перебил канцлера Кулл. — Я все понял. Но мне-то что за дело до амурных похождений легкомысленной девицы? Трудно винить ее за измену Ка-янне, — Валка свидетель, он уродлив, как носорог, и с еще более отвратительным характером. Зачем ты мне все это рассказываешь?

— Ну как ты не понимаешь, — стал терпеливо объяснять канцлер, что ему нередко приходилось делать, служа варвару, ставшему королем, — обычаи народа и твои собственные привычки совсем не одно и то же. Лала-ах, бросившая супруга, не успев отойти от алтаря, нанесла жестокое оскорбление традициям страны, нашему народу и, следовательно, нашему царю Куллу. Потому ее необходимо вернуть и покарать. Далее: она графиня, а, по обычаям Валузии, знатные дамы выходят замуж за чужеземцев только с разрешения государя. Тут же никакого разрешения не давалось, поскольку его никто не просил. Валузия станет посмешищем для всех стран и народов, если мы будем позволять чужестранцам безнаказанно умыкать наших женщин.

— Во имя Валки! — воскликнул Кулл. — Вы все помешались на обычаях и традициях. Я только об этом и слышу с тех самых пор, как воссел на трон Валузии. В моей стране женщины сходятся с теми, кто им нравится и кого они сами выбирают.

— Может, и так, Кулл, — без обиняков ответил Ту. — Но это — Валузия, а не Атлантида. Все женщины и мужчины у нас свободны, и мы стараемся не вмешиваться в личные дела друг друга, но нельзя забывать и о том, что цивилизация — система устоев и приоритетов. А чтобы закончить с этой историей, добавлю, что девушка не просто графиня, а особа царской крови.

— Вот этот человек участвовал в преследовании беглянки со всадниками Ка-янны, — сказал Ту.

— Да, — подтвердил молодой человек, — и у меня есть послание от Фенара для вас, ваше величество.

— Для меня? Да я в глаза никогда не видел этого Фенара...

— Воистину так, но он передал послание зарфхаанскому воину, с тем чтобы тот пересказал их преследователям: «Передайте свинье-варвару, осквернившему древний трон, что я назвал его мерзавцем. Скажите ему, что в один прекрасный день я вернусь, чтобы обрядить его

трусливую тушу в женские тряпки и приставить ухаживать за лошадьми из моей конюшни».

Как распрямившаяся пружина, громадное тело Кулла взметнулось вверх, опрокинув великолепное парадное кресло. Он на мгновение замер, словно утратив дар речи, а потом бешено заорал, обращаясь к Ту и стоящему за ним юному дворянину:

— Валка, Хонен, Холгар и Хотат! — проревел он, смешав в одну кучу имена богов и языческих идолов.

Волосы канцлера встали дыбом от такого богохульства. Кулл потряс над головой огромными руками и обрушил кулаки на столешницу с такой силой, что массивные деревянные ножки разлетелись на куски. Ту, побледневший, ошеломленный вспышкой дикой варварской ярости царя, отшатнулся к стене, прикрыв спиной юношу, дерзнувшего принести царю такую весть. Однако в Кулле было слишком много от дикаря, чтобы связать оскорбление с тем, кто его доставил. Вымещать гнев на посланцах — привычка цивилизованных правителей.

— К лошадям! — бушевал Кулл. — Велите Алым Убийцам седлать коней! И прислать ко мне Брула!!!

Он сорвал с себя царскую мантию, швырнул через комнату, схватил и грохнул об пол драгоценную вазу.

— Скорее! — выдохнул Ту, указывая молодому дворянину на дверь. — Разыщи Брула Копьебоя, да поторопись, пока он не поубивал нас всех!

Искушенный царедворец, Ту мерил Кулла и его действия мерками предшествующих монархов, начисто забыв о том, что гигант еще не вкусил в должной степени достижений прогресса, чтобы научиться срывать гнев на невинных.

Его первоначальное неконтролируемое бешенство сменилось холодной целенаправленной яростью отточенной стали, жаждущей вражеской крови. Проскользнув в царский чертог, Брул бесстрастно оглядел разрушения, произведенные взбешенным царем. Лишь мрачная улыбка скривила его губы.

— Мы куда-то едем, Кулл? — спросил он.

Атлант, облачающийся в одежду для верховой езды, поднял глаза на вошедшего — в них сверкала сталь:

— Да, клянусь Валкой! Мы отправляемся в далекое и трудное путешествие! Сперва в Зарфхаану, а там, возможно, и дальше — на заснеженные равнины или в пустыни раскаленного песка! Пусть три сотни Алых Убийц будут наготове.

Брул оскалил зубы от нескрываемого удовольствия. Хорошо сложенный, мускулистый воин среднего роста с блестящими на бесстрастном лице глазами, похожий на бронзовую статую, он без единого слова повернулся и покинул зал.

— Господин мой, что ты собираешься делать? — отважился спросить Ту, все еще содрогающийся от страха.

— Я отправляюсь по следу Фенара, — свирепо рявкнул Кулл. — Царство остается на тебя, Ту. Я вернусь, когда скрещу мечи с этим фарсунцем, или не вернусь вовсе.

— О нет! — простонал Ту. — Будь же благоразумен, мой царь: мало ли что наболтал безвестный авантюрист! К тому же император Зарфхааны ни за что не разрешит тебе войти в свои земли с таким войском.

— Что ж, тогда я проеду по руинам зарфхаанских городов, — нахмурившись, ответил Кулл. — Мужчины Атлантиды привыкли мстить за нанесенные им оскорбления, и хотя Атлантида отреклась от меня и я теперь царь Валузии, но мужчиной-то я не перестал быть от этого, видит Валка!

Он пристегнул к поясу огромный меч и направился к двери. Ту проследил за ним взглядом.

Перед дворцом, верхом на полностью снаряженных конях, царя ожидали четыре сотни бойцов, три из них были воинами из отряда Алых Убийц, тяжелой кавалерии Кулла. Отряд был сформирован из валузийских горцев, сильных, выносливых и энергичных представителей вырождающегося народа. Оставшуюся сотню составляли соплеменники Брула, пикты, отважные и отчаянные дикари, казавшиеся единым целым со своими конями, наподобие кентавров, и сражавшиеся как адские демоны, как только представится случай.

Солдаты приветственными криками встретили царя, спускающегося по ступеням парадной лестницы дворца.

Кулл был почти благодарен Фенару за предоставляющуюся возможность на некоторое время вырваться из паутины монотонной дворцовой жизни и заняться настоящим мужским делом.

Перед строем до зубов вооруженных головорезов восседали Брул, вождь самых грозных союзников Валузии, и Келкор, второй по старшинству командир Алых Убийц.

Кулл резким жестом ответил на приветствия и взлетел в седло. Лошади Брула и второго офицера застыли по обе стороны от царя.

— Внимание, — коротко скомандовал Келкор. — Вперед!

И кавалькада легкой рысью рванула с места. Торговцы и ремесленники с любопытством глазели на грозную силу. Звенели серебром копыта, взметались конские гривы, сверкали на солнце бронзовые доспехи, развевались флажки на концах длинных пик. Народ, собравшийся на рыночной площади, с удивлением и детским восторгом провожал глазами горделивых всадников, несущихся мимо, но, как только они умчались вдаль по широкой белой улице и стих перестук подков по булыжнику мостовой, горожане вернулись к своим привычным делам и мелким повседневным проблемам. Так обычно и поступают люди, — в конце концов, кому какое дело, куда и зачем едут их цари?

По широкой дороге через предместья с их просторными усадьбами и роскошными дворцами богачей и знати скакали царь и его маленькая армия, пока золотые шпили и сапфировые башни Валузии не превратились в серебристое мерцание, а потом и вовсе скрылись из виду. Впереди замаячили величественные горы Зальгары.

Ночь застала их расположившимися лагерем у подножия гор. На стоянку толпой привалили местные жители из племен, родственных Алым Убийцам, с дарами: винами и яствами. Воины, столь сдержанные и замкнутые в городах оставшегося за плечами цивилизованного мира, расслабились, запели древние песни, стали обмениваться свежими новостями и старинными преданиями. И лишь

Кулл держался особняком, прохаживаясь в одиночестве поодаль от костров, устремив взор на окружающие горы и зеленые долины между ними. Эти места всегда таили в себе тайное очарование. Куллу припомнились горы Атлантиды, среди заснеженных вершин которых он провел свою юность еще до того, как отправился в большой мир, чтобы занять древний трон. Как разительно были непохожи обрывистые заиндевевшие скалы Атлантиды среди мрачных бесплодных пустошей, почти непригодных для жизни, и мягкие очертания холмов Зальгары, высящиеся подобно древним божествам в украшениях изумрудно-зеленых рощ, тенистых долин и цветочных лугов. «Древние, как само время, — думал об этих горах Кулл. — Наверно, им снятся короли прошлого, беззаботно попиравшие их своими ногами».

Мысль об оскорблении, нанесенном ему Фенаром, заставила с новой силой вспыхнуть угасший было в его мозгу багровый пожар ярости и гнева. Стиснув кулаки и расправив плечи, Кулл поднял глаза к бесстрастному оку луны.

— Хелфара и Хотат да обрекут мою душу на вечные адские муки, если я не отомщу Фенару! — прорычал он.

Прохладный ночной бриз прошелестел в кронах деревьев как ответ на страшную языческую клятву.

Едва красная роза рассвета заалела над холмами Зальгары, как воинство Кулла оседлало коней и продолжило свой путь по тучным зеленым долинам меж длинных островерхих косогоров, а первые лучи солнца заиграли на остриях пик, щитах и шлемах.

— Мы направляемся прямо на рассвет, — заметил Келкор.

— Да, — с мрачной иронией откликнулся Брул.

Кулл глянул на своего офицера. Келкор сидел в седле прямой, как копье, застывший и несгибаемый, словно статуя из стали. Он не случайно всегда напоминал Куллу добрый меч закаленной стали. Ледяное спокойствие никогда не покидало Келкора ни в словесной перепалке на военных советах, ни в диком безумии схватки. Келкор всегда оставался уравновешен и невоз-

мутим. У него было не много друзей, но он никогда и не искал ничьей дружбы. Только выдающиеся личные качества позволили Келкору возвыситься от безвестного солдата в рядах наемников до второго по рангу военачальника в армии Валузии, и лишь место его рождения помешало ему стать первым: по установившемуся обычаю, предводитель царской армии должен быть валузийцем по рождению, а Келкор был родом из Лемурии. Хотя, по правде сказать, по внешнему виду он куда больше соответствовал представлению об идеальном валузийце, чем сами валузийцы; он был скроен иначе, чем люди его расы, более высокий и сухощавый, жилистый и сильный, и лишь необычные глаза выдавали принадлежность к лемурийскому народу.

Следующий рассвет застал их проезжающими через пологие холмы, за которыми взорам открылась Камунианская пустыня — огромное безжизненное, унылое море желтых песков. Здесь не росли ни деревья, ни кусты, не было источников воды. Целый день ехали они, сделав лишь одну короткую остановку, чтобы поесть и дать отдохнуть лошадям, когда зной стал совершенно невыносимым. Измученные дорогой и жарой, воины поникли в седлах. Мертвая тишина, царящая над раскаленным маревом, нарушалась лишь звяканьем стремян и доспехов, скрипом пропитавшихся потом седел да монотонным глухим стуком копыт. Даже Брул снял и повесил свою кирасу на луку седла. Одному только Келкору, казалось, не доставляют никаких неудобств палящее солнце и тяжелые доспехи.

— Сталь, ну, чистая сталь, — прошептал Кулл восхищенно, подумав при этом, способен ли он достигнуть таких высот самообладания.

Двухдневный марш вывел их из пустыни в низкие холмы, отмечающие границу Зарфхааны. Там отряд был остановлен пограничным кордоном — двумя конными зарфхаанцами.

— Я Кулл, правитель Валузии, — без околичностей объявил царь. — Я преследую некоего Фенара. Не препятствуйте нашему проезду, и я обещаю сохранять уважение к вашему императору.

Пограничники, тронув лошадей шпорами, отъехали в сторону, позволив кавалькаде следовать дальше, а когда расстояние поглотило клацанье подков, один обратился к другому:

— Я выиграл наше пари: царь Валузии прискакал сам.

— Увы, — ответил другой. — Эти чертовы варвары никогда не учатся на чужих ошибках, норовя набить собственных шишек. Будь царь валузийцем, ты бы проспорил, клянусь Валкой!

В долинах Зарфхааны гулким эхом отзывалась тяжелая поступь валузийской конницы. Деревенские жители высыпали из своих домов посмотреть на свирепых воинов, проносящихся мимо. По всей стране — на юг и север, восток и запад — разносилась весть о том, что сам Кулл Валузийский едет по Зарфхаане.

Приграничные области давно остались позади, когда Кулл решил отправить посланца к императору, чтобы заверить его в своих мирных намерениях. Царь остановил отряд на отдых и собрал импровизированный военный совет с Брулом, Ка-янной и Келкором.

— Беглецы опередили нас на много дней, — сказал Кулл. — Нам некогда заниматься поисками их следов. Но местные жители, обратись мы к ним за помощью, наверняка станут лгать, так что остается полагаться лишь на собственное чутье и, подобно волкам, по запаху отыскивать след оленя.

— Позволь мне допросить этих земляных червей, — обратился к нему Ка-янна, высокомерно и злобно скривив толстые чувственные губы. — Я гарантирую, что сумею заставить их говорить правду.

Кулл вопросительно поглядел на него.

— У меня есть свои способы... — уклончиво промурлыкал валузиец.

— Пытки? — буркнул Кулл, и в голосе его прозвучало откровенное презрение. — Но ведь Зарфхаана — дружественная держава.

— Неужто императору есть дело до нескольких паршивых селян? — коротко, почти ласково, поинтересовался Ка-янна.

— Ну, довольно, — отмахнулся от него царь с выражением брезгливого отвращения на лице, но тут Брул поднял руку, чтобы привлечь к себе внимание.

— План этого типа мне нравится ничуть не больше, чем тебе, Кулл, — сказал он. — Но даже и свинье случается порой изрекать истину, — лицо Ка-янна скривилось от бешенства, но пикт не обратил на это ни малейшего внимания. — Давай я пошлю несколько своих парней, пусть покрутятся немного среди крестьян, порасспрашивают, может, припугнут немного, не причиняя вреда. Иначе мы можем потратить недели на бесплодные поиски.

— Сразу видно, говорит варвар, — пряча улыбку, пробурчал Кулл.

— А в каком из городов Семи Империй родился ты, о царь? — в тон ему с притворным благоговением спросил Брул.

Келкор прервал шуточную перепалку двух друзей нетерпеливым жестом руки.

— Вот где мы находимся, — заговорил он, рисуя карту в пепле кострища концом ножен. — Фенар вряд ли поедет на север. Все мы сошлись во мнении, что в Зарфхаане он оставаться не станет, а дальше... море, кишащее пиратами и морскими бродягами. На юг ему дорога закрыта, там расположена Турания, давний враг его народа. Отсюда мое предположение: он, как и раньше, скачет на восток, чтобы пересечь границу где-то около Талунии, и двинется в пустоши Грондара, где повернет на юг, стремясь достичь лежащего на западе от Валузии Фарсуна через малые княжества, расположенные к югу от Турании.

— Все это одни догадки, Келкор, — сказал Кулл. — Если Фенар рассчитывает удрать в Фарсун, почему же, во имя Валки, он мчится в совершенно противоположном направлении?

— Потому... да ты сам знаешь это, Кулл. В это неспокойное время все наши границы, за исключением самых восточных, усиленно охраняются, и он не мог бы проскользнуть через них незамеченным, тем более что с ним следует графиня.

— Я уверен, Келкор прав. — Брул только что не пританцовывал от нетерпеливого желания возобновить

погоню. — Доводы его звучат убедительно, с какой стороны ни посмотреть.

— Ну что ж, этот план ничуть не хуже любого другого, — со вздохом ответил Кулл. — Едем на восток.

И войско двинулось через долины и перелески. «Какая благодатная страна, богатая и ленивая, — лакомый кусочек для любого завоевателя», — размышлял Кулл под стук копыт своей кавалерии, которую неустанно гнал вперед и вперед, не давая людям расслабиться. Они стороной объезжали города, Кулл не хотел искушать своих свирепых воинов, дав им шанс впутаться в какую-нибудь свару с местными жителями. Кавалькада приближалась к городу Талунии, последнему зарфхаанскому форпосту на востоке, когда ее нагнал посланец от императора с известием, что правитель страны нисколько не возражает против движения через его страну конного отряда Кулла и приглашает короля Валузии посетить на обратной дороге его расположенную на севере страны столицу. Кулла позабавила ирония ситуации — он получил высочайшее монаршее соизволение проследовать через страну, которую он уже пересек из конца в конец и готовился покинуть.

Войско Кулла достигло Талунии незадолго до восхода солнца, после целой ночи напряженной скачки. Кулл надеялся, что Фенар и графиня, чувствуя себя в относительной безопасности, остановились на отдых в приграничном городе. К тому же атлант хотел обогнать слухи о своем появлении. Он расположил своих людей лагерем вдали от городских стен и отправился в город в сопровождении одного лишь Брула.

Ворота с готовностью распахнулись перед Куллом, когда он предъявил царскую печать Валузии и особый символ, присланный ему императором Зарфхааны.

— Скажи, — подозвал царь командира караула, — в городе ли Фенар и Лала-ах?

— Они въезжали через эти ворота много дней назад, но в городе они до сих пор или нет, я не знаю.

— Тогда вот что, — сказал Кулл, снимая с могучей руки изукрашенный самоцветами браслет, — запомни: я просто валузийский дворянин, странствующий со своим

товарищем-пиктом. Кто я на самом деле, никому знать не надо, понял?

Солдат во все глаза уставился на драгоценность, снедаемый алчностью:

— Конечно, конечно, господин. Но как быть с вашими солдатами, укрывшимися в лесу?

— Из города их не видно. А если какой-нибудь крестьянин, въезжающий через твои ворота, заикнется о замеченном им отряде, найди повод упрятать его в каталажку до завтра. Тем временем я разузнаю все, что мне нужно.

— Во имя Валки, вы хотите сделать меня предателем?! — занервничал стражник. — Я не думаю, что вы замышляете какую-то низкую хитрость, но...

Кулл тотчас сменил тактику:

— Ты разве не обязан повиноваться приказам твоего императора? А ведь я, кажется, показал тебе знак, подтверждающий, что говорю от его имени. И ты дерзнешь ослушаться? Валка, но, значит, ты как раз и есть предатель!

В конце концов, рассудил солдат, все верно: он ни за что не поддался бы на взятку — о нет, нет! — но коли приказ ему отдавал царь, имеющий соответствующие полномочия от императора, то...

Кулл, не произнеся больше ни слова, вручил ему браслет вместе с легкой улыбкой, выдающей его презрение к свойственной человеку привычке убаюкивать свою совесть в угоду мелочным желаниям и низменным страстям, отказываясь признаться даже себе в том, что нарушает и закон, и моральные устои.

Два всадника ехали по улицам, где потихоньку начинал суетиться торговый люд. Гигантская фигура Кулла и бронзовая кожа Брула притягивали немало любопытных взглядов, и царь уже пожалел, что взял с собой не Келкора или валузийца, ибо пикта чрезвычайно редко можно было встретить в городах Востока и появление его в городе могло породить целую кучу толков, которые в свою очередь могли дойти и до тех, кого они разыскивали.

Кулл и его спутник сняли комнату в скромной таверне и устроились за столиком в питейном зале, надеясь что-нибудь услыхать об интересующих их людях. Но уже

наступил вечер, а никто не упомянул о паре беглецов. Осторожные расспросы тоже не дали никаких результатов. Если Фенар и Лала-ах были все еще в городе, то они явно старались не афишировать своего присутствия. А Кулл очень рассчитывал на то, что прибытие отчаянного ловеласа и юной красавицы царских кровей неминуемо привлечет к себе внимание...

Царь решил ночью побродить по улицам и, если поиски к утру не увенчаются успехом, открыть свое инкогнито городскому голове и потребовать найти и выдать ему преступников. Гордость Кулла бунтовала против подобных действий, наиболее разумных и логичных. Атлант именно так бы и сделал, будь его проблема политической или дипломатической, но тут дело касалось личной мести.

На город опустилась ночь. Два товарища шагали по освещенной факелами улице, где, несмотря на позднюю пору, было довольно людно и шумно, как вдруг их остановил осторожный вкрадчивый голос.

Из тени между двух больших зданий Кулла поманила рука с длинными заостренными ногтями. Переглянувшись, царь и его спутник двинулись туда, держа на всякий случай под рукой кинжалы. Навстречу им из сумрака выскользнула скрюченная годами старуха нищенка.

— Что ищешь ты в Талунии, царь Кулл? — сипло проскрипела она.

Пальцы Кулла стиснули рукоять кинжала. Он настороженно спросил:

— Откуда тебе известно мое имя?

— И стены имеют уши, — отвечала она со смехом, больше похожим на кудахтанье. — Один из рыночных зевак признал вас сегодня в таверне и поспешил растрезвонить новость.

Кулл тихонько выругался.

— Послуш-ш-ш-шай, — прошипела старуха, — я могу отвести тебя к тем, кого ты ищешь, — если ты готов заплатить настоящую цену.

— Я наполню твой фартук золотом, — ласково ответил царь.

— Отлично. Знай: Фенар и графиня извещены о твоем прибытии и готовятся к бегству. Вечером они укрылись в одном доме, но скоро покинут свое убежище...

— Как же они смогут выехать из города? — перебил ее Кулл. — Ворота заперты с самого заката.

— Помимо парадного входа всегда существует черный. В Талунии это ворота в восточной стене. Их там ожидают лошади. У Фенара немало друзей.

— Где они прячутся?

Старуха протянула иссохшую скрюченную руку. Царь опустил монету в ее ладонь, и нищенка ухмыльнулась, исполнив гротескное подобие реверанса:

— Следуй за мной, о повелитель... — и быстро заковыляла в тень.

Кулл и его спутник следом за ней пустились в паутину узких извилистых улочек, двигаясь почти на ощупь, пока не остановились перед неосвещенным огромным строением в самой бедной и запущенной части города.

— Они прячутся в комнате наверху. Из нижнего зала, выходящего на улицу, туда ведет лестница, мой господин.

— А как ты узнала, что они здесь? — подозрительно спросил царь. — С чего бы это им выбрать для укрытия столь неприглядное место?

Женщина беззвучно рассмеялась, раскачиваясь взад-вперед в приступе безудержного веселья:

— Да как только я уверилась в том, что ты действительно в Талунии, господин, я поспешила в гостиницу, где они остановились, и предложила проводить в тайное убежище. Хо-хо-хо! Они отвалили мне добрых золотых монет!

Кулл, потеряв дар речи, уставился на нее. Наконец он сказал:

— И как таких земля носит? Что ж, красотка, теперь отведи Брула к воротам, где его ждут лошади. Брул, отправляйся со старухой и стереги ее до моего возвращения, на тот случай, если Фенар ускользнет от меня...

— Но, Кулл, — запротестовал пикт. — Ты не можешь идти в дом один, подумай, а вдруг это ловушка?!

— Эта женщина не посмела бы предать меня! — Тут старуха содрогнулась, помрачнев. — Иди!

Подождав, пока два силуэта растворятся во мраке, Кулл проник в здание. Пока глаза его привыкали к царящей внутри темноте, он на ощупь отыскал лестницу и начал подниматься по ней, с кинжалом в руке, ступая с величайшей осторожностью, следя, чтобы не скрипнула под ногой рассохшаяся ступень. Несмотря на свои внушительные габариты, царь двигался легко и бесшумно, как леопард, и даже если наверху лестницы затаился наблюдатель, он вряд ли смог бы услышать шаги атланта. Так и вышло: охранник встрепенулся, лишь когда рука Кулла зажала ему рот, и тут же обмяк в глубоком обмороке от страшного удара гиганта. Согнувшись над своей жертвой, царь замер на мгновение в ожидании любого звука, указывающего, что он обнаружен. Тишина. Он скользнул к двери. Все чувства его были обострены, как это бывает с охотником, преследующим добычу.

Из запертого помещения доносились едва слышные голоса — словно двое людей перешептывались. Еще одно осторожное движение и... — одним гигантским прыжком, настежь распахнув дверь, Кулл ворвался в комнату. Он не колебался ни секунды, взвешивая свои шансы, — а ведь за дверью его вполне могла ожидать толпа убийц, и Кулл был даже несколько удивлен их отсутствием. Вместо этого царь увидел пустую комнату, залитую лунным светом, проникающим сквозь открытое окно, где промелькнули две выбирающиеся наружу фигуры. В слабом свете блеснули дерзкие темные глаза на лице неземной красоты и другое лицо, бесшабашно-веселое. Взревев при виде удирающего врага, Кулл рванулся через комнату к окну и, выглянув наружу, разглядел две тени, метнувшиеся в лабиринт близлежащих домов и лачуг. Ветер донес до него серебристый переливчатый смех, дразнящий, издевающийся. Не долго думая, атлант перекинул ногу через подоконник и спрыгнул вниз с высоты тридцати футов, игнорируя веревочную лестницу, свисающую из окна. Оказавшись на земле, он понял, что у него нет ни малейшей надежды отыскать беглецов в неразберихе улочек, знакомых им, без сомнения, куда лучше, чем ему.

Уверенный в том, что знает, куда они бегут, царь помчался к воротам в восточной стене, которые, судя по

старухиным описаниям, были не слишком далеко. Когда он наконец очутился там, то обнаружил лишь Брула и старую каргу.

— Никого, — сказал Брул. — Лошади здесь, но никто не пришел за ними.

Кулл стал дико браниться. Фенар и женщина провели-таки его! Заподозрив неладное, фарсунец решил держать у ворот коней для отвода глаз. А сам наверняка удрал через какую-то другую лазейку.

— Быстро! — закричал Кулл. — Скачи в лагерь и вели седлать коней. Я отправляюсь по следу Фенара.

Вскочив на одну из приготовленных лошадей, Кулл умчался. Брул поскакал в лагерь, а старая ведьма долго смотрела им вслед и мерзко тряслась от хохота. Спустя некоторое время она услыхала перестук множества подков.

— Хо-хо-хо! Они едут на восток, — но разве кто возвращался с востока?

Всю ночь Кулл подстегивал коня, стараясь сократить расстояние между собой и преследуемыми. Он знал: в Зарфхаану беглецы вернуться не рискнут, а так как на севере катило валы своенравное море, а на юге располагалась Турания, стародавний враг Фарсуна, для беглецов оставалась только одна дорога — в Грондар. Звезды побледнели и рассвет залил небо над травяной равниной пурпурной краской, когда перед царем выросли горы, устремившие вверх свои пики. Они тянулись на много миль, образуя естественный рубеж Зарфхааны на востоке, и через них вел всего один проход, помимо того, которым теперь следовал Кулл. Он находился немного севернее. Пограничник-зарфхаанец в установленной на перевале сторожевой башенке поприветствовал царя. Тот, не останавливаясь, ответил приветственным жестом и, взобравшись на гребень перевала, остановил коня. И справа, и слева вздымались обрывистые скалы, а от их подножия в бесконечность тянулось колышущееся море зеленой травы. По бескрайним просторам саванны бродили стада буйволов и оленей, — но ни одного человека

не увидел Кулл. В это мгновение с ослепительной вспышкой из-за горизонта показался край солнечного диска и всю равнину будто залило огнем. Конному отряду, въехавшему в дальний конец прохода позади Кулла, одинокая фигура верхом на коне представилась неподвижной черной статуей на фоне пламенеющего утра. Миг — и она исчезла из поля зрения всадников, бросившись вперед.

— Он скачет на восток, — шептались между собой солдаты.

Солнце стояло высоко в небе, когда войско нагнало Кулла.

— Вели своим пиктам рассредоточиться, — сказал царь Брулу, — Фенар и графиня только и ждут удобного случая повернуть на юг, чтобы обойти нас и удрать обратно в Зарфхаану. Я уверен в этом, ибо нет человека, кто пожелал бы оставаться в Грондаре дольше, чем необходимо.

Пикты Брула, как рыщущие голодные волки, разъехались далеко на юг и север. Но, вопреки ожиданиям Кулла, беглецы скакали дальше и дальше, — натренированный глаз царя легко находил их след, отмечая, где высокая трава была помята и раздавлена лошадиными копытами. «Удивительно, как Фенару удавалось держаться в седле после многодневной погони, но, с другой стороны, — рассуждал Кулл, — это вполне объяснимо: солдаты ведь вынуждены щадить лошадей. А Фенар, судя по следам, имел запасных коней и мог время от времени менять скакунов».

Кулл не стал отправлять гонца к царю Грондара. Грондарцы были диким, полуцивилизованным народом, державшимся особняком от всего остального мира. Орды язычников-грондарцев иногда совершали набеги на Туранию и соседние малые государства, проходясь по ним огнем и мечом, поэтому западные границы царства зорко охранялись — причем не грондарцами, а их обеспокоенными соседями. А вот как далеко простирается это царство на восток, никто не знал, и в цивилизованном мире бытовали легенды, согласно которым оно упирается прямиком в Край Света.

Несколько дней утомительной скачки — и все впустую: воинам Кулла не встретились не только беглецы, но и вообще ни одного человеческого существа. И вдруг один из пиктов заметил группу всадников, приближающуюся с юга. Кулл остановил своих солдат и стал ждать. Они подъехали и сбились в кучу на некотором удалении, сотни четыре гондарских воинов, свирепых жилистых мужчин в кожаных доспехах с металлическими накладками. Их предводитель выехал вперед:

— Незнакомец, что делаешь ты в этой стране?

— Я преследую преступницу и ее любовника, — ответил Кулл, — мы едем с миром. У моего царства нет никаких счетов с Гондаром.

Гондарец усмехнулся:

— Въезжающий в Гондар несет жизнь свою в собственной правой руке.

— Тогда, клянусь Валкой, — разъяренно взревел Кулл, теряя терпение, — в моей правой руке достаточно силы, чтоб дать отпор хоть всему Гондару! Посторонитесь, не то мы растопчем вас!

— Пики наперевес! — прозвучал лаконичный приказ Келкора, и отряд ощетинился лесом пик, мгновенно направленных воинами вперед.

Гондарцы отступили перед этой грозной силой, понимая, что неспособны остановить тяжелую кавалерию. Язычники отъехали в сторону, когда валузийцы проносились рядом с ними, а вожак закричал Куллу вслед:

— Скачите, глупцы! Кто едет за рассвет, не возвращается!

Гондарцы разделились на небольшие группки и, подобно ястребам, кружились поодаль от царского отряда. На ночь пришлось выставить усиленные караулы, но гондарцы не приближались и не тревожили чем-либо покой солдат, а к утру и вовсе исчезли.

Равнина тянулась без конца и без края, ни холм, ни лес нигде не нарушали ее монотонности. Временами всадникам встречались руины стертых с лица земли древних городов — немые напоминания о тех кровавых днях, когда, многие века тому назад, предки нынешних гондарцев появились из ниоткуда и в одночасье покорили исконных

обитателей этих земель. Но ни обитаемых городов, ни грязных становищ гондарцев не попадалось на пути — воины ехали через самую дикую, необитаемую часть страны. Теперь стало ясно, что Фенар не собирается поворачивать назад: его след по-прежнему вел строго на восток. Надеялся ли он найти убежище в этой стране или просто хотел измотать преследователей?

Многие дни погони остались позади, но вот наконец всадники выехали к широкой полноводной реке, что, извиваясь, перерезала равнину пополам. На ее берегу буйство травы внезапно кончалось, и за рекой до самого горизонта тянулась бесплодная пустыня.

К берегу была причалена большая плоскодонная лодка, а рядом с нею стоял человек — древний, как само время, но по могучему телосложению он не уступал Куллу. Одетому на нем рубищу, казалось, не меньше лет, чем самому старику, но было что-то величественное и внушающее трепет в этом человеке с ниспадающими на плечи, белыми как снег волосами и огромной белой нечесаной бородой, опускающейся до самого пояса. Из-под кустистых седых бровей смотрели огромные сверкающие глаза.

— Странник, что выглядит как царь, — глубоким звучным голосом обратился старик к Куллу. — Не собираешься ли ты пересечь реку?

— Да, — ответил Кулл, — если ее пересекли те, кого мы ищем.

— Мужчина и девушка воспользовались моей переправой вчера на рассвете.

— Валка! — воскликнул Кулл. — А этим двоим не откажешь в отваге! Скажи, паромщик, что за город находится за этой рекой?

— За рекой нет городов, — промолвил старец. — Здесь проходит граница Гондара — и всего мира!

— Как! Неужели мы заехали так далеко? Я думал, что та пустыня — часть гондарского царства.

— Нет. Гондар кончается здесь; и здесь же конец мира, дальше — волшебство и неизвестность, царство ужаса и мистики, граничащее с Краем Света. Это река Стагус, а я — Карон-перевозчик.

Кулл в изумлении поглядел на старика. Ему мало что говорило имя того, кто прошел сквозь бездну времени.

— Похоже, ты очень стар, — сказал Кулл с любопытством. Валузийцы взирали на паромщика с изумлением, дикари-пикты — с суеверным страхом.

— Да. Я из старой расы, что правила миром задолго до возникновения и Валузии, и Гондара, и Зарфхааны, где живут всадники Заката. Будете переправляться через реку? Много воинов и много царей отвез я на тот берег. Но знайте: тот, кто едет туда, не возвращается обратно! Из тысяч, пересекших Стагус, не вернулся никто. Три сотни лет минуло с тех пор, как я впервые увидел свет, царь Валузии. Я переправлял армию царя Гаара Завоевателя, когда он повел свои несметные полчища к Краю Света. Семь дней перевозил я их, тысячи и тысячи воинов, и ни один не пришел назад. Шум битвы и звон мечей доносился из пустыни от рассвета до заката, но, когда в небе засиял желтый глаз луны, все стихло... Запомни, Кулл: не было еще человека, кто воротился бы из-за Стагуса. Безвестные ужасы таятся в тех землях, и не раз видел я кошмарные очертания в вечернем полумраке и серых тенях раннего утра. Помни об этом.

Кулл повернулся в седле и оглядел своих людей.

— Тут я не могу вам приказывать, — сказал он им. — Что до меня самого, то я поеду по следу Фенара, даже если он ведет в ад и еще дальше. Но никого неволить идти со мной за реку не стану. Даю разрешение всем вам вернуться в Валузию и не скажу ни слова порицания.

Брул подъехал и встал рядом с Куллом.

— Я еду с царем, — коротко сказал он. Пикты разразились криками одобрения. Вперед выехал Келкор.

— Те, кто собирается повернуть назад, сделать шаг вперед, — сказал он.

Стальные шеренги стояли недвижно, как статуи.

— Они едут с тобой, Кулл, — оскалился Брул.

Гордость и торжество переполняли душу царя-варвара. И он произнес слова, взволновавшие воинов сильнее любых возвышенных речей:

— Вы — настоящие мужчины.

Карон перевез их через реку, его паром сновал туда и обратно, пока все войско не выстроилось на восточном берегу. Закончив свою работу, он выглядел ничуть не уставшим.

— Если в пустыне водятся всякие жуткие твари, почему же они не приходят в мир людей? — спросил его Кулл.

Карон указал на мрачную темную воду, и, приглядевшись как следует, царь увидел, что река кишит змеями и небольшими пресноводными акулами.

— Ни один человек не смог бы переплыть эту реку, — сказал перевозчик. — Ни человек, ни мамонт.

— Вперед! — скомандовал Кулл своим солдатам. — Вперед! Нас ждет неизведанная земля!

ЧЕРНЫЙ ГОРОД

(Неоконченное)

В холодных глазах Кулла, царя Валузии, отразилось некоторое замешательство, когда в его покои ворвался человек и встал прямо перед царем, дрожа от гнева. Монарх вздохнул — он узнал нарушителя спокойствия. Ему известен был бешеный нрав служивших ему варваров. Разве и сам он не был родом из Атлантиды? Брул Копьебой, стоя посреди царского чертога, демонстративно срывал со своего обмундирования эмблемы Валузии одну за другой, явно желая показать, что больше не имеет ничего общего с империей. Куллу было понятно значение этого жеста.

— Кулл! — рявкнул пикт, белый от снедающей его ярости. — Я требую правосудия!

Кулл снова вздохнул. То было время, когда о мире и покое можно было только мечтать, но ему, как он полагал, удалось обрести и то и другое в Камуле. Ах, сонная Камула... — даже сейчас, в ожидании продолжения гневной тирады взбешенного пикта, мысли Кулла

лениво текли по времени вспять, даря воспоминания о нескончаемой череде сонных праздных дней, прошедших с момента его прибытия в эту горную метрополию удовольствий, где дворцы из мрамора ярусами окружали холм в форме сводчатого купола.

— Люди моего народа служат империи множество лет! — взмахнул сжатым кулаком пикт. — А сегодня одного из моих воинов похищают у меня из-под носа прямо в царском дворце!

Кулл рывком выпрямился в кресле:

— Что за бред? Какой еще воин и кто его похитил?

— Это я предоставляю выяснить тебе, — прорычал пикт. — Только что он стоял рядом, подпирая мраморную колонну, как вдруг — вж-ж-жик! — и исчез, оставив в качестве ключа к разгадке этой тайны лишь испуганный вскрик да странный мерзкий запах.

— Может, ревнивый муж?.. — размышлял вслух Кулл.

Брул грубо прервал его:

— Гроган отродясь не заглядывался на девок, даже из собственного народа. Эти камулианцы все как один ненавидят нас, пиктов. Это написано у них на лицах.

Кулл улыбнулся:

— Тебе это просто кажется, Брул. Здешний народ слишком ленив и любит развлечения, чтобы ненавидеть кого-либо. Они поют, сочиняют стихи. Я полагаю, ты не думаешь, что Грогана умыкнули поэт Таллигаро, певица Зарета или принц Мандара?

— Какая мне разница, — огрызнулся Брул. — Но вот что я скажу тебе, Кулл: Гроган как воду проливал свою кровь за империю, и он лучший из командиров моих конных лучников. Я разыщу его, живого или мертвого, даже если придется для этого разнести в клочья всю Камулу, камень за камнем! Валка! Я скормлю этот город огненному зверю, а потом потушу огонь потоками крови...

Кулл поднялся с кресла.

— Отведи меня к тому месту, где ты в последний раз видел Грогана, — сказал он.

Брул прервал свою пылкую речь и, угрюмо глядя перед собой, вышел из зала.

Вместе с царем прошел он по ведущему вниз извилистому коридору. Кулл и Брул походили друг на друга врожденной гибкостью движений и звериной грацией, остротой зрения и присущей варварам необузданностью характера, но в то же время они были очень разными.

Кулл был высок, широкоплеч, с мощной грудной клеткой — массивный, но не оставляющий впечатления тяжеловесности. Солнце и ветер сделали его лицо бронзовым. Волосы царя были острижены так, что напоминали гриву льва, а серые глаза сверкали холодным блеском.

Брул выглядел как типичный представитель своей расы: среднего роста, ладно скроенный, но сухощавый и жилистый, как пантера, с более темной, чем у царя, кожей.

— Мы находились в сокровищнице, — проворчал пикт, — Гроган, Манаро и я. Гроган прислонился к выступающей из стены полуколонне — и исчез прямо у нас на глазах! Панель качнулась внутрь, и его не стало, мы успели заметить темноту внутри, в нос мне ударил отвратительный смрад. Стоявший рядом с Гроганом Манаро в тот же миг выхватил меч и ткнул клинком в отверстие, поэтому панель не смогла полностью закрыться. Мы налегли на нее, но без толку, и тогда я поспешил за тобой, оставив Манаро возле потайной двери.

— А зачем ты посрывал валузийскую символику? — спросил Кулл.

— Это я со зла, — угрюмо буркнул Копьебой, избегая смотреть ему в глаза. Царь без единого слова кивнул. Он понимал, что это было естественным проявлением чувств взбешенного дикаря, для которого единственно возможным способом взаимоотношений с врагом была схватка.

Они проникли в сокровищницу. Ее дальняя стена была склоном холма, на котором возвышалась Камула.

— Манаро божился, будто услышал едва различимую музыку, — сказал Брул. — Да вот он, приник ухом к трещине. Эй, Манаро!

Кулл нахмурился, увидев, что рослый валузиец не изменил своей позы и никак не отреагировал на приветствие. Он прильнул к панели, одной рукой стиснув меч, не дающий закрыться секретному дверному проему, прижав ухо к широкой трещине. Темнота позади черной щели

была почти осязаемой — казалось, за таинственным отверстием притаилась тьма, изготовившаяся к прыжку, словно огромная кошка.

Царь порывисто шагнул вперед и грубо потряс солдата за плечо. Окоченевшее тело Манаро отделилось от стены и рухнуло к ногам Кулла. В выпученных глазах мертвеца застыл ужас.

— Валка! — выдохнул Брул. — Убит... Каким я был идиотом, что оставил его здесь одного!

Царь покачал головой:

— На его теле нет крови, но — посмотри на его лицо!

Брул пригляделся, с губ его сорвалось ругательство. Черты погибшего валузийца превратились в застывшую маску ужаса, и это явно было вызвано услышанным.

Кулл осторожно приблизился к трещине в стене. Через минуту он подозвал пикта. Откуда-то из глубины скрывающейся за стеной чернильно-черной неизвестности доносился низкий воющий звук, будто гудели призрачные трубы. Странная эта музыка звучала столь тихо, что ее с трудом можно было различить, но и этого было довольно, чтобы уловить в ней ненависть и злобу тысячи демонов. Кулл передернул могучими плечами...

РАССКАЗ ПИКТА

(*Неоконченное*)

Трое мужчин сидели за столом, увлеченные игрой. Через открытое окно доносился шепот легкого ветерка. Пахло розами, вином и буйно растущей зеленью.

Трое мужчин сидели за столом: один из них был царем, другой — принцем, наследником древнего именитого рода, третий — вождем воинственного варварского народа.

— Я выиграл! — радостно промолвил Кулл, царь Валузии, передвинув одну из фигурок слоновой кости. — Бью своим колдуном твоего воина, Брул.

Пикт кивнул. Он не отличался, подобно царю, гигантским ростом, но был хорошо сложен, поджар и жилист. Если Кулл был тигром, то Брул — леопардом. Смуглый, как все пикты, он имел начисто лишенное мимики привлекательное лицо, крепкую шею, тяжелые квадратные плечи, мощную грудную клетку, обвитые жгутами мускулов руки и ноги — черты, характерные для всех представителей его народа. Но в одном Брул отличался от своих соплеменников: если их глаза обычно бывали мерцающе-карими или иссиня-черными, то его очи полыхали глубокой синевой. Видно, когда-то в пиктскую кровь влилась струя крови кельтов или дикарей Севера, что жили разрозненными группами в ледяных пещерах близ Полярного круга.

— Да, Кулл, колдуна одолеть нелегко, — согласился пикт. — Как в этой игре, так и в настоящей битве. Помню, я однажды едва не лишился жизни, выясняя, кто сильнее — пиктский колдун моего народа или я. На его стороне были чары, в моих руках — отлично выкованный клинок...

Брул сделал паузу, чтобы выпить красного вина из кубка, стоящего у его локтя.

— Поведай нам эту историю, Брул, — настойчиво попросил третий игрок, Ронаро, отпрыск великого дома Атл Воланте, — изящный молодой человек с гордо поднятой головой, лицом интеллектуала и проницательными темными глазами; настоящий патриций, принадлежащий к элите просвещенной аристократии, которым могла бы гордиться любая нация. Двое других его товарищей были в этом смысле полной ему противоположностью. Он родился во дворце, опи — один в плетеной хижине, другой в пещере. Родословная Ронаро насчитывала две тысячи лет и многие поколения герцогов, принцев, поэтов, государственных мужей и, наконец, царей. Брул мог смутно припомнить несколько ближайших предков, среди которых были вожди с выбритыми головами, свирепые воины в боевой раскраске и уборах из перьев, шаманов в масках из бизоньих черепов и ожерелий из фаланг пальцев, одного-двух островных царьков, правивших мелкими деревеньками да парочку легендарных героев, считающихся полу-

богами за подвиги или массовые убийства. Кулл и вовсе не знал даже собственных родителей.

Но все трое держали себя как равные, и равенство это было превыше знатности и происхождения, — равенство аристократии рода человеческого. Люди эти были истинными патрициями, каждый в своем роде. Предки Ронаро были правителями, Брула — бритоголовыми бойцами, Кулла — могли быть и рабами, и вождями. Но все трое выделялись из толпы.

— Ну что ж. — Глаза Брула заволокло пеленой воспоминаний. — Случилось это в пору моей юности... Да-да... Тогда я впервые отправился в военный поход, хотя и до того мне уже случалось убивать людей — в ссорах, на рыбалке и на пирушках, где собиралось все племя. Но я еще не украсил себя шрамами, отличающими членов клана воинов. — Он указал на обнаженную грудь, и слушатели увидели три небольших горизонтальных линии — татуировку, еле различимую на бронзовой от загара коже пикта.

Ронаро смотрел на рассказчика во все глаза. Ах, эти варвары, они, с их первобытной энергией и буйным темпераментом, завораживали юного принца. Годы, проведенные в Валузии в качестве одного из сильнейших союзников империи, внешне изменили пикта, покрыв его легким налетом культуры. Но под этим внешним лоском продолжала бурлить неприрученная, слепая, черная дикость древности. Куда значительнее подобные изменения затронули Кулла — некогда воина из Атлантиды, ныне царя Валузии.

— Так вот, Кулл, и ты, Ронаро, — продолжал пикт. — Мы, жители Островов, люди одного народа и одной крови, но разных племен, каждое с характерными только для него одного традициями и обычаями. Своим верховным правителем мы признавали Найела с Тателя. Власть его была необременительной. Он не вмешивался во внутренние дела племен и родов и даже не взимал, как это делают валузийцы, подати и налоги ни с кого, кроме кланов, живущих на острове Татель, — Нарги, Дано и клана Китобоев. За это он помогал им, если они начинали войну с другими племенами. Но ни мой клан Борни, ни другие

не платили Найелу дань. Он не вмешивался, когда племена принимались воевать друг с другом, до тех пор, пока они не задевали интересы тех, с кого он взимал налоги. Отгремела очередная война, и он стал третейским судьей. Его решения считались окончательными — сколько вернуть захваченных женщин, сколько прислать лодок с платой за разрушения и пролитую кровь и все такое. А когда лемурийцы, кельты или иной заморский народ, а то и просто банды безродных грабителей нападали на Острова, он собирал кланы вместе и отправлял их в бой, заставив забыть о распрях и сражаться плечом к плечу... Но Найел был не прочь усилить и расширить свою власть и знал, что во главе своего очень сильного клана и при поддержке союзной Валузии он мог бы покорить одно за другим все островные племена. Но знал он и то, что при этом он лишился бы мира и покоя до той поры, пока остается в живых хоть один из Борни, Сунгара или из Волков-Убийц...

ДЕТИ НОЧИ

Помню, как-то собрались мы вшестером в причудливо оформленном кабинете Конрада, заполненном экзотическими реликвиями со всего света и длинными рядами книг. Чего тут только не было — от Бокаччо в издании «Мэндрейк Пресс» до «Missale Romanum», напечатанного в Венеции в 1740 году и помещенного меж двух дубовых дощечек с застежкой. Клементс и профессор Кирован тут же жарко заспорили по поводу одной давно занимавшей обоих антропологической проблемы. Клементс отстаивал теорию особой, в корне отличающейся от других альпийской расы, профессор же утверждал, что эта так называемая раса не что иное, как просто одно из ответвлений исконно арийского древа, — возможно, результат смешения каких-то южных, средиземноморских народов и нордических племен.

— Но как вы объясните их брахицефалитизм*? — спросил Клементс. — Средиземноморцы имели черепа вытянутые, равно как и арийцы Севера. Так могло ли смешение доликоцефалов породить широкоголовый промежуточный тип?

— Особые условия вполне могли внести изменения в изначально длинноголовую расу, — огрызнулся Кирован. — Например, Болз продемонстрировал, как формы черепа иммигрантов претерпевали существенные

* Брахицефалитизм, брахицефалы (лат., букв. «короткоголовые») — антропологический тип, отличающийся равной шириной и глубиной черепной коробки. У доликоцефалов череп вытянутой, некруглой формы. — *Прим. переводчика.*

изменения на протяжении всего лишь одного поколения. И Флиндерс Петри на примере ломбардцев показал, как за несколько поколений люди из длинноголовых превращались в брахицефалов.

— Но что было причиной этих перемен?

— Науке еще многое не известно, — напыщенно ответствовал Кирован, — и потому не хотелось бы выглядеть догматиком. Никто не знает, почему переселенцы британско-ирландского происхождения в районе австралийской реки Дарлинг имеют явно выраженную тенденцию к необычно высокому росту — их еще прозвали за это Кукурузными Стеблями — и почему за несколько столетий, проведенных в Новой Англии, у них разительно изменилось строение челюстей. Вселенная полна необъяснимого.

— Что означает: неинтересного, если верить Мэчену, — засмеялся Тэверел.

Конрад покачал головой с самым серьезным видом:

— Вынужден с вами не согласиться. Для меня неизведанное всегда таит в себе огромную притягательность и мучительное очарование...

— ...Которое, без сомнения, и объясняет присутствие всех этих работ по колдовству и демонологии, которые я вижу на ваших полках, — произнес Кетрик, поведя рукой в сторону книжных залежей.

Тут позвольте мне пару слов сказать о Кетрике. Все мы шестеро были, если можно так сказать, одного и того же племени — англичане и американцы британского происхождения. При этом под британцами я подразумеваю исконных обитателей Британских островов. Мы принадлежали к различным родам английской и кельтской кровей, но основа у них единая. Только Кетрик выглядел в нашей компании чужеземцем. Внешние отличия сильнее всего проявлялись в его слегка раскосых глазах янтарного, почти желтого, цвета. Порой, под определенным углом зрения, разрезом глаз он чрезвычайно походил на китайца. Неудивительно, что окружающим сразу бросалась в глаза эта черта, столь необычная для человека чистейших англосаксонских кровей. Семейные легенды приписывали эту странность некоему дородовому влия-

нию (что было, на мой взгляд, весьма спорным), а профессор Хендрик Брулер как-то раз назвал проявившийся в Кетрике каприз природы атавизмом и причудливой реверсией к далекому предку монголоиду, хотя, насколько было нам всем известно, никто из его родственников и ближайших предков не имел подобных отклонений.

Кетрик был родом из уэльской ветви сассекских Кетриков, и его родословная нашла свое отражение в Книге Пэров. Там вы можете проследить долгую линию его пращуров, тянущуюся едва не с допотопных времен. И ни малейшего следа какого-либо смешения с монголоидами вы в этой генеалогии не найдете. Да и откуда ему взяться в старой саксонской Англии? Имя Кетрик было модернизированной формой от «Седрик». Семья эта обосновалась в Уэльсе еще до вторжения датчан-викингов, и ее наследники-мужчины последовательно вступали в браки только с представительницами английских семей, что сохраняло чистоту крови знатных и могущественных Седриков Сассекских, стопроцентных англосаксов. Единственным отклонением от нормы стал Кетрик с его странными глазами. Сам же он был интеллектуалом и верным товарищем, привыкшим скрывать под маской напускного равнодушия и отстраненности пылкую и чувствительную натуру...

В ответ на его слова я, смеясь, заметил:

— Конрад гоняется за всем устрашающим и таинственным подобно тому, как обычные смертные — за романтическими переживаниями и острыми ощущениями. Его книжные полки ломятся от самого разного рода восхитительнейших кошмаров.

— Да, — кивнул хозяин, — и некоторые из них — настоящие раритеты. По, Блэквуд, Матурин... А вот, взгляните, редкостная вещица: «Страшные таинства» маркиза Гросского, подлинное издание восемнадцатого века.

Тэверел придирчиво исследовал ряды книг:

— Любопытно, беллетристика о сверхъестественном будто соперничает с серьезными монографиями о колдовстве, вуду и черной магии.

— Верно. Но ученые и хронисты бывают порой невыразимо скучны, беллетристы же — никогда, я имею

в виду, разумеется, мэтров. То же жертвоприношение вудуистского ритуала можно сухо и педантично описать, изъяв из него все таинственное и фантастическое, и оно будет выглядеть просто подлым и мерзким убийством. А произведения некоторых весьма уважаемых мною мастеров литературы ужасов — такие, как «Падение дома Ашеров» По, «Черная печать» Мэчена или «Зов Ктулху» Лавкрафта, — ничуть не уступая в реалистичности документальным и даже научным работам, куда более экспрессивны и впечатляющи. Вместе с ними читатель с замирающим сердцем погружается в сумрак тайн и неоткрытые миры воображения... Но вот вам и совершенно противоположный пример, — продолжал он. — Словно начинка в сэндвиче из страшных историй Гюисманса и уолполовским «Замком Отранто» притаились «Безымянные культы» Фон Юнцта. Будучи далеко не беллетристикой, эта книга не даст вам спать спокойно ночь напролет!

— Я читал ее, — сказал Тэверел. — И убежден: автор — сумасшедший. Его трактат — нечто напоминающее монолог маньяка: то нагромождение конкретных фактов, выстреливаемых со скоростью пулемета, то невнятный и бессвязный лепет.

Конрад тряхнул головой:

— И только на основании его странной манеры изложения вы готовы считать автора психопатом? Но что, если он просто не мог отважиться доверить бумаге все, что знал, и все эти недомолвки и двусмысленности — туманные намеки, ключи к загадкам для тех, кто знает?

— Вздор! — встрял в разговор Кирован. — Не думаете же вы, что описываемые Фон Юнцтом кошмарные религии и секты уцелели доныне, если признать, что они вообще существовали где-либо еще, кроме переселенного призраками мозга помешанного поэта и философа?

— Он не первый прибег к иносказаниям. Вспомните великих поэтов древности. Люди издавна, сталкиваясь с космическим знанием, намекали на него миру в зашифрованных строках. Помните странные слова Фон Юнцта

о «городе в опустошении»? А что вы думаете о строках Флеккера Петри:

Вниз нет пути! В пустыне каменистой,
Где роза зацвела, как люди говорят,
Но не алеют лепестки, и дивный
Цветок не источает аромат?

— Но, в отличие от иных приобщившихся к секретам этого мира, Фон Юнцт с головой погрузился в запретные таинства. К примеру, он один из немногих людей, читавших «Некрономикон» в оригинальной греческой версии.

Тэверел пожал плечами и затянулся трубкой. Профессор Кироваи никак не отреагировал на последнюю реплику, хотя ему, равно как и Конраду, довелось покопаться в латинском переводе книги, где он нашел немало вещей, которые, как объективный и беспристрастный ученый, не мог ни объяснить, ни опровергнуть.

— Ну хорошо, — сказал он после некоторой паузы. — Я готов допустить, что в прошлом существовали культы таких непостижимых и жутких божеств, как Ктулху, Йог-Сагот, Цатоггуа, Голгорот и им подобных, но ни за что не поверю заверениям, будто пережитки этих культов притаились в темных закоулках сегодняшнего мира.

— К нашему общему изумлению, — ответил ему Клементс. Это был высокий худощавый мужчина, до крайности молчаливый, выглядевший старше своих лет по причине жестокой борьбы с бедностью в юные годы. Он занимался литературной деятельностью, ведя — что характерно для людей искусства — странную двойную жизнь: ради хлеба насущного плодил романы в мягких обложках, а свое подлинное артистическое «я» выражал в публикациях редактируемого им «Раздвоенного копыта» — новаторского поэтического журнала, чьи причудливые изыски не раз повергали консервативную критику в шоковое состояние.

— Помнится, однажды вы с Тэверелом обсуждали так называемый культ Брана, упоминаемый в книге Фон Юнцта, — проговорил Клементс, набивая трубку листовым табаком, на удивление вонючим.

— И насколько можно было понять из его недомолвок, — фыркнул Кироан, — Фон Юнцт считал, что он существует до сих пор. Абсурд!

— Так вот, — кивнул Клементс, — я как-то, еще совсем мальчишкой, работал в одном университете, и моим соседом по комнате был парень столь же бедный и амбициозный, как я сам. Сегодня это очень известный человек, и, назови я вам его имя, вы были бы поражены. Он принадлежал к шотландскому роду из Гэллоуэя, но при этом был совершенно не арийского типа... Все это строго между нами, вы понимаете... Сосед мой разговаривал во сне. Я стал прислушиваться и сводить воедино его бессвязные речи. Тогда я впервые услыхал о забытом древнем культе, упоминаемом Фон Юнцтом; о короле, правившем Темной Империей, ставшей преемницей державы еще более древней и таинственной, уходящей корнями в каменный век; и об огромной пещере, где высится Темный Человек — изваяние Брана Мак Морна, с потрясающим правдоподобием высеченное из камня рукой безвестного мастера еще при жизни великого короля и к которому каждый из почитателей Брана совершал хотя бы раз в жизни паломничество. Да-да, культ этот и сегодня жив среди потомков народа Брана. Они словно тайный подземный поток, текущий в великий океан жизни, в ожидании дня, когда статуя Брана внезапно задышит и оживет, явится миру из гигантской пещеры и возродит свою забытую империю.

— И какой народ населял эту империю? — спросил Кетрик.

— Пикты, — отозвался Тэверел. — Несомненно, этот народ, известный позднее как дикие пикты из Гэллоуэя, преобладавший некогда над кельтскими племенами. То была, вероятно, помесь гэльской, уэльской, тевтонской и еще невесть какой кровей. Взяли они свое имя от более древней расы или, напротив, дали ей свое собственное — это вопрос, который еще предстоит разрешить. Фон Юнцт, говоря о пиктах, имеет в виду низкорослый темнокожий народец средиземноморских кровей, который принес в Британию неолитическую культуру. Пер-

вые обитатели этой страны, послужили основой для создания легенд о Маленьком Народе: духах земли, гоблинах и им подобных.

— Не могу согласиться с последним утверждением, — заявил Конрад. — Предания и мифы приписывают подобным персонажам нечеловеческий внешний вид и патологическое безобразие. Их никак нельзя связать с пиктами, хотя они и внушали ужас и отвращение арийским народам. По моему мнению, средиземноморцам предшествовало племя монголоидного типа, чрезвычайно низкоразвитое, о котором эти легенды и...

— Правдоподобно, — перебил его Кирован. — Но с чего вы взяли, что они и эти, как вы их называете, пикты столкнулись именно в Британии? Мы находим истории о троллях и гномах повсюду на континенте, и куда логичнее было бы предположить, что и средиземноморские, и арийские племена принесли эти легенды с собою па острова уже в готовом виде. А они должны были иметь весьма премерзкую внешность, эти монголоиды, а?

— Тогда вот вам кремневый молот, — парировал Конрад, — найденный шахтером на возвышенностях Уэльса и переданный мне. Посмотрите и постарайтесь мне объяснить, почему он столь миниатюрен в отличие от большинства орудий той эпохи? При этом, выглядя почти детской игрушкой, он на удивление тяжел и, без сомнения, мог наносить смертоносные удары. Я взялся самолично приладить к нему ручку, но, вы бы знали, насколько непросто оказалось подогнать ее и сбалансировать орудие!

Мы во все глаза рассматривали находку. Она была тщательно обработана и отполирована, подобно прочим неолитическим артефактам, которые мне доводилось видеть, и все же, как и сказал Конрад, разительно отличалась от них. Несмотря на малые размеры, предмет вызывал необъяснимо тревожные ощущения и зловещие ассоциации с жертвенным кинжалом ацтеков. Конрад сделал дубовую рукоять с таким мастерством, что она казалась неотъемлемой частью молота, изначально ему принадлежащей. Он даже повторил прием оружейников каменного века, зафиксировав молот в расщепленном конце рукоятки полосками сыромятной кожи.

— Бесподобно! Эх! — Тэверел сделал неуклюжий выпад к воображаемому противнику и едва не разнес вдребезги бесценную вазу. — Э-э, ну, баланс у этой штуковины ни к черту. Готов довести ее до ума. Все мои знания по механике к вашим услугам.

— Позвольте мне взглянуть. — Кетрик взял молот и повертел его в руках, словно пытаясь разгадать секрет правильного с ним обращения. И вдруг, скривившись от беспричинного раздражения, размахнулся и нанес сильный удар по щиту, висящему на стене. Я успел заметить, как чертова штука взвилась в его руке словно взбешенная кобра, потом рука Кетрика пошла вниз. До ушей моих донесся предостерегающий тревожный крик — а затем пришла темнота, вместе с ударом молота по моей голове.

Я медленно выплывал из небытия. Сперва пришло ощущение слепоты и полное непонимание, кто я и где; потом смутное осознание собственного бытия и боль от чего-то твердого, вдавившегося мне в ребра. Наконец туман перед глазами рассеялся, и я полностью пришел в себя.

Я лежал спиной на траве, наполовину скрытый низким подлеском, голова нещадно болела. Волосы спутались и слиплись от крови, словно с меня пытались снять скальп. Глаза прошлись сверху вниз по обнаженному (если не считать набедренной повязки из оленьей шкуры и грубых кожаных сандалий) телу и не обнаружили ни одной раны. А ребрам досаждал мой собственный топор.

Тут ушей моих достигло отвратительное бормотание и подстегнуло мои чувства и память. Звуки эти напоминали какое-то наречие, но скорее не человеческий язык, а многократно повторяющееся на разные лады шипение клубка больших змей.

Я осмотрелся. Меня окружала мрачная чащоба леса. Поляну, где я лежал, скрывала такая глубокая тень, что даже в дневном свете здесь царил вечерний полумрак. Лес — гигантский, непроницаемо-темный, холодный — замер. Вокруг стояла мертвая тишина.

Поляна вокруг напоминала бойню. Я ощутил щемящую боль в груди, разглядев страшно изувеченные тела пятерых людей. А вокруг них собрались... существа. Наверно, это были люди какого-то иного племени, но я бы не решился назвать их таковыми. Низкорослые, коренастые, с широкими массивными головами, слишком большими для их приземистых тел. Свалявшиеся в паклю вьющиеся волосы обрамляли плоские квадратные лица с приплюснутыми носами и глубоко посаженными раскосыми глазами. Их безгубые рты напоминали резаные раны. Как и я, они были одеты в звериные шкуры, но худшей выделки, вооружение их состояло из небольших луков и стрел с кремневыми наконечниками, каменных ножей и дубин. Эти твари общались между собой на отвратительном, шипящем языке рептилий, столь же мерзостном, как и они сами.

О, как я ненавидел их! Теперь, когда я вспоминаю, в моем мозгу снова разгорается ярость... Мы отправились на охоту, шестеро юношей из Народа Мечей, и заплутали в сумрачном лесу, который наш клан обычно избегает. Утомленные охотой, мы остановились на отдых, — мне выпало первому нести караул, ведь ночевать без часового в этих местах было небезопасно. Я безмолвно закричал от стыда и отчаяния. Ведь я заснул, предал своих товарищей! И теперь они лежали там, изрубленные и изрезанные на куски, зверски убитые во сне тварями, которые никогда не отважились бы выступить против них открыто. Мои спутники доверили мне свои жизни, а я, Арьяра, их предал...

Да... Как же болезненны могут быть воспоминания... Я задремал и пребывал в окружении грез об охоте, когда вдруг искрящийся огонь вспыхнул в моей голове и я провалился во тьму, где не бывает снов. Как я наказан! Враги подкрались сквозь непролазные лесные заросли, оглушили меня и даже не задержались, чтобы добить, решив, что я мертв, — они поспешили скорее свершить свое грязное дело. А потом, наверно, и вовсе забыли про меня. Я сидел в стороне от других и, оглушенный, упал в кусты, скрывающие меня и доныне. Но скоро они могут обо мне вспомнить, и тогда уж больше мне не охотиться,

не участвовать в плясках войны, любви и охоты, не видеть плетеные хижины племени Мечей.

Но я и не горел желанием бежать назад к своим соплеменникам. Могу ли я вернуться, неся бремя предательства и позора? Сумею ли выслушать слова презрения, которые мой народ бросит мне в лицо, снести насмешливо-ненавидящие взоры девушек, тычущих пальцами в парня, который проспал и отдал своих товарищей на растерзание кремневым ножам гнусных тварей?

Слезы жгли мне глаза, и где-то глубоко внутри росла ненависть, вскипая в моей груди. Мне не суждено было никогда больше носить меч, как подобает воину, не суждено ощущать триумф победы над достойным противником или пасть с честью под стрелами пиктов, топорами Волчьего Народа и Народа Реки. Нет, я погибну от рук тошнотворных отродий, которых пикты давным-давно загнали в глубь дикого леса.

Переполняющая меня ярость осушила слезы, превратив меня в берсерка. Я осторожно повернулся, обхватил рукоять своего топора, вскочил и, громогласно взывая к Иль-Маринену, тигриными прыжками бросился к тварям. И вот так, скача, как тигр, среди врагов, принялся крушить плоские черепа, подобно тому как человек давит каблуком скользкую змеиную голову. Отродья дико заверещали от неожиданности и ужаса, но уже через несколько мгновений они сомкнулись кольцом вокруг меня и принялись размахивать каменными ножами. Один из них чиркнул по коже на груди, но что за дело было мне до того, — красная пелена колыхалась перед моими глазами. Я не понимал, что делаю, но руки, ноги, тело действовали в удивительном согласии. С диким рычанием рубя и круша, я возвышался тигром среди рептилий. Еще секунда, и они бежали, оставив меня стоять среди полудюжины уродливых приземистых тел, разбросанных по земле.

Но я не был удовлетворен такой победой и бросился следом, наступая на пятки самому рослому из них (мне он едва доставал головой до плеча), который, похоже, был их вожаком. Он, отчаянно визжа, мелко семенил впереди, полусогнувшись, более всего напоминая чудо-

вищную, отвратительную ящерицу, а когда я совсем было нагнал его, вдруг, вильнув по-змеиному, он скользнул в густой кустарник. Но я был не менее ловок и, вломившись в кусты, что было силы рубанул его топором. Кровь оросила листву.

В густых зарослях я разглядел тропинку, к которой он так стремился, — едва различимая, она была настолько узка, что человек нормальных размеров мог только с большим трудом двигаться по ней. Одним ударом я снес мерзкую башку своего врага и, ухватив ее левой рукой за волосы, пустился вперед по змеиной тропе, сжимая в правой руке окровавленный топор.

Кровь из перерубленной шеи убитой мною твари брызгала мне на ноги при каждом шаге. И я вновь подумал о случившемся несчастье. Мы так мало внимания обращали на племя, к которому принадлежала моя жертва, что средь бела дня затеяли охоту в лесу — владениях этих тварей. Как они называли себя, нам было неведомо, ибо никто из нашего народа не взял на себя труд изучить проклятое шипение, которое они использовали в качестве речи. Мы же нарекли их Детьми Ночи. Они и вправду были ночными тварями, тихо крадущимися в глубинах темных лесов и выбирающимися из своих подземных нор в холмы, лишь когда люди, загнавшие их туда, спали. Грязные свои делишки они тоже проделывали всегда по ночам — будь то кража заблудившегося в лесу ребенка или убийство взрослого человека исподтишка короткой стрелой с каменным наконечником. Но не только этому были они обязаны своим прозвищем. Народ Ночи пришел из тьмы ужасающей древности как остатки некогда могущественной, но выродившейся расы. Прежде эта земля кишмя кишела подобными созданиями, пока их не загнали в леса свирепые пикты, которые теперь враждовали с нами. Но ненависть и отвращение к Детям Ночи и они, и мы испытывали одинаковые.

Пикты несколько отличались от моего народа по внешнему виду, были меньше ростом, имели темные волосы, глаза и кожу, тогда как мы были выше и мощнее, с волосами цвета пшеницы и глазами синими, как небо. И все же народы наши произошли от одних предков. Иное

дело — Дети Ночи. С их деформированными телами, желтой кожей и отвратительными харями они казались не людьми, а необычными пресмыкающимися, мерзкими скользкими чудовищами.

Новая волна бешенства накатила на меня, стоило мне подумать о том, с какими тварями я имею дело. Ба! Невелика заслуга — давить змей или самому погибнуть от их ядовитых укусов. Багровый туман разочарования пришел на смену раскаленной опустошительной ярости, и я поклялся всеми богами, каких знал, излить его, прежде чем погибну, на головы врагов, дабы навсегда остались страшные воспоминания в сознании тех из них, кто уцелеет. Мое племя не станет гордиться и чтить мою память. Мы слишком сильно презирали Детей Ночи. Так пусть память эта хотя бы заставит содрогаться самих тварей. Так я клялся богам, судорожно стиснув в руке бронзовый топор, сидящий на дубовой рукояти и прихваченный для надежности кожаными ремнями.

Внезапно я услышал впереди отвратительное шипение и гортанные выкрики, учуял гнусный запах, который, пройдя через фильтр зеленой листвы, казался почти человеческим и все же не достоин был называться таковым. Несколькими секундами позже тенистый лес неожиданно оборвался, и я оказался на широком открытом пространстве. Никогда прежде мне не доводилось видеть поселение Детей. Это было хаотичное скопление землянок с низкими входными отверстиями, ведущими в глубь земли. Убогие жилища больше походили на звериные норы. Из рассказов старых воинов, немало повидавших на своем веку, я знал, что все эти землянки сообщались подземными коридорами так, что вся деревня превращалась в подобие муравейника или змеиных нор. И наверняка существовали туннели, ведущие за пределы деревни на достаточно большие расстояния.

Перед землянками толпились существа, тараторящие на змеином языке в лихорадочном темпе. Я ускорил шаг и, вынырнув из своего укрытия, побежал. Дикий крик пронесся над толпой, когда твари заметили несущегося к ним из леса мстителя, громадного, окровавленного, со сверкающими бешеными глазами.

Я закричал оглушительно и свирепо, замахал отсеченной головой и, как взбесившийся тигр, врубился в самую гущу врагов. Теперь им некуда было бежать! Конечно, они могли укрыться в своих хижинах, но я последовал бы за ними и туда... Да что там, хоть в самые глубины ада. Они тоже поняли, что такого врага тяжело будет убить, и окружили меня кольцом, чтобы поскорее сделать это.

Не знаю, скольких я убил. Знаю только, что они облепили меня извивающейся, корчащейся массой и я разил их, пока лезвие моего топора не затупилось и не погнулось. Тогда оружие мое стало не больше чем дубиной, и я крушил черепа, разбивал лица, дробил кости, плющил мышцы, разбрызгивал кровь и мозги, устроив грандиозное кровавое жертвоприношение Иль-Маринену, божеству Народа Мечей.

Истекающий кровью от полусотни порезов и ран, полуослепший от удара, хлестнувшего по глазам, я вдруг почувствовал, как кремневый нож вонзился мне глубоко в пах, и в ту же секунду дубина рассекла кожу на голове. Я упал на колени, но тотчас, шатаясь, поднялся, различая сквозь багровый туман множество злобных косоглазых морд. Я дрался отчаянно, как умирающий тигр, превращая эти рожи в кровавое месиво.

Сделав яростный выпад, я потерял равновесие и стал падать. В это время когтистая лапа схватила меня за горло, а под ребра вошел кремневый нож. Он мучительно провернулся в ране. Под градом ударов я опускался на землю, подмяв под себя человека с ножом. Я нашарил левой рукой его шею и сломал ее прежде, чем мой противник осознал, что с ним произошло.

Жизнь все быстрее вытекала из моего тела. Сквозь шипение и вой Детей Ночи мне слышался громоподобный глас Иль-Маринена. И, собрав остатки сил, я поднялся на ноги наперекор урагану ударов дубин и копий. Я больше не в состоянии был видеть своих врагов, но продолжал ощущать их удары и знал, что они кишат вокруг меня. Я пошире расставил ноги, обеими руками обхватил рукоять топора, воздел его над головой, еще раз воззвав к Иль-Маринену, и обрушил вниз в последнем

сокрушительном ударе. Я хотел умереть гордо стоя на ногах и достиг желаемого. До самого конца у меня не возникло ощущения падения. И последним чувством, посетившим меня одновременно с дрожью агонизирующего тела, было удовлетворение от того, что я убил еще одного врага... Череп твари треснул под моим топором, а ко мне пришли темнота и забвение.

Я полулежал в большом кресле, а Конрад брызгал водой мне в лицо. Голова раскалывалась от боли, на лице запеклась струйка крови. Кирован, Клементс и Тэверел озабоченно склонились надо мной, и один только Кетрик стоял в стороне, все еще сжимая в руке молот, и старался изображать на лице вежливое беспокойство, которого и в помине не было в его глазах. Стоило мне взглянуть в его глаза, как во мне вновь красной волной поднялось бешенство.

— Ну вот, — удовлетворенно произнес Конрад, — я же говорил, что он в момент очухается... Просто легкая царапина. С ним случались и куда худшие вещи. Ведь с вами теперь все в порядке, О'Доннел, не так ли?

Я обвел взглядом собравшихся, а потом, тихо зарычав, кинулся на Кетрика. Остолбенев от неожиданности, он даже не пытался защититься. Мои руки сомкнулись у него на горле, и мы рухнули на обломки дивана. Остальные закричали от изумления и ужаса и бросились разнимать нас, или, вернее, отрывать меня от моей жертвы. Раскосые глаза Кетрика закатились.

— Бога ради, О'Доннел! — воскликнул Конрад, ища, как бы разжать тиски моих рук. — Что на вас нашло? Кетрик не нарочно ударил вас. Да отпустите его, вы, идиот!

Страшный гнев обуял меня, и был он направлен на этих людей, принадлежавших к единой со мною расе и считающих себя моими друзьями. Я проклинал их и их слепоту, когда они наконец сумели вырвать из моих цепких пальцев горло Кетрика. Он, сидя на полу, потрясенный, исследовал синяки, оставленные моими руками, пока я бушевал и ругался, пытаясь вырваться.

— Вы глупцы! — орал я. — Отпустите меня! Не мешайте мне выполнить мой долг! Вы просто слепые болваны! Мне и дела никакого нет до его удара — это просто комариный укус по сравнению с теми, какие я вынес в прошлых веках. Слепцы, да он же отмечен клеймом чудовищ, тварей, которых мы истребляли века тому назад! Я должен уничтожить его, растоптать, избавить Землю от скверны!

С трудом удерживая меня, бьющегося в исступлении, Конрад, задыхаясь, прокричал Кетрику:

— Уходите, быстро! Он не в себе! Сошел с ума! Не дразните его, уходите!

В это время я вспомнил древние холмы и долины, дремучие леса и задумался. Каким-то образом удар чертова молота послал меня в другое время и в другую жизнь? Пока я был Арьярой, то не чувствовал в себе присутствия другой личности. То не был сон или бред, но случайно вырванный из реальности кусок жизни, где я, Джон О'Доннел, жил и погиб и куда я вернулся, преодолев бездны времени и пространства. Я — Джон О'Доннел... И я же был Арьярой, грезившим битвами и охотой, подвигами и пирами и погибшим в кровавой схватке в какой-то забытой людьми эпохе. Но что за эпоха и что за место?

Насчет последнего я был почти уверен. За века разрушились горы и по-новому потекли реки, изменились ландшафты, но те холмы — нет... Глядя на мир не только глазами Джона О'Доннела, но и Арьяры, я все больше убеждался, что именно здесь, на этих возвышенностях, юный воин жил и любил, сражался и погиб. Кирован был неправ. Маленькие свирепые смуглые пикты были не первыми людьми на Британских островах. До них там обитали Дети Ночи. И нашим предкам много веков назад приходилось встречаться с ними. Эти встречи нашли отражение в мифах и легендах... Пикты не истребили полностью змеиный народ.

Точно определить время, когда жил Арьяра, я не могу. Одно несомненно: он был арийцем и его племя участвовало в одной из тысяч нигде не зафиксированных миграций, в результате которых племена русоволосых

людей с голубыми глазами рассеялись по всему миру. Не кельты первыми пришли в Западную Европу. Наш род был куда древнее, и язык, на котором разговаривал Арьяра, оказался для древнекельтского тем, чем древнекельтский — для современного гэльского наречия.

Иль-Маринен! Я запомнил бога, к которому взывал в сумрачном лесу, древнейшего из древних, которого искони связывали с обработкой металлов (в те времена это была бронза). Иль-Маринен был одним из богов древних арийцев, которых позднее сменили иные божества. В железном веке он трансформировался в Виланда и Вулкана. Но Арьяра знал его под настоящим именем.

Конечно, не один лишь Народ Мечей пришел в Британию и осел там. Несколько раньше нас там поселилось племя Реки, а следом пришел Народ Волков. Они были, как и мы, арийцами, светлоокими, рослыми блондинами. И мы сражались между собой по тем же неведомым причинам, по которым со времен седой древности враждовали арийские племена — ахейцы с дорийцами, кельты с германцами, эллины с персами.

Разумеется, будучи Арьярой, я не знал, да и не задумывался об истории и судьбах моей расы. Знал я лишь то, что мой народ был народом-завоевателем, затеявшим великое переселение на запад из первоначальных мест своего обитания далеко на востоке. Он огнем и мечом сокрушал все встречающиеся на его пути племена, невзирая на цвет волос или кожи. Джон О'Доннел был гораздо более осведомлен и мог, например, поведать о том, как быстро стали деградировать арийские кланы, предпочтя скитаниям оседлую мирную жизнь. Превратившись из кочевников в земляных червей, они сами положили начало собственному краху. Арьяра помнил рассказы стариков-ветеранов о деревнях земледельцев, белокожих и русоволосых, как они сами, о том, как мягкотелы и слабы были эти люди и как легко пали под бронзовыми мечами Народа Мечей.

Взгляните: разве не теми же путями пролегла вся история сынов Ариана? Вспомните, как быстро за мидийцами последовали персы, за персами греки, за греками

римляне, за римлянами германцы. И германские племена, позволив себе разжиреть и обленниться за столетие мира и праздности, растранжирив добычу, добытую в южных странах, в свою очередь стали жертвами — на сей раз скандинавов.

Но я хотел бы вернуться к Кетрику. Теперь при одном упоминании этого имени волосы у меня на затылке встают дыбом (ха! тоже атавизм, коль скоро мы заговорили об атавизмах).

Давным-давно суровые датчане стерли с лица земли остатки монголоидных племен, которых мы прозвали Детьми Ночи. Но, видно, остатки этой расы затаились в холмах Уэльса, и гораздо позднее, в средние века, неведомым путем ядовитая кровь аборигенов нарушила чистоту кельтско-саксонского рода. Если уже во времена Арьяры они едва напоминали людей, можно себе представить, что сделала последующая тысяча лет деградации и упадка с теми из Детей, кто пережил свое время в мрачных земляных норах в глубине холмов. Прокралась ли такая мерзкая тварь в замок Кетриков одной ненастной ночью или подловила женщину из этой семьи, заплутавшую в холмах?.. На этот счет можно лишь гадать, хотя самый факт случившегося у меня не вызывает сомнений. Но видимо, к моменту переселения Кетриков в Уэльс подобные твари еще существовали. Может, они и поныне там, прячутся от дневного света в своих подземных жилищах?..

Но сам Кетрик — отродье ночи, этот кошмар, ублюдок ползучих тварей... Пока пульсирует в нем змеиная кровь, пока он не уничтожен, не будет мне покоя. Теперь, когда я знаю, кто он на самом деле, я всем своим нутром ощущаю, как отравляет он чистый воздух и оставляет склизкий змеиный след на земле. Звук его шипящего голоса наполняет меня отвращением, взгляд раскосых глаз приводит в бешенство. Для меня, представителя белой расы, такие, как он, являются постоянной угрозой и оскорблением, как змея под ногой. Пусть столетия кровосмешения окрасили мои волосы в черный цвет и сделали смуглой кожу, я продолжаю считать себя арийцем. Как мои предки, как Арьяра, так

и я сам, Джон О'Доннел, должен истреблять ползучих тварей, чудовищ с клеймом змеи на челе, затаившихся в древнем саксонском роде. Друзья решили, что рассудок мой помутился от того удара, но я-то знаю: удар молота лишь раскрыл мне глаза. Где-то бродит по земле мой давний враг, но настанет день (или, скорее, это будет ночь), когда мы встретимся с ним на вересковых пустошах, под которыми некогда скрывались от людских глаз и мечей его предки. И тогда я голыми руками сломаю его мерзкую шею.

Потом, вероятно, меня схватят и на моей шее затянется петля. Что ж, пусть! Зато я не слеп, подобно моим друзьям. И если я не найду понимания у окружающих меня слепцов, то древний арийский бог и люди Народа Мечей поймут и одобрят это убийство...

БРАКАН-КЕЛЬТ

Некогда я был кельтом и звался Бракан. Если вы спросите, откуда я это знаю, отвечу вопросом на вопрос: а как вы узнаете, что происходило с вами вчера, или в прошлом месяце, или в прошлом году? Вряд ли вам удастся объяснить, но что это меняет? Факт все равно остается фактом. Так же и я не могу сказать, каким образом и почему помню мириады личностей, в которых возрождался мой дух в долгой цепи реинкарнаций. Эти воспоминания не имеют ничего общего с тем, что мы привыкли считать реальностью. Я Джеймс Эллисон, и я был Браканом. Удовольствуйтесь этим.

Произошло это давным-давно. Весьма неточное определение, но ничего лучшего я, увы, предложить не могу. Сколько тысячелетий прошло с тех пор, когда Бракан скитался по свету, мне неведомо, ибо нет в моих воспоминаниях ориентиров, связывающих жизнь Бракана с точными историческими датами. Могу лишь сказать, что жил он очень давно, когда мир, каким мы его знаем, был еще очень молод.

Я, Бракан, был рослым, мускулистым, русоволосым представителем одной из древних человеческих рас, ныне исчезнувшей с лица Земли. Я говорю «исчезнувшей» потому, что в сегодняшнем мире не осталось чистокровных арийцев. Но в дни Бракана эта раса существовала еще в первозданном виде. Возможно, именно Бракан и стоял у истоков смешения рас и путаницы народов, Бракан и его супруга Тарамис. Из их чресл брали начало племена и нации.

Я родился и вырос далеко на востоке большой степной страны у берегов великого внутреннего моря, которое в те

смутные времена простиралось от Арктического океана до Индийского моря, отделяя первобытных арийцев от первобытных монголов. Многочисленные племена моего народа, жившие на западном побережье этого великого моря, вели кочевой образ жизни, передвигаясь по тучным зеленым лугам-пастбищам к северу летом и на юг зимой. Нет, мы не были пастухами и не бродили следом за огромными стадами травоядных — диких бизонов и лошадей, еще не знающих седла и удил. Мы были охотниками, рыболовами и грабителями и уже успели разделиться на кланы, жившие каждый собственной жизнью. В результате скитаний мы расселились по грандиозной равнине.

В памяти моей встают неясные картины бескрайних пространств колышущейся травы. Еще маленьким ребенком меня взяли в долгий поход на запад, к берегам далекой Атлантики... Я уже слышу ропот историков, жаждущих опровергнуть мои слова. Что ж, я хорошо осведомлен о той странной ошибке, что допускают они, датируя первую волну арийского нашествия в Западную Европу и наступление бронзового века. По их мнению, мы путешествовали в неуклюжих кибитках, запряженных волами, ведя за собою прирученных собак и одомашненных лошадей. И зачатки цивилизации, считают они, существовали в то время только на побережье Средиземного моря и в долинах великих рек юга.

Со своей стороны, я могу рассказать лишь то, что помню. Я был ребенком в первом арийском клане, достигшем Западной Европы, пустынной земли рек и лесов, где жили только небольшие разрозненные группки темнокожих аборигенов. Они прозвали нас кельтами, но это было просто слово, определяющее людей нашего клана, ибо в то время мы ни внешним видом, ни языком не отличались от родственных племен на далеком Востоке. Мы не умели приручать животных, не ездили верхом, не знали колеса. Мы двигались пешком и путешествовали уже лет десять. Чем мы владели, так это оружием и инструментами из бронзы, да еще искусством плетения камышовых корзин и изготовления тканей из льна.

Если эти данные как-то противоречат общепринятым представлениям и установившимся научным теориям, мне

очень жаль. Но тут я поделать ничего не могу. Историки, без сомнения, перепутали первое арийское нашествие с миграцией галлов, происшедшей через несколько столетий. Галлы тоже принадлежали к арийским народам и, придя в Европу, столкнулись с немногочисленным кельтским кланом, разросшимся во множество племен, расселившихся по множеству стран. Языки наши различались примерно так же, как саксонский отличается от современного английского; люди наших народов вступали в браки, смешивая кровь, пока мы не стали единым народом и понятия «кельт» и «галл» не стали синонимами.

И все же, повторюсь, первыми изо всех арийцев в Европу вступили кельты. Мне помнятся круглые холмы, поросшие дубами и елями, и зеленые долины между ними, протянувшиеся до самых берегов, о которые непрерывно разбивало громадные валы синее море. Там я провел детство и юность, пока, став уже молодым мужчиной, не покинул пределы земель своего клана и не отправился на юг. Туда, где далеко за спящими в туманной дымке голубыми холмами у самого горизонта меня ждала любовь Тарамис и ужас, принявший обличье Косматого.

Почему я решил оставить родные места, не имею представления. Быть может, меня гнала вперед неутолимая жажда странствий, уже позабытая моими соплеменниками.

Современный человек, попади он в Европу тех лет, не узнал бы ее. Там, где теперь катит валы Средиземное море, раскинулась страна озер и рек, а гористая перемычка не давала водам океана хлынуть на обширную равнину, которую представлял собой бассейн Средиземного моря в те дни. Шло время, море подтачивало камни перешейка и наконец прорвало его, — но это случилось не при жизни Бракана, а много позже, и уже в другой ипостаси я стал свидетелем катаклизма, стершего с лица Земли развитую цивилизацию и породившего целый ряд преданий о мире, уничтоженном потопом...

Прошу простить мне столь долгие отступления от темы, но во мне теснятся воспоминания такого множества личностей и жизней, что то и дело поневоле я начинаю петлять в лабиринте воплощений, которые я помню так же, как вы помните дни, оставшиеся за плечами.

О, каким долгим было мое путешествие! Но и ему однажды пришел конец, когда я достиг поселения амелиан. Я странствовал пешком, в полном одиночестве, охотясь, убивая и спасаясь от врагов. Путь мой не был ни легок, ни безопасен. Там, где сегодня высятся мегаполисы Европы, раньше бродили львы, гигантские животные, куда крупнее и свирепее любых, существующих ныне. Там водились пещерные медведи и саблезубые тигры, громадные буйволы и лоси, пантеры... но, как водится, самым безжалостным охотником, самым лютым и кровожадным зверем был человек.

Так или иначе, в Амелии, деревне бревенчатых хижин с соломенными крышами, я нашел радушный и теплый прием. Не знаю, что побудило правителя Амелии Джогаха по-доброму отнестись к чужестранцу и почему он не приказал своим воинам нашпиговать меня стрелами, когда я вышел из леса и зашагал через ячменные поля к тяжелым воротам. Возможно, причиной тому было обычное человеческое любопытство — ведь в Амелии не то что отродясь не видывали похожего на меня человека, но даже в ночных грезах не могли представить, что в мире существуют такие, как я. Волна кельтского нашествия еще не докатилась до этих долин.

Хотя обитатели Амелии были крепкими и жилистыми, им все же было далеко и до моего роста, и до моей мускулатуры. Это были люди белой расы с черными волосами и темными глазами. Кожа их имела легкий оливковый оттенок. Старейшины носили бороды, бывшие предметом большого уважения и зависти более молодых мужчин.

Но как мне рассказать о Тарамис? Я могу долго говорить о ее теле — изысканной поэме линий и форм, о ее коже цвета спелых оливок, ее черных локонах, сверкающим густым потоком ниспадавших на изящные плечи, ее прекрасных глазах, полных жизненной силы, плавных изгибах конечностей, наливающихся грудях, — но я не способен даже попытаться воссоздать очарование и прелесть девушки, звавшейся Тарамис, дочери короля Джогаха.

Стоило мне только раз увидеть ее, цветущую, как весна, и я полюбил, я возжелал ее со всей дикой страстностью, присущей моему народу. И по меркам собственного

народа Тарамис была прекрасна, а уж для меня она и вовсе стала идеалом красоты и воплощением желания. Я смотрел на нее, и голова моя кружилась, а в ушах грохотали боевые барабаны. Любовь? Страсть? О да. Но что понимает в этом Джеймс Эллисон? Разве доступна любовь хилым современным людишкам? Вам достались лишь руины страсти, пылавшей, когда Земля была юной; бледные отсветы пламени, некогда сотрясавшего миры; страсти, что опрокидывала королевства, сметала племена и народы, разрушала города и цитадели... так было в эпоху юности Земли. И я, мужчина из юного мира, любил так же, как жил, как убивал и странствовал. Я готов был ради завоевания своей избранницы свергать королей и низвергать империи, крушить врагов в жестоких схватках — и пусть кровь неприятелей струится по моим пальцам и отдаются в ушах отчаянные крики умирающих! Но довольно. Тот далекий век был суров, бесхитростен и прост, а для меня он стал временем любви Тарамис и Косматого ужаса.

Когда я научился говорить на языке Амелии — а это не заняло много времени, ибо язык был прост, а кельты всегда, даже в те смутные времена, были полиглотами, — то я попросил ее руки... Попросил? Нет. Кельт никогда никого ни о чем не просит, даже у собственного вождя. Я потребовал ее и, если бы ее отец высмеял меня как безродного бродягу, немедля учинил бы кровавую бойню в его дворце-хижине, прежде чем его охрана успела спохватиться. Жажда обладания Тарамис раскаленной головней жгла мне грудь.

Но старый король Джогах не смеялся. Он теребил свою длинную бороду и смотрел то на меня, то на своих воинов. Наконец он сообщил мне о своем решении. И надо сказать, пройдоха устроил так, что в любом случае не оставался в проигрыше, ведь если я потерплю поражение, он избавится от беспокойного, буйного гостя, а если я сумею победить, настанет конец ужасу, раскинувшему свои крылья над его страной с незапамятных времен.

Будучи Джеймсом Эллисоном, я часто удивлялся, в каком далеком краю обосновались амелиане. У них сохранились малопонятные древние легенды о долгом путешествии с Востока. В своих странствиях я встречал

людей родственной им крови, но уже основательно отличающихся от них. А в современном мире и вовсе не осталось народа, который впитал бы их черты, даже среди тех помесей, в которые превратилось большинство наций современности. В общем, с точностью нельзя сказать, что же это за племя. Предки их пришли в долины Амелии за сотни лет до описываемых событий и встретили там мрачную вырождающуюся расу волосатых существ, несколько напоминающих людей, но ужасающе безобразных. Война была долгой и кровавой, но в конце концов люди победили, а человекоподобные чудища укрылись в неприютных бесплодных холмах, откуда еще целое столетие устраивали вылазки.

Представители деградирующей расы принимали все более странные, кошмарные формы. Апофеозом этих мутаций и метаморфоз стал Косматый — так звали его жители Амелии. Последний из своего народа, он обитал где-то в зловещих холмах. Страшилище из страшилищ. Даже в лучшие свои годы недосягаемо отставшие от людей по развитию. Из своего логова высоко в холмах он время от времени обрушивался в долины, унося людские жизни, дьявольски жестокий и по-звериному хитрый. Отряды, посланные уничтожить его, не возвращались назад, если не считать редких несчастных, сошедших с ума от пережитого ужаса.

Голова этого доисторического демона и была той ценой, которую я должен был заплатить за Тарамис.

С первым лучом нарождающегося рассвета я простился с деревней и тронулся в путь, а юноши выдували из камышовых флейт печальные трели погребальных песен. Но я, Бракан-кельт, не собирался умирать, я уже побывал во многих жарких схватках и теперь весело смеялся, когда ворота поселения захлопнулись за моей спиной.

Всю свою жизнь я пользовался одним и тем же оружием — мечом, который люди прозвали Крушителем Черепов. О, я мог бы спеть целую сагу об этом сверкающем клинке! Он блистает сквозь толщу истории звездой ратной брани и кровавой сечи. Не было на свете мечей, равных ему, нет и никогда не будет. То был меч Голиафа, — и именно им Давид снес с плеч его гигантскую голову на

залитом кровью поле. То был обоюдоострый меч ислама, играющий с солнечными лучами в руках пророка Мухаммеда. Странными путями он опередил мусульман в Европе. С этим клинком в руках погиб Роланд в ущелье Ронсеваль. Ричард Львиное Сердце обладал им, даже не подозревая, что владеет тем самым знаменитым мечом Дюрандаль, о котором слагал песни Блондин. Акбар прорубил себе с его помощью путь к имперскому трону. Это был меч Аттилы, и ныне он украшает стену дворца одного афганского принца, дожидаясь того дня, когда Судьба позволит ему снова выскользнуть из ножен и всласть напиться хмельного вина человеческой крови.

Я сам лично выковал его, я, Бракан-кельт, соединив бронзу с кровью людей и тигров, и, пройдя многие стадии превращений, которые невозможно ни описать, ни повторить, бронза обрела твердость и прочность дамасской стали, став клинком меча, несокрушимого и вечного, как само Время. В ладонь шириной у гарды, клинок сужался к острию, лезвие его было волнистым, а навершием рукояти служил тяжелый бронзовый шар... Словом, Крушитель Черепов был мечом из мечей, и мне так же не хватает слов, чтобы рассказать о его красоте и изысканности, безукоризненном балансе и потрясающей скорости, как и для описания другой моей любви, Тарамис.

Я добрался до холмов и начал подъем, Крушитель Черепов висел на ремне за плечом. Через лабиринт откосов и оврагов пролег мой путь, и наконец я достиг крутого утеса и высоко вверху увидел зев пещеры. Снизу по скале к пещере вели ступени, вырубленные в камне, вероятно, кремневым топором, зажатым в волосатой лапе чудовища.

(Я, Джеймс Эллисон, не устаю поражаться непоколебимому спокойствию Бракана, необычному даже для кельта.) Вверх, вверх по головокружительной лестнице, по кровавой цепочке следов твари-убийцы... Я не знал, что ждет меня впереди, спит чудовище или бодрствует!

На цыпочках прокрался я в пещеру, поигрывая в руке Крушителем Черепов, и увидел чудовище, до ужаса напоминающего человека и в то же время до отвращения на него непохожего. Существо спало на громадной каменной плите, подложив руку под голову. Одно мгновение я стоял, застыв

от потрясения и разглядывая его. На первый взгляд Косматый выглядел большущей уродливой обезьяной, и все же он был обезьяной не больше, чем я или вы. Он был значительно выше меня, — уверен, подымись он на своих кривых выгнутых ногах, то возвышался бы на семь футов с лишком. Голову его покрывали невероятно густые черные с проседью волосы. Странного, гротескного вида, она все же не была головой обезьяны. Лоб очень низкий и покатый, крепкий и хорошо развитый подбородок, плоский нос с вывернутыми ноздрями, широкий рот с толстыми обвислыми губами. Тесно прижатые к черепу уши подергивались во сне.

И вдруг он начал просыпаться... Но прежде, чем Косматый сумел подняться, я размахнулся и срубил своим мечом кошмарную голову с гигантских покатых плеч. Голова скатилась на каменный пол пещеры, а обезглавленное тело поднялось вертикально — из перерубленной шеи толчками хлестала кровь. Но вот тело зашаталось и через несколько томительных секунд опрокинулось навзничь с жутким грохотом, гулким эхом отразившимся от стен.

Я не стал задерживаться в пещере, этом логове мерзости и страха. Мертвый Косматый был еще более ужасен, чем живой. И часть этого ужаса я вынужден был унести с собой. Я взял отсеченную голову и бросил в припасенную для этой цели кожаную торбу, после чего направился обратно, в Амелию. Я пришел в деревню и потребовал в награду Тарамис, принадлежащую мне по праву. И был великий свадебный пир, устроенный королем Джогахом...

САД СТРАХА

Некогда я был Вульфом-Скитальцем. Откуда мне это известно, я объяснить не в силах, нечего и пытаться — никакие оккультные и эзотерические знания не помогут. Человеку свойственно помнить происшедшее в его жизни, я же помню свои прошлые жизни. Как обычный человек помнит о том, каким он был в детстве, отрочестве и юности, так я помню все воплощения Джеймса Эллисона в минувших веках.

Не знаю, почему именно мне досталась такая необычная память, но точно так же я не смог бы объяснить мириады природных феноменов, с которыми что ни день сталкиваются люди. Едва ли даже моя физическая смерть положит конец грандиозной веренице жизней и личностей, сегодня завершающейся мною. Я вижу мысленным взором людей, которыми я был, и вижу нелюдей, которыми тоже когда-то был. Ибо память моя не ограничивается временем существования человечества: когда животное в своем развитии вплотную приблизилось к человеческому облику, как провести четкую границу, где кончается одно и начинается другое?

Мои воспоминания приводят меня на сумрачную поляну средь гигантских деревьев первобытного леса, где отродясь не ступала нога цивилизованного человека. Между зеленых исполинов неуклюже, но довольно быстро передвигается массивное волосатое существо — то шагая во весь рост, то опускаясь на все четыре конечности, — выкапывает личинки насекомых из-под коры деревьев и трухлявых пней. Маленькие, прижатые к голове уши в беспрерывном движении. Вот существо

подымает голову и скалит желтые зубы. Я вижу, что это примитивный звероподобный антропоид, ничего более, и все же осознаю свое с ним родство. Родство? Пожалуй, вернее будет сказать — тождественность, ибо я — это он, а он — это я. Пусть кожа моя мягка, бела и безволоса, а его шкура темная и жесткая, как древесная кора, и вся покрыта свалявшейся шерстью, тем не менее мы — одно целое, и в хилом неразвитом мозгу этой горы плоти уже начинают шевелиться человеческие мысли, просыпаются человеческие мечты и желания. Они незрелы, хаотичны, мимолетны, но именно им суждено стать первоосновой всех возвышенных и прекрасных творений человеческого разума грядущих веков.

Мое знание о прошлом не ограничивается и этим, оно готово вести к безднам столь темным и пугающим, что я просто не рискую последовать туда...

Но довольно, ведь я собирался рассказать вам о Вульфе. О, как же давно это было! Я не возьмусь назвать точную дату, скажу только, что с той поры долины и горы, материки и океаны изменили свои очертания не один, а дюжину раз и целые народы — даже расы — прекратили свое существование, уступив место новым.

Да, я звался Вульфом, одним из сынов златовласого эйзира, из ледяных пустынь сумеречного Асгарда пославшего в долгие и далекие странствия по всему миру племена светлокожих, голубоглазых людей. В каких только странных местах не оставляли они своих следов! Во время одной из таких подвижек длиною в столетье я и родился, чтобы никогда уже не увидеть родины предков, где некогда мои соплеменники-северяне обитали в шатрах из лошадиных шкур среди вековых снегов.

Мой клан кочевал, я рос, взрослел, становясь все более похожим на прочих мужчин-эйзиров, свирепых, могучих, неистовых, не признающих никаких богов, кроме Имира — Ледяной Бороды, во имя которого кропили свои боевые топоры кровью многих племен и народов. Мускулы мои подобны были туго свитым стальным канатам, на мощные плечи львиной гривой ниспадали белокурые во-

лосы, чресла опоясывала шкура леопарда. Каждая из мускулистых рук равно искусно владела кремневым топором.

Год за годом мое племя перемещалось все дальше к югу, временами отклоняясь в ту или иную сторону и даже останавливаясь на долгие месяцы в изобильных долинах, кишащих травоядными, и все-таки медленно, но верно продвигаясь на юг, на юг, на юг... В основном путь наш пролегал через бескрайние пространства степей, никогда не слышавших человеческого крика, но случалось и так, что дорогу нам заступали воины земель, по которым мы шли, — и тогда мы оставляли за своей спиной залитые кровью тела и пепелища уничтоженных деревень. И в этом долгом походе, занимаясь то охотой, то разбоем, я стал взрослым мужчиной. А еще я полюбил Гудрун.

Гудрун... Как рассказать о ней? Это все равно что слепому пытаться описать цвета. Конечно, я могу сказать, что кожа ее была белее молока, колышущееся золото волос соперничало с пылом дневного светила, грация и изящество ее тела могли бы посрамить греческих богинь. Но разве можно неуклюжими словами дать представление о чуде, об этом пламени нездешнем, о той, что носила имя Гудрун? У вас попросту не найдется основы для сравнения — ведь вы можете судить о Женщине лишь по представительницам слабого пола своего времени, а они схожи с нею как огонек свечи с чистым сиянием лунного диска. За бесчисленные века не рождалось на Земле женщины, подобной Гудрун; Клеопатра, Таис, Елена Троянская — все они были лишь бледными тенями ее красоты, жалкими имитациями цветка, распустившегося во всем своем великолепии один только раз на заре человечества.

Ради Гудрун я отказался от собственного народа и отправился в неизведанные дикие земли, преследуемый изгнанник с обагренными кровью руками. Гудрун не принадлежала к моему племени от рождения: некогда наши воины нашли в дремучем лесу заплутавшего плачущего ребенка, брошенного, судя по всему, на произвол судьбы соплеменниками, какими-то кочевниками вроде нас самих. Девочку приютили наши женщины, и вскоре она

превратилась в очаровательную юную девушку. И тогда ее отдали Хеймдалу Сильному, самому могучему охотнику клана...

К тому времени я уже днем и ночью грезил одной лишь Гудрун, в мозгу моем тлел огонек безумия, взметнувшийся неукротимым лесным пожаром при этом известии, и, сожженный им дотла, я убил Хеймдала Сильного, сокрушил его череп своим кремневым топором прежде, чем он успел увести Гудрун в свой шатер из конских шкур.

За этим последовало долгое, изматывающее бегство от мести разгневанного племени. Гудрун безропотно и с готовностью пошла со мною, ибо ее любовь ко мне была любовью женщин эйзира, всепожирающим пламенем, сокрушающим слабость и немощь. В ту дикую древнюю эпоху жизнь была суровой и жестокой, каждый день был помечен кровью и слабый умирал быстро. Потому в душах наших не оставалось места слабости, мягкости, нежности — наши страсти были сродни буре, пьянящему безумию битвы, неистовому львиному рыку. Современный человек наверняка бы сказал, что наша любовь столь же чудовищна и ужасна, как и наша ненависть.

Итак, я увлек Гудрун прочь из стоянки племени, и убийцы бросились по нашим горячим следам. День и ночь они без передышки гнались за нами, пока мы не кинулись вплавь в бурную реку, ревущий пенистый поток, на что даже крепкие эйзиры не отважились. Один лишь вид его внушал мне трепет, но в безрассудном порыве, влекомые вперед любовью и погоней, мы проложили себе путь сквозь поток и, хоть и избитые и израненные яростью стихии, живыми достигли противоположного берега.

Много дней мы продирались сквозь дремучие нагорные леса, защищаясь от леопардов и тигров, водившихся здесь во множестве, пока не вышли к подножию грандиозной горной цепи. В непостижимой выси голубые острия вершин вонзались в небо. В горах нас одолевали ледяные пронизывающие ветры и голод, а еще гигантские кондоры, то и дело пикирующие сверху с отвратительным

клекотом и хлопаньем громадных крыльев. Бесконечные схватки в ущельях и на перевалах истощили весь мой запас стрел, раскололось копье с кремневым наконечником, но в конце концов мы все-таки перевалили через безжизненный, закованный во льды горный хребет и, спустившись по южным отрогам, очутились в небольшом поселении — кучке грязных хижин-мазанок среди торчащих тут и там скал, — где обитал миролюбивый народец, говорящий на странном незнакомом языке и имеющий странные для того времени обычаи. Люди эти вели себя дружелюбно, они встретили нас знаками мира и повели в деревню, где принялись угощать мясом, ячменным хлебом и кислым молоком. Пока мы насыщали свои давно пустующие желудки, они сидели вокруг на корточках, а одна из женщин негромко отстукивала на тамтаме мелодию в нашу честь.

В деревню мы пришли на закате, и, пока пировали, на горы опустился плотный саван тьмы. Со всех сторон над селением угрожающе нависли островерхие скалы, пронзающие звездное небо, — жалкая кучка неуклюжих мазанок потерялась, утонула в необъятности ночи. Охваченная щемящим чувством заброшенности и беззащитности, Гудрун тесно прижалась ко мне. Мне же был неведом страх, как прежде, так и теперь — ведь под рукой у меня был верный боевой топор!

Приземистые коричневокожие люди, рассевшиеся на корточках рядом с нами, пытались объяснить что-то с помощью жестов, странных, невразумительных движений тоненьких ручек. Да, им, привыкшим к оседлой жизни в относительной безопасности, явно недоставало неукротимой силы и богатырской стати, свойственных кочевникам. Руки порхали в свете костра, словно диковинные птицы.

Я постарался дать им понять, что мы пришли с севера, перевалив через исполинский гребень горной цепи, и наутро намереваемся двинуться на юг, в зеленые долины. Уразумев в конце концов, что я имею в виду, они подняли неописуемый гвалт, принялись неистово мотать головами, бешено заколотили в барабаны. Дружно принявшись совершенно одинаково взмахивать руками, они из кожи вон

лезли, стараясь втолковать мне что-то, но скорее запутали, нежели просветили меня. Я понял только, что они по какой-то причине не хотят, чтобы мы спускались с гор в том направлении, — очевидно, к югу от деревни таилась неведомая опасность, но, был ли то человек или зверь, я так и не смог для себя уяснить.

Тогда-то все и случилось. Пока мое внимание было полностью занято их гримасами и суматошной жестикуляцией... Вдруг сверху обрушился резкий порыв ветра, послышалось хлопанье крыльев — вскинув голову, я успел заметить метнувшуюся из ночи огромную черную тень и получил сокрушительный удар по черепу, который сшиб меня с ног. Как сквозь толстый слой ваты послышался испуганный крик Гудрун, оторванной от моей груди. Молниеносно вскочив, готовый сражаться и убивать, я увидел лишь исчезающую во тьме крылатую тень, в лапах которой корчилась, извивалась, истошно крича, маленькая белая фигурка.

Взревев от горя и бешенства, я подхватил топор и ринулся следом в непроглядную ночь, но вскоре вынужден был прекратить преследование, не зная, куда бежать, и, дрожащий от отчаяния и гнева, вернулся в деревню. Ее маленькие жители, в момент нападения сыпанувшие по домам, воя и разбрасывая ногами уголья костров, постепенно стали выползать оттуда, чуть живые от собственного страха, скуля, как побитые собаки. Они обступили меня, робко касаясь руками и щебеча на своем странном языке, а я проклинал свою неспособность их понять. Чуть успокоившись, они отвели меня обратно к костру, у которого мы раньше пировали, — там уже ожидал старейшина племени, приготовив кусок выделанной кожи, чернила и отточенную тростинку. Он принялся рисовать и изобразил примитивную, но вполне понятную мне картину — крылатую тварь, несущую в лапах белую женщину. Тут все стали указывать на юг и наперебой кричать, так что закладывало уши. Совершенно очевидно, они пытались сказать, что крылатый похититель и есть та опасность, о которой меня заранее предупреждали. И если до той минуты я думал, что это был один из гигантских горных кондоров, то теперь все сомнения

отпали сами собой: на рисунке старика — несмотря на явное неумение художника, ошибиться было невозможно — был изображен человек с крыльями.

Тем временем старейшина неторопливо и тщательно взялся что-то вычерчивать на поверхности кожаного лоскута. «Карта», — в конце концов догадался я. Это заняло у него довольно много времени, и уже минула полночь, когда он закончил, а я разобрался в его безыскусной схеме. Выходило, что для того, чтобы попасть к месту, где обитает летучее чудовище, мне следует, дойдя до конца лощины, где располагалась деревня, двигаться строго на юг через плоскогорье и череду скал. В конечном пункте моего назначения этот горе-художник изобразил какой-то несуразный дом в окружении множества красных пятнышек. Тыча сухим пальцем то на рисунок, то на меня, он прокричал слова, которые я уже слышал прежде, — на языке этого народа они обозначали опасность.

Долго пытались они уговорить меня остаться, но я был непреклонен и полон решимости освободить свою женщину и покарать вора — взял импровизированную карту, мешок с провизией, который селяне буквально сунули мне в руки (они и в самом деле были весьма необычным народом для своего времени), топор и окунулся в безлунную ночь. Темнота не смущала меня, ибо глаза мои были куда более остры, чем может даже представить современный ум, а чувство направления развито не хуже, чем у волка. Единожды увиденная карта навсегда отпечаталась в моем мозгу, я мог бы запросто выбросить ее прочь и безошибочно добраться до места, которое искал, но на всякий случай свернул ее и заткнул за пояс.

Я шагал на полной скорости в мерцании далеких звезд, целеустремленно и не задумываясь о, возможно, рыскающих в поисках добычи ночных хищниках — будь то пещерный медведь или саблезубый тигр. Иногда мне слышалось шуршание гальки под тяжелой мягкой лапой, вспыхивали во тьме злобные желтые глаза, крались в отдалении смутные тени. Но я был слишком возбужден, чтобы опасаться какого-то там заступившего дорогу зверья.

Я пересек долину, вскарабкался по крутому склону и оказался на просторном плоскогорье, изрезанном ущельями и усыпанном громадными каменными глыбами. Я пересек и его и в предрассветной мгле начал спуск по обманчиво пологим склонам, кажущимся бесконечными, — их подножие терялось во тьме. И все же я двинулся вниз, не медля ни секунды и не воспользовавшись своей веревкой из сыромятной кожи, которую нес за плечами, доверяясь полностью своей удаче и умению.

Рассвет едва тронул вершины розоватым румянцем, а я уже спустился в низину, запертую между величественных скальных стен, — я находился словно в основании огромного треугольника, боковые грани которого, вытянутые с востока и запада, сходились вместе на юге. Деревья в долине стояли редкие и чахлые, кустарника и вовсе не было, лишь ковер густой высокой травы, которая для этого времени года была необычно сухой. И по этому ковру бродили исполины-мамонты, мохнатые живые горы из плоти и мышц.

Я обошел их стадо, сделав большой крюк: стоило ли тревожить этих гигантов, таких могучих и уверенных в собственной силе, не боящихся на Земле никого и ничего, за исключением одной только вещи... Они все же учуяли мое приближение и угрожающе подняли хоботы, но не напали. Я поспешил вперед, петляя среди деревьев, и вскоре достиг вершины треугольника, где стены скал соединялись... впрочем, нет, между их краями оставалось отверстие шириной в несколько сот футов, за которым тянулось узкое ущелье, выводящее в еще одну долину.

Путь длиной в целую ночь ничуть не утомил меня, я совсем не чувствовал слабости — меня вела и поддерживала неослабевающая ярость. Я мчался по ущелью, не представляя, что меня ждет в его конце, и не очень-то задумываясь об этом.

Стены резко раздались в стороны, опоясывая огромный овал долины каменным валом. В ее дальнем, южном конце виднелась еще одна брешь. Таким образом, долина своими очертаниями походила на бутыль с двумя узкими горлышками.

«Горлышко», по которому я шел, густо заросло невысокими деревьями. Еще несколько сот ярдов, и деревья уступили место полю невыносимо алых цветов, в центре которого я увидел необычное сооружение.

Чтобы по возможности более полно описать его, мне недостаточно будет знаний Вульфа, которому попросту не с чем сравнить увиденное. Вульф ничего не смыслил в архитектуре, и единственными знакомыми ему рукотворными строениями были шатры из конских шкур собственного народа да крытые соломой мазанки племени маленьких горцев. Так что Вульф мог бы сказать только, что глядел теперь на громадную уродливую хижину, происхождение которой находится вне пределов человеческого понимания. Но я, Джеймс Эллисон, несущий в своем мозгу культурный багаж тысячелетий, знаю: то была башня футов семидесяти высотой из незнакомого зеленого камня, тщательно отшлифованного, и какого-то странного полупрозрачного вещества. Цилиндрической формы, она не имела, насколько можно было видеть. Башня как бы состояла из двух частей: основного шестидесятифутового монолита и — наверху его — башенки диаметром поменьше, вокруг основания которой шла галерея с зубчатым парапетом. Эта, верхняя, башенка была снабжена дверью и сводчатыми окнами, забранными толстыми решетками, — во всяком случае, так показалось мне с места, где я стоял.

Вот и все. Долина замерла в тишине, в каком-то неестественном покое, ни одного намека на человеческое присутствие, ни единого признака жизни. Но я был уверен, что достиг цели — ведь именно такой зиккурат старался изобразить старик в горной деревушке — и что сумею отыскать Гудрун, если, конечно, она еще цела.

Вдалеке, позади башни, поблескивала гладь голубого озера, от западной стены к нему тянулась, извиваясь, змейка реки. Спрятавшись за древесными стволами, я внимательно разглядывал башню и цветы, опоясывающие ее подножие густым огненным кольцом. По другую сторону этой грандиозной цветочной поляны во множестве росли деревья, среди цветов же не было ни одного... Они не были похожи на какие-либо виденные мною раньше

растения. Они росли тесно прижавшись друг к дружке, в высоту достигая футов четырех. Каждый из длинных стеблей венчало единственное соцветие величиной с человечью голову, с широкими мясистыми лепестками цвета свежераскрывшейся раны. Стебли, толщиной в запястье человека, были бесцветными, почти прозрачными, ядовито-зеленые листья очертаниями походили на наконечники копий. Вид этих сбившихся в кучу чудовищ вызывал ощущение гадливости и... необъяснимой угрозы. Я ощущал ее всем своим естеством, так же как прежде мне случалось почувствовать скрывающегося в засаде льва задолго до того, как он чем-то себя выдавал. Я снова всмотрелся в гущу чудовищных цветов, гадая, не свернулась ли в ней кольцами какая-нибудь здоровенная змея. Ноздри мои раздулись, я пытался уловить какой-нибудь запах, но увы — ветер дул из-за моей спины. Меня не покидало ощущение странной неестественности этого места — ни один цветок, ни один лист не шевельнулся на ветру; казалось, будто стая стервятников сидела, нахохлясь и уставившись на меня в предвкушении пиршества.

Окружающий меня пейзаж походил на картинку из сна: слева и справа голубые горы рвутся в укутанное перистыми облаками небо, дремлющее далеко впереди озеро и эта фантастическая зеленая башня, высящаяся в центре кроваво-красной лужайки. Но вот запах... Да, я наконец учуял идущий от цветов аромат. И это был запах склепа, смрад смерти и разложения.

Я резко пригнулся в своем импровизированном укрытии, краем глаза уловив какое-то движение наверху башни: на галерее возникла человеческая фигура. Человек подошел к парапету и, облокотившись на него, принялся оглядывать долину. Такого существа мне не приходилось видеть даже в худшем из кошмаров: необычайно развитая мускулатура, огромный рост, кожа черная, как эбеновое дерево. Но не это испугало меня, а сложенные за плечами кожистые крылья, совсем как у летучей мыши. В том, что это были именно крылья, а не что-либо иное, я был абсолютно уверен.

Я, Джеймс Эллисон, много размышлял над этим феноменом, которому стал свидетелем посредством глаз

Вульфа. Был ли крылатый человек просто капризом природы, единственным в своем роде образчиком небывалого уродства, прячущимся от чужих глаз в уединенности и забвении, или же являлся уцелевшим до той поры представителем древней забытой расы, которая возникла, царила над миром и исчезла до прихода человека? Народец маленьких горцев мог бы, вероятно, поведать мне об этом, но, увы, мы не понимали языка друг друга. И все же лично я склоняюсь ко второй версии. О летающих людях было сложено много мифов в фольклорах самых различных народов. Как далеко ни зайди по тропе мифа и хроники, легенды и былины, обязательно встретишь истории о гарпиях и осененных крылами божествах, ангелах и демонах. А ведь, как известно, эпические сказания суть не что иное, как искаженные тени ушедших в вечность реальностей. Я верю, что некогда раса крылатых черных людей правила доадамовым миром и что я, Вульф, встретил последнего выжившего ее представителя в долине алых цветов.

Вот какие мысли переполняли меня, Джеймса Эллисона, — подобно всем современным людям, одновременно равно высокообразованного и невежественного. А я, Вульф, не предавался подобным рассуждениям, далекий от вошедшего ныне в моду скептицизма, и не искал рациональных объяснений всему, выходящему за рамки собственных представлений об окружающем мире. Не признавая иных богов, кроме Имира и его дочерей, я тем не менее не сомневался в возможности существования демонов и разного рода божеств, которым поклонялись другие племена и кланы. Сверхъестественные существа были для меня нормальным явлением, и драконы, черти, привидения и дьяволы представлялись не менее реальными, чем, скажем, львы, буйволы или слоны. Я сразу решил, что передо мною демон, а его природа и происхождение меня вовсе не интересовали. Не впал я и в панику суеверного страха — сыны Асгарда никогда не боялись ни человека, ни дьявола, — ибо с самого детства уверовал в сокрушительную силу своего топора куда сильнее, чем в заклинания колдунов и молитвы жрецов.

При всем при этом я не бросился немедленно в открытую атаку на башню. Я дико устал, да и не видел пока способа одолеть твердыню. Крылатому человеку не было нужды во входной двери, ведь он мог без труда очутиться прямо на вершине, — для обычного же человека, пусть даже и самого искусного скалолаза, гладкая, без единой неровности поверхность стен была совершенно неприступна. Вскоре в голове моей созрел план, как взобраться на башню, но я медлил, ожидая увидеть, не появятся ли в поле зрения другие «летуны» (хотя меня не покидала необъяснимая уверенность в том, что этот был единственным из своего племени в этой долине, а возможно, и во всем мире). Пока я, согнувшись в три погибели среди невысоких деревьев, наблюдал, он оторвал локти от парапета, прогнулся, как громадная кошка, и широко зашагал по галерее, в мгновение ока скрывшись из виду в башне. Неподвижный воздух разорвал приглушенный жалобный крик, и я невольно напрягся, хотя и слышал, что крик явно не женский. Из темноты дверного проема неожиданно возник черный хозяин цитадели, волоча за собой небольшую фигурку, отчаянно вырывающуюся и истошно вопящую. Приглядевшись, я понял, что это был пигмей, очень напоминающий жителя приютившей нас с Гудрун деревни. Без сомнения, он был похищен в точности таким образом, как и моя подруга. Маленький человечек выглядел слабым, тщедушным ребенком в лапах его врага-исполина. Черный человек расправил крылья и взмыл с парапета в воздух, унося свою добычу, как кондор несет в когтях воробья. Громадные кожистые полотнища за спиной позволяли ему свободно и легко парить над цветочным морем цвета крови, я же, потрясенный, сжался в комок среди древесных крон, служащих мне убежищем.

Планирующее чудовище испустило громкий ужасающий крик, от которого кровь заледенела в жилах, но еще более жутким был ответ на его зов. Судорога просыпающейся жизни прошла по алому ковру у подножия башни. Огромные красные бутоны, трепеща, раскрывались, распрямляли мясистые лепестки на манер змеиных пастей. Стебли, казалось, потянулись кверху, удлиняясь

и вибрируя со странным звуком, похожим на шум трещоток на хвосте гремучей змеи. Негромкое — но вполне достаточное для того, чтобы у меня по коже поползли мурашки, — шипение разнеслось над долиной. Цветы хлопали пастями, тянулись вверх. И тут крылатый человек с мерзким хохотом выпустил из рук извивающуюся жертву.

С адским криком коричневый человечек полетел вниз и рухнул среди цветов. В ту же секунду они со свистящим шелестом сомкнулись над ним. Толстые стебли изгибались змеиными шеями, алые лепестки алчно приникали к живой плоти. Сотни соцветий спеленали его, словно щупальца спрута, душа и придавливая к земле, приглушая дикие пронзительные вопли агонизирующего человека. Он мгновенно утонул в шевелящейся, шипящей массе чудовищных растений. Те, за пределами досягаемости которых находилась несчастная жертва, неистово раскачивались и извивались, будто желая оторваться от удерживающих их корней и присоединиться к своим собратьям. Со всего поля гигантские красные цветы целеустремленно тянулись к месту, где завершалась страшная битва. Крики становились все глуше, слабее и тише, пока не смолкли совсем. Над садом смерти воцарилась пугающая тишина. Хлопая гигантскими крыльями, черный человек вернулся к башне и скрылся внутри.

Спустя некоторое время цветки один за другим стали отделяться от тела своей жертвы, неподвижного и неестественно белого. Эта белизна была больше, чем обычная бледность смерти, — мертвенный оттенок предельно обескровленной кожи, словно передо мною лежал не человек, а восковое изваяние. Но еще более поразительная метаморфоза произошла с растениями вокруг него: стебли разбухли и налились темно-красным, будто прозрачные побеги бамбука, готовые лопнуть от переполняющей их свежей крови.

Влекомый жадным любопытством, я крадучись скользнул из-под сени деревьев к краю алого поля. Бутоны зашипели и потянулись ко мне, распрямляя лепестки, как нападающая кобра раздувает свой капюшон. Я выбрал самый крупный из них и перерубил стебель одним взмахом

топора. Мерзкая тварь свалилась наземь, извиваясь, как обезглавленная гадюка. Когда удивительное растение перестало шевелиться, я склонился над ним, желая рассмотреть получше. Вопреки моим догадкам, стебель не был полым внутри на манер бамбукового — на свежем срезе было хорошо видно, что он весь пронизан сетью нитевидных сосудов, некоторые из которых были пусты, из других сочилась полупрозрачная бесцветная жидкость. Держащиеся на невероятно гибких ответвлениях массивные листья оканчивались шипами, острыми и изогнутыми, как крючья. Вонзись такой шип в плоть, и жертва скорее вырвала бы растение с корнем, чем сбросила его с себя.

Каждый из лепестков был величиной с мою ладонь и толст, как отросток опунции*, а внутренняя его сторона была усыпана крохотными — не более булавочной головки — зевами. В центре цветка, где положено находиться пестику, торчало зазубренное длинное острие, по четырем граням которого шли узкие канальцы.

Я так увлекся своими исследованиями, что лишь некое внутреннее чутье заставило меня поднять голову — и как раз вовремя, ибо крылатый человек вновь объявился у парапета. Казалось, он не особенно удивился, заметив меня, прокричал что-то на своем гортанном языке и сделал насмешливый жест, увидев, как я весь подобрался и стиснул в руке оружие. Потом повторилась уже знакомая ситуация: он, круто развернувшись, скрылся в башне и тут же вернулся с ношей. Только на сей раз ею была Гудрун. Меня затопили ненависть и гнев, а еще — радость оттого, что моя женщина была жива.

Несмотря на ее ловкость и силу пантеры, черный человек удерживал девушку столь же легко, как незадолго до этого — пигмея. Подняв высоко над головой дергающееся тело, он продемонстрировал его мне и выкрикнул какие-то слова с явной издевкой. Гудрун бешено сопротивлялась, золотые волосы хлестали по белоснежным плечам, до меня долетали ее крики ярости и стра-

* Опунция — род кустарников семейства кактусовых, растущих в пустынях и полупустынях.

ха — все тщетно. Женщину из племени эйзиров непросто было сделать покорной даже перед лицом великого ужаса.

Крылатый дьявол дразнил меня, но я стоял неподвижно. Будь от этого польза, я бы, не раздумывая, нырнул в алую адскую трясину, чтобы быть схваченным, наколотым на шипы-крючья и обескровленным этими чертовыми цветами. Но так я не спасу ее — моя смерть только лишит Гудрун единственного защитника и последней надежды. Поэтому я скрепя сердце смотрел, как она корчится и бьется в руках чудовища, и смех черного человека вздымал могучие валы безумия в моей голове. Вдруг он сделал движение, будто собираясь швырнуть ее вниз, и я едва не утратил контроль над собой, рванувшись к кромке адского сада. Но то был просто обманный жест, и чудовище тут же утащило ее обратно в башню, потом вернулось к парапету, легло на него грудью и уставилось на меня. Существо явно забавлялось, играя с нами, как кот играет с мышью, прежде чем убить.

Я повернулся и направился к лесу, постоянно чувствуя на себе его взгляд. Пусть я, Вульф, был далеко не мыслитель в том смысле, как это понимают современные люди, и куда увереннее действовал топором, чем собственным интеллектом, однако не являлся и тупым скотом, каковым, вероятно, считал меня проклятый выродок. Моему мозгу не раз случалось помогать могучему телу в борьбе за жизнь и пищу, и теперь он напряженно работал.

Я понимал: мне не преодолеть смертоносное алое кольцо, опоясывающее башню. Прежде чем я успею сделать полдюжины шагов, десятки шипов вонзятся в мое тело и жадные пасти высосут все мои соки, утоляя свою чудовищную жажду. Тут будет бесполезна вся моя мощь.

Крылатый человек не преследовал меня — оглянувшись, я увидел его, восседающего на том же месте, не меняя позы. Я, Джеймс Эллисон, снова и снова грезящий приключениями Вульфа, навсегда запомню эту картину: отвратительная горгулья, средневековое чудовище, восседающее на бастионах ада...

Я миновал узкий перешеек между двумя долинами, шагая между редеющих деревьев к месту, где около неширокой, но стремительной речки паслись мамонты. Не доходя до стада, я остановился, вынул из своей торбы пару кремней и, нагнувшись, высек искру в сухую траву. Быстро перебегая от места к месту, я зажег дюжину огней гигантским полукругом. Северный ветер тут же подхватил их и раздул. Занялось большое пламя, и спустя всего лишь несколько секунд вниз по долине уже мчался вал огня.

Мамонты прервали свою бесконечную неспешную трапезу, подняли массивные головы, поводя ушами, и затрубили тревогу. На всем белом свете исполины боялись только огня. Они начали все быстрее отступать к югу, гоня впереди себя детенышей. Самцы ревели, как трубы Судного дня. Огонь, всепожирающий хищник, бросился в атаку, и мамонты, не выдержав, обратились в паническое бегство — сокрушительный ураган плоти, сотрясающая землю, грохочущая лавина костей и мышц. Деревья падали, дробились в щепу под тяжелой поступью, земля ходила ходуном. По пятам гигантов катилась стена пламени, а вслед за нею поспешил и я, в такой опасной близости, что опаленная земля жгла мне ноги сквозь подошвы сандалий.

Мамонты прогрохотали через узкую лощину, сровняв с землей лесную чащу, как гигантским катком. Глухо топоча ногами-тумбами и оглушительно трубя, они вломились на поле красных цветов. Эти дьявольские растения, наверно, могли бы повергнуть и уничтожить даже и мамонта, будь он один, но для целого обезумевшего стада они были не более чем жалкой травкой. Несущиеся исполины смяли их и растоптали, вдавили в землю, их породившую и теперь раскисшую от обильно залившего ее сока из растерзанных стеблей.

На какую-то долю секунды я замер, испугавшись собственных мыслей, — а вдруг животные повернут в сторону при виде башни или, напротив, сокрушат и ее вместе с моей возлюбленной? Похоже, крылатый демон разделял мои страхи, ибо он стрелой взвился с галереи и скользнул по небу в сторону озера. Сомнения мои ока-

зались напрасны: вот один из крупных самцов, добежав до башни, врезался головой в ее стену, даже не дрогнувшую от удара и будто оттолкнувшую мамонта на бегущего следом. Стадо тут же раскололось надвое и грохочущей лавиной устремилось дальше, обтекая цитадель с обеих сторон, — заросшие шерстью бока терлись о зеленые стены. Уничтожив остатки алого моря смерти, живые горы быстро скрылись из глаз в направлении озера.

Огонь сдержал свой бег, споткнувшись о вывороченные с корнем поломанные древесные стволы, и вовсе стих у кромки поля, где еще недавно росли растения-убийцы. Я бежал все вперед и вперед — по тлеющим остаткам чащи, потом по жиже из раздавленных цветов, — взывая к Гудрун. Наконец она отозвалась; голос ее был приглушенным и сопровождался звуком гулких ударов. Очевидно, крылатый вор, улетая, запер ее в башне. Я подбежал к отвесной стене, размотал свою кожаную веревку и, раскрутив, забросил ее, оканчивающуюся петлей, на один из зубцов парапета. Подергав веревку для верности, я двинулся вверх, подтягиваясь на руках и помогая себе ногами, отталкиваясь локтями и коленями от поверхности камня.

До парапета оставалось каких-то пять футов, когда я услышал над головой хлопанье крыльев. Крылатый человек приземлился на галерее и перегнулся через парапет. Только сейчас я смог рассмотреть его как следует: черты лица отличались правильностью линий, в них не было ни намека на негроидность, глаза чуть раскосые, зубы оскалены в жуткой ухмылке торжества и ненависти. Долго, долго правил он в долине красных цветов, взимая дань человеческих жизней с близлежащих племен для принесения в жертву ненасытным растениям-чудовищам, его подданным и одновременно защитникам-покровителям. Теперь я был полностью в его власти, мои сила и ловкость мало чем могли помочь. Один-единственный удар изогнутого кинжала, зажатого в его руке, — и я стремительно полечу в объятья смерти. Где-то неподалеку Гудрун, заметив угрожающую мне опасность, яростно закричала. Дверь затрещала под ее

отчаянным натиском и резко распахнулась, во все стороны полетели щепки.

В глазах моего врага горело предвкушение скорого триумфа, он занес над натянутой веревкой остро отточенный клинок, но тут сильная белая рука обвила сзади его шею и резко рванула назад. Через его плечо я увидел прекрасное лицо Гудрун, волосы ее растрепались, глаза расширены от ярости и ужаса. Он с ревом развернулся в ее захвате, оторвал от себя стиснувшие горло руки и швырнул девушку в стену с такой силой, что она в беспамятстве сползла на пол. Черный человек тут же обернулся в мою сторону, но к этому моменту я уже добрался до верха, одолел парапет и спрыгнул на галерею, на ходу сдергивая с ремня топор. Он замешкался на мгновенье, наполовину поднялись крылья за спиной, кинжал дрогнул в руке — казалось, он колеблется, не зная, что предпринять — вступить в схватку или спасаться бегством по воздуху. При своем гигантском росте и впечатляющих буграх вздувающихся под кожей мускулов, он все же медлил в нерешительности, как порою медлит человек, столкнувшись с разъяренным хищным зверем, пусть даже и меньше его по размеру.

Я же не знал колебаний, как не ведал и страха. С громким утробным ревом я прыгнул вперед, обрушив из-за головы топор, вложив в этот удар всю свою силу. Сдавленно вскрикнув, он в попытке защититься вскинул кверху руки, но топор, пройдя точно между ними, рубанул по голове, превратив ее в кровавое месиво.

Я повернулся к Гудрун: поднявшись на колени, она тянула ко мне свои белоснежные руки, во взоре ее читалась любовь... и облегчение, едва она глянула на поверженного властелина долины, вокруг разбитой головы которого росла лужа крови и мозгов.

Как часто и страстно я желал, чтобы стало возможным свести воедино жизненный опыт Вульфа и познания Джеймса Эллисона, совместить эти личности в одном теле. Тогда я перестал бы быть немым очевидцем событий, а Вульф вошел бы в дверь, которую Гудрун в отчаянном порыве разнесла вдребезги. Он попал бы в удивительную комнату, что виднелась через проломы

в досках, с фантастической обстановкой и полками, ломящимися от пергаментных свитков. Он мог бы развернуть эти свитки и попытаться понять написанное в них, прочесть хроники той необычной расы, последнего представителя которой он только что убил. Уверен, то была бы история чуднее сна, навеянного курением опиума, и удивительнее мифа об Атлантиде.

Но Вульф был далек от подобной любознательности. Для него башня со всем ее содержимым была никчемной бессмыслицей, останками колдовства и демонизма, канувших в Лету вместе с их носителем. В отличие от Джеймса Эллисона, рожденного тысячелетия спустя, он вовсе не горел желанием разгадывать какие бы то ни было тайны.

Для меня, Вульфа, башня была лишь вместилищем зла и хитроумной ловушкой, порождавшей в душе единственное желание — бежать прочь как можно быстрее и забыть навеки. Вместе с держащейся за меня Гудрун мы соскользнули по веревке на землю и рука об руку двинулись по широкой просеке, протоптанной мамонтами, к виднеющемуся вдали искрящемуся озеру.

DELENDA EST*

— Клянусь вам, это не империя, а жалкая подделка! Империя? Ха! А мы всего лишь пираты! — Разумеется, то был вечно унылый и хмурый Гунегас с заплетенными в косы черными кудрями и свисающими усами, выдающими его славянское происхождение. Он гулко вздохнул, и фалернское вино в нефритовом кубке, стиснутом в его мускулистой руке, плеснуло через край на его багряную, шитую золотом тунику. Гунегас отхлебнул из кубка шумно, как пьют лошади, и с меланхоличным удовольствием продолжал сетовать: — Чего мы добились в Африке? Уничтожили крупных землевладельцев и священников, сами сделались помещиками. Кто же обрабатывает землю? Вандалы? Ничего подобного! Те же люди, что обрабатывали ее при римлянах. Мы просто-напросто заменили собой римлян. Мы собираем налоги и назначаем арендную плату, но при этом вынуждены защищать эти земли от проклятых варваров. Наша слабость — в нашем количестве. Мы не можем смешаться с народами, потому что будем поглощены ими. Мы не можем также превратить их в своих союзников или подданных — мы способны лишь поддерживать нашу военную репутацию. Мы — жалкая кучка чужаков...

— Эту ненависть можно отчасти погасить, — перебил Атаульф. Он был моложе Гунегаса, чисто выбрит и довольно симпатичен; его манеры были не столь примитивны. Он относился к сувитам** и провел свою юность заложником при дворе Восточного Рима. — Они исповедуют

* Подлежит уничтожению (*лат.*). (Здесь и далее прим. переводчика)

** Сувиты, Сува — город и область в древней Сирии.

православие, и если бы мы смогли заставить себя отречься от арианства*...

— Нет! — Тяжелые челюсти Гунегаса захлопнулись с силой, способной раскрошить более слабые, чем у него, зубы. Его темные глаза загорелись фанатизмом, присущим всем тевтонам. — Никогда! Мы — хозяева, а их удел — подчиняться нам! Мы знаем истину Ария, и коль жалкие африканцы не в силах осознать свою ошибку, то необходимо указать им на нее — пусть с помощью факела, меча и дыбы! — Глаза Гунегаса снова потускнели, и с очередным шумным вздохом из глубины своего брюха он пошарил рукой в поисках кувшина с вином. — Через сотню лет королевство вандалов сохранится лишь в памяти потомков, — предрек он. — Ныне его держит воедино только воля Гейзериха**.

Хозяин этого имени рассмеялся, откинулся назад в резном кресле черного дерева и вытянул перед собой мускулистые ноги. То были ноги всадника, хотя их владелец давно сменил седло на палубу боевой галеры. Он был королем народа, имя которого уже служило эпитетом уничтожения.

Рожденный на берегах Дуная и возмужавший на долгом отрезке пути на запад, когда миграция народов смела римские укрепления, он соединил с выкованной для него в Испании короной всю бурную мудрость столетий, накопленную в войнах, возвышениях и падениях народов. Его лихие конники втоптали копья римских правителей Испании в прах. Когда вестготы и римляне соединили руки и начали поглядывать на юг, лишь умысел Гейзериха бросил на юг закаленных в боях гуннов Аттилы***,

---

* Арианство, доктрина Ария (250—336), отрицающего, что Иисус сродни Богу, и утверждающего, что он лишь высшее из существ. В 325 г. арианство признано Никейским собором ересью, а пресвитер Арий отлучен от церкви.

** Гейзерих — вождь вандалов и аланов (428—477), прославился могуществом вандалов на море и созданием Североафриканского государства с чертами раннефеодальной структуры.

*** Атилла (ок. 434—453) могущественный царь, объединивший под своей властью кочевой народ гуннов и другие племена (остготов, герулов, аланов). В 451 г. во время похода против Галлии потерпел поражение от войск Аэция.

ощетинивших пылающие горизонты мириадами своих пик. Теперь Аттила был мертв, и никто не знал, где лежат его кости и его сокровища, охраняемые духами пяти сотен убитых рабов. Его имя гремело по всему миру, но в те времена он был лишь одной из пешек, беспрепятственно движимых рукой короля вандалов.

Когда же вслед за аланами* орды готтов двинулись через Пиренеи, Гейзерих не ждал, чтобы его смяли превосходящие силы противника. Многие все еще проклинали имя Бонифация, попросившего Гейзериха помочь ему в борьбе с его соперником Аэцием** и открывшего вандалам путь в Африку. Его примирение с Римом слишком запоздало; тщетным оказалось и мужество, которым он пытался снять с себя вину за содеянное. Бонифаций умер на копье вандала, а на юге зародилось новое королевство. Теперь был мертв и Аэций, а огромные боевые галеры вандалов двигались на север, покачиваясь на волнах и погружая в них длинные весла, поблескивающие серебряными бликами ночами, в свете звезд.

Слушая беседу своих капитанов в каюте ведущей галеры, Гейзерих с мягкой улыбкой приглаживал непокорную пшеничную бороду сильными пальцами. В его жилах не было и следа скифской крови, отделявшей его народ от расы прочих тевтонов еще в те давние времена, когда покрытые шрамами конники-степняки отходили на запад перед наступающими сарматами, чтобы очутиться среди народов, населяющих верхние истоки Эльбы. Гейзерих был чистокровный германец среднего роста, с великолепными плечами, грудью и массивной жилистой шеей; его тело бурлило избытком жизненных сил в той же мере, как его широко открытые голубые глаза отражали мыслительную мощь.

---

* Аланы — кочевые иранские племена, родственные сарматам. Отдельные орды аланов переправились в 429 г. вместе с королем вандалов Гейзерихом в Сев. Африку, где их следы затерялись.

** Аэций Флавий (род. ок. 390) — полководец, один из последних защитников Западной Римской империи. В 451 г. на Каталаунских полях во главе войска из германцев и аланов и при поддержке вестготов одержал победу над предводителем гуннов Аттилой.

Он славился как самый сильный мужчина на свете и был пиратом — первым из тевтонских морских разбойников, которых прозвали позже викингами, но подвластной ему территорией были не Балтийское или синее Северное море, а залитое солнцем средиземноморское побережье.

— Воля Гейзериха, — ухмыльнулся он в ответ на последние слова Гунегаса, — приказывает нам пить и пировать, ну а завтра — будь что будет.

— Неужели? — буркнул Гунегас с фамильярностью, все еще бытующей среди варваров. — Когда это ты полагался на завтрашний день? Ты громоздишь заговор на заговор — и не только на завтра, но на тысячу дней вперед! Нечего притворяться перед нами! Мы не римляне, чтобы принимать тебя за глупца, коим оказался Бонифаций!

— Аэций не был глупцом, — пробормотал Тразамунд.

— Но он мертв, а мы плывем в Рим, — ответил Гунегас с первой ноткой удовлетворения в голосе. — Слава Богу, *Аларик не забрал себе всю добычу! И я рад*, что в последний миг Аттила упал духом — тем бо́льше добычи для нас.

— Аттила вспомнил аланов, — протянул Атаульф. — Рим еще кое в чем жив — клянусь святыми, это странно. Даже когда империя кажется полностью разрушенной, разодранной на части и оскверненной — в ней появляются новые ростки. Стилихо, Феодосий, Аэций... как знать? Быть может, в эту минуту в Риме спит человек, который свергнет всех нас.

Гунегас хмыкнул и постучал кулаком по залитой вином доске:

— Рим мертв, как белая кобыла, павшая подо мной при взятии Карфагена*. Нам нужно лишь протянуть руки и очистить город от добра!

---

* Карфаген — древний город-государство в Сев. Африке, у современного Туниса. Основан финикийцами (IX в. до н.э.), полностью разрушен в результате Пунических войн с Римом в 146 г. до н.э. В дальнейшем был основан заново, продолжал развиваться, превратился в город мирового значения.

— Был однажды великий полководец, одержимый той же мыслью, — сонно пробормотал Тразамунд. — Он тоже был карфагенянином, клянусь Господом! Я забыл его имя, но он бил римлян как хотел. Коли, руби — таков был его девиз!

— Но он все-таки проиграл, — заметил Гунегас. — Иначе он уничтожил бы Рим.

— Вот именно! — воскликнул Тразамунд.

— Мы не карфагеняне! — рассмеялся Гейзерих. И кто сказал о разграблении Рима? Разве мы не плывем в имперский город, отвечая на просьбу императрицы, которой досаждают завистливые враги? А теперь убирайтесь все вон! Я хочу спать.

Дверь каюты закрылась, заставляя умолкнуть хмурые пророчества Гунегаса, находчивые реплики Атаульфа и бормотанье прочих. Гейзерих поднялся и подошел к столу, чтобы налить себе последний бокал вина. Он шел хромая; копье франков поразило его в ногу много лет назад.

Подняв осыпанный драгоценными камнями кубок к губам, король вдруг с проклятием повернулся. Он не слышал, как открылась дверь каюты, но по ту сторону стола от него стоял незнакомец.

— Клянусь Одином! — Арианство Гейзериха испарилось в мгновение ока. — Что тебе нужно в моей каюте?

Его голос был спокоен, почти безмятежен после первого испуганного возгласа. Король был слишком хитер, чтобы выдавать свои искренние чувства на каждом шагу. Его рука украдкой сомкнулась на рукояти меча. Резкий неожиданный удар...

Но человек не выказал ни малейшей враждебности. Вандал на глаз определил, что непрошеный гость не был ни тевтоном, ни римлянином. Незнакомец был высок, смугл, с гордо посаженной головой и длинными кудрями, перехваченными темно-алой повязкой. Курчавая борода патриарха покоилась на его груди. Облик незнакомца пробудил в мозгу вандала смутные воспоминания.

— Я пришел к тебе без злого умысла! — прозвучал низкий, рокочущий голос. Что касалось одежды гостя, Гейзерих смог разглядеть лишь окутывающий фигуру ши-

рокий темный плащ. Вандала интересовало, не прячет ли он под этим плащом оружие.

— Кто ты и как попал в мою каюту? — осведомился Гейзерих.

— Не важно, кто я, — ответил гость. — Я нахожусь на этом корабле с тех пор, как вы отплыли из Карфагена. Вы отплыли ночью, и с той поры я здесь.

— Но я не видел тебя в Карфагене, — пробормотал Гейзерих. — А ты не из тех, кто незаметен в толпе.

— Карфаген — мой родной город, — промолвил незнакомец. — Я прожил в нем много лет. Я в нем родился, и мои предки тоже. Карфаген — моя жизнь! — Последние слова прозвучали столь страстно и свирепо, что Гейзерих невольно отступил и сощурился.

— У жителей этого города может быть повод для недовольства нами, — проговорил он. — Но я не отдавал приказа грабить и разрушать. Даже тогда я собирался сделать Карфаген моей столицей. Если ты понес убытки от мародерства, то...

— Только не от твоих волков, — мрачно перебил незнакомец. — Ограбление города? Я видел такие грабежи, что не снились даже тебе, варвар! Вас называют варварами, но я повидал, на что способны цивилизованные римляне.

— Римляне не грабили Карфаген на моей памяти, — проворчал Гейзерих, озадаченно хмурясь.

— Поэтическое правосудие! — воскликнул незнакомец, его рука выскользнула из складок плаща и ударила по столу. Гейзерих заметил, что рука была сильной, но белокожей — рука аристократа. — Жадность и предательство Рима разрушили Карфаген, но торговля возродила город в новом облике. Теперь ты, варвар, плывешь из его гавани, чтобы покорить его завоевателя! Разве удивительно, что старые мечты серебрят пеньку твоих кораблей и крадучись бродят в трюмах, а забытые призраки покидают свои древние усыпальницы, чтобы скользить по твоим палубам?

— Кто сказал о покорении Рима? — сурово процедил Гейзерих. — Я всего лишь плыву, чтобы уладить спор, возникший по поводу...

— Ба! — Рука снова хлопнула по столу. — Если бы ты знал то, что известно мне, ты смел бы сей проклятый город с лица земли, прежде чем снова повернуть корабли на юг. Даже сейчас те, кому ты спешишь на помощь, замышляют твою погибель — и предатель находится здесь, на борту твоего корабля!

— Поясни свою мысль! — В голосе вандала по-прежнему не слышалось ни волнения, ни страсти, ни гнева.

— Предположим, я докажу тебе, что твой наиболее доверенный компаньон и вассал замышляет твою смерть вместе с теми, ради кого ты поднял паруса?

— Докажи — и можешь просить, чего пожелаешь, — проговорил Гейзерих с угрюмой ноткой в голосе.

— Прими это в знак доверия! — Незнакомец со звоном бросил на стол монету и поймал небрежно брошенный ему Гейзерихом шелковый пояс.

— Следуй за мной в каюту твоего советника и писца, красивейшего мужа среди всех варваров...

— Атаульф? — Гейзерих невольно вздрогнул. — Я доверяю ему более кого-либо.

— Значит, ты не столь мудр, как я полагал, — мрачно ответил незнакомец. — Предателя среди ближних следует опасаться больше, чем внешнего врага. Меня победили не легионы Рима — это сделали предатели из моего окружения. Рим владеет не только мечами и кораблями, но и душами людей. Я пришел сюда из далеких земель, чтобы спасти твою империю и твою жизнь. Взамен я прошу лишь одного: залей Рим кровью!

На миг гость застыл, словно преобразившись: его могучая рука взметнулась, пальцы сомкнулись в кулак, темные глаза метнули молнии. От него исходила аура ужасающей властной силы, она внушила благоговейную робость даже необузданному вандалу. Запахнувшись царственным жестом в свой багряный плащ, гость направился к двери и покинул каюту, несмотря на восклицание пытавшегося удержать его Гейзериха.

Пораженно чертыхаясь, король прохромал к двери, открыл ее и выглянул на палубу. На полуюте горел фонарь, из трюма, где усердствовали за веслами гребцы,

поднималась вонь немытых тел. Ритмичное клацанье соперничало с убывающим эхом подобных звуков, доносящихся с длинной призрачной вереницы идущих следом кораблей. Луна поблескивала серебром на волнах, сияла белизной на палубах. У двери Гейзериха стоял на страже одинокий воин, и лунный свет сиял на его золотистом, с плюмажем шлеме и римской кирасе. Он поднял в знак приветствия свой дротик.

— Куда он ушел? — осведомился король.

— Кто, мой повелитель? — глуповато переспросил воин.

— Высокий человек, тупица! — нетерпеливо воскликнул Гейзерих. — Человек в багряном плаще, который только что покинул мою каюту.

— Никто не покидал твоей каюты с тех пор, как Гунегас и другие господа ушли отсюда, мой повелитель, — изумленно пробормотал вандал.

— Лжец! — Меч Гейзериха серебряной молнией выскользнул из ножен. Воин побледнел и отшатнулся.

— Бог мпе свидетель, о король, — поклялся он, — но сегодня ночью я не видел такого человека.

Гейзерих пристально уставился на воина: вождь разбирался в людях и понял, что этот страж не лжет. Волосы на голове короля встали дыбом, он молча повернулся и торопливо захромал к каюте Атаульфа. Чуть помедлив у двери, он распахнул ее.

Атаульф, раскинув руки, лежал лицом на столе, и его состояние можно было определить одним взглядом. Его лицо посинело, остекленевшие глаза были широко открыты, а между губ торчал почерневший язык. Шею Атаульфа стягивал завязанный особым морским узлом шелковый пояс Гейзериха. Возле одной его руки лежало гусиное перо, у другой — чернила и лист пергамента. Подняв его, Гейзерих медленно, с усердием прочел:

«Ее величеству, императрице Рима

Я, твой верный слуга, выполнил твою просьбу и готов убедить варвара, которому служу, повременить с нападением на имперский город до прибытия ожидаемой тобою помощи из Византии. Тогда я заманю его в

упомянутый залив, где его можно будет зажать в клещи и уничтожить вместе с его флотом...»

Письмо обрывалось непонятной закорючкой. Гейзерих уставился на труп, и мурашки поползли у него по коже. Высокий незнакомец исчез бесследно, и вандал понял, что никогда не увидит его больше.

— Рим заплатит за это, — пробормотал он. Маска, которую Гейзерих привычно носил на людях, сползла и под ней оказалась личина голодного волка. Злобный взор и стиснутая в мощный кулак рука со всей откровенностью указывали на уготованную Риму участь. Гейзерих вдруг вспомнил о все еще зажатой в пальцах монете, брошенной незнакомцем на стол. Он взглянул на нее и шумно выдохнул сквозь стиснутые зубы, узнавая письмена старого забытого языка и профиль человека, знакомый ему по высеченным в древнем мраморе старого Карфагена изображениям, чудом избежавшим гнева империи.

— Ганнибал! — пораженно выдохнул Гейзерих.

КОПЬЕ И КЛЫК

А-эа скорчилась у входа в пещеру, с удивлением наблюдая за Га-нором. Ее интересовал и Га-нор, и то, что он делал. А молодой человек, слишком увлекшись своей работой, не замечал девушки. В нише стены горел факел, освещавший всю пещеру. Га-нор трудился при его тусклом свете, вычерчивая фигуры на стене. Куском кремня он процарапал контуры, а потом закончил фигуру, подкрасив ее охрой. Кистью ему служила маленькая веточка. Картинка получилась грубой, но выразительной.

Га-нор собирался нарисовать мамонта. Глаза А-эа округлились от удивления и восхищения. Потрясающе! Ну и что из того, что у зверя не хватает ноги и нет хвоста? Для дикарки, погруженной в пучину варварства, творчество Га-нора казалось верхом совершенства.

Однако А-эа спряталась среди скудных кустов у входа в пещеру художника не для того, чтобы следить, как он рисует мамонта. Восхищение картинкой было лишь слабым чувством по сравнению с ее любовью к Га-нору. А первобытный художник был симпатичным: выше шести футов, стройный, с длинными руками и ногами, с могучими плечами и узкими бедрами — телосложением воина. Черты его лица в мерцающем свете факела казались утонченными: высокий, широкий лоб, грива светлых волос.

Да и сама А-эа выглядела миленькой. Ее волосы, такие же прекрасные, как и ее глаза, были черными и игривыми волнами ниспадали на тонкие плечи. Лица ее

еще не скрыли татуировки, потому что А-эа еще не вышла замуж.

Оба, и юноша, и девушка, выглядели совершенными образцами великих кроманьонцев, которые взялись не известно откуда, объявили и укрепили силой свою власть над животными...

А-эа нервно огляделась. Обряды, обычаи и табу занимали главное место в жизни дикарей.

И художник, и девушка принадлежали примитивной расе, ревностно чтившей свои обычаи. Порока и распущенности в племени избегали и порицали. Так что, если бы А-эа обнаружили спрятавшейся возле пещеры неженатого молодого человека, ее бы публично обвинили в распущенности и выпороли.

А-эа полагалось изображать скромную, сдержанную деву и вызвать у молодого художника интерес к себе как бы невзначай. Потом, если бы молодой человек и впрямь заинтересовался ею, он посватался бы к ней, стал бы петь грубые песни о любви, наигрывая мелодии на тростниковой дудочке. Потом бы он внес выкуп ее родителям и... женился бы на ней. А если влюбленный юноша был богат, то никакого сватовства и вовсе не нужно было.

Но юная А-эа была хитрой. Взгляды искоса не привлекли внимание молодого человека, который только и думал что о своей картине, так что девушке пришлось шпионить за ним в надежде найти какой-нибудь способ завоевать его сердце.

Га-нор отвернулся от своей законченной работы, потянулся и посмотрел на вход в пещеру. Словно испуганный кролик, А-эа отпрянула от входа и помчалась прочь.

Выйдя из пещеры Га-нор остановился в замешательстве, разглядывая маленький, изящный след, отпечатавшийся на влажной земле у входа в пещеру.

А-эа же направилась прямо к своей пещере, которая находилась, как и большинство остальных, вдалеке от пещеры Га-нора. Проходя мимо, она обратила внимание на группу воинов, возбужденно разговаривавших перед пещерой вождя племени.

Простая девушка не заинтересовалась бы собранием мужчин, но А-эа была любопытной. Она подобралась поближе и услышала слова «след» и «гар-на» — так первобытные люди называли человеко-обезьян.

В лесу, неподалеку от пещер, охотники видели следы гар-на.

Гар-на! Это слово вызывало отвращение и ужас у людей пещер, потому что существа, которых называли гар-на, были волосатыми чудовищами, выходцами из другого века, неандертальцами. Созданиями страшнее мамонта и тигра. Они правили лесами, пока не пришли кроманьонцы — сородичи А-эа. Обладая невероятной силой и слабым разумом, яростные гар-на были к тому же каннибалами. Они вселяли в сердца своих врагов ненависть и ужас — ужас, прошедший через века и выродившийся в сказки об орках и гоблинах, волках-оборотнях и диких людях.

Во времена же А-эа их осталось не очень много, но, несмотря на скудность разума, гар-на были опасными тварями. Они не бросались с ревом в битву, а действовали хитростью. Человеко-обезьяны крадучись пробирались по лесам, уничтожая всех животных на своем пути. Их примитивный разум мог породить лишь ненависть к людям, которые вытеснили их с лучших охотничьих угодий.

И кроманьонцы выслеживали соплеменников А-эа и убивали их, пока люди не загнали их в самые глухие леса. Но люди по-прежнему боялись ужасных тварей, и ни одна женщина не ходила в джунгли в одиночестве.

Дети иногда нарушали этот запрет и не возвращались. Тогда те, кто отправлялся искать пропавших, находили следы кровавого пира и отпечатки лап — не звериных, но и не человеческих.

А теперь, раз охотники увидели след старого врага, нужно было собрать отряд и отправить его на охоту за чудовищем. Иногда ужасные твари бросались в бой, и их убивали, иногда бежали, лишь заслышав приближение охотников, и прятались в отдаленных уголках леса, куда люди не забирались... Однажды охотничий отряд,

увлекшись погоней за гар-на, забрался слишком далеко в лес, и там, в глубокой ложбине, где сплетенные ветви закрывают небо, на них напал отряд неандертальцев.

В тот раз никто из охотников не вернулся.

А-эа отвернулась и посмотрела в сторону леса. Где-то в глубине его затаился человеко-зверь. Его свинячьи глазки сверкали, переполненные ненавистью...

Кто-то заступил путь А-эа. Это оказался Ка-нану — сын советника вождя.

Девушка отвернулась, пожав плечами. Она не любила Ка-нану и боялась его. А юноша ухаживал за ней, словно забавлялся. Делал вид, что А-эа вовсе ему не интересна. В этот раз Ка-нану, играя, схватил девушку за запястье.

— Не отворачивайся, прекрасная дева, — с усмешкой сказал он. — Это же твой раб — Ка-нану.

— Дай пройти, — ответила А-эа. — Я иду к источнику.

— Тогда я пойду с тобой, моя прекрасная луна, так как по округе рыщет ужасный зверь. Он может напасть на тебя.

И юноша отправился следом за А-эа, несмотря на ее протесты.

— Где-то поблизости бродит гар-на, — серьезно продолжал юноша. — Ты же знаешь закон. Теперь каждую девушку должен сопровождать мужчина. А я — Ка-нану! — прибавил он совершенно другим тоном. — И не отходи от меня далеко, а то мне придется поучить тебя послушанию.

А-эа кое-что знала о безжалостной натуре этого человека. Многие из девушек племени с интересом поглядывали на Ка-нану, потому что он был здоровее и выше Га-нора и красив по-своему. Но А-эа любила Га-нора и боялась Ка-нану. Страх перед ним заставлял ее противиться их сближению. Га-нор знал, как обращаться с женщинами, был с ними мягок и заботлив, а Ка-нану гордился своими победами над женскими сердцами и

обращался с девушками совершенно невежливо, используя силу.

Ка-нану казался А-эа страшнее, чем зверь, но, пока они шли к источнику, юноша держал ее за руку.

— Моя маленькая антилопа А-эа, — шептал он. — Наконец-то я поймал тебя. Теперь ты от меня не сбежишь.

Тщетно сопротивлялась и умоляла его девушка. Подхватив А-эа на руки, юноша быстрым шагом направился в глубь леса.

Девушка начала отчаянно бороться.

— У меня не хватает сил освободиться, но я опозорю тебя перед всем племенем, — заявила она.

— Тебе меня никогда не опозорить, маленькая антилопа, — возразил юноша, и А-эа прочитала зловещее намерение в его недобром взгляде.

Все дальше и дальше в лес уносил ее Ка-нану. Но вот он остановился посреди полянки, встревоженный чем-то.

Из тени деревьев им навстречу шагнуло огромное чудовище — волосатая ужасная тварь.

А-эа закричала, когда увидела приближающееся чудовище. Ее крик подхватило эхо и разнесло по лесу. Ка-нану, испугавшись и побледнев, уронил А-эа на землю и сказал, чтобы она бежала. А сам, вытащив нож и топор, шагнул вперед.

Неандерталец приблизился, не спеша переставляя свои короткие кривые ноги. Он весь покрыт был волосами, и черты его лица были более ужасными, чем лик обезьяны, потому что казались гротескной пародией на человека. Плоский нос с вывернутыми ноздрями, скошенный подбородок, клыки, узкий лоб. Огромные длинные руки свисали почти до земли. Чудовище, словно дьявол, шагнуло к испуганной девушке. Его обезьянья голова едва доставала до плеча Ка-нану, однако неандерталец был тяжелее охотника по меньшей мере на сотню фунтов.

Человеко-зверь налетел, словно атакующий бык, и Ка-нану смело встретил его. Юноша ударил кремневым топором и обсидиановым кинжалом, но чудовище отмело топор в сторону, словно тот был игрушкой. Неандерталец

перехватил руку, державшую нож. А-эа видела, как чудовище оторвало сына советника от земли и подняло его в воздух. Потом тварь швырнула Ка-нану через поляну, прыгнула на него и разорвала на части.

И вот чудовище переключило свое внимание на девушку. Желание зажглось в его ужасных глазах, когда человеко-зверь неуклюже направился к А-эа. Его огромные волосатые лапы, потные и окровавленные, потянулись к девушке.

Не в силах бежать, А-эа лежала на земле, дрожа от ужаса и страха. Чудовище подтащило ее к себе, злобно глядя ей в глаза. Налюбовавшись, неандерталец перекинул девушку через плечо и переваливаясь направился к зарослям. Девушка знала, что ужасное создание потащило ее в свое логово и не один мужчина не посмеет проникнуть туда, чтобы прийти ей на помощь.

Га-нор спустился к источнику выпить воды. Он видел следы парочки, прошедшей до него этой же тропинкой. Его даже ничуть не взволновало, что не было следов, ведущих обратно, к пещерам.

Для людей того далекого времени каждый след был все равно что портрет. Взглянув на следы, Га-нор узнал, что мужские принадлежали Ка-нану. А другие следы были теми же самыми, что он обнаружил возле своей пещеры. Конечно, Га-нор удивился, но его не слишком-то интересовала жизнь племени. Он жил своими картинами.

Неожиданно женские следы исчезли, а мужчина повернул в сторону джунглей. Теперь его следы казались вдавленными намного глубже, чем раньше. Значит, Канану взял девушку на руки.

Га-нор был неглупым человеком. Он знал, что, если мужчина уносит девушку в лес, дело нечисто. Если бы девушка хотела отправиться туда с Ка-нану, она бы пошла сама.

Молодой художник решил вмешаться. Возможно, другой мужчина, окажись он на месте Га-нора, лишь пожал бы плечами и пошел своей дорогой, размышляя о том,

что не слишком хорошо ссориться с сыном советника. Но Га-нор имел несколько другие взгляды, ему стало интересно узнать, что же произошло. Более того, хотя он не славился как воин среди своих соплеменников, он никого не боялся.

Проверив топор и нож, заткнутые за пояс, он покрепче сжал копье и отправился по следам.

Дальше и дальше, все глубже в лес уносил неандерталец маленькую А-эа.

Лес вокруг стоял безмолвным, словно злым. Не пели птицы, не жужжали насекомые. Через нависшие над головой деревья не пробивался ни один солнечный луч. Мягкими, бесшумными шагами неандерталец несся вперед.

Звери уступали ему дорогу. Огромный питон пересек тропинку, и неандерталец взлетел на дерево со скоростью, удивительной для такого массивного тела.

Раз или два девушка мельком видела других чудовищ, как две капли воды похожих на того, что ее похитил. Очевидно, похититель унес ее далеко от тех мест, где обитало племя А-эа. Другие неандертальцы избегали их. Это еще раз свидетельствовало о том, что живут они как звери, объединяясь только перед лицом общего врага, что ныне случалось нечасто, обычно, лишь когда кроманьонцы шли на них войной.

Похититель отнес девушку в свою пещеру — маленькую, плохо освещенную. Он грубо швырнул девушку на пол пещеры. А-эа так и осталась лежать там, слишком испуганная, чтобы встать.

Чудовище наблюдало за ней, напоминая какого-то лесного демона. Оно даже не пыталось объясниться со своей пленницей. Неандертальцы не владели членораздельной речью.

Человеко-обезьяна предложила девушке мяса, сырого конечно. Но вместо того, чтобы принять приношение, А-эа затрепетала от ужаса. Она увидела, что это рука ребенка. Когда чудовище поняло, что пленница кушать не собирается, оно поело само, разрывая плоть огромными когтями.

Поев, похититель обвил девушку своими огромными лапами, оставляя синяки на нежном теле А-эа. Неандерталец запустил пальцы в волосы девушки, и, когда увидел, что причиняет боль своей жертве, глаза его заблестели злодейским весельем. Он вырвал пригоршню волос, наслаждаясь муками своей пленницы. А-эа крепко сжала зубы и не стала кричать, как вначале, тогда чудовище прекратило эту забаву.

Потом тварь заинтересовалась одеждой А-эа — набедренной повязкой из шкуры леопарда. Этот зверь считался вечным врагом неандертальцев. Сорвав шкуры с бедер девушки, чудовище разорвало их на части.

А тем временем Га-нор торопясь пробирался по лесу. Он почти бежал, и лицо его напоминало морду дьявола, после того как он побывал на залитой кровью поляне и обнаружил следы чудовища, уходящие в глубь джунглей...

Покончив со шкурой, неандерталец снова потянулся к А-эа.

Девушка отскочила. Человеко-обезьяна потянулась за ней. Чудовище загнало А-эа в угол, но девушка подныряула под руку твари и вывернулась. Но все равно чудовище стояло, отгородив девушку от выхода из пещеры.

Рано или поздно оно загонит несчастную в угол, и она не сможет вывернуться от него. Девушка притворилась, что готовится прыгнуть в одну сторону. Неандерталец нагнулся, чтобы броситься в ту же сторону, и тут девушка быстро, словно кошка, прыгнула в другом направлении, метнулась мимо чудовища, выскочила из пещеры.

Ужасная тварь с ревом помчалась за ней следом. Камень вывернулся из-под ноги А-эа, и она полетела головой вниз, даже не успев выставить вперед руку. Когда чудовище снова потащило девушку в пещеру, она закричала яростно, испуганно, без какой-либо надежды.

Га-нор услышал крик, когда находился неподалеку от пещеры. Он быстро и осторожно шел по следам. Выйдя к пещере, он осторожно заглянул в логовище чудовища. Посреди тускло освещенной пещеры застыл огромный неандерталец. Его свинячьи глазки уставились на жертву.

Он был огромным, и от него пахло свежей кровью. У ног чудовища лежала молодая девушка, чье белое тело сильно выделялось на фоне косматой твари, сжимавшей в лапе волосы жертвы.

Неожиданно неандерталец взвыл, бросил свою жертву и обернулся. И Га-нор не стал состязаться в грубой силе с мощью чудовища, а, отскочив назад, выскользнул из пещеры. Его копье взлетело, и чудовище взвыло, когда каменный наконечник пронзил его лапу. Еще раз отскочив, воин вырвал копье из тела врага. Снова неандерталец бросился вперед, и снова Га-нор отскочил, поразив могучую волосатую грудь чудовища. Так они и сражались: скорость и разум против грубой силы и дикой мощи.

Один раз огромная рука чудовища, хлестнув по воздуху, достала Га-нора, задев его за плечо и отшвырнув на дюжину футов. Неандерталец бросился на противника, но Га-нор успел откатиться в сторону и снова вскочить на ноги. Снова и снова острие копья окрашивалось кровью чудовища, но это лишь больше и больше раззадоривало ужасную тварь.

Неожиданно для себя, воин уперся спиной в переплетение ветвей. Он услышал, как вскрикнула А-эа, когда чудовище бросилось вперед. Копье было вырвано из рук юноши, и он оказался в объятиях врага. Огромные лапы сдавили его шею и плечи, гигантские клыки потянулись к его горлу. Упершись рукой в подбородок противника, юноша свободной рукой стал изо всех сил бить чудовище по морде. Такие удары оглушили бы обычного человека, но неандерталец их даже не замечал.

Га-нор чувствовал, что вот-вот потеряет сознание. Ужасные руки все сильнее сжимали его тело, угрожая сломать шею. Через плечо своего противника он увидел, как, сжимая в руках камень, сзади к чудовищу подбирается А-эа.

Прилагая невероятные усилия, юноша дотянулся до своего топора. Но тела противников так тесно прижались друг к другу, что юноша не мог вытащить свое оружие. Казалось, неандерталец собирается раздавить своего врага. Но локоть Га-нора по-прежнему упирался в шею

чудовища, и чем сильнее оно сдавливало юношу, тем глубже впивался в шею твари локоть молодого охотника. Не в силах больше терпеть, зверь отшвырнул от себя человека. И тут же одним быстрым движением Га-нор выхватил топор и, ударив изо всех сил, расколол голову чудовищу.

С минуту, пошатываясь, стоял Га-нор над своим врагом, а потом почувствовал мягкие прикосновения и увидел милое личико.

— Га-нор! — прошептала А-эа, и юноша обнял девушку.

— Я сберегу ту, за которую сражался, — прошептал он.

Так все и было. Девушка, унесенная в лес на руках похитителя, вернулась назад рука об руку с любимым...

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАЗ ЭРЛИКА. Роман. *Пер. В.Федорова* 5

МЕЧ СКЕЛОСА. Роман. *Пер. И.Куцкова* 105

ВЕСТНИК КОНАН-КЛУБА

Р. Говард

ЦАРЬ КУЛЛ 329

Мечи пурпурного царства. *Пер. М.Пируса* 329

Оскорбление (неоконченное). *Пер. М.Пируса* 357

Черный город (неоконченное). *Пер. М.Пируса* 376

Рассказ пикта (неоконченное). *Пер. М.Пируса* . . . 379

ДЕТИ НОЧИ. *Пер. М.Пируса* 383

БАРКАН-КЕЛЬТ. *Пер. М.Пируса* 401

САД СТРАХА. *Пер. М.Пируса* 409

DELENDA EST. *Пер. А.Юрчук* 428

КОПЬЕ И КЛЫК. *Пер. А.Иванов* 437

Литературно-художественное издание

Эндрю Дж. Оффут

ГЛАЗ ЭРЛИКА

Перевод с английского

Ответственный редактор
Александр Тишинин

Художественный редактор
Илья Кучма

Технический редактор
Татьяна Раткевич

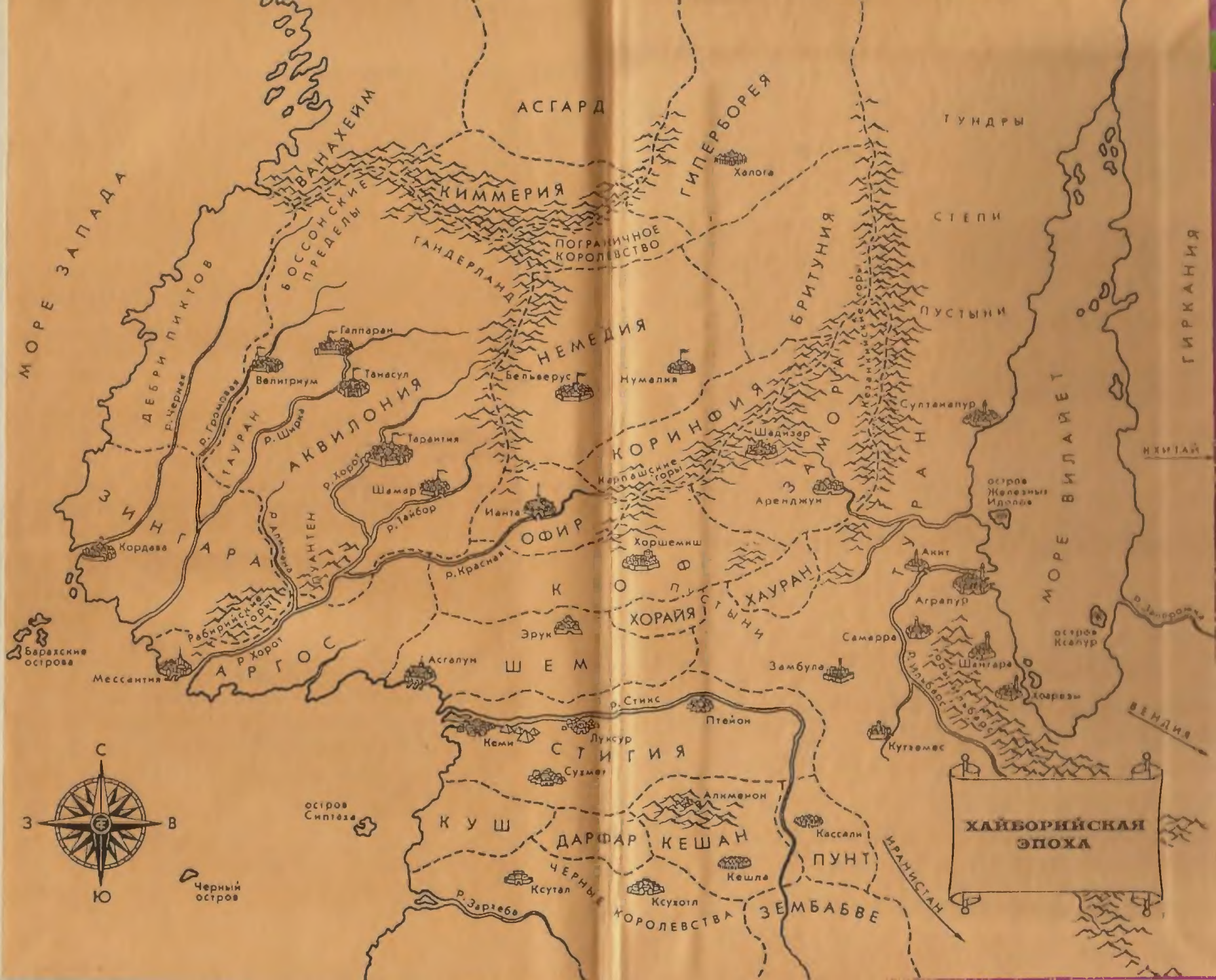
Корректоры
Галина Тимощенко
Елена Сокольская

Верстка
Владимир Титов

ЛР № 071177 от 05.06.95.
Подписано в печать 26.12.96. Формат 84×108 1/32.
Печать высокая. Гарнитура «Петербург». Тираж 30 000 экз.
Усл. печ. л. 23,52. Изд. № 222. Заказ № 276.

Издательство «Азбука».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор»
Комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

АСГАРД
ВАНАХЕЙМ
ГИПЕРБОРЕЯ
ТУНДРЫ
СТЕПИ
ПУСТЫНИ
МОРЕ ЗАПАДА
ДЕБРИ ПИКТОВ
БОССОНСКИЕ ПРЕДЕЛЫ
КИММЕРИЯ
ПОГРАНИЧНОЕ КОРОЛЕВСТВО
ГАНДЕРЛАНД
НЕМЕДИЯ
БРИТУНИЯ
ЗАМОРА
ЗИНГАРА
АКВИЛОНИЯ
КОРИНФИЯ
ОФИР
ХАУРАН
ХОРАЙЯ
ШЕМ
АРГОС
СТИГИЯ
КУШ
ДАРФАР
КЕШАН
ПУНТ
ЗЕМБАБВЕ
ЧЕРНЫЕ КОРОЛЕВСТВА
ИРАНИСТАН
ВЕНДИЯ
ГИРКАНИЯ
МОРЕ ВИЛАЙЕТ
Халога
Гаппаран
Велитриум
Танасул
Вельверус
Нумалия
Султанапур
Шадизар
Аренджун
Таранти
Шамар
Ианта
Кордава
Хоршемиш
Акит
Агрепур
Самарра
Замбула
Эрук
Асгалун
Мессантия
Барахские острова
Рабирийские горы
Кеми
Луксур
Птейон
Суэмет
Кутэмес
Алхменон
Кассали
Кешла
Ксутал
Ксухотл
остров Синтеза
Черный остров
Карпашские горы
остров Железных Идолов
остров Ксалур
Шангара
Хорезм
Р. Стикс
Р. Красная
Р. Хорот
Р. Зарэеба
Р. Ильбарс
ХАЙБОРИЙСКАЯ ЭПОХА
С
З
В
Ю

Книга Эндрю Оффута, ученика великого Роберта Говарда, продолжает сагу о бессмертном воине Хайборийской эры — Конане из Киммерии.

Каждая ее строчка — обжигающий смерч пустыни, а каждое слово — удар кинжала. Молодой Конан оказывается в паутине интриг, опутавшей волшебный талисман — Глаз Эрлика.

Злой колдун отбирает душу у бесстрашного северянина. Много подвигов придется совершить благородному вору, чтобы вернуть себе душу, уничтожить злого колдуна и разгадать тайну магической драгоценности.

4 600202 000936

CONAN — зарегистрированная торговая марка Conan Properties, Inc.
Использована по лицензии.